

ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2025, Том 5, № 2

Подписано к публикации: 27.02.2025

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Марица Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., [Elibrary.ru](http://elibrary.ru).

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

DOI: 10.62257/2782-5329-2025-2

E-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

© Вестник филологических наук, 2025

Содержание

Закирова Е.С., Ахметгареева О.Ф. К вопросу о функционировании конфликтного дейксиса в политических текстах	5-10
Коданина А.Л., Бревнова Е.С. Специфика цифровой трансформации печатных СМИ республики Казахстан (на примере газеты «Казахстанская правда»)	11-16
Колодина Е.А., Пашкова И.В. Функционирование англоязычных заимствований в образовательном дискурсе современного русского языка	17-23
Кочуланова Е.В. Регионализм и культурная идентичность: анализ произведений М.Н. Еськова через призму фольклора Курского края и местной среды	24-29
Ли Фэн, Павлов Д.В. Семантические особенности зоонимов в русском песенном жанре (на примере орнитонимов)	30-35
Репин А.О. Сложности в определении дефиниции лидера общественного мнения в условиях современной медиасреды	36-42
Скрипченко С.Н. Обучение студентов языковых специальностей вузов лингвистическому анализу текста	43-47
Бабаева Р.Г. Метафоры в экономическом дискурсе англоязычных и русскоязычных СМИ	48-52
Гапоненко К.Р. Судьба и предрасположенность в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	53-61
Лоу Шифань Роль стилистических приёмов в вербализации художественного концепта «будущее» в сборнике рассказов «Время вышло»	62-69
Рейнова А.В. Экспликация концепта «война» в драматическом тексте (на материале драмы Д. Хейра “The absence of war”)	70-76
Сулаева Ф.Х. Синонимические отношения в сфере устойчивых сочетаний с числительными в дагестанских языках	77-80
Шилина Н.В., Черезова М.А. Особенности лингвостилистического анализа юридических текстов на занятиях по иностранному языку в вузах ФСИН России	81-86
Сафин Р.Н., Владимирова Л.В., Валеева Д.Р. Англицизмы как компонент современного речевого поведения (лексико-грамматический аспект)	87-95
Долгова Е.В., Кудинова Т.А. Лингвистические средства языкового манипулирования в англоязычном медийном дискурсе	96-103
Тюленёва А.М. Функционирование коми-пермяцкого языка в СМИ и печатных изданиях Пермского края	104-112
Боляньос Арсе И.Э. Особенности и лингвистические трудности при переводе русской поэзии серебряного века на испанский язык	113-122

Вишневский А.В. Особенности перевода текстов по маркетингу инновационных технологий	123-128
Горелик М.А. Семантика императивных конструкций в романе Лорана Гунеля «Бог всегда путешествует инкогнито»	129-132
Елин А.А. Неологизмы в контексте русской лингвокультуры	133-137
Нижельская Ю.А., Кравцова В.Ю. Анализ юридического дискурса как институционального явления в английском языке	138-144
Силантьева Л.Г. Акустические и ларингальные корреляты словесного ударения в гилякском языке	145-152
Хижази М.К.Ю. Инструменты актуализации неформального регистра коммуникации в русских и палестинских блогах	153-160
Чотчаева И.А., Турклиева А.В., Курбангаджиев К.Р. Медицинская терминология английского языка как инструмент эффективной профессиональной коммуникации в сфере медицины	161-169
Скандакова Е.С. Специфика тезауруса Бориса Васильева	170-175

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'42

¹ Закирова Е.С., ² Ахметгареева О.Ф.

¹ Московский государственный технический университет им Н.Э. Баумана

² Национальный исследовательский университет "МЭИ"

К вопросу о функционировании конфликтного дейксиса в политических текстах

Аннотация: в данной статье рассматривается функционирование дейктических языковых единиц в политических текстах. Актуальность исследования обусловлена тем, что наряду с известными классификациями дейксисов, предложенных лингвистами, авторами выделяются определенные дейктические выражения, которые частотно употребляются в сообщениях, используемых в ситуациях вооруженных и политических противоречий, в выступлениях оппозиции и иных конфликтов. В контексте нашего исследования проведен анализ информации, размещенной в открытом доступе на официальных сайтах политических и дипломатических ведомств России и Грузии.

Ключевые слова: дейксис, временной дейксис, пространственный дейксис, конфликтный дейксис, прагматика, политический текст

Для цитирования: Закирова Е.С., Ахметгареева О.Ф. К вопросу о функционировании конфликтного дейксиса в политических текстах // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 5 – 10.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Zakirova E.S., ² Akhmetgareeva O.F.

¹ Bauman Moscow State Technical University

² National Research University "MEI"

On the functioning of conflict deixis in political texts

Abstract: in this paper the functioning of deictic expressions in political texts has been investigated. The relevance of the study is due to the fact that in addition to the well-known classifications of deixis proposed by a number of scientists, the authors identify conflicting deictic expressions that are frequently used in messages concerning armed clashes, any contradictions, opposition speeches and other conflicts. In the context of our study we analyzed information publicly available on the official websites of the political and diplomatic departments of Russia and Georgia.

Keywords: deixis, temporal deixis, spatial deixis, conflict deixis, pragmatics, political text

For citation: Zakirova E.S., Akhmetgareeva O.F. On the functioning of conflict deixis in political texts. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 5 – 10.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

На протяжении тысячелетий язык используется человечеством для многочисленных видов деятельности в обществе. Как эффективный инструмент общения, язык применяется как фактор влияния на отдельную личность или сообщество, для переговоров, в отдельных критических ситуациях: для объявления войны, противодействия оппоненту / оппонентам, поддержки пропагандируемых ценностей, идей, намерений и действий. Действительно, язык несет в себе огромный коммуникативный потенциал, например, указывая на отрицательные или положительные действия партнера/партнеров по общению, способный как объединить людей в сообщества, этнос, нацию и глобальный мир, так и противопоставить их друг другу. Именно поэтому отдельные явления такие, как применение дейктических выражений в политических текстах, рассматриваются нами в данном исследовании как один из важных инструментов коммуникативного взаимодействия либо противодействия, используемый человеком в процессе коммуникативной деятельности.

В контексте политических действий язык остается способом выражения мнений, согласия или несогласия, иногда выступает оружием для вмешательства в политику некоторых государств, организации мировоззрений людей и контроля обществ с различным социально-культурным происхождением. Кроме того, язык выступает как эффективное средство, которое политики используют для дискредитации оппонентов, к которым относятся как конкретные личности, так и государства в целом, а также для создания своего положительного имиджа. Следовательно, многообразные языковые средства, реализуемые в коммуникативной деятельности, можно рассматривать как важнейший ресурс, используемый во всех сферах человеческого бытия и, особенно, в политике, поскольку позволяет оказывать влияние на взаимное влияние и поведение, тем самым создавая условия и возможность для многостороннего взаимодействия представителей общества и государств.

Материалы и методы исследований

Известно, что в политической деятельности информация транслируется с помощью языковых средств, которые отбираются говорящим таким образом, чтобы вызвать доверие у адресата, привлечь его внимание к сообщению и оказать нужное влияние на мировосприятие реципиента. Политическая речь не всегда содержит достоверную либо заведомо ложную информацию, но используемые в ней языковые конструкции должны нести особую окраску – эмоциональную, идеологическую, положительную или негативную, что делает сообщение привлекательным для восприятия. Соответственно, для придания речи наибольшей эффективности и убедительности, необходимо учитывать множество факторов, одним из которых, на наш взгляд, является способность оратора грамотно оперировать языковыми средствами с целью установления контакта между говорящим и слушающим, выделения информации, которая является наиболее значимой для говорящего и сможет заинтересовать слушающего.

В данном исследовании наше внимание сфокусировано на изучении дейктических выражений, функционирующих в конфликтных политических текстах, что подразумевает определение целей, связанных с 1) выявлением дейктических выражений в конфликтных политических текстах; 2) определением функций конфликтных дейктических выражений в политических текстах.

В работе применяется комплекс методов исследования: теоретическое обобщение основных работ, посвященных изучению дейксиса; методы наблюдения и интерпретации текста; метод контекстно ситуативного анализа высказываний; контекстуальный анализ. Материалом исследования послужили выступления представителей российских и грузинских политических и дипломатических ведомств, касающиеся Юго-осетинского конфликта и позиций России и Грузии относительно сложившейся ситуации, опубликованные на официальном сайте Государственного департамента Грузии, МИД России и Грузии в период с 2008-2022 годы. В ходе анализа текстов в той или иной форме нами выявлена реализация дейктических выражений в условиях существующей конфликтной политической ситуации. В общей сложности было проанализировано более 1000 релевантных коммуникативных примеров.

Результаты и обсуждения

Изучение научной литературы подтверждает, что термин «дейксис» происходит от древнегреческого глагола «указывать», означая указание на элементы, на ситуации, на время и на пространство посредством жестов или при помощи языковых выражений [4, с. 128]. Дейктические элементы, или индексальные выражения, в терминологии Ч.С. Пирса, являются классическим объектом изучения прагматики с 50-х годов XX века [1, с. 3-42].

В процессе работы над данной статьей мы опирались как на ранние теоретические работы, посвященные дейксису, так и на современные исследования. В настоящее время существует большое количество научных работ, посвященных проблеме изучения дейксиса, что свидетельствует об усиленном внимании и научном интересе исследователей к этому явлению. Так, описание функционирования дейксиса встречается в работах ученых К. Бругмана [11, с. 144] и К. Бюлера [3, с. 528], положивших начало исследованию это-

го феномена во многих отечественных и зарубежных исследованиях [7, с. 3-15]. В указанных научных трудах внимание авторов фокусируется на основных типах дейксиса: персональный (ролевой) дейксис, пространственный дейксис и временной дейксис. Об особенностях функционирования дейктических единиц времени в научном тексте размышляют М.И. Виолина, Н.Н. Ефимова [5, с. 13-19.]. В своем исследовании Н.А. Сребрянская продолжает изучение дейксиса в лексике, грамматике, а также на основе примеров различных языковых единиц в речевой ситуации, анализируя художественный текст и его дейктические характеристики [9]. В своем исследовании А.А. Бурьянова определяет когнитивную структуру дискурсивного дейксиса как прагматическую категорию, которая «структурируется вокруг соответствующей идеальной когнитивной модели, измеряется по шкале прототипичности, поскольку реализуется с опорой на ядерные и периферийные средства выражения» [2]. Поскольку материалом для исследования выбраны конфликтно маркированные политические тексты, передающие информацию о значимых событиях, времени, месте и участниках, авторами выделяются конфликтные дейктические языковые конструкции, что, безусловно, представляет собой новизну данного исследования.

Понятие конфликтные дейктические языковые конструкции нами определяется как выражения, содержащие в себе не только дейктические элементы (указание на личность, время, место действия и др.) но и лексемы с негативной прагматикой, несущие в себе конфликтные маркеры, обозначающие те или иные события или причастность к ним, имеющий негативный, агрессивный характер.

В традиционном понимании «дейксис – это название, данное тем аспектам языка, интерпретация которых зависит от ситуации высказывания: времени высказывания, времени до и после времени высказывания, местоположения говорящего во время высказывания и личности говорящего и аудитории» [14, с. 220].

Как видно из определения, дейксис – это не только указание на участников коммуникации, но и на место и время высказывания, т.е. учитывается экстралингвистическая ситуация. Соответственно, дейксис можно рассматривать как один из видов референции, которая зависит от времени и места высказывания, а иногда и от ситуации, в которой порождается высказывание, а также от ролей участников общения. Практически любое высказывание содержит в своей структуре дейктические элементы, указывающие как на определенные тематические аспекты в конкретном контексте, так и на субъектов коммуникации.

С. Левинсон [12, с. 68-94] различает пять типов дейксиса в языке: дейксис личности, дейксис места, дейксис времени, социальный дейксис и дейксис дискурса. Особый интерес для нашего исследования представляют: пространственный дейксис, рассматриваемый нами как указание на расположение объекта относительно говорящего и слушающего, или на место, где организуется и реализуется коммуникация; временной дейксис, являющийся указанием на близость / отдаленность во времени относительно какой-либо точки отсчета; выделенные авторами конфликтные дейктические выражения, указывающие на агрессивность коммуникативной, политической деятельности Носителями дейктической функции описываемых в рамках данной статьи типов дейксиса могут быть как вербальные средства (лексические единицы, грамматические категории), так и невербальные средства (взгляды, жесты, мимика и др.). Вышеуказанные типы иногда понимаются как «качественная манифестация дейксиса» и его вариативность [6, с. 40]. Несмотря на существующее многообразие работ, посвященных изучению дейксиса, описание его функционирования в конфликтной коммуникации встречается крайне редко, что обуславливает актуальность нашей работы.

Российско-грузинские взаимоотношения имеют многовековую историю и в большей степени характеризуются как добрососедские и дружественные. Однако события августа 2008 года положили начало затяжному межгосударственному кризису, что вылилось в прекращение дипломатических отношений и привело к эскалации конфликта.

Рассмотрим пример:

2008 წლის აგვისტოში საქართველოს მიმართ რუსეთის მიერ განხორციელებული სამხედრო აგრესიის გამო და რუსეთის მიერ ოკუპირებული საქართველოს განუყოფელი ნაწილების ე.წ. აღიარების შემდეგ, საქართველომ გაწყვიტა დიპლომატიური ურთიერთობები რუსეთის ფედერაციასთან. – В августе 2008 года, в связи с российской военной агрессией против Грузии и после т.н. признания Россией неотъемлемой части оккупированной Грузии, Грузия разорвала дипломатические отношения с Российской Федерацией [17].

В вышеприведенном примере авторами текста используются временной – «2008 წლის აგვისტოში – в августе 2008 года» и пространственный «საქართველო – Грузия», «რუსეთი – Россия» дейксисы, которые подпадают под данные ранее классификации ученых. Считаем уместным выделить еще одну разновидность дейктических выражений – конфликтные дейктические языковые конструкции, которые содержат в себе лексику с негативной прагматикой, такие как «რუსეთის მიერ განხორციელებული სამხედრო აგრესია –

военная агрессия, осуществляемая Россией». Основной функцией конфликтных дейктических языковых конструкций становится указание не только на пространственные или временные рамки, в которых происходит событие, но и маркирование агрессивной составляющей коммуникативной или иной деятельности.

Рассмотрим заявление российского дипломатического ведомства:

26 августа 2008 г. Российская Федерация признала независимость Республики Южная Осетия и Республики Абхазия. В ответ на это 2 сентября 2008 г. Грузия разорвала с Россией дипломатические отношения [18].

Считаем, что цитируемом заявлении также используются пространственный и временной дейксисы – 26 августа 2008 г., Российская Федерация, Республики Южная Осетия и Республики Абхазия, 2 сентября 2008 г., Грузия, Россия. В отличие от заявлений грузинской стороны, которые характеризуются наличием конфликтных дейктических языковых конструкций, в данном контексте мы находим информацию, где транслируются конкретные факты без каких-либо негативных коннотаций. Тем не менее, присутствует четкое указание на инициатора разрыва межгосударственного диалога – «...Грузия разорвала с Россией дипломатические отношения». Специфика межгосударственной коммуникации обусловлена многочисленными внутри- и внешнеполитическими факторами, а также статусом лиц, т.н. «исполнителей» заданных ролей: политиков, дипломатов, общественных деятелей и др. Разрыв отношений нередко обусловлен нарушением коммуникантами норм и правил поведения: заданная сложившимися обстоятельствами асимметричность статусно-ролевых позиций; игнорирование интересов оппонента; зачастую не принимаются во внимание рекомендации третьих лиц по урегулированию конфликтов, что приводит к эскалации конфликта.

Особенностью нарративов о русско-грузинских взаимодействиях как военные столкновения, так и союзнические практики – является частотность сообщений, содержащих в основном негативную информацию с отсылкой либо на т.н. «оккупацию» грузинских территорий, либо на вмешательство во внутригосударственные дела, о чем свидетельствует нижеприведенный пример:

დღესათვის რუსეთის ფედერაციასთან ურთიერთობა განისაზღვრება რუსეთის მიერ საქართველოს ტერიტორიების ოკუპაციისა და რუსეთსა და საქართველოს შორის არსებული კონფლიქტით, რომლის მოგვარება უნდა მოხდეს საქართველოს ტერიტორიის დეოკუპაციის, სუვერენიტეტისა და ტერიტორიული მთლიანობის პრინციპის დაცვით საერთაშორისოდ აღიარებული საზღვრების ფარგლებში, საქართველოს საგარეო პოლიტიკური ორიენტირების პატივისცემისა და საერთაშორისო სამართლის ნორმების საფუძველზე. – В настоящее время отношения с Российской Федерацией определяются оккупацией Россией грузинских территорий и конфликтом между Россией и Грузией, который должен быть урегулирован в соответствии с принципом деоккупации территории Грузии, суверенитета и территориальной целостности в пределах международно признанных границ, при уважении внешней политики Грузии основываясь на нормах международного права [19].

В данном фрагменте документа (обзор развития Грузии 2030) реализованы такие конфликтные дейктические выражения как «*რუსეთის მიერ საქართველოს ტერიტორიების ოკუპაციისა* – оккупация Россией грузинских территорий» и «*რუსეთსა და საქართველოს შორის არსებული კონფლიქტით* – конфликт между Россией и Грузией», где грузинской стороной Россия представляется как оккупант, что подразумевает насильственный захват территорий, и, соответственно, обуславливает существующий межгосударственный конфликт. Принимая во внимание свободный доступ к информации, опубликованной в СМИ, интернете, размещенной на официальных сайтах правительства или министерств, реализация в тексте конфликтных дейктических выражений способствует формированию негативного образа России в сознании массового адресата как на территории Грузии, так и за ее пределами.

Свое видение и понимание сложившейся ситуации излагает и российская сторона: «Сегодня ночью в Южной Осетии грузинские войска, по сути, совершили акт агрессии против российских миротворцев и мирных жителей» [20].

В данном примере также наблюдается применение пространственного дейксиса (Южная Осетия), персонального дейксиса (российских миротворцев, грузинские войска), а также конфликтно маркированного дейктического выражения (акт агрессии), который направлен как против военнослужащих, исполняющих миротворческую миссию, так и против мирных жителей. Реализуемые языковые конструкции способствуют созданию конфликтно маркированной информации, анализируя которую у читателя может сформироваться конкретное представление об инициативе начала военных действий и о тех шагах, которые вынуждена была предпринять Российская Федерация по защите своих граждан.

Выводы

Результаты анализа политических текстов, посвященных конфликту между Россией и Грузией, показывают, что для обеих сторон характерно использование пространственных (50%) и временных дейктических выражений (15%). Выделенные автором конфликтные дейктические выражения активно применяются преимущественно в грузиноязычных политических текстах в политическом сегменте «Грузия – Россия», где агрессивная/конфликтная составляющая реализуется словосочетаниями, содержащими в своей структуре лексемы с негативной прагматикой и составляет 35% используемого дейксиса. Следует отметить, что для исследуемых в статье политических текстов, размещенных на официальных сайтах МИД России и Грузии, а также на сайте правительства Грузии не характерно использование персональных дейксисов (местоимений первого лица единственного числа «я»), что говорит о тенденции к фактическому освещению событий. Временной дейксис используется достаточно часто как в грузиноязычных политических, так и в русскоязычных текстах. В основном, это точное указание даты начала конфликта или его временная протяженность. Считаем необходимым отметить, что дейктические выражения, используемые в политических текстах, указывают на события, интерпретация которых во многом зависит от экстралингвистической ситуации относительно контекста, в котором они используются. Соответственно, можно сделать вывод о том, что основная идея применения теории индексальности Ч. Пирса заключается в понимании дейктических выражений, интерпретация которых зависит от ситуативного контекста, в котором они произносятся, и чьи референции смещаются от высказывания к высказыванию. Выявлено, что дейктические выражения индексируются говорящим, то есть текущая интерпретация говорящим возникает и осуществляется в момент порождения высказывания, что делает необходимым для слушателя идентифицировать говорящего, время, место и определенную фоновую информацию о высказывании, иными словами, полностью интерпретировать то, что говорится, и то, что подразумевается под высказываниями говорящего.

Дальнейшей перспективой изучения дейктических выражений в целом, и конфликтных дейктических выражений в частности, можно считать их прагматический потенциал, поскольку слова и словосочетания, относящиеся к дейксису, взаимодействуют только по отношению к конкретному контексту и могут означать совершенно иное вне данного ситуативного контекста.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 3 – 42.
2. Бурьянова А.А. Дейксис как категория ментального пространства журналиста в репортажном сообщении // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 2. С. 186 – 198.
3. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / пер. с нем. Т.В. Булыгиной. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
4. Виноградов В.А. 1990. Дейксис. В: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия. С. 128.
5. Виолина М.И., Ефимова Н.Н. Лингвосомиотический потенциал дейктических локализаторов времени в англоязычном научном тексте // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2023. Т. 20. № 1. С. 13 – 19.
6. Ерзинкян Е.Л. Дейктическая семантика слова: монография. Ереван, 1988. 171 с.
7. Исакова З.З. Эмотивные знаки со сниженной тональностью в инвариантном эмотивно-дейктическом поле // Язык и текст. 2016. Т. 3. № 2. С. 3 – 15.
8. Курбакова С. Н. Языковой дейксис в речевой коммуникации (основы интерактивной теории языкового дейксиса): дис. ... док. филол. наук: 10.02.19. М., 2009. 556 с.
9. Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте: дис. ... док. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2005. 38 с.
10. Фещенко В.В. Экспериментальный дейксис в пространстве поэтического текста // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 2. С. 49 – 66.
11. Brugmann K. Die Demonstrativa Pronomina der indogermanischen Sprachen. Leipzig: Gruyter, 1904. 144 p.
12. Levinson S. Pragmatics. Cambridge, 1983. 420 p.
13. Nikitina T. Personal deixis and reported discourse: Towards a typology of person alignment // Linguistic Typology. 2012. Vol. 16. No. 2. P. 233 – 263.
14. Fillmore Ch. Deictic Categories in the Semantics of «Come» // Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy. NY., 1966. Vol. 2. No. 3. P. 219 – 232.

15. Fillmore Ch., Langendoen D. Studies in Linguistic Semantics: papers presented at a conference sponsored by the Department of Linguistics. Ohio State Univ., April 14-15, 1969. NY, 1971. 299 p.
16. Хвастовство как психолингвистический феномен и его вербальное выражение в политическом дискурсе. Батуми, 2024. 59 с.
17. URL: <http://https://mfa.gov.ge/statements-by-mfa> (дата обращения: 22.11.2024).
18. URL: <http://https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1103306/> (дата обращения: 22.11.2024).
19. URL: http://https://www.gov.ge/files/428_85680_321942_khedva-2030-saqarthvelos-ganvitharebis-strategia-1.pdf (дата обращения: 22.11.2024).
20. URL: <http://http://www.kremlin.ru/events/president/news/1043> (дата обращения: 22.11.2024).

References

1. Arutyunova N.D., Paducheva E.V. Origins, problems and categories of pragmatics. New in foreign linguistics. Linguistic pragmatics. Moscow: Progress, 1985. Iss. 16. P. 3 – 42.
2. Bur'yanova A.A. Deixis as a category of a journalist's mental space in a reportage message. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2021. No. 2. P. 186 – 198.
3. Bühler K. Theory of language: Representative function of language. Trans. from German by T.V. Bulygina. Moscow: Progress, 1993. 528 p.
4. Vinogradov V.A. 1990. Deixis. In: Linguistic encyclopedic dictionary. Ed. V.N. Yartseva. Moscow: Sov. Encyclopedia. 128 p.
5. Violina M.I., Efimova N.N. Semio-linguistic potential of deictic time localizers in English-language scientific text. Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics. 2023. Vol. 20. No. 1. P. 13 – 19.
6. Erzinkyan E.L. Deictic semantics of the word: monograph. Yerevan, 1988. 171 p.
7. Iskhakova Z.Z. Emotive signs with reduced tonality in the invariant emotive-deictic field. Language and Text. 2016. Vol. 3. No. 2. P. 3 – 15.
8. Kurbakova S.N. Language deixis in speech communication (Fundamentals of interactive theory of language deixis): diss. ... doc. philological sciences: 10.02.19. M., 2009. 556 p.
9. Srebryanskaya N.A. Deixis and its projections in fiction: diss. ... doc. philological sciences: 10.02.19. Volgograd, 2005. 38 p.
10. Feshchenko V.V. Experimental deixis in the space of poetic text. Slovo.ru: Baltic accent. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 49 – 66.
11. Brugmann K. Die Demonstrativa Pronomina der indogermanischen Sprachen. Leipzig: Gruyter, 1904. 144 p.
12. Levinson S. Pragmatics. Cambridge, 1983. 420 p.
13. Nikitina T. Personal deixis and reported discourse: Towards a typology of person alignment. Linguistic Typology. 2012. Vol. 16. No. 2. P. 233 – 263.
14. Fillmore Ch. Deictic Categories in the Semantics of "Come". Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy. NY., 1966. Vol. 2. No. 3. P. 219 – 232.
15. Fillmore Ch., Langendoen D. Studies in Linguistic Semantics: papers presented at a conference sponsored by the Department of Linguistics. Ohio State Univ., April 14-15, 1969. NY, 1971. 299 p.
16. Boasting as a psycholinguistic phenomenon and its verbal expression in political discourse. Batumi, 2024. 59 p.
17. URL: <http://https://mfa.gov.ge/statements-by-mfa> (date of access: 22.11.2024).
18. URL: <http://https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1103306/> (date of access: 22.11.2024).
19. URL: http://https://www.gov.ge/files/428_85680_321942_khedva-2030-saqarthvelos-ganvitharebis-strategia-1.pdf (date of access: 22.11.2024).
20. URL: <http://http://www.kremlin.ru/events/president/news/1043> (date of access: 22.11.2024).

Информация об авторах

Закирова Е.С., доктор филологических наук, профессор, кафедра «Английский язык для приборостроительных специальностей» ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им Н.Э. Баумана», zes.64@mail.ru

Ахметгареева О.Ф., кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет "МЭИ"»

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:004.738.5

¹ Коданина А.Л., ¹ Бревнова Е.С.

¹ Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Специфика цифровой трансформации печатных СМИ республики Казахстан (на примере газеты «Казахстанская правда»)

Аннотация: статья посвящена анализу национального опыта практической реализации печатными СМИ Республики Казахстан цифровых трансформационных методик, нацеленных, в частности, на формирование эффективной коммуникации с целевыми аудиторными группами. Эмпирической базой для анализа послужили сайт и социальные медиа газеты «Казахстанская правда» – одного из старейших печатных СМИ Республики Казахстан. Авторы статьи анализируют контент-стратегии газеты на различных цифровых площадках, приемы и способы вовлечения читательской аудитории, поиска новых креативных методик презентации информационной повестки в цифровом медиaprостранстве. В числе используемых методов – структурно-функциональный, системный, методы наблюдения, анализа и синтеза.

В ходе исследования установлено, что на примере казахстанских печатных СМИ хорошо заметны популярные цифровые медиатренды, такие, как мультиплатформенность и мультиформатность. Безусловно положительно может быть оценено стремление к адаптации информационного продукта к особенностям площадки размещения, информационным потребностям и ожиданиям аудиторных читательских групп. В то же время, обращает на себя внимание довольно низкая вовлеченность аудитории, слабо выраженные каналы представления обратной связи. Думается, что пассивность аудитории явилась следствием как слабой контент-стратегии, так и несформированной потребности читателя в коммуникации со средством массовой информации. Очевидно, что такой подход нуждается в пересмотре и корректировке.

Ключевые слова: аудитория, цифровизация, мультиплатформенность, мультиформатность, социальные медиа

Для цитирования: Коданина А.Л., Бревнова Е.С. Специфика цифровой трансформации печатных СМИ республики Казахстан (на примере газеты «Казахстанская правда») // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 11 – 16.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Kodanina A.L., ¹ Brevnova E.S.

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Specificity of digital transformation of print media in the republic of Kazakhstan (on the example of the newspaper "Kazakhstanskaya pravda")

Abstract: the article is devoted to the analysis of the national experience of practical implementation of digital transformation methods by print media of the Republic of Kazakhstan, aimed, in particular, at forming effective communication with target audience groups. The empirical basis for the analysis was the website and social media of the newspaper "Kazakhstanskaya Pravda" - one of the oldest print media of the Republic of Kazakhstan. The authors of the article analyze the content strategies of the newspaper on various digital platforms, techniques and

methods of engaging the readership, searching for new creative methods of presenting the information agenda in the digital media space. The methods used include structural-functional, systemic, observation, analysis and synthesis methods.

The study found that popular digital media trends, such as multi-platform and multi-format, are clearly visible in the example of Kazakhstan print media. The desire to adapt the information product to the specifics of the placement site, information needs and expectations of the audience reading groups can certainly be assessed positively. At the same time, the rather low involvement of the audience and weakly expressed channels for providing feedback are noteworthy. It seems that the audience's passivity was a consequence of both a weak content strategy and an unformed reader's need for communication with the media. Obviously, this approach needs to be reviewed and adjusted.

Keywords: audience, digitalization, multi-platform, multi-format, social media

For citation: Kodanina A.L., Brevnova E.S. Specificity of digital transformation of print media in the republic of Kazakhstan (on the example of the newspaper "Kazakhstanskaya pravda"). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 11 – 16.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Процессы цифровой трансформации медиарынка, затронувшие рынок печатных СМИ, протекают неоднородно в постсоветских государствах, входящих ныне в СНГ. В частности, в Республике Казахстан процессы цифровизации печатных СМИ имеют свою специфику, обусловленную в том числе особенностями социально-политического развития. Полагаем, что опыт Казахстана, схожего с Российской Федерацией в историческом, ментальном и коммуникационном аспектах, представляет как теоретическую, так и практическую ценность. Рассмотрение специфики цифровой трансформации печатной прессы Республики Казахстан позволяет прогнозировать развитие медиарынка и в других странах, входящих в СНГ.

Проблемы качественных изменений, вызванных цифровыми процессами, анализируются в трудах российских и казахстанских исследователей. Хочется отметить труды Е.Л. Вартановой [4], А.А. Градюшко [5, 6], К.Р. Нигматуллиной [9, 10], А. Л. Коданиной [8] и других российских исследователей. Большой вклад в осмысление диджитализации традиционной прессы Республики Казахстан внесли С.В. Ашенова [1, 2], С.Х. Барлыбаева [3], Г.Ж. Ибраева [7] и другие ученые.

Отметим, что специфика цифровизации средств массовой информации, выпускаемых в Казахстане, обусловлена осмыслением как международного опыта, так и использованием оригинальных национальных методик и коммуникационных практик. При этом государственная информационная политика Республики Казахстан играет определяющую роль в выборе цифровых моделей казахстанских СМИ.

Среди общественно-политических предпосылок развития национального рынка СМИ можно отметить реализацию программы «Цифровой Казахстан 2018-2022», а также открытое обсуждение нового закона «О масс-медиа», принятого в Республике Казахстан 19 июня 2024 года.

Общественный фонд «Центра социальных и политических исследований «Стратегия» (Казахстан) представил результаты реализации государственной программы цифровизации в своих исследованиях. Так, согласно данным исследований аудитории, в 2022 году большинство опрошенных граждан Казахстана (88%) являются пользователями интернета. За десять лет интернет-аудитория Республики Казахстан выросла более чем в два раза (41,8% пользователей интернета было в 2012 году). Перемещение аудитории в интернет-пространство повлекло за собой трансформацию и рекламного рынка, активно осваивающего ресурсы интернет-коммуникации. Во многом именно это обстоятельство катализировало процесс освоения цифрового пространства традиционными СМИ.

Материалы и методы исследований

Анализ специфики цифровой трансформации печатных казахстанских СМИ (на примере газеты «Казахстанская правда») служит целью настоящего исследования, основными методами которого являются наблюдение и сравнение, структурно-функциональный метод, системный подход, методы анализа и синтеза.

Как следует из данных Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, за 2024 год в Казахстане зарегистрировано 506 СМИ, из которых 114 – периодические печатные издания, 5 – телеканалы, 3 – радио, 379 – информационные агентства и сетевые издания (из них 189 – ИА, 185 – сетевые издания). Чаще всего в СМИ используются казахский и русский языки [12].

Характеризуя рынок печатных СМИ Республики Казахстан, отметим, что практически все издания республиканского значения имеют собственный сайт в сети интернет: газеты «Время», «Казахстанская правда», «Аргументы и факты. Казахстан», «Литер». Однако администрирование собственного сайта в сети интернет пока не стало общим правилом для казахстанских СМИ. Так, газета «Алтын Босафа» не имеет собственного сайта, в социальных сетях ведет себя неактивно, публикуя в основном сообщения о государственных праздниках.

Присутствие традиционных печатных СМИ Республики Казахстан в интернете, в частности, в социальных сетях, детерминировано самим запросом аудитории. Как показывают исследования, социальные сети стали привлекать интерес не только как платформа для общения и развлечения, но и как источник актуальной информации о текущих событиях в стране и мире, профессиональных сведений, а также платформа для служебной коммуникации.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим опыт цифровизации казахстанских СМИ на примере газеты «Казахстанская правда» – одной из старейших в Республике, издающейся на русском языке с 1920 года. Подчеркнем, что «Казахстанская правда» также является официальным источником для публикации законодательных актов Республики Казахстан. На страницах газеты публикуются официальные распоряжения и указы президента Республики Казахстан, постановления правительства, вновь изданные законы, которые после опубликования в «Казахстанской правде» вступают в законную силу.

Газета «Казахстанская правда» выпускается пять раз в неделю на русском языке, ее тираж составляет более 50 000 экземпляров в день и распространяется по всей территории Казахстана. Газета представляет собой общественно-политическое издание, информирующее читателей о политической повестке в Казахстане и за рубежом. Обширная сеть собственных корреспондентов позволяет изданию широко освещать региональные новости, а штат профессиональных журналистов предлагает аудитории материалы разных жанров, включая аналитические.

Будучи источником официальной, деловой и юридической информации, газета «Казахстанская правда» развивается в русле государственных программ цифровизации, декларирующих активное использование цифровых инструментов в информационном обслуживании населения. Стремясь расширить собственную аудиторию, газета наращивает свое присутствие в социальных сетях, среди которых – «Одноклассники», «ВКонтакте», Instagram и Facebook (признаны в РФ экстремистскими и запрещены), также используются мессенджер Telegram и видеохостинг YouTube.

Примечательно, что газета представляет собой пример журналистской конвергенции, предоставляя аудитории, наряду с текстовым, аудиальный и видеоконтент. Темы для видеороликов (рилсов) выходят далеко за рамки официальной информации, являя собой пример так называемой массовой журналистики. Так, например, на YouTube есть видеосъемка со спутника, обращенная на Аральское море, съемка правонарушений на скрытые камеры, съемка частных лиц с мест катастроф и происшествий. Такие ролики формата «live» носят короткий визуально-информативный характер.

Рассмотрим аккаунт «Казахстанской правды» в социальной сети «Одноклассники», насчитывающий в совокупности 8,5 тысяч подписчиков (данные на сентябрь 2024 года). Аккаунт состоит из новостной ленты, обновляемой ежедневно в будни. В среднем публикуется 4-5 новостей разной тематики: жилищно-коммунальное хозяйство, социальная жизнь, спорт, экология, здоровье. Например, 19 сентября 2024 года в паблике было опубликовано четыре новости на следующие темы: успех казахстанских спортсменов на Паралимпийских играх в Париже, чистота городских дворов и территорий, проблемы экспортеров казахстанской фанеры, рецепты домашнего консервирования. Каждая новость при раскрытии перенаправляет читателя на официальный сайт газеты «Казахстанская правда», обеспечивая сайту трафик из социальной сети. Оригинальных публикаций, созданных исключительно для рассматриваемой площадки, не публикуется, что говорит исключительно о вспомогательном значении информационного ресурса.

Отметим, что информационная политика паблика в корне отличается от основной, декларируемой на страницах официального печатного источника. Очевидно, редакция «Казахстанской правды» стремится к увеличению читательской базы за счет расширения новостной повестки в сторону общедоступного и востребованного у массового читателя контента. При этом новостей из мира политики в аккаунте в «Одноклассниках» публикуется ничтожно мало, что подтверждает гипотезу о диверсификации информационных потоков, основанной на учете специфики аудитории информационной площадки.

При этом отметим, что, несмотря на актуальные для обывателя темы, сколь-нибудь заметного читательского отклика на публикации ресурса нет. Ни одна из четырех опубликованных 19 сентября новостей не была отмечена ни комментариями, ни отметкой «нравится» («класс»). Таким образом, можно сделать вывод о

крайне низкой заинтересованности и вовлеченности аудитории. При этом отметим, что вовлекающих аудиторию материалов в виде опросов, конкурсов и пр. на паблике не размещается. Очевидно, что создатели аккаунта планировали использовать его исключительно с целью увеличения трафика на официальный сайт газеты.

Свой официальный сайт газета «Казахстанская правда» kazpravda.kz ведет с 2010 года и входит в двадцатку лидеров республиканского рейтинга в категории «Новости и СМИ Казахстана». Портал отличается качеством как информационных, так и фотоматериалов. Отметим, что в 2023 году было перерегистрировано одноименное сетевое СМИ «www.kazpravda.kz», которое размещается по вышеуказанному адресу. Таким образом, информационный ресурс сегодня может рассматриваться как оригинальный информационный канал, который, хотя и носит наименование «Казахстанская правда», но имеет собственную информационную политику, отличающуюся от печатного органа.

Наряду с новостями, сетевое СМИ «Казахстанская правда» размещает статейные материалы, опубликованные в печатном номере газеты, и авторские материалы в рубрике «Колонка обозревателя». Отметим, что на сайте для авторизованных подписчиков открыт доступ к pdf-версии свежего номера «Казахстанской правды». Доступ к архиву печатного издания открыт только для читателей, оплативших подписку. Оформить подписку можно прямо на сайте, предоставляющем для этого необходимый сервис. У «Казахстанской правды» создано специальное приложение с удобным интерфейсом, в котором можно выбрать период подписки, указать удобный адрес и оплатить.

Отдельные разделы сайта посвящены фоторепортажам и видеороликам на самые разные темы: «Многообразие кочевой культуры», «Военные и антитеррористические учения», «Игры кочевников» и пр. Надо сказать, что раздел «Фоторепортажи» обновляется нерегулярно – с 15 февраля 2024 года по 22 августа 2024 года новых материалов размещено не было. Видеоматериалы обновляются регулярно, раз в несколько дней.

Таким образом, видим, что сайт kazpravda.kz является самостоятельным информационным источником, хотя и интегрированным с печатных СМИ. Предоставляя посетителям контент разного содержания и форматов, издание стремится удовлетворить запросы разных аудиторных групп. Отметим и то, что контент на сайте доступен не только русскоязычным читателям – здесь имеется возможность читать материалы также на казахском и английском языках.

При этом возможности для коммуникации с читательской аудиторией на сайте ничтожны. Так, возможности ставить отметки «нравится» или «не нравится» опубликованным материалам не предусмотрены, равно как и комментировать прочитанные материалы, делиться ими и пр. Также на сайте отсутствует форма обратной связи, дающая возможность оставить читательский отклик. Таким образом, оценить вовлеченность читательской аудитории крайне сложно, если вообще возможно.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, отметим, что освоение диджитал-пространства средствами массовой информации Республики Казахстан стимулируют их собственную конкурентоспособность, а качество медиаконтента влияет на информационную безопасность страны. Органы власти к исполнению поставленной задачи подходят комплексно: внедряют цифровые проекты, корректируют правовую базу, освещают и внедряют международные разработки. Таким образом, трансформация СМИ идет при содействии государственной власти, с одной стороны, а с другой – под ее контролем.

Исходя из вышеописанного, можно сделать вывод об очевидном стремлении казахстанских газет освоить различные интернет-площадки для дистрибуции собственного информационного контента. Расширяя присутствие на различных платформах, включая социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, газеты тем самым учитывают предпочтения целевых аудиторных групп в отношении форм и форматов медиапотребления, адаптируют информационную политику к особенностям презентации контента в зависимости от специфики интернет-площадки.

Мультиплатформенность и мультимедийность как основные тренды развития современной печатной периодики хорошо заметны на примере казахстанских печатных СМИ. Современные газеты расширяют линейку собственных информационных продуктов, осваивают аудио- и видеоформаты, активно применяют в своей работе инфографику и прочие визуальные форматы предоставления информации. «Казахстанская правда» демонстрирует гибкость в выборе средств и способов художественной выразительности материалов, опираясь на предпочтения целевых аудиторных групп.

Вместе с тем, нельзя не отметить крайне низкую вовлеченность аудитории рассмотренного издания, слабо развитые каналы представления обратной связи. Даже возможность поделиться понравившейся новостью предоставлена не везде. Отметим и отсутствие вовлекающего контента на площадках социальных медиа, где аудитория крайне пассивна. Таким образом, низкая вовлеченность аудитории может быть названа следствием как непродуманной контент-стратегии со стороны самого печатного СМИ, так и несформиро-

ванной потребностью аудитории во взаимодействии со средством массовой информации. Очевидно, что такой подход нуждается в пересмотре и корректировке.

Список источников

1. Ашенова С.В. Актуальные медиатренды цифровой эпохи // Коммуникации в условиях цифровой трансформации: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. С. 116 – 118.
2. Ашенова С.В. Риски и манипулятивные техники профессиональной идеологии журналистики // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии / отв. ред. С.Г. Корконосенко. СПб: Медиапир, 2022. С. 82 – 84.
3. Барлыбаева С.Х. Трансформация медиапространства в Казахстане // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024. С. 243 – 245.
4. Вартанова Е.Л. К новой архитектуре медиа: вызовы эпохи цифровизации // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VIII Международной научной конференции. Донецк, 2023. С. 307 – 309.
5. Градюшко А.А. Медiateкст в цифровой среде // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. Филология. 2021. № 1 (107). С. 61 – 64.
6. Градюшко А.А. Платформизация в цифровой журналистике: новые стратегии медиапроизводства // Труды БГУ. Серия: Принт- и медиатехнологии. 2023. № 1 (267). С. 34 – 40.
7. Ибраева Г.Ж. Цифровизация как тренд современной журналистики Казахстана // Журналистика – 2021: стан, проблемы і перспектывы. Минск: БДУ, 2021. С. 49 – 54. URL: https://www.researchgate.net/publication/356102939_Ibraeva_GZ_CIFROVIZACIA_KAK_TREND_SOVREME_NNOJ_ZURNALISTIKI_KAZAHSTANA_tezisy_BGU_2021 (дата обращения: 08.06.2024).
8. Коданина А.Л., Савельева М.А. Развитие региональной прессы в digital-формате (на примере СМИ ЗАТО Саров Нижегородской области) // Региональная школа журналистики: векторы исследования. Новгород: Изд-во ННГУ, 2022. С. 152 – 156.
9. Нигматуллина К.Р. Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 30 – 50.
10. Нигматуллина К.Р. Эмоции аудитории как медийный ресурс в кризисное время // Медиа в современном мире. СПб., 2021. С. 190 – 191.
11. Статистика СМИ. Министерство информации и общественного развития Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qogam/activities/145?lang=ru> (дата обращения: 20.11.2024).

References

1. Ashenova S.V. Current media trends of the digital era. Communications in the context of digital transformation: collection of materials of the VI International scientific and practical conference. SPb: St. Petersburg State University of Economics, 2022. P. 116 – 118.
2. Ashenova S.V. Risks and manipulative techniques of professional ideology of journalism. Journalism of the 21st century: returning to professional ideology. Ed. S.G. Korkonosenko. SPb: Mediapapir, 2022. P. 82 – 84.
3. Barlybaeva S.Kh. Transformation of media space in Kazakhstan. Digital journalism: technologies, meanings and features of creative activity: collection of materials of the International scientific and practical conference. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2024. P. 243 – 245.
4. Vartanova E.L. Towards a New Media Architecture: Challenges of the Digitalization Era. Donetsk Readings 2023: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time: Proceedings of the VIII International Scientific Conference. Donetsk, 2023. P. 307 – 309.
5. Gradyushko A.A. Media Text in the Digital Environment. Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series: Pedagogy. Psychology. Philology. 2021. No. 1 (107). P. 61 – 64.
6. Gradyushko A.A. Platformization in Digital Journalism: New Strategies of Media Production. Proceedings of BSU. Series: Print and Media Technologies. 2023. No. 1 (267). P. 34 – 40.
7. Ibraeva G.Zh. Digitalization as a trend of modern journalism in Kazakhstan. Journalism – 2021: state, problems and prospects. Minsk: BDU, 2021. P. 49 – 54. URL: https://www.researchgate.net/publication/356102939_Ibraeva_GZ_CIFROVIZACIA_KAK_TREND_SOVREME_NNOJ_ZURNALISTIKI_KAZAHSTANA_tezisy_BGU_2021 (date of access: 08.06.2024).

8. Kodanina A.L., Savelyeva M.A. Development of the regional press in digital format (on the example of the media of the closed administrative-territorial entity Sarov, Nizhny Novgorod region). Regional school of journalism: research vectors. Novgorod: NNSU Publishing House, 2022. P. 152 – 156.

9. Nigmatullina K.R. The place of social networks in the development of regional journalism in Russia. Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2021. No. 1. P. 30 – 50.

10. Nigmatullina K.R. Audience emotions as a media resource in times of crisis. Media in the modern world. St. Petersburg, 2021. P. 190 – 191.

11. Media statistics. Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qogam/activities/145?lang=ru> (date of access: 20.11.2024).

Информация об авторах

Коданина А.Л., кандидат политических наук, доцент, кафедра журналистики, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ), kodanina@gmail.com

Бревнова Е.С., кафедра журналистики, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ), tail.e.s.p@mail.ru

© Коданина А.Л., Бревнова Е.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.161.181'373.45

¹ Колодина Е.А., ¹ Пашкова И.В.

¹ Иркутский государственный университет

Функционирование англоязычных заимствований в образовательном дискурсе современного русского языка

Аннотация: в статье рассматриваются англоязычные заимствования в современном образовательном дискурсе русского языка. Понятийно-терминологический и методологический аппарат образования претерпел значительные количественные и качественные изменения в последние десятилетия. Его активное пополнение и расширение во многом обусловлено не только потребностью в номинации нового понятия и отсутствием в русском языке эквивалентного понятия, но и сменой научно-образовательных парадигм, высокой степенью научной активности участников образовательного процесса, широкомасштабным внедрением онлайн технологий, цифровизацией образовательного процесса. Рассмотрены причины динамических изменений терминологии образовательного дискурса и представлен тематический анализ англоязычных заимствований в образовательном дискурсе современного русского языка.

Ключевые слова: образовательный дискурс, терминология российского образования, англоязычные заимствования, тематическая классификация

Для цитирования: Колодина Е.А., Пашкова И.В. Функционирование англоязычных заимствований в образовательном дискурсе современного русского языка // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 17 – 23.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Kolodina E.A., ¹ Pashkova I.V.

¹ Irkutsk State University

Functioning of English borrowings in the modern Russian educational discourse

Abstract: the article focuses on English borrowings in the modern educational discourse of the Russian language. The changes that have occurred in the methodological and terminological apparatus in the educational field in recent decades are not only due to the necessity of new nominations and the lack of equivalent notions in the Russian language but mostly they are the result of the scientific and educational paradigm change, a high degree of scientific activity of participants in the educational process, a large-scale introduction of on-line technology and digitalization of educational processes. The article discusses the causes of dynamic changes and presents the analysis of English borrowings in the terminology of the modern Russian educational discourse.

Keywords: educational discourse, Russian education terminology, English borrowings, thematic classification

For citation: Kolodina E.A., Pashkova I.V. Functioning of English borrowings in the modern Russian educational discourse. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 17 – 23.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Образовательный дискурс, тесно взаимодействующий со всем многообразием типов дискурса, является неотъемлемой частью современного образовательного процесса. Он представляет собой разновидность языковой деятельности, связанной с передачей, приобретением и обменом знаниями, и информацией в учебном процессе. Одной из главных характеристик образовательного дискурса является его целевая направленность. В данном случае, дискурс необходим для передачи знаний и навыков от преподавателя к обучающемуся.

Совершенно справедливо замечание о том, что образовательный дискурс представляет собой динамическую и разноуровневую систему образовательного процесса, охватывающую практически все сферы жизнедеятельности [12, 14]. По мнению Е.А. Кожемякина, образовательный дискурс – это один из немногих институциональных дискурсов, ориентированных на будущее [5].

Образовательный дискурс рассматривается и в социокультурном контексте. В данном случае он представляет собой «речевое поведение в том классе речевых ситуаций, для которых природа коммуникативного события определяется как обучение и воспитание в профессиональной и образовательной деятельности» [8].

Один из ключевых элементов образовательного дискурса – это использование различных типов речи (например, описательной, аргументативной, эмоциональной). Преподаватель может использовать их в зависимости от цели и ситуации общения, чтобы достичь нужного эффекта. Данный тип дискурса также характеризуется своей формальностью. От его участников ожидается соблюдение формальных правил поведения и выражения мыслей, использование грамотной лексики и синтаксиса. Важно не только передать информацию, но и сделать это эффективно и четко. Кроме того, важной особенностью образовательного дискурса является его длительность. Учебный процесс занимает длительный период времени, а студенты должны получить и усвоить большой объем знаний, так что общение между преподавателем и учеником может продолжаться довольно долго.

Мы полагаем, что важной особенностью образовательного дискурса является использование специальной лексики. Для того чтобы передавать знания и информацию, преподаватель должен использовать специально подобранную и систематизированную лексику, а также определенные термины и сведения, понятные только в рамках данной области знаний.

Вследствие того, что система российского образования в первые два десятилетия XXI века столкнулась с процессом серьёзных трансформаций, связанных в первую очередь с процессами глобализации и технологических инноваций в образовательном процессе, образовательный дискурс современного русского языка пополнился большим количеством англоязычных заимствований.

Активный процесс заимствования терминов образования в большинстве случаев происходит из аналогичной терминосистемы современного английского языка. С одной стороны, он обусловлен языковыми причинами: отсутствием эквивалентного понятия в родном языке, стремлением к краткости и точности, наличием сложившейся системы терминов в языке-источнике. С другой стороны, на процесс заимствования влияют и внеязыковые причины: необходимость именования нового понятия, расширение сферы языковых контактов [2, 7].

Целью работы является выявление англоязычных заимствований в образовательном дискурсе современного русского языка.

Анализируя понятийно-терминологический аппарат современного русского образовательного дискурса, О.В. Загоровская отмечает, что «одной из основных линий развития образования в современном мире является его цифровизация и переход к новым моделям, основанным на использовании новых информационных технологий» [17, с. 140].

Таким образом, очевидно, что за последнюю четверть века процессу интернационализации подверглась и сама система российского образования, и её терминологический аппарат.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили данные электронных версий современных терминологических словарей по образованию (Педагогический словарь; Словарь терминов по общей и социальной педагогике; Профессиональное образование. Словарь; Современный образовательный процесс, основные понятия и термины); Словарь иностранных слов под редакцией Л.П. Крысина, толковые словари английского языка (Cambridge Dictionary, Oxford English Dictionary).

Для достижения поставленной цели исследования в работе были использованы следующие методы работы и анализа лингвистического материала: анализ словарных дефиниций; контекстуальный анализ, описательный метод, метод анализа и синтеза.

Результаты и обсуждения

Многие англоязычные термины и понятия внедряются в российскую образовательную среду за счет активного использования англоязычной литературы и методических пособий. Например, платформы для обучения используют англоязычные термины и интерфейс, что делает их более доступными для англоязычной аудитории, но одновременно влияет на формирование языковой среды и предпочтения студентов в России.

Англоязычная терминология оказывает значительное влияние на российскую образовательную среду. Этот процесс проявляется через использование английских терминов и методик в научных исследованиях, учебных материалах, международных образовательных программах и адаптации образовательных моделей. Такое активное внедрение англоязычной терминологии обогащает научные и образовательные практики, устанавливая связь с мировыми стандартами и содействуя интеграции в международное образовательное сообщество.

Увеличение количества англоязычных заимствований в российской образовательной терминологии отражает растущее значение глобальной взаимосвязанности в образовании. Кроме того, использование английских терминов может быть полезным в контексте международного сотрудничества и обмена опытом. Это может облегчить понимание и общение между участниками из разных стран и культур, повысить уровень качества и эффективности образования. Многие русисты обращают внимание российского общества на проблему лингвистического доминирования английского языка, в том числе и в сфере образования. Очевидно, процесс заимствования всегда должен быть логичным и не приводить к потере языкового и культурного многообразия родного языка.

Мы согласны с точкой зрения В.А. Заварзиной, считающей, что терминологический аппарат российского образования с начала 2000 годов подвергается количественным и качественным изменениям вследствие расширения международной образовательной и научно-исследовательской деятельности, модернизации системы образования, усиления взаимодействия образовательного дискурса с разными сферами научной деятельности [3, с. 7].

В работе над анализом эмпирического материала мы использовали классификацию, представленную в диссертационном исследовании «Русская терминология образования 2000-2022 годов в статике и динамике» [3].

Проведенный анализ англоязычных заимствований позволил выделить лексические единицы, используемые в терминологии российского образования, и представить их тематическую классификацию:

1. Типы и виды образовательных учреждений:

Существительное колледж, образованное от английского college [11], имеющего значение «высшее или среднее учебное заведение в Англии, США и некоторых других странах» [11], используется для наименования российских образовательных учреждений, где обучающиеся осваивают навыки и компетенции рабочих специальностей.

В современном русском языке вместо словосочетания ‘студенческий городок’ можно часто услышать модный англицизм кампус (от англ. campus) [11]. Например: «На основе этих категорий нами была разработана и реализована содержательная модель Физкультурно-спортивной среды кампуса ДВФУ на острове Русский» [9].

2. Участники образовательной деятельности:

В настоящее время в ряде учебных заведений среднего и высшего образования, системах дополнительного образования большое значение придается разработке индивидуальных образовательных программ обучающихся и методическому сопровождению индивидуальной образовательной деятельности. Осуществление данной деятельности возлагается на тьюторов (от англ. tutor – наставник) [11]. Например: «Преподавание осуществляется по принципу супервизии: лектор проводит занятия, формирует наполнение курса, а тьютор осуществляет коммуникацию со студентами, отвечает на вопросы, помогает с решением задач» [9]. В данном предложении представлено ещё одно заимствование супервизия (от англ. supervision – наблюдение сверху, контроль, руководство) [9]. В современном образовательном процессе этот термин используется для описания процесса консультирования, направленного на развития личностного и профессионального потенциала.

В последнее время в системе российского высшего образования встречается англицизм аппликант (от англ. applicant – претендент) в тех контекстах, где речь идёт о лицах, подающих заявки. Например, в ситуациях подачи заявки на получение гранта.

3. Виды учебных занятий, формы и формат ведения образовательной деятельности:

Одной из распространенных форм организации учебной деятельности является квиз (от англ. quiz – викторина). Квиз позволяет внедрять интерактивные формы проверки знаний в учебный процесс, что делает

обучение более увлекательным и эффективным. Этот метод также позволяет преподавателям быстро оценить уровень усвоения материала [6].

Популярным методом организации совместной групповой работы обучающихся, направленным на решение сложных интеллектуальных проблем и повышение умственной активности, является брейнсторминг (от англ. brain storming – мозговой шторм): «В ходе брейнсторминга стимулируется групповой поиск идей и предлагается коллективное решение проблемы» [9].

Одна из прогрессивных технологий для раскрытия и развития личностного и профессионального потенциала обучающихся – коучинг (от англ. coaching – консультирование). Задача специалистов, занимающихся данной деятельностью, заключается в оказании помощи, поддержке и мотивировании своих подопечных с целью их личностного роста.

Неотъемлемой характеристикой учебного процесса являются такие понятия как модуль и модульное обучение (от англ. module – блок). В процессе модульного обучения учебная информация разделяется на относительно законченные и самостоятельные части информации – модули [9].

Говоря об образовательных программах, стоит упомянуть заимствование воркшоп (от англ. workshop – «коллектив, группа работников, созданная для дискуссии по какой-л. теме или для ее разработки») [6]. Как правило, такой семинар организуется для небольшого числа участников. Организаторы определяют тематику и время проведения, а также ориентируют участников на выполнение определенного задания [6].

4. Формы проверки качества знаний и системы образования:

Современное российское образование на всех уровнях трудно представить без заимствованного из английского языка слова тест и тестирование (от англ. test – испытание, исследование) [9]. Тест представляет собой задание, ориентированное на определенный стандартный формат. В процессе тестирования на основе специально разработанной шкалы оценки результатов проверяется уровень определенных умений, навыков, способностей и других характеристик обучающегося.

Новой формой контроля и оценки достижений учащихся является портфолио (от англ. portfolio – папка с образцами работ). Например: «На основе анализа педагогической практики обосновывается необходимость внедрения технологии электронного портфолио в систему высшего технического образования» [9].

Систематическое стандартизированное наблюдение за состоянием системы образования, условиями её осуществления, контингентом обучающихся, их учебными и внеучебными достижениями, профессиональными успехами выпускников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, контроль динамики изменений представляют собой мониторинг системы образования (от англ. monitoring – контроль).

В качестве инструмента для оценки эффективности деятельности организаторов и участников образовательного процесса прибегают к использованию рейтинга (от англ. rating – оценка, порядок, классификация). Например: «В рамках системы менеджмента качества в Казанском университете разработана модель определения рейтинга кафедр» [9].

5. Технологии и методы образования:

Сегодня очень ценятся специалисты, умеющие не только определить проблему, но и проанализировать её всесторонне, осуществлять поиск необходимой информации, обосновывать своё мнение. Для развития данного навыка широко используется методика ситуативного обучения – кейс-стади (от англ. case-study – комплексный анализ). Данная методика требует от обучающихся поиска рационального решения в предложенной ситуации. Метод кейс-стади близок по смыслу к имитационной (моделирующей) системе обучения [9].

Альтернативой традиционному учебному занятию, способствующей развитию исследовательских навыков и активации мыслительной деятельности обучающихся, является квест. Он требует от участников образовательного процесса целенаправленного поиска решения какой-либо учебной проблемы на основе рекомендуемых информационных ресурсов и по предложенным ориентирам. Квест представляет собой специально организованный вид исследовательской деятельности, дающей возможность организатору учебного процесса провести проблемное поисковое занятие.

Геймификация (от англ. gamification – игрофикация) образовательного процесса включает использование игровых элементов и механик для мотивации и вовлечения обучающихся в учебный процесс. Это способствует повышению их мотивации, улучшению результативности обучения и развитию критического мышления. Техники геймификации превращают обучение в увлекательный игровой процесс [9].

Одним из вспомогательных методов научного исследования является интервью (от англ. interview – беседа). Цель использования данного метода – получить информацию у одного или нескольких обучающихся в роли интервьюируемых. Интервью может быть сфокусировано на определенной проблеме, а также может затрагивать широкий круг вопросов с целью получения информации.

6. Информационно-коммуникативные технологии в образовании:

Относительно новым способом реализации процесса обучения является его дистанционный формат (от англ. *distant* – находящийся на расстоянии). Он основан на использовании современных информационных и телекоммуникационных технологий. Например, сегодня во многих вузах разработаны и проводятся различные курсы, реализуемые на основе дистанционной формы обучения.

Ещё одним из востребованных средств обучения сегодня становится вебинары (от англ. *webinar* – Интернет-конференция). Вебинар – это вид семинара, проводимого посредством интернет технологий в режиме реального времени. Их основное преимущество заключается в обогащении педагогического взаимодействия.

Большую помощь в изучении иностранных языков могут помочь информационные порталы, посвященные их изучению (от англ. *portal*).

Массовое использование системы умных технологий, часто называемых смарт-технологии (от англ. *smart-technology*), не обошло стороной и систему образования. Систему умного обучения сегодня рассматривают не только как образовательную технологию, но и как стратегию развития системы образования, использующую комплекс современных технологий, таких как умная доска, умный экран, доступ в интернет из любой точки.

7. Форма организации учебных занятий и образовательной деятельности:

В последнее десятилетие в российском образовании реализуется концепция инклюзивного образования (от англ. *inclusion* – включение, совместное обучение). Такая форма обучения даёт «возможность каждому человеку, независимо от имеющихся физических, социальных, эмоциональных, ментальных, языковых, интеллектуальных и других особенностей, учиться в общеобразовательных учреждениях» [9].

В целом ряде контекстов встречается заимствованное прилагательное интегрированный (от англ. *integrated* – комплексный, взаимосвязанный). Например, термином интегрированное обучение обозначают процесс совместного воспитания или обучения здоровых детей и тех, которые имеют особенности развития. Для формирования межпредметных компетенций, целостного мировоззрения и повышения мотивации обучающихся используются интегрированные занятия.

Заимствованное прилагательное интерактивный (от англ. *interactive* – взаимодействующий) используется в описании процесса обучения, требующего наличия обратной связи между педагогом / средством обучения и обучающимися: интерактивное обучение, интерактивная доска, интерактивный режим [9].

Заимствование виртуальный (от англ. *virtual* – виртуальный) уже достаточно давно стало узнаваемым и используемым всеми участниками образовательного дискурса: виртуальная аудитория, виртуальная образовательная среда, виртуальный университет.

8. Специфика учебной деятельности в вузе:

Выписка из зачетно-экзаменационной ведомости, содержащей информацию о прослушанных курсах, сданных экзаменах и зачетах часто называется английским словом транскрипт (от англ. *transcript* – репродукция записи).

Говоря о времени сдачи какого-либо задания, от преподавателей и, в особенности, от студентов можно услышать англицизм дедлайн. Согласно «Самому новейшему толковому словарю русского языка XXI века»: «Дедлайн - крайний срок сдачи чего-либо; месяц, день, час и т.п., когда заканчивается период, данный на выполнение какого-либо задания, работы» [6].

Способ коммуникации, направленный на получении обратной связи именуется термином фидбэк (от англ. *feedback* – отклик).

Выводы

Проведенный анализ англоязычных заимствований в терминологии российского образования показал, что большинство англицизмов заимствованы в связи с интеграцией российского образования в глобальную образовательную среду; активизацией научно-исследовательской деятельности; потребностью адаптации системы обозначений в образовательном дискурсе к терминосфере, принятой международным профессиональным сообществом.

Влияние англоязычных заимствований на российскую образовательную среду является многоаспектным. Оно отражает как позитивные, так и негативные тенденции глобальной интеграции и культурного обмена. Для российских образовательных учреждений важно уметь балансировать между принятием новых языковых и методологических инноваций и сохранением собственной культурной и языковой идентичности.

В ходе исследования нами были выделены тематические группы среди новых слов сферы образования; это заимствованные слова в русском языке, которые используются для описания типов образовательных учреждений, организаторов и участников образовательной деятельности, различных форм и видов учебных занятий, форматов ведения образовательной деятельности, технологий и методов образования.

Список источников

1. Будыкина В.Г. Англоязычные заимствования в терминологии российского образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 9 (405). Филологические науки. Вып. 108. С. 20 – 22.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
3. Заварзина В.А. Русская терминология образования 2000-2022 годов в статике и динамике: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. Воронеж, 2023. 21 с.
4. Загоровская О.В., Еремеева О.А. Новые методические термины в современном русском образовательном дискурсе // Известия Воронеж. гос. пед. ун-та. 2021. № 3. С. 139 – 144.
5. Кожемякин Е.А. Образовательно-педагогический дискурс // Современный дискурс-анализ. 2010. № 2. С. 27 – 46.
6. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов: более 4500 слов и выражений. М.: Эксмо, 2006. 669 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-202-1.htm#zag-1007>.
7. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
8. Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория: Учеб. пособие для студ. пед. университетов и институтов. М.: Издательский центр «Академия», 1998. 432 с.
9. Национальная педагогическая энциклопедия. URL: <https://didacts.ru/> (дата обращения: 09.11.2024).
10. Рыбушкина С.В. Ассимиляция иноязычных неологизмов в современном русском языке под влиянием экстралингвистических факторов (на примере компьютерно-опосредованного образовательного дискурса) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 34 – 38.
11. Словари русского языка. URL: <https://gramota.ru> (дата обращения: 09.01.2024).
12. Танчук А.С. Дискурсивные характеристики англоязычных вебинаров по обучению английскому языку: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». Самара, 2021. 205 с.
13. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 417 с.
14. Яковлева В.В. Дискурс в образовательной деятельности (терминологический аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 191 – 203.
15. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 16.11.2024).
16. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 16.11.2024).

References

1. Budykina V.G. English-language borrowings in the terminology of Russian education. Bulletin of the Cheljabinsk State University. 2017. No. 9 (405). Philological sciences. Iss. 108. P. 20 – 22.
2. Grinev-Grinevich S.V. Terminology. Moscow: Publishing center "Academy", 2008. 304 p.
3. Zavarzin V.A. Russian terminology of education 2000-2022 in statics and dynamics: diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.5. Voronezh, 2023. 21 p.
4. Zagorovskaya O.V., Eremeeva O.A. New methodological terms in modern Russian educational discourse. Izvestia of the Voronezh. state ped. University. 2021. No. 3. P. 139 – 144.
5. Kozhemyakin E.A. Educational and pedagogical discourse. Modern discourse analysis. 2010. No. 2. P. 27 – 46.
6. Komlev N.G. Dictionary of foreign words: more than 4500 words and expressions. Moscow: Eksmo, 2006. 669 p. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-202-1.htm#zag-1007>.
7. Krysin L.P. Russian word, one's own and someone else's: Research in the modern Russian language and sociolinguistics. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 888 p.
8. Mikhal'skaya A.K. Pedagogical Rhetoric: History and Theory: Textbook for students of pedagogical universities and institutes. Moscow: Publishing Center "Academy", 1998. 432 p.
9. National Pedagogical Encyclopedia. URL: <https://didacts.ru/> (date of accessed: 09.11.2024).
10. Rybushkina S.V. Assimilation of Foreign-Language Neologisms in Modern Russian under the Influence of Extralinguistic Factors (using Computer-Mediated Educational Discourse as an Example). Bulletin of Tomsk State University. 2015. No. 392. P. 34 – 38.
11. Dictionaries of the Russian Language. URL: <https://gramota.ru> (date of accessed: 09.01.2024).
12. Tanchuk A.S. Discursive characteristics of English-language webinars on teaching English: diss. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.04. FGAOU VO "Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation". Samara, 2021. 205 p.

13. Shagalova E.N. The newest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century: approx. 1500 words. Moscow: AST: Astrel, 2011. 417 p.
14. Yakovleva V.V. Discourse in educational activity (terminological aspect). Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2021. Iss. 11 (853). P. 191 – 203.
15. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>. (date of accessed: 16.11.2024).
16. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date of accessed: 16.11.2024).

Информация об авторах

Колодина Е.А., кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и лингводидактики, Международный институт экономики и лингвистики, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», kolodinaevg@mail.ru

Пашкова И.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра европейских языков, Международный институт экономики и лингвистики, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», ipashkovairk@mail.ru

© Колодина Е.А., Пашкова И.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 82-3

¹ Кочуланова Е.В.

¹ Михайловская военная артиллерийская академия

Регионализм и культурная идентичность: анализ произведений М.Н. Еськова через призму фольклора Курского края и местной среды

Аннотация: статья посвящена исследованию специфики регионализма и культурной идентичности в контексте литературных произведений писателя-прозаика М.Н. Еськова, чье творчество актуализирует проблему осознания и сохранения локальных традиций в условиях глобализации и унификации культур в современном мире. Ключевой целью исследования служит выявление связи регионализма и культурной идентичности в произведениях М.Н. Еськова, рассматривающихся через призму фольклора Курского края и местной среды. Статья базируется на теоретическом фундаменте, в том числе литературе по регионализму и фольклористике, а также практических методах анализа (контент-анализе, сравнительном и историко-культурном анализе, лингвокультурологических методах интерпретации текстов), что в целом обеспечивает глубокое изучение проблематики, связанной с взаимодействием регионализма и культурной идентичности в творчестве писателя. При этом исследование охватывает широкий спектр тем, связанных с культурными кодами, способами их художественной интерпретации и значимостью для формирования регионального самосознания в условиях современной действительности. В результате исследования было установлено, что с целью передачи курской культуры писатель активно использует фольклорные элементы (в том числе при изображении местных обрядов, природных пейзажей и прочего, что становится неотъемлемой частью сюжета, наполняя его глубиной и многозначностью). В свою очередь, многочисленная ландшафтная лексика, вводимая автором в текст, не только формирует живую картину родного края, но и служит связующим звеном между реальностью и вымыслом, создавая для читателя эффект присутствия и погружения в уникальную атмосферу Курского края.

Ключевые слова: культурная идентичность, регионализм, фольклор Курского края, ландшафтная лексика, региональные и культурные особенности, авторский язык, диалектизм

Для цитирования: Кочуланова Е.В. Регионализм и культурная идентичность: анализ произведений М.Н. Еськова через призму фольклора Курского края и местной среды // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 24 – 29.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Kochulanova E.V.

¹ Mikhailovskaya Military Artillery Academy

Regionalism and cultural identity: analysis of the works of M.N. Yeskov through the prism of folklore of the Kursk region and the local environment

Abstract: the article is devoted to the study of the specifics of regionalism and cultural identity in the context of literary works of the writer-prose writer M.N. Eskov. His work actualizes the problem of awareness and preservation of local traditions in the context of globalization and unification of cultures in the modern world. The main purpose of

the study is to reveal the connection between regionalism and cultural identity in the works of M.N. Eskov, viewed through the prism of the folklore of the Kursk region and the local environment. The article is based on theoretical foundations, including the literature on regionalism and folkloristics, as well as practical methods of analysis (content analysis, comparative and historical-cultural analysis, linguocultural methods of text interpretation). All of this, as a whole, provides an in-depth study of the issues related to the interaction of regionalism and cultural identity in the writer's work. At the same time, the study covers a wide range of topics related to cultural codes, ways of their artistic interpretation and significance for the formation of regional self-consciousness in the conditions of modern reality. As a result of the study it was found that in order to convey Kursk culture the writer actively uses folklore elements (including the depiction of local rituals, natural landscapes, etc., which becomes an integral part of the plot, filling it with depth and multiple meanings). In turn, the numerous landscape vocabulary introduced by the author in the text not only forms a vivid picture of his native land, but also serves as a link between reality and fiction, creating for the reader the effect of presence and immersion in the unique atmosphere of the Kursk region.

Keywords: *cultural identity, regionalism, folklore of the Kursk region, landscape vocabulary, regional and cultural characteristics, author's language, dialectism*

For citation: Kochulanova E.V. Regionalism and cultural identity: analysis of the works of M.N. Yeskov through the prism of folklore of the Kursk region and the local environment. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 24 – 29.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Актуальность работы составляет исследование связи регионализма и культурной идентичности через призму произведений М.Н. Еськова, с акцентом на элементы фольклора Курского края и местной среды. В условиях глобализации и повсеместной унификации культур становится особенно важным осознание и сохранение локальных традиций, которые формируют уникальную идентичность. Анализ творческого наследия М.Н. Еськова позволяет глубже понять, как фольклорные элементы интегрируются в современную литературу и помогают в формировании местной культурной идентичности. Исследование способствует выявлению культурных кодов региона, их отражения в литературных произведениях, а также важности применения этих кодов с целью сохранения культурного разнообразия и самобытности.

Степень раскрытия темы характеризуется наличием отдельных исследований, посвященных регионализму и его влиянию на литературу [10, 11, 13], а также анализом произведений М.Н. Еськова [9, 12, 14]. Однако связь между фольклорными традициями Курского края и культурной идентичностью в его творчестве остается недостаточно освещенной. Большинство существующих работ акцентируют внимание на фольклорных элементах и их роли в создании литературных образов, но комплексный анализ их влияния на культурную идентичность требует дальнейшего изучения. Соответственно, данная работа направлена на углубление понимания этой тематики и существенное дополнение имеющихся знаний.

Целью настоящей работы служит выявление связи регионализма и культурной идентичности, реализующихся в прозаических произведениях М.Н. Еськова, которые рассматриваются через призму фольклора Курского края и местной среды. В рамках данной цели предполагается определение особенностей реализации фольклорных элементов, ландшафтной лексики, интегрирующихся в литературное творчество М.Н. Еськова, а также установление их роли в формировании культурных и социальных контекстов, отражающих уникальность и самобытность региона. Настоящее исследование способствует более глубокому пониманию того, как современная художественная литература может взаимодействовать с локальными традициями и способствовать сохранению культурного наследия в условиях глобальных изменений.

Материалы и методы исследований

Исследование связи регионализма и культурной идентичности в произведениях М.Н. Еськова через призму фольклора Курского края и местной среды осуществлялось на материале рассказов и повестей писателя [1-6], для анализа которых использовались обзор, систематизация и анализ литературных источников, в том числе произведения М.Н. Еськова, а также работы по региональной фольклористике и культурной идентичности [7, 8]. Для выявления влияния фольклорных элементов на творчество М.Н. Еськова и понимание культурного контекста его произведений использовались следующие методы: контент-анализ, сравнительный и историко-культурный анализ, а также лингвокультурологические методы интерпретации текстов, позволяющие глубже проникнуть в специфику культурных кодов, заложенных в его произведении-

ях, а также выявить мотивы, образы и сюжетные линии, которые коренятся в курском фольклоре и отражают местные традиции.

Результаты и обсуждения

Курская область послужила источником вдохновения для многих поэтов и была описана различными выдающимися писателями-прозаиками, однако особое внимание исследователей привлекает творчество Михаила Николаевича Еськова. Этот интерес не случаен: в его произведениях Курск выступает как «незримый помощник автора», олицетворяя собой образ мудрого, многовекового старца. Через призму курского контекста М.Н. Еськов передает проблемы и переживания своих героев, находя объяснение их внутренним конфликтам. Описание Курской области не только вызывает у читателя потребность сопереживать персонажам, но и побуждает его глубже осмыслить происходящее. При этом акцент на красоте местной природы и культурных традициях стал важным элементом формирования исследуемой культурной идентичности, подчеркивая ценность регионального аспекта в литературе.

В своем творчестве писатель мастерски реализует эту ключевую концепцию, вводя неологизмы, которые переплетаются с диалектизмами и историзмами, что создает уникальное впечатление от прочитанного. Как подчеркивает М.И. Маслова, «Еськов может так сказать, так увлечь своим языком, что ты и не понимаешь, что и кто перед тобой: деревенский гуляка или профессор с ученой степенью» [9, с. 68]. Исследователь отмечает способность автора трансформировать слова, придавая им необычные формы. Например, в предложении Итить-то далёко? («Ни тучки, ни хмарки...») [2] глагол итить рассматривается в значении идти, а во фразе Он ливанул в рот коньяк и властно стукнул кулаком по столу («Торф») [6] «ливануть» соотносится с «налить». Такие глагольные структуры с морфемными изменениями являются характерными для творчества писателя. Кроме того, существительные также приобретают своеобразные формы: дроги вместо дороги, лужницы вместо лужи, запаятники вместо памятники. Эти языковые особенности подчеркивают глубину регионального контекста и культурной идентичности, отражая уникальность курского фольклора и местной среды.

М.Н. Еськов детально воспроизводит быт жителей деревень, что придает его произведениям народнический характер, пронизанный любовью к простому народу и глубоким пониманием их мировосприятия. Автор тонко и точно описывает особенности деревенской избы, как, например, в предложении: в наших сенцах на одной и той же латвине в недоступной высоте лепились два гнезда («Касатка») [5]. Эта специфика позволяет читателю легко идентифицировать произведения М.Н. Еськова: они обладают уникальным языком, насыщенным просторечиями, народной лексикой. Его слово наполнено духом старинных хат и заборчиков ветхих сел, а также звуком колокольного звона каменных церквушек [12]. Таким образом, литературный язык писателя становится важным средством передачи региональной идентичности и культурных традиций, помогая читателю глубже понять самобытность курского фольклора.

Литературный мир М.Н. Еськова обладает особой уникальностью, в которой природа отражает настроения и быт его персонажей. Например, в отрывке: идти вниз, было, хотя и не сподручно – осыпался камешник, скользили ноги, – зато не так уморно («Брат мой меньший») [5], читатель может представить, как под ногами рассыпаются мелкие камешки, проникая в подошвы ветхой обуви. Автор мастерски передает картину реальности, что позволяет читателю погрузиться в атмосферу сельской местности и создать целостное представление о ее жизни. Здесь элементы природы и быта не только служат фоном для повествования, но и становятся ключевыми маркерами культурной идентичности, отражая многообразие и глубину «курской душевности». Природа, как выразительница чувств и настроений, соединяет персонажей с их корнями, создавая мост между индивидуальным и коллективным опытом народа. В частности, описанный автором камешник не только представляет курский пейзаж, но и символизирует трудности, с которыми сталкиваются жители деревни. Это отражает реальность жизни в регионе, где обыденные физические испытания становятся частью культурного кода. Сравнение с фольклорными элементами помогает увидеть, как язык и стиль М.Н. Еськова обогащены народной мудростью, обеспечивая тем самым прочную связь между современным и традиционным.

В рассказе «Игра в классики» автор делает детальное описание летнего утра в Курской области: Блаженная теплынь. Распахнуты окна. В черемуховой мари бражничают души [4]. Автор отмечает, что летняя жара в Курской области часто бывает невыносимой, так как воздух становится сухим, а с земли идут испарения. Работники в полях утоляют жажду колодезевой водничей, в то время как у домов девочка играет со сверстницами, утирая пот со лба своим ситцевым платьем. Сплетение авторского языка с описанием местной природы создает у читателя полное ощущение присутствия, который невольно оказывается наблюдателем за испепеляющим солнцем, чахлой травой и усталыми стариками. Это сочетание деталей делает текст более выразительным и помогает глубже осознать уникальные характеристики курского региона, де-

монстрируя, как местные условия влияют на жизнь и восприятие персонажей. В данном случае писатель использует природные и культурные аспекты своего родного края для передачи региональной идентичности, обогащая её фольклорными мотивами и образами.

Большой интерес представляет то, как М.Н. Еськов описывает любимые занятия сельчан зимой: в пробитых ломом лунках ребятишки обледенелыми кошельками вылавливали пищавших, извивающихся выюнов, брюхатых менухов, шуруют, крапчатых гольцов («Торф») [6]. Увлечённость сельских жителей рыбалкой передается читателю, который, вероятно, хотел бы сам оказаться здесь, наслаждаясь красотой курской природы и тем, что «зимой комары не жужжат» [14, с. 48]. Такое описание не только иллюстрирует типичные занятия местного населения зимой, но и подчеркивает глубокую связь местных жителей с природой, которая играет важную роль в их повседневной жизни. При этом увлечение рыбалкой становится не просто развлечением, а своего рода ритуалом, в который вовлекаются дети и взрослые. Читатель, проникаясь этой атмосферой, ощущает, как описываемое занятие становится выражением культурной идентичности, где местные обычаи и традиции передаются из поколения в поколение. Писатель, используя богатство локального фольклора, подчеркивает особую значимость традиционных занятий. В частности, описание зимней рыбалки связано не только с конкретным временем года, но и с глубинным осмыслением ценностей, которые формируют местную культуру.

Особая любовь и привязанность раскрывается автором в описаниях околлиц, дворового пространства, скотного двора: ...чѐй-то испужался? – успокаивает меня мама, своим голосом наполняя хату и вытесняя из неё все страхи («Старая яблоня с осколком») [5]. При этом описание домашних интерьеров становится не просто фоном, а ключевым элементом, который создает атмосферу уюта и защищенности. Мама, своей заботой и голосом, не только стирает детские страхи, но и формирует культурные и эмоциональные связи, транслируя традиционные ценности, которые передаются из поколения в поколение. Другой пример: Так и хотелось, чтобы он [Васька] под божницей, в красном углу, бесперечь сидел, чтобы всегда, когда захочешь, его можно было бы увидеть... («Торф») [6]. Здесь божница и красный угол действуют как символы не только домашнего уюта, но и духовной связи с предками и местной культурой, подчеркивая важность обычаев и традиций, которые связывают прошлое с настоящим. В описании подобных образов М.Н. Еськов активно использует диалектизмы (застреха, латвина, леток, обвершка, продушина, устелиха), которые не только обогащают текст, но и придают произведениям аутентичность и глубину, позволяя читателю ощутить атмосферу жизни в Курском крае [14]. Эти языковые элементы наполняют тексты «ароматами родной земли», создавая ощущение принадлежности к определенной культуре и традициям.

При этом покосившиеся заборы, дырявое ведро в колодце или лужа посреди двора приобретают особый смысл под пером писателя. Так писатель описывает крыши домов у жителей Курского края: Он услышал, как ветер натужно пыхтит в соломенной застрехе, пытаясь её приподнять, разгульно рвануться под крышу и снести её целиком («Торф») [6]. В данном случае соломенная застреха, наряду с ветром, который натужно пыхтит, становится метафорой неустойчивости и хрупкости жизни в условиях сельской действительности. Все это не только изображает образ деревенского быта, но и передает ощущение постоянной борьбы с природными стихиями, что также отражает глубокие связи между людьми и их окружающей средой.

Важным элементом прозы М.Н. Еськова является воссоздание памяти о военных годах. Так, в «Старой яблоне с осколком» герой вспоминает: ...я одинок на моей спасительнице-печке, куда, бывало, прятался от фашистов, ломившихся в хату, и где прячусь теперь от брата и сестер, и даже от мамы в минуты провинности [5]. Здесь печка становится символом безопасности, места укрытия и памяти. В то же время автор рисует страшные картины военных лет, символизируя детские страхи и переживания, которые остаются в сознании и формируют культурную память народа. Воспоминания о войне, которые пронизывают текст, становятся важным элементом в формировании культурной идентичности. Страхи, пережитые в детстве, определяют не только личные взгляды на мир, но и общее восприятие истории и памяти у целых поколений. Эмоции, связанные с переживаниями войны, передаются через поколения, формируя уникальный культурный код, который связывает индивидуальные и коллективные переживания. Эти воспоминания ниспадают на фон повседневной жизни, сглаженные, но остающиеся значимыми и актуальными в современности. Важную роль в этом контексте играют детали, которые М.Н. Еськов мастерски вплетает в ткань повествования. Они создают эффект присутствия, заставляют читателя заглянуть в мир прошлого и сопоставить его с настоящим. В частности, фраза о спасительнице-печке не просто указывает на предмет быта, но и вызывает ассоциации с теплом, домашним уютом и защитой, которые становятся особой ценностью в условиях войны.

Выводы

Таким образом, тесная связь регионализма и культурной идентичности, раскрывающаяся в прозаических произведениях М.Н. Еськова, реализуется на основе его привязанности к родному краю, рассказам бабушки

и соседок, историй других писателей, а также живописных картин любимого города. Писатель стремится не исказить исторические, временные рамки, переводя события в литературный текст. Ландшафтная лексика и топографическая точность служат важными средствами, позволяющими автору не только углубить изображение реальности, но и связать его с эмоциональным состоянием персонажей. Каждый ландшафтный или природный элемент наполняется смыслом, который резонирует с личными воспоминаниями и переживаниями читателя. Так, ссылки на курские традиции, обряды или местные легенды задают контекст, в котором развивается действие, подчеркивая уникальность культурной идентичности жителей Курской области. Все это создает множество слоёв значений, давая читателям возможность осознать, что локальная культура не является изолированной, а, наоборот, встроена в более широкий контекст.

Использование фольклорных элементов и местного колорита помогает М.Н. Еськову достичь глубокой связи с традициями своего народа. Писатель не просто пересказывает истории, но и интегрирует их в ткань повествования, обогащая его новыми смыслами. Соответственно, фольклорные мотивы становятся важной основой для формирования культурной идентичности, где каждый народ имеет право на сохранение и переосмысление своей истории и традиций. Именно фольклор помогает предотвратить утрату традиций, обеспечивая преемственность между поколениями. В этом контексте М.Н. Еськов выступает не только как писатель, но и как хранитель культурной памяти, позволяя читателям переосмыслить и заново открыть для себя богатство и многообразие курского наследия. Его тексты демонстрируют, что через возвращение к корням, к традициям своего народа, возможно не только сохранение идентичности, но и обогащение ее новыми смыслами, адаптируя историческое наследие к современным реалиям.

Список источников

1. Еськов М.Н. Брат мой меньший: рассказы и повести / ред. С.В. Бузмаков. Барнаул: Алтайский дом печ., 2012. 586 с.
2. Еськов М.Н. Два рассказа: «Жил-был Герасим Лукич» и «Ни тучки, ни хмарки...» // Проза Михаила Еськова. РосПисатель. URL: https://rospisatel.ru/eskov-dva_rasskaza.htm (дата обращения: 26.11.2024).
3. Еськов М.Н. День отошедший // Проза Михаила Еськова. РосПисатель. URL: <https://rospisatel.ru/eskov-85.html> (дата обращения: 26.11.2024).
4. Еськов М.Н. Игра в классики // Проза Михаила Еськова. РосПисатель. URL: <https://rospisatel.ru/eskov-zern.htm> (дата обращения: 26.11.2024).
5. Еськов М.Н. Рассказы и повести // Проза Михаила Еськова. РосПисатель. URL: <https://rospisatel.ru/eskov-vstuplenije.htm> (дата обращения: 26.11.2024).
6. Еськов М.Н. Торф: Повесть и рассказ. М.: Мол. гвардия, 1985. 96 с.
7. Завалишина К.Г., Хроленко А.Т. Кросскультурная лингвофольклористика: нар.-песен. портрет в трёх этнич. профилях. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. 61 с.
8. Культурный континуум российской провинции: проблемы формирования и развития: сб. ст. участников международного круглого стола, 14 апреля 2022 г. / под ред. Г.А. Салтык, И.Г. Косихиной. Курск: Курский гос. ун-т, 2022. 220 с.
9. Маслова М.И. О творчестве писателей Курского края: Михаил Еськов, Борис Агеев: статьи. Курск: АИИТ ГИРОМ, 2016. 138 с.
10. Матвеева И.В. Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация: на материале лексики г. Новосибирска: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Архангельск, 2021. 26 с.
11. Резвухина Ю.А. Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2014. 19 с.
12. С любовью к людям: к 80-летию со дня рождения писателя Михаила Еськова: биобиблиографич. указатель / сост. Е.М. Капустина. Курск, 2015. 28 с.
13. Семенов А.И. Поэтический регионализм (к определению понятия) // Научный диалог. 2018. № 8. С. 62 – 73.
14. Черемисина Е.В. Язык художественной прозы М.Н. Еськова в аспекте филологической регионалистики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Курск, 2017. 209 с.

References

1. Eskov M.N. My younger brother: stories and novellas. Ed. S.V. Buzmakov. Barnaul: Altayskiy dom pech., 2012. 586 p.
2. Eskov M.N. Two stories: “Once upon a time there lived Gerasim Lukich” and “Neither clouds nor gloom...”. Prose by Mikhail Eskov. RosPisatel. URL: https://rospisatel.ru/eskov-dva_rasskaza.htm (date of access: 26.11.2024).

3. Eskov M.N. The day that has passed. Prose by Mikhail Eskov. RosPisatel. URL: <https://rospisatel.ru/eskov-85.html> (date of access: 26.11.2024).
4. Eskov M.N. Playing Hopscotch. Prose by Mikhail Eskov. RosPisatel. URL: <https://rospisatel.ru/eskov-zern.htm> (date accessed: 26.11.2024).
5. Eskov M.N. Stories and Novels. Prose by Mikhail Eskov. RosPisatel. URL: <https://rospisatel.ru/eskov-vstuplenije.htm> (date accessed: 26.11.2024).
6. Eskov M.N. Peat: Novel and Story. Moscow: Mol. Gvardia, 1985. 96 p.
7. Zavalishina K.G., Khrolenko A.T. Cross-cultural Linguistic Folklore Studies: Folk Song Portrait in Three Ethnic Profiles. Kursk: Kursk State Publishing House. University, 2005. 61 p.
8. Cultural continuum of the Russian province: problems of formation and development: collection of articles by participants in the international round table, April 14, 2022. Edited by G.A. Saltyk, I.G. Kosikhina. Kursk: Kursk State University, 2022. 220 p.
9. Maslova M.I. On the work of writers of the Kursk region: Mikhail Eskov, Boris Ageev: articles. Kursk: AIIT GIROM, 2016. 138 p.
10. Matveeva I.V. Typology of regionalisms and their lexicographic interpretation: based on the vocabulary of Novosibirsk: dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.01. Arkhangelsk, 2021. 26 p.
11. Rezvukhina Yu.A. Kolyma regional vocabulary of the 20s - early 30s of the XX century: dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.01. Moscow, 2014. 19 p.
12. With love for people: on the 80th anniversary of the birth of writer Mikhail Yeskov: biobibliographic index. compiled by E.M. Kapustina. Kursk, 2015. 28 p.
13. Semenov A.I. Poetic regionalism (towards the definition of the concept). Scientific dialogue. 2018. No. 8. P. 62 – 73.
14. Cheremisina E.V. The language of M.N. Yeskov's fiction in the aspect of philological regionalistics: dis. ... Cand. Philological Sciences. Sciences: 10.02.01. Kursk, 2017. 209 p.

Информация об авторах

Кочуланова Е.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, ФГКВОУ ВО «Михайловская военная артиллерийская академия» МО РФ, sirena248@gmail.com

© Кочуланова Е.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 821.161.1

¹ Ли Фэн, ¹ Павлов Д.В.

¹ Казанский Федеральный университет

Семантические особенности зоонимов в русском песенном жанре (на примере орнитонимов)

Аннотация: статья посвящена выявлению отличительных характеристик зоонимов в русском песенном жанре, с особым акцентом на орнитонимы. Целью исследования является анализ номинативного значения птиц в русских народных песнях и выявление их роли в формировании языковой картины мира, отражающей национально-культурные особенности русского народа. С целью отбора исследуемых единиц на основе сплошной выборки мы использовали лексикографический метод. При анализе различных зоонимов, употребляемых в песнях и частушках, мы применяли сопоставительный метод. В ходе работы рассматриваются различные аспекты использования орнитонимов, включая их символику, ассоциации и функции в фольклорном контексте. Особое внимание уделяется тому, как зоонимическая лексика помогает передать эмоциональное состояние героев песен и обогатить их образный ряд. Автор приходит к выводу, что зоонимы играют ключевую роль в формировании языковой картины мира в русских народных песнях. Птицы не только обогащают текстовые структуры произведений, но и служат важными символами, отражающими национально-культурные особенности и эмоциональное состояние персонажей. Практическое применение результатов исследования видится в развитии курсов по фольклору и русскому языку, а также в использовании полученных данных в лексикографии и лингвокультурологии. Как результат, исследование подчеркивает важность зоонимической лексики как средства выражения культурной идентичности и восприятия природы в русском фольклоре.

Ключевые слова: языковая картина мира, национально-культурные особенности, русские народные песни, зоонимическая лексика, фольклор, номинативное значение

Для цитирования: Ли Фэн, Павлов Д.В. Семантические особенности зоонимов в русском песенном жанре (на примере орнитонимов) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 30 – 35.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Li Feng, ¹ Pavlov D.V.

¹ Kazan Federal University

Semantic features of zoonyms in the Russian song genre (based on the ornithonyms)

Abstract: the article is dedicated to identifying the distinctive characteristics of zoonyms in the Russian song genre, with a particular focus on ornithonyms. The aim of the study is to analyze the nominative meaning of birds in Russian folk songs and to uncover their role in shaping the linguistic worldview that reflects the national and cultural specifics of the Russian people. To select the units for study based on a comprehensive sampling, we employed a lexicographic method. In analyzing various zoonyms used in songs and couplets, we applied a comparative method. The work examines different aspects of the ornithonyms, including their symbolism, associations, and functions in a folkloric context. Special attention is given to how zoonymic vocabulary helps convey the emotional state of the song's characters and enriches their imagery. The author concludes that zoonyms play a key role in forming the linguistic worldview in Russian folk songs. Birds not only enrich the textual structures of the works but also serve as important symbols reflecting the national and cultural characteristics and emotional states of the

characters. The practical application of the research results is seen in the development of courses on folklore and the Russian language, as well as in the use of the obtained data in lexicography and linguoculturology. As a result, the study emphasizes the importance of zoonymic vocabulary as a means of expressing cultural identity and perception of nature in Russian folklore.

Keywords: *linguistic worldview, national and cultural specifics, Russian folk songs, zoonymic vocabulary, folklore, nominative meaning*

For citation: Li Feng, Pavlov D.V. Semantic features of zoonyms in the Russian song genre (based on the ornithonyms). *Philological Sciences Bulletin*. 2025. 5 (2). P. 30 – 35.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Зоонимы, или имена животных, занимают важное место в языковой системе и культурной практике любого народа. В русском песенном жанре они не только обогащают лексический состав текстов, но и выполняют значимую символическую функцию, отражая мировосприятие и культурные традиции. Необходимо отметить, что «зооним, как любое другое слово, является, прежде всего, средством номинации, лингвистическим знаком, используемым в качестве имени для обозначения реалии – биологической особи» [11, с. 388]. Среди разнообразия зоонимов, используемых в народных песнях, орнитонимы – названия птиц – представляют особый интерес. «Благодаря широкому распространению в мифологии, птица стала семиотическим кодом практически во всех мировых культурах» [3, с. 37]. Птицы, как свободные и легкие создания, часто ассоциируются с темами свободы, любви, тоски и надежды, что делает их идеальными метафорами для выражения человеческих эмоций и переживаний.

Русская песенная традиция изобилует образами птиц, которые не только служат объектами описания, но и становятся носителями глубоких смыслов и значений. Как отмечают исследователи, «изучение этой лингвистической группы является весьма актуальным для теоретической лингвистики, поскольку зоонимы отражают общие языковые черты и присутствуют в языках различных народов» [9, с. 149]. Они могут олицетворять как радостные, так и печальные моменты жизни, отражая многогранность человеческого опыта. В песнях птицы часто выступают в роли свидетелей событий, символизируя связь между человеком и природой, а также между прошлым и настоящим. Однако важно подчеркнуть, что «в связи со слабой изученностью зоонимов по сравнению с антропонимами и топонимами в процессе их анализа неизбежно возникают вопросы, ответы на которые современная ономастика пока не дает» [5, с. 83]. Данный факт раскрывает актуальность нашей работы, которая заключается не только в выявлении изменений в восприятии традиционных символов в условиях глобализации, но и в открытии новых горизонтов для междисциплинарного анализа, объединяя лингвистику, фольклористику и культурологию, что подчеркивает значимость данного направления для изучения русского народного творчества.

Изучение орнитонимов в русском песенном жанре позволяет глубже понять культурные и социальные аспекты, связанные с восприятием птиц в русской традиции. Поэтому цель исследования заключается в анализе семантических особенностей орнитонимов в русском песенном жанре для выявления их функциональной и символической значимости, а также в понимании их роли в отражении культурных ценностей и человеческих эмоций. «Употребление зоонимов в речевой практике увеличивает коннотативную наполненность слов, раскрывая их потенциал и актуализируя как узуальные, так и окказиональные коннотативные компоненты» [2, с. 137]. В связи с этим исследование направлено на изучение того, как птицы, как метафоры, помогают передавать сложные переживания и связи между человеком и природой, а также на выявление изменений в интерпретации этих символов в контексте современности. Данная работа открывает новые горизонты для анализа текстов, выявления их семантических особенностей и понимания того, как зоонимы формируют идентичность и культурные ценности народа. В рамках нашей работы будет предпринята попытка рассмотреть орнитонимы как важный элемент русского песенного наследия, исследуя их функциональную и символическую значимость в контексте народного творчества.

Материалы и методы исследований

В ходе работы использовались такие методы как: контент анализ для выявления частоты употребления орнитонимов, их контекстуального значения и роли в композиции; качественный анализ, позволивший изучить символические значения орнитонимов, их эмоциональной нагрузки и роли в передаче культурных

ценностей; лексико-семантический анализ значений и ассоциаций, связанных с конкретными орнитонимами, а также их метафорического и символического использования в текстах песен.

Материалами исследования служат русские народные песни, для отбора песен производился метод сплошной выборки.

Результаты и обсуждения

Как уже было отмечено, «названия птиц – орнитонимы – стали воплощением национально-культурных особенностей мышления, концептуально важной и эмоционально нагруженной частью языковой картины мира» [4, с. 95]. Это утверждение подчеркивает, что орнитонимы не просто обозначают конкретные виды птиц, но и несут в себе глубокие символические значения, отражающие исторический и культурный контекст русского народа. Следовательно, орнитонимы являются важным инструментом для понимания не только языка, который является «важной составной частью культуры, ведь в нем выражаются специфические особенности национального мышления» [6, с. 13], но и культурной идентичности, формируя уникальное восприятие мира, присущее русскому фольклору.

В русском фольклоре зачастую употребляются такие орнитонимы, как «ворона, сорока, соловей, жаворонок, сова, орел» [7, с. 73], павлин, селезень, куропатка, канарейка, кукушка и многие другие. Разберем каждого представителя фауны.

Ворона в русских народных песнях часто символизирует различные аспекты человеческой жизни, такие как предательство, печаль, одиночество и даже мудрость. Эта птица, как правило, ассоциируется с негативными или мрачными темами, что отражает её черный цвет и характерные повадки («Что ты, черный ворон, вьешься Над моей головою»).

1. Приспособляемость: «А богатая птица ворона Зиму она сыта по дорогам А летом она сыта по суслонам». Вороны известны своей способностью адаптироваться к различным условиям окружающей среды, что делает их символом выживания и изобретательности.

2. Смерть или зловещее предсказание: «Ах, я знаю – средь образов горных пропадет сиротливой мечтой, лишь умру, – стая воронов черных, что кружилась всю жизнь надо мной». Ворона, как черная птица, традиционно воспринимается как символ несчастья и предвестник плохих событий. Её крик или появление могут восприниматься как знаки, предупреждающие о беде или гибели.

3. Жадность и алчность: «Как лавровская деревня Начинает богатеть, Окна тряпкам затыкают, Чтоб вороне не влететь». Ворона, как птица, известная своей склонностью к сборищу различных предметов, часто символизирует стремление к материальным благам и накопительству. Её привычка красть и забирать вещи, которые не принадлежат ей, отражает человеческие пороки, такие как жадность и эгоизм.

4. Связь с природой. Ворона, как и другие птицы, подчеркивает связь человека с природой. Она может быть частью пейзажа, в котором разворачиваются события песен, и ее присутствие помогает создать атмосферу и настроение: «Сидит ворон на рябине, Рябинушку кушает. Мой миленок – чужеумник, Чужих речей слушает».

Примеры песен, в которых фигурирует ворона, могут варьироваться, и их значения могут быть многогранными. В целом, ворона в русских народных песнях является ярким символом, который помогает передать сложные человеческие эмоции и переживания.

В русских народных песнях сорока часто изображается как символ изобилия и веселья. На Старый Новый год её упоминают с радостью, как часть народных традиций: «На Старый Новый год Кричит Сороку Народ!». Так же к ней обращаются как «Сорока Дуда, Таусень», что относит её к русскому народному празднику (канун нового года, сочельник). В песнях сорока ассоциируется с богатством и роскошью: «Сорока то у нас щеголиха, Без калача не садится, Без сладкого меду не встает, Всё бы ей в богатых колымагах, Все бы она во нарядах, Все бы кони ей вороные, Всё бы ей кольца золотые». Эти образы подчёркивают её связь с праздником, достатком и украшением жизни, добавляя яркости и колорита народной культуре.

Соловей занимает важное место в русских народных песнях и фольклоре, где он часто является многогранным символом, который отражает как радостные, так и печальные аспекты человеческой жизни и чувств. В некоторых песнях соловей символизирует грусть и утрату: «Соловей мой, соловей, соловушко молодой! Не пой рано на заре, не трави ты сердце мне! И так тошно молодцу, сам не знаю почему». Его мелодия может отражать печаль, связанную с разлукой или утратой любимого человека. Соловей в русской культуре также может рассматриваться как символ труда, особенно в контексте народных песен и фольклора: «Соловейка-трудничек, Ты слетай на рудничек». Образ соловья в народных песнях часто передает атмосферу легкости и игривости, отражая детскую игривость: «соловей князь веселья, во всякие он потехи играет, все ли он царя спотешает» и непостоянство: «Перелетный соловей То на ветку, то на ель. Перелетный милый мой То с подругой, то со мной». Таким образом, данный орнитоним варьируется от символа грусти и утраты, что видно в

песнях, где его мелодия ассоциируется с разлукой, до символа труда и усердия, подчеркивающего важность работы в жизни человека.

Фигура жаворонка в русских народных песнях символизирует радость, свободу и весну. «Орнитологические образы являются одним из маркеров метафорики времен года» [10, с. 176], и эта птица ассоциируется с пробуждением природы, а именно с весной: «Жаворонок мой, Ты воспой, воспой На проталине весной!». Жаворонок, как певчая птица, часто олицетворяет светлые чувства, воспоминания: «И защечечет жаворонок звонко Над полосой, когда-то фронтовой... Расскажем детям мы, как шли когда-то Солдатами в разведку на заре». Его мелодичный, раздающийся на рассвете, воспринимается как знак хорошего настроения и позитивных будущих изменений.

Принято считать, что образ совы в русских народных песнях часто ассоциируется с мудростью, таинственностью и ночной тишиной. Сова, как ночная птица, символизирует глубокие знания и понимание, а её умение видеть в темноте делает её метафорой для проницательности и интуиции. Однако мы хотели бы обратить внимание на редкие примеры изображения совы, а именно:

- Хитрость и обман: «Всё надеялся на милую, На ласковы слова; Провела меня красавица, Как голубя сова». Тем самым она использует свою мудрость не для помощи, а для достижения собственных целей, что подчеркивает её двойственную природу и многогранность.

- Одинокая женщина: «Сова ль моя, совушка, Вдова ль моя, вдовушка, Залесная барыня». Следовательно, в некоторых случаях сова может быть связана с образом вдовы или женщины, которая переживает трудные времена, что подчеркивает её одиночество и внутреннюю борьбу.

- Символ нечистого: «Костромушка-Кострома На завалинке спала. Прилетела к ней сова, Глаза выклювала, Кишки выпустила». В славянской мифологии и народных поверьях сова воспринимается как предвестник несчастья, смерти или злых духов. Её ночная активность и таинственная природа создают атмосферу загадки и порой страха.

Птица орел занимает особое место в русских народных песнях, символизируя силу, свободу и величие: «Единожды в год прилетает, Великую дань собирает». В фольклоре орел часто ассоциируется с высокими идеалами, героизмом и духовной высотой: «А мне надобно орла, Чтоб получше жизнь была!». Его образ может быть использован для передачи чувства гордости и патриотизма, а также для выражения стремления к свободе и независимости: «Высоко орел летает, Крылом небо достает». Орел – одна из хищных птиц, которые «принимаются за предвестниц не только атмосферных явлений, но и грядущих войн, победы или поражения, смерти и пожаров» [1, с. 163]. Эта птица, парящая высоко в небе, стал метафорой для человеческих устремлений и мечтаний о свободе, что особенно актуально в контексте исторических и социальных изменений. В песнях орел может выступать как защитник: «Взвейтесь, соколы, орлами, Полно горе горевать! То ли дело под шатрами, В поле лагерем стоять», символизируя надежду и силу, а также как предвестник перемен, подчеркивая важность связи человека с природой и его место в мире. Таким образом, образ орла в русских народных песнях обогащает культурное наследие и служит важным элементом в формировании национальной уникальной идентичности.

Следующий орнитоним, павлин, в русских народных песнях встречается реже, чем другие птицы, но его образ также имеет свое значение: «в представлении русских павлин олицетворяет собой чистую красоту и общепризнанный идеал» [12, с. 701]. Павлин, благодаря своим ярким и эффектным перьям, символизирует что-то ценное и дорогое. Его присутствие в песнях указывает на высокий социальный статус или на желание обладать чем-то ценным и красивым: «Мелкая трава растет, павлин ее пасет. Перья его падают, девушки их собирают, букеты украшают». В некоторых песнях павлин связан с темой любви и свадьбы, где его красота служит метафорой для описания чувств и эмоций, связанных с влюбленностью: «Павлин идет, самочку ведет». В этом примере описан процесс бракосочетания, где жених сравнивается с этой красивой птицей.

Селезень в русских народных песнях занимает особое место, олицетворяя радость, молодость и любовь. Он часто выступает в роли торговца, как видно из первых строк: «Селезни гости торговые, по синему по мору плавают, всякими товарами торгуют». Этот образ связывает селезня с активной жизнью, путешествиями и обменом, что отражает дух народной культуры и общение между людьми. В фольклорных текстах селезень обычно ассоциируется с уткой, которая символизирует невесту. Например, в песне: «Приходил к нам селезень, приходил к нам на двор: Ты, утица, выйди к нам! Узнай своего женишка!» – мы видим, как селезень становится символом ухаживания и романтических отношений, подчеркивая важность любви и семейных связей в народной жизни. В других строчках песни: «Селязень мой, селязень мой сиз-косастай, Молоденькай, кудревастай», селезень изображается как молодой и красивый, что добавляет образу легкости и игривости. Здесь он становится не только объектом любви, но и частью живописного пейзажа: «поплывёшь ты вдоль Дуная, Там молодки скачут-пляшут, платком машут», создавая атмосферу веселья и праздника.

Куропатка в русских народных песнях является многозначным символом, который олицетворяет как одиночество, так и нежность. В первом описании куропатка представлена как «бобыль беспоместной», что подчеркивает её независимость и свободолюбие. Она «Из куста в куст летает и нигде себе подворья не имеет», что создает образ птицы, которая постоянно в поисках своего места в жизни. Этот образ может отражать судьбу человека, который ищет уединения и покоя, но так и не находит его. Во втором примере куропатка становится символом молодости и романтики. Сравнение милой девушки с куропаткой – «Моя мила не велика, точно куропатка» – придаёт ей легкость и очарование. Это сравнение подчеркивает её хрупкость и привлекательность, а строка «На работу кое-как – целоваться падка» добавляет игривости и наивности, акцентируя внимание на чувствах влюбленности и нежности.

В одном из описаний канарейка помогает справиться с горем, её пение приносит утешение и облегчение: «уж ты пташка, э ох, канарейка, утешай-ка горе мое». В другом примере её звонкий голос сопровождает игру, добавляя мелодичности и веселья: «Он играл, я припевала Звонче канареечки». Канарейка также ассоциируется с красотой и нежностью: её голос сравнивают с голосом милой девушки, подчёркивая её очарование и привлекательность: «У моей-то у милашки Глаза черны, как у пташки; Раскурносенький носок, Канарейкин голосок». Таким образом, канарейка в песнях символизирует радость, утешение и красоту, добавляя глубину и эмоциональность народной культуре.

И в заключении, кукушка – «одна из наиболее мифологизированных птиц с ярко выраженной женской символикой, связанная с горем, разлукой, смертью и миром мертвых» [8, с. 17]. Из вышесказанного можем сделать вывод, что этот образ часто ассоциируется с тоской по утраченной любви или родным, а её характерный крик становится метафорой для выражения горечи и сожаления: «Сколь кукушка ни кукует, Перестанет куковать; Сколь милашка ни тоскует, Перестанет тосковать!». В народной культуре кукушка нередко выступает как предвестник рекрутского набора и связанного с этим материнского горевания: Не кукушечка во сыром бору Скуковала, скуковала, Вестку подавала, вестку подавала То родна матушка Слезно спричитала». Характерный крик птицы становится метафорой для выражения горечи и печали матери, потерявших трех сыновей на войне: «А пойду-то я в чисто полношко, Будут-то там кукушки куковать, А я-то буду прислуховать: Не моя ли детушка Петюшка кукует, Не мое ли лишенько Мишенько голос подает, Не мой ли Алешенько ответа ждет?». Таким образом, кукушка в русских народных песнях является многозначным символом, который отражает глубинные человеческие чувства и переживания.

Выводы

В ходе исследования семантических особенностей орнитонимов в русском песенном жанре было установлено, что птицы играют важную роль в формировании эмоционального и символического контекста народных песен. Орнитонимы не только обогащают текстовые структуры, но и служат мощными метафорами, отражающими культурные и национальные особенности русского народа. Они помогают передать чувства героев, такие как тоска, любовь и надежда, создавая глубокую связь между человеком и природой. Таким образом, зоонимическая лексика становится ключевым элементом, способствующим выражению культурной идентичности и восприятия окружающего мира в русском фольклоре. Результаты исследования подчеркивают необходимость дальнейшего изучения этой темы для более глубокого понимания языка и культуры.

Список источников

1. Афанасьев А.Н. Баснословные сказания о птицах // Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1995. 257 с.
2. Болгова Е.В. Коннотативный потенциал лексики современного русского языка (на материале современного речевого употребления зоонимов тематической группы «зайцеобразные млекопитающие») // СИСП. 2021. № 1. С. 130 – 167.
3. Болдырева Е.М., Асафьева Е.В. Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии // Верхневолжский филологический вестник. 2023. Ч. 1. № 1 (32). С. 36 – 47.
4. Ван С. Особенности функционирования орнитонимов в поэзии Ф.И. Тютчева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 94 – 100.
5. Варникова Е.Н. Зоонимы в русских народных сказках: вопросы интерпретации // Русский язык в школе. 2018. № 7. С. 83 – 89.
6. Гимадеева А.А., Гарифуллина Д.Б., Гараева М.Р. Лексико-семантическая репрезентация концепта «страх» (на материале английских и татарских фразеологических единиц с компонентом-зоонимом) // Казанский лингвистический журнал. 2019. № 2 (1). С. 11 – 18.
7. Грудева Е.В. Особенности функционирования орнитонимов в русском языке (корпусное исследование) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 4 (65). С. 72 – 77.

8. Кузьмина А.В., Малыхина Т.М. Наименования птиц в курской песенной лирике // Лингвофольклористика. 2024. № 39-1. С. 15 – 24.
9. Махмуди А.Ф., Голами Х. Сопоставительный анализ зоонима «кот/кошка» в русских и персидских пословицах и фразеологизмах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 10-2 (85). С. 148 – 153.
10. Тропкина Н.Е., Цзин Ц. Зимняя метафорика образа синицы в поэзии Арсения Тарковского // Известия ВГПУ. 2021. № 3 (156). С. 176 – 179.
11. Хабарова О.В. Стилистические, семантические и структурные особенности зоометафоры в английском и русском языках (на материале произведений Д. Голсуорси) // МНКО. 2022. № 3 (94). С. 387 – 390.
12. Хо С. Лингвокультурологическое описание русских паремий с компонентами-названиями декоративных птиц (на фоне китайского языка) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6 (39). С. 701 – 707.

References

1. Afanasyev A.N. Fabulous tales about birds. Poetic views of the Slavs on nature. Vol. 1. Moscow, 1995. 257 p.
2. Bolgova E.V. Connotative potential of the vocabulary of the modern Russian language (based on modern speech use of zoonyms of the thematic group "lagomorph mammals"). SISP. 2021. No. 1. P. 130 – 167.
3. Boldyreva E.M., Asafyeva E.V. Cultural symbolism of the image of a raven in Russian and Chinese poetry. Upper Volga Philological Bulletin. 2023. Part 1. No. 1 (32). P. 36 – 47.
4. Van S. Features of the functioning of ornithonyms in the poetry of F.I. Tyutchev. VSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2022. No. 3. P. 94 – 100.
5. Varnikova E.N. Zoonyms in Russian Folk Tales: Interpretation Issues. Russian Language in School. 2018. No. 7. P. 83 – 89.
6. Gimadeeva A.A., Garifullina D.B., Garaeva M.R. Lexical and Semantic Representation of the Concept "Fear" (Based on English and Tatar Phraseological Units with a Zoonym Component). Kazan Linguistic Journal. 2019. No. 2 (1). P. 11 – 18.
7. Grudeva E.V. Features of the Functioning of Ornithonyms in the Russian Language (Corpus Study). Bulletin of Cherepovets State University. 2015. No. 4 (65). P. 72 – 77.
8. Kuzmina A.V., Malykhina T.M. Names of Birds in Kursk Song Lyrics. Lingvofolklore. 2024. No. 39-1. P. 15 – 24.
9. Makhmudi A.F., Gholami H. Comparative Analysis of the Zoonym "Cat" in Russian and Persian Proverbs and Phraseologisms. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 10-2 (85). P. 148 – 153.
10. Tropkina N.E., Jing Ts. Winter metaphors of the tit image in the poetry of Arseny Tarkovsky. Bulletin of VSPU. 2021. No. 3 (156). P. 176 – 179.
11. Khabarova O.V. Stylistic, semantic and structural features of zoometaphor in English and Russian (based on the works of D. Galsworthy). MNKO. 2022. No. 3 (94). P. 387 – 390.
12. Ho S. Lingvocultural description of Russian parems with components-names of ornamental birds (against the background of the Chinese language). Scientific Notes of the Novgorod State University. 2021. No. 6 (39). P. 701 – 707.

Информация об авторах

Ли Фэн, кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований, Казанский Федеральный Университет

Павлов Д.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики перевода, Казанский Федеральный Университет

© Ли Фэн, Павлов Д.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.1

¹ Репин А.О.

¹ Институт журналистики, коммуникаций
и медиаобразования МПГУ

Сложности в определении дефиниции лидера общественного мнения в условиях современной медиасреде

Аннотация: статья посвящена изучению феномена лидера общественного мнения в рамках современной медиасреды. Поскольку в современной науке понятие «лидер общественного мнения» трактуется по-разному в зависимости от области исследований и убеждений самого исследователя, кажется важным охватить больший спектр характеристик для дальнейшего исследования проблемы. Рассматриваются различные и конфликтующие подходы к определению лидера: исторический, социальный, маркетинговый, имиджный и др. Особое внимание уделяется образованию родственных терминов лидеру мнений в современных медиа: инфлюенсер, трендсеттер. Более того, в статье исследуются общие характеристики и набор инструментов деятельности лидеров общественного мнения и делается попытка собрать воедино портрет мультитаскового, конвергентного и образного лидера мнений, характерного для современных медиа. Изучаемый объект в условиях современных медиа включает в себя все возможные интерпретации и методы воздействия на аудиторию из политики, маркетинга, психологии, что вызывает сложности в подробном изучении лидера общественного мнения. В заключении статьи делается вывод о востребованности лидеров-персонажей, действующих на основе парасоциальных отношений и недостаток изученности феноменов лидеров-персонажей.

Ключевые слова: лидер общественного мнения, лидер, инфлюенсер, медиаперсона, медийный контент, медиа, потребитель контента, персонаж

Для цитирования: Репин А.О. Сложности в определении дефиниции лидера общественного мнения в условиях современной медиасреде // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 36 – 42.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Repin A.O.

¹ Institute of Journalism, Communications and
Media Education MSPU

Difficulties in specifying the definition of the leader of public opinion in modern media

Abstract: the article is devoted to the study of the phenomenon of the leader of public opinion in the modern media environment. Since in modern science the concept of "public opinion leader" is interpreted differently depending on the field of research and the beliefs of the researcher himself, it seems important to cover a wider range of characteristics for further research of the problem. Various and conflicting approaches to defining a leader are considered: historical, social, marketing, image, etc. Special attention is paid to the formation of related terms to the opinion leader in modern media: influencer, trendsetter. Moreover, the article examines the general characteristics and set of tools of public opinion leaders and attempts to put together a portrait of a multitasking, convergent and imaginative opinion leader typical of modern media. The object under study in

modern media includes all possible interpretations and methods of influencing the audience from politics, marketing, and psychology, which makes it difficult to study the leader of public opinion in detail. In conclusion, the article concludes that there is a demand for character leaders acting on the basis of parasocial relationships and a lack of knowledge of the phenomena of character leaders.

Keywords: public opinion leader, leader, influencer, personality, media content, media, consumer, character

For citation: Repin A.O. Difficulties in specifying the definition of the leader of public opinion in modern media. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 36 – 42.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Современная медиасреда как рукотворное, движимое, меняющееся и адаптирующееся пространство, наделено особым свойством постоянного человеческого присутствия. И хотя влияние одного обычного пользователя на медиасреду крайне мало, оно никогда не невесомо. И какой вклад в современный «второй мир» вносят те, чье влияние достаточно велико, чтобы воздействовать на других людей, побуждать их на те или иные поступки? Кто эти негласные лидеры медиапространства и что они могут предложить своим последователям?

Ответы на эти вопросы мы так или иначе получаем в процессе взаимодействия со своими персональными коммуникационными каналами. Любой пользователь медиа представляет себе, кто такой лидер общественного мнения по-разному: харизматичный политик, популярный блогер, эксцентричный режиссер, автор бестселлеров – каждый из ответов будет верным, и в то же время будет оставаться неполным.

Материалы и методы исследований

Актуальность исследования обусловлена сложным переплетением современного тренда на персональное потребление контента и желанием пользователя оставаться в глобальной повестке культурных, политических и социальных событий. Сам термин «лидер общественного мнения» и набор инструментов и приемов влияния медиаперсон постоянно ускользает из вида современных медиаструктур. Для потребителя все, что связано с лидером остается универсальным и простым, в конкретных исследованиях точным и структурированным, а в иных сферах находится в постоянной динамике.

Целью исследования является попытка разобраться с дефинициями, видами и областями влияния лидеров. Важно помнить о том, что в своей доступности и массовости современная медиасреда поощряет в своих лидерах настолько же много человечности, насколько она не порицает в них признаки бесчеловечности. Это мы увидим путем анализа трудов исследователей прошлого и настоящего времени. Именно эта дуальность закладывает основы понимания, что представления о лидере общественного мнения всегда будут оставаться полярными и отличаться в зависимости от области исследования и взглядов конкретных исследователей на данную проблему.

Результаты и обсуждения

Прототипы понятия «лидер мнения» сформировались задолго до появления цифрового пространства. Термин «лидера» изначально относился к играм мнений политических элит и трансляции их видения на социум. Безусловно, количество лидеров мнений было ограниченным. Такие лидеры мнений – политические игроки – выражали свое мнение либо в личной коммуникации, либо посредством традиционных средств масс-медиа (телевидение, журналы, газеты) [2, с. 23]. Эти люди, как правило, использовали свой высокий социальный статус и осторожно возводили свой имидж, сформированный годами деятельности в определенной сфере общественной жизни (политической, экономической, общественной, культурной и т.д.).

С одной стороны, у политической науки есть общее понимание лидера общественного мнения как актора, наделенного различным набором личностных качеств. Один из первых исследователей лидеров мнений в современной науке П. Лазарсфельд выделял, например, активную жизненную позицию, широкую сеть контактов, заинтересованность в распространении полезной информации и стремление решать чужие проблемы в узких или широких сферах [17, с. 42].

С другой же стороны, эти характеристики кажутся весьма общими и напоминают классические концепции лидерства античных философов – например, Сократовского «мудреца» или «созерцателя истины» Платона [10, с. 25].

Французский мыслитель Г. Гегель предлагал на рассмотрение совершенно иную функцию лидеров общественного мнения, а именно «носитель общественного мнения». В роли носителя титула лидера общественного мнения выступает правитель, который может отражать народное мнение. Так Г. Гегель понимал

противоречивую природу самого понятия общественного мнения, сочетающую в себе не только извращенную ложь и застывшие стереотипы, но и истину – «Общественное мнение заслуживает поэтому одинаково как уважения, так и презрения... В общественном мнении содержится все ложное и истинное, но найти в нем истинное есть дело великого человека» [1, с. 338].

Эта мысль французского философа наталкивает на рассуждения об отношениях современных лидеров общественного мнения со своей аудиторией. Лидеры современной медиасреды являются не только трансляторами полезной информации и ведущими за собой рупорами собственных идей о мироустройстве и жизни, но и реципиентами / заложниками для своей аудитории, которая вполне способна диктовать свои собственные взгляды на ту или иную проблему, вынуждая лидера общественного мнения подстраиваться под запросы своей публики.

В понимании классиков философии и науки, лидер общественного мнения – это преимущественно своеобразное воплощение человечности, правитель или пастух, ведущий надзор за стадом / народом и старающийся оградить его от влияния деструктивных идей. Это вольное и идеализированное определение характеризует безупречный образ лидера общественного мнения и во многом является фундаментом в определении его дефиниции в политической и социологической науках – родоначальницами как термина лидер, так и термина общественное мнение.

Поэтому для того, чтобы понять, что есть лидер современной медиасреды, нам следует обратиться к современной социологии и политологии. Белорусский исследователь И.В. Котляров предлагает собственное, и как нам кажется, наиболее полное определение лидерства как специфических отношений между социальными субъектами. Лидер в его понимании – это «социальный субъект, который благодаря своим ярко выраженным личностным качествам и волевым компонентам, профессионализму и моральному авторитету, чувствительностью к ситуации и гибкостью в поведении, ценностным ориентациям и стремлению быть полезным с точки зрения группового интереса оказывает постоянное и эффективное влияние на деятельность группы, пользуется активной поддержкой ее членов, признается ими в качестве ведущего, ответственен перед ними и при помощи различных мотивационных факторов способен повести за собой в наиболее сложных ситуациях» [7, с. 3].

Отталкиваясь от определения И.В. Котлярова в исследовании дефиниции лидера общественного мнения мы считаем возможным, так как оно объединяет в себе весь спектр качеств идеализированных лидеров мнений и непредвзятость с точки зрения наблюдения за динамикой отношений между аудиторией и лидером. В определении доктора социологических наук феномен лидера – это скорее своеобразный симбиоз авторитетной фигуры и масс, что, как нам кажется, очень точно характеризует современных лидеров общественного мнения в условиях цифровизации и быстрого обмена информацией.

Образование современных сетевых платформ кардинально повлияло на облик и широту влияния лидеров общественного мнения. Высокая доступность и разветвленность медийных платформ привела как к увеличению количества лидеров мнений, так и повлияло на их роль в жизни общества в целом и сообществ в частности. Интернет дал возможность любому своему пользователю вступить в «политическую игру» за завоевание аудитории. К примеру, по утверждению французского исследователя L. Jabeur и его коллег, каждый пользователь является в социальной сети источником информации и потенциальным лидером мнений, и уровень влиятельности пользователя имеет значение для отношения к представленной информации. Если мнение автора совпадает с ожиданиями аудитории, он может обрести быструю популярность, став ситуативным «лидером мнений» [16, с. 1].

Множество уникальных для нашего времени факторов дают новым лидерам мнений выживать и процветать на современных платформах: от маркетинговых стратегий до психологических трюков, от видимой близости в коммуникации до конструирования подходящего образа. Весь спектр этой персонализированной и «близкой» связи между потребителем и создателем контента породил множество придаточных понятий для характеристики лидера общественного мнения.

Современные лидеры мнений в своей деятельности могут кардинально отличаться как по широте воздействия на свою аудиторию, так и по своему статусу в и вне медийного мира. Это отражается в появлении различного рода видов лидеров мнений: «популярные» и «андеграундные» (в конкретной области) или мега-лидеры (главы государств, спортсмены, религиозные лидеры, актеры), лидеры мнений – «обыватели» и лидеры мнений – «эксперты».

S. Vamakan и коллеги, к примеру, предлагают следующую классификацию лидеров мнений:

- а) По масштабу влияния: локальные и глобальные.
- б) По сфере влияния: мономорфные и полиморфные.
- в) По временным характеристикам: долгосрочные и краткосрочные.

г) По социальной окраске поведения: позитивные и деструктивные лидеры мнения [14, с. 216].

Более того, современные исследователи медиа и лидеров мнений выделяют в своих исследованиях новые формирования: блогер, инфлюенсер, трендсеттер и др. и пытаются обозначить рамки заявленных понятий в общей картине медиасреды.

К примеру, для Ягудиной А.Р. лидеры мнений – «это люди, способные оказывать влияние на мнение собеседников за счет своей известности и популярности, реальной или мнимой компетентности и авторитета» [13, с. 2]. Исследователь выделяет среди них трендсеттеров и инфлюэнсеров. Трендсеттер характеризуется умением предугадывать состояние информационного рынка, вносить новое в уже существующее для аудитории. Инфлюэнсер же – это лидер мнений, обладающий влиянием на преданную аудиторию. Именно благодаря воздействию таких медиаперсон на многочисленных пользователей, ресурсность самих медиаплатформ значительно возрастает.

Кузнецова Е.А. и Зиновьева Е.В. в своем исследовании, напротив, пришли к выводу, что понятия «инфлюэнсер» и лидер общественного мнения нельзя применять в качестве синонимов [8, с. 4]. Они выделяют инфлюэнсера в качестве влиятельной персоны, которая воздействует на какое-либо решение своей аудитории, а лидера мнений как регулятора социально-ценностной повестки для своей публики. Исследователи определяют инфлюэнсера как термин из области маркетинга и социальных исследований, а лидера мнений как термин с психологическим наполнением, основанным на личности самой медиаперсоны.

Мы понимаем логику разделения понятия инфлюэнсер и лидер общественного мнения, но в условиях современной медиасреды, как нам кажется, лидер общественного мнения – это портрет, создаваемый путем смешивания всех доступных инструментов – областей маркетинга, социализации, психологии и имиджа, что заставляет задуматься об исследовании родства этих понятий. Мы можем найти различия в классификациях лидеров мнений, например, функции и инструментарий амбассадоров бренда или звезд эстрады кажется отличимым от деятельности религиозных лидеров или политических фигур. Но так ли эти понятия различны, если вся суть лидеров современной медиасреды – это использование всех доступных технических и психологических средств для воздействия на аудиторию?

Например, совершенно иную точку зрения предлагают исследователи Захаркин Р.А и Аргылов Н.А. Они считают, что инфлюэнсер является более широким понятием, чем лидер мнения [4, с. 4]. Для данных ученых лидер мнения – это своеобразное промежуточное состояние, не имеющее самостоятельной формы, это посредник между медиа и аудиторией. А инфлюэнсер может исполнять как роль ретранслятора массовой информации, так и быть самостоятельным создателем оригинального контента.

Ефанов А.А. выделяет в своем исследовании инфлюэнсеров в роли особого типа лидера общественного мнения [3, с. 5]. Исследователь определяет лидера общественного мнения-инфлюэнсера как самостоятельного медиума, который обладает прямым каналом коммуникации и использует новые тактики интеграции приватного и публичного позиционирования, он обладает навыками воздействия в социальных медиа и продвигает идеи, контент, продукт. Качественным результатом будет развитие привычек в поведении аудитории и смещение или углубление определенных идеологических парадигм.

Таким образом, все вышеперечисленные современные исследователи указывают на определенное смещение в характеристике и портрете лидеров мнений. В медиасреде не только идет рассуждение о появлении новых терминов – инфлюэнсер, трендсеттер и пр. в рамках проблемы определения дефиниции лидеров, но и рассматриваются связи и сосуществование маркетинга, политики, социальных медиа и многих других областей в построении связи между влиятельными персонами и аудиторией. Например, австралийский исследователь медиаплатформ Д. Хатчинсон утверждает, что цифровым активистам свойственно применять стратегии, аналогичные тем, что используют их коммерческие «коллеги» [15, с. 42]. В то же время, согласно исследованию Макеенко М.И. и Вырковского А.В. «пользователи, похоже, ждут от своих онлайн-фаворитов более ярко и четко сформулированного призыва или посыла, что, безусловно, может быть использовано и в целях социальной и политической мобилизации» [9, с. 21].

Тенденции развития демократичной, но капитализированной медиасреды и богатства ее ресурсов помогают развитию дуальности, иллюзорности и комплексности современных лидеров общественного мнения. Часто современные медиаперсоналии откидывают положительные стороны лидерства и могут становиться опасными единицами в рамках медиаполя: транслятор деструктивных идей, видимый эксперт, манипулятор и т.д. В этой стороне нашей теории потребитель становится своеобразным кормом, средством к существованию лидера, а не реципиентом просветительского или развлекательного контента. Рекламные интеграции, создание своеобразного культа или формирование предрассудков ставят аудиторию лицом к лицу с хищными тактиками удержания аудитории лидером любым способом.

Сама сущность бесконечного потока потребления и создания медиаконтента, которые характеризуют современные реалии, наделяет лидера общественного мнения набором противоречивых качеств, где связь, которую они формируют своими взглядами, мыслями, действиями, харизмой или поведением очень часто становится достаточно крепкой для преобразования простого зрителя или слушателя в надежного члена сообщества, а в последствии участника своеобразного улья, где его обитатели ретранслируют полученные сведения, навыки и взгляды в окружающее их медиаполе и за его пределы.

Лидер же в своем поле, безусловно, объединяет таким образом невидимой нитью свою аудиторию и может соткать из нее любое полотно при наличии достаточного влияния. Как правило, такие создатели контента могут становиться уникальными ролевыми моделями для своей аудитории, создавать парасоциальные связи, основывающиеся на том, «что зритель в результате потребления медиапродукта находит подтверждение своим переживаниям, страхам и предпочтениям в лице значимой фигуры» [12, с. 2]. Поэтому сам термин «лидер общественного мнения», как нам кажется, является вводящим в заблуждение. Современные лидеры не только управляют мнением, но воздействуют на поведение и часто сами того не осознавая, вступают в ролевые отношения с аудиторией.

Кроме того, по мнению Л.Б. Зубановой, у каждого поколения есть свои носители ориентиров мироустройства, которые задают ему ценностную картину действительности. Эта картина может продолжать идеи и ценности, поддерживаемые предыдущим поколением, но также может видоизменять их, придавать им новую актуальную форму [5, с. 112]. А значит, в дискурсе всегда следует учитывать наследие и наличие лидеров мнений прошлого, их последователей и пр.

Это подводит нас к рассмотрению лидера общественного мнения как образа, персонажа. Исследования о лидерах мнений представляют их исключительно в качестве персон – то есть людей, что, как нам кажется, никогда не было правдивым. Изначальное определение лидера – это образ идеализированной фигуры – божественный избранник, рыцарь – герой войны, монарх, распространитель идей, ролевая модель, выдающаяся личность.

Т.В. Иовлева, например, таким образом отмечает несколько этапов трансформации образа выдающейся личности: идеализация, героизация, формирование культа личности и знаменитость [6, с. 6]. А В.Д. Плахов оправданно объединяет таких героев в мифических. Мифического героя отличает от реального то, что его бытие не связано с героизмом, не обусловлено подвигом, оно имиджное, существующее постольку, поскольку существует легенда-миф [1, с. 24]. Имиджное восприятие лидеров мнений современной аудитории играет важную роль в построении рычагов воздействия на аудиторию.

Выводы

Образ героя в современном обществе активно используется средствами массовой информации и все больше воссоздается искусственно в качестве продукта, потребляемого массовой культурой. Создаются мифы – персонажи, деятельность которых направлена на удовлетворение потребностей массовой культуры и за которыми могут стоять целые корпорации. Современное мифотворчество в сфере массовой культуры предлагает широкий выбор образцов для подражания – новых медийных героев. И медийность является неотъемлемой составляющей процесса такой героизации лидера.

Современная медиасреда наполнена персонажами, к деятельности которых приковано внимание преданной аудитории – от виртуальных блогеров до персонажей различных вселенных. Более того, развитие искусственного интеллекта может предвещать повсеместное появление различного рода автоматизированных лидеров мнений. Подобные трансляции, где герой или известная личность общается с аудиторией или чатом, уже находили свое место в медиапространстве.

Таким образом, само определение лидера общественного мнения в современной медиасреде усложняется благодаря расширенному функционалу и проблемами с идентичностью. Сложности в определении дефиниции лидера общественного мнения обоснованы растущей комплексностью самого феномена и окружающих его элементов: аудитория, медиасреда, запросы сетевых платформ.

Нам кажется важным определить современного лидера общественного мнения в современной медиасреде как актора (добровольного, недобровольного), само существование которого побуждает аудиторию к смене или укреплению ценностных парадигм и потребительских привычек. А его характеристики и набор функций будут зависеть как от целей самого автора контента в рамках медиаполя, так и от качества (использование инструментов воздействия) и количества коммуникации с аудиторией.

Список источников

1. Гегель. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Домасевич И.В. Формирование лидеров общественного мнения в среде студенческой молодежи: дис. ... канд. соц. наук: 5.9.9. Минск, 2017. 29 с.
3. Ефанов А.А. Инфлюенсер как особый тип лидера общественного мнения // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2022. № 4. 8 с.
4. Захаркин Р.А., Аргылов Н.А. Инфлюенсеры как медиазначимые другие: современные тренды вторичной социализации // Власть. 2021. № 6. 11 с.
5. Зубанова Л.Б. Действительность в суждениях медийных лидеров мнений // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 109 – 119.
6. Иовлева Т.В. Популярность личности как феномен культуры: дис. ... канд. культ. наук: 5.9.9. Челябинск, 2011. 31 с.
7. Котляров И.В. Лидерство в историческом нарративе (социологический дискурс) // Социологический альманах. 2015. № 6. 28 с.
8. Кузнецова Е.А., Зиновьева Е.В. Психологические аспекты определения и изучения лидеров мнений в цифровой среде // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 5. 18 с.
9. Макеенко М.И., Вyrковский А.В. Возможности влияния неинституционализированных производителей развлекательного и познавательного контента на аудиторию // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 5. 26 с.
10. Новгородцев П.И. Сократ и Платон. М., 1901. 72 с.
11. Плахов В.Д. Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы: монография. СПб.: КАРО, 2008. 239 с.
12. Тихонова И.Ю., Кравец А.С. Парасоциальные отношения в современном мире // Научные доклады ВГУ. 2021. 9 с.
13. Ягудина А.Р. Блогеры как регуляторы общественного мнения // Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas. 2023. № 2. 8 с.
14. Bamakan S.M.H., Nurgaliev I., Qua Q. Opinion leader detection: A methodological review. Expert Systems with Applications. 2019. № 115. P. 200 – 222.
15. Hutchinson J. Micro-Platformization for Digital Activism on Social Media. Information, Communication & Society. 2021. P. 35 – 51.
16. Jabeur L.B., Tamine L., Boughanem M. Featured tweet search: modeling time and social influence for microblog retrieval. IEEE / WIC / ACM International Conferences on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology. 2012. 8 p.
17. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. N.Y.: Columbia University Press, 1940. 224 p.

References

1. Hegel. Philosophy of Law. Moscow: Mysl, 1990. 524 p.
2. Domasevich I.V. Formation of public opinion leaders among student youth: dis. ... Cand. of Social Sciences: 5.9.9. Minsk, 2017. 29 p.
3. Efanov A.A. Influencer as a special type of public opinion leader. Bulletin of RUDN. Series: Literary criticism, journalism. 2022. No. 4. 8 p.
4. Zakharin R.A., Argylov N.A. Influencers as media significant others: modern trends of secondary socialization. Power. 2021. No. 6. 11 p.
5. Zubanova L.B. Reality in the judgments of media opinion leaders. Sociological research. 2009. No. 10. P. 109 – 119.
6. Iovleva T.V. Popularity of a person as a cultural phenomenon: dis. ... candidate of cultural sciences: 5.9.9. Chelyabinsk, 2011. 31 p.
7. Kotlyarov I.V. Leadership in a historical narrative (sociological discourse). Sociological almanac. 2015. No. 6. 28 p.
8. Kuznetsova E.A., Zinovieva E.V. Psychological aspects of defining and studying opinion leaders in the digital environment. World of science. Pedagogy and psychology. 2020. No. 5. 18 p.
9. Makeenko M.I., Vyrkovsky A.V. Possibilities of Influence of Non-Institutionalized Producers of Entertainment and Educational Content on the Audience. Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2021. No. 5. 26 p.
10. Novgorodtsev P.I. Socrates and Plato. Moscow, 1901. 72 p.

11. Plakhov V.D. Heroes and Heroism: An Experience of Modern Understanding of an Age-Old Problem: Monograph. St. Petersburg: KARO, 2008. 239 p.
12. Tikhonova I.Yu., Kravets A.S. Parasocial Relations in the Modern World. Scientific Reports of Voronezh State University. 2021. 9 p.
13. Yagudina A.R. Bloggers as Regulators of Public Opinion. The World of Science and Ideas. 2023. No. 2. 8 p.
14. Bamakan S.M.H., Nurgaliev I., Qua Q. Opinion leader detection: A methodological review. Expert Systems with Applications. 2019. No. 115. P. 200 – 222.
15. Hutchinson J. Micro-Platformization for Digital Activism on Social Media. Information, Communication & Society. 2021. P. 35 – 51.
16. Jabeur L.B., Tamine L., Boughanem M. Featured tweet search: modeling time and social influence for microblog retrieval. IEEE / WIC / ACM International Conferences on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology. 2012. 8 p.
17. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. N.Y.: Columbia University Press, 1940. 224 p.

Информация об авторах

Репин А.О., *Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ, repinkarmal@yandex.ru*

© Репин А.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский) (филологические науки)

УДК 81.23

¹ Скрипченко С.Н.

¹ Владимирский государственный университет

Обучение студентов языковых специальностей вузов лингвистическому анализу текста

Аннотация: целью данной статьи является обоснование необходимости обучения студентов языковых специальностей вузов лингвистическому анализу текста. Прежде всего следует обратиться к научным трудам советского ученого И.Р. Гальперина [6]. Для проведения лингвистического анализа ученый рассматривает грамматику языка в более широком смысле и выделяет следующие грамматические категории текста: информация в тексте, членимость текста, когезия (внутритекстовые связи), континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция в тексте, модальность текста, интеграция и завершенность текста. В.И. Бортникова [3] делает вывод, что лингвистический анализ текста осуществляется двумя способами: на разных языковых уровнях (фонемном, морфемном, на уровне слово и т.д.) и с рассмотрением текстообразующих категорий.

Применение на практике разных видов анализа приведет к возникновению у студентов так называемого «лингвистического чутья», то есть чувства языка и стиля для нестандартного выражения мыслей. Это будет способствовать глубокому погружению в структуру текста как единицу письменного варианта речи и, соответственно, обучению лингвистики на более качественном уровне.

Ключевые слова: студенты языковых специальностей вузов, лингвистический анализ, грамматические категории, языковые уровни, лингвистическое чутье, структура текста, единица речи

Для цитирования: Скрипченко С.Н. Обучение студентов языковых специальностей вузов лингвистическому анализу текста // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 43 – 47.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Skripchenko S.N.

¹ Vladimir State University

Teaching the students of foreign languages departments of universities to do a linguistic analysis of a text

Abstract: the aim of this article is proving the necessity of teaching the students of foreign languages departments of Universities to do a linguistic analysis of the text. First it's important to study the works of Soviet scientist I.R. Galperin. To do a linguistic analysis of the text he had a broader view on the grammar of a language and define the following grammatical categories of the text: information, coherence, cohesion, continuum, autosemantic of the parts of the text, retrospection and prospection, modality, integration and completion. V.I. Bortnikov had come to the conclusion that the linguistic analysis of the text had two ways: on various language levels (phonemic, morphemic, word level and so on) and by analyzing the categories of the text.

By doing various types of the linguistic analysis of the text the students will develop a so-called "linguistic flair" for nonstandard expression of thoughts and ideas. It will lead to deep immersion into the structure of the text as a unit of a written variant of the speech and, as a result, teaching Linguistics on a higher level.

Keywords: *the students of foreign languages departments of universities, a linguistic analysis, grammatical categories, language levels, linguistic flair, the structure of the text, a speech unit*

For citation: Skripchenko S.N. Teaching the students of foreign languages departments of universities to do a linguistic analysis of a text. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 43 – 47.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

По нашему глубокому убеждению, обучение лингвистическому анализу текста и требование к систематическому проведению данного вида анализа должны являться неотъемлемой составляющей учебных программ для студентов языковых специальностей вузов. Изучение текстов различных стилей (научного, официально-делового, публицистического, разговорного, художественного) – это основа формирования высококвалифицированных переводчиков, лингвистов, преподавателей иностранных и родного языка, и все они в той или иной степени входят в учебные программы будущих специалистов в этом направлении.

Материалы и методы исследований

Материалом данной статьи явились как научные работы по лингвистике текста за последние 5 лет, так и серьезные исследования в этой области второй половины 20-начала 21 вв. В данной статье использовались следующие методы: сравнительно-сопоставительный, описательный, анализ и систематизация.

Результаты и обсуждения

Прежде всего следует обратиться к научным трудам советского ученого И.Р. Гальперина [6]. Этот выдающийся филолог, рассматривая текст как объект лингвистического исследования, дал свое понимание и определение текста, выделил текстообразующие категории, способствующие проведению его глубокого лингвистического анализ с соответствующими выводами. Применение на практике результатов исследования И.Р. Гальперина [6] приведет к возникновению у студентов так называемого «лингвистического чутья», то есть чувства языка и стиля для нестандартного выражения мыслей. Более того, современные научные исследования в области лингвистики текста очень часто берут за основу положения, разработанные этим известным ученым.

Общее языкознание определяет язык как знаковую систему, служащую средством человеческого общения и мыслительной деятельности. Язык существует и реализуется через речь, которая рассматривается как язык в действии. Давая определение текста как уровня письменной разновидности речи, ученый резко противопоставляет его речи устной, в то числе зафиксированной на бумаге или при помощи каких-либо технических средств. Устная речь представляет собой движение, для которого характерны нестабильность и спонтанность. Двойственная же природа текста предполагает наличие в нем двух состояний – покоя и движения. Представленный в последовательности дискретных языковых единиц (предложений, слов, морфем, фонем) текст находится в состоянии покоя, проявляя неявные (имплицитные) признаки движения. При чтении текст переходит в состояние движения, при этом состояние покоя проявляется имплицитно. Таким образом, сам текст, по определению И.Р. Гальперина, представляет собой: «...произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную направленность и прагматическую установку» [6, с. 18].

Для проведения лингвистического анализа ученый рассматривает грамматику языка в более широком смысле и выделяет следующие грамматические категории текста: информация в тексте, членимость текста, когезия (внутритекстовые связи), континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция в тексте, модальность текста, интеграция и завершенность текста. В текстах разных стилей и жанров эти грамматические категории выражены в большей или меньшей степени, а некоторые могут вообще не присутствовать. Мы бы хотели представить краткую общую характеристику каждой категории текста. Итак, грамматическая категория информативности рассматривает следующие виды информации: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую, что зависит от стиля и жанра, к которому принадлежит анализируемый текст. В нем может содержаться сразу несколько видов информации. Исходя из их названия, она может представлять имеющие факты, события, гипотезы, концепцию и отношения автора к изображаемым им событиям или давать скрытый подтекст, извлекаемый из представленных фактов, основываясь на способностях

единиц языка нести в себе ассоциативные и коннотативные значения. Грамматическая категория информативности является основной и проявляется в крайне диаметральных формах – от нулевой до концептуальной.

Грамматическая категория членимости текста любого стиля выявляет и определяет две цели: облегчение восприятия текста посредством выделения его отрезков, а также понимание временной, пространственной, образной, логической и других связей между отрезками. Следующая текстообразующая категория отражает связь между частями текста, которую не всегда можно установить при помощи выработанной системы языковых средств – союзов, причастных оборотов и пр. Эта категория обозначается термином когезия. Кроме формально-грамматических средств когезия, например, в газетной статье может осуществляться при помощи повторяющихся слов, таких как «программа», «продолжается», «продолжение» и подобных в зависимости от содержания. В художественных текстах когезия может осуществляться при помощи развернутых метафор, объединяющих разные стороны описываемого предмета, ярких эпитетов и др.

Возникновение событий во времени и пространстве, при этом представленных не всегда последовательно, часто прерывисто, рассматривается грамматической категорией континуума. Например, континуум художественного текста обычно нарушает реальную последовательность событий. Чем хаотичнее связи событий во временном и пространственном отношении, тем сложнее воспринимается содержательно-концептуальная информация. Автосемантия отрезков текста, следующая грамматическая категория, говорит сама за себя. Она предполагает относительную независимость частей в целостной структуре текста. Например, в художественной литературе автосемантией обладают авторские отступления, когда цепь событий нарушается авторскими комментариями не связанными напрямую с сюжетной линией. И.Р. Гальперин называет такие отступления «торможением фабульного развития» темы [6, с. 99]. Это дает автору высказать свое отношение, имеющее прямую или косвенную связь с сюжетом произведения. Грамматическую категорию ретроспекции и проспекции И.Р. Гальперин [6] называет «передышкой» в процессе последовательного изложения событий. Эта категория будет представлять особый интерес при анализе конкретного текста. Главной особенностью ретроспекции является имплицитность ее проявления, что способствует развитию большой степени воображения в представлении фактов, связанных с прошлыми событиями. В проспекции имплицитность переплетается с ярко выраженными эксплицитными сигналами, что способствует расширению творческого потенциала читателя в предугадывании событий.

Грамматическая категория модальности показывает отношения к действительности, что в той или иной мере свойственно как отдельному высказыванию, так и тексту в целом. Эта категория, как правило, представляется в двух видах: объективно-модальное значение, то есть отношение говорящего к предмету высказывания как реальному или нереальному, и субъективно-модальное значение, то есть оценка самим говорящим происходящего события. Проявление модальности в разных типах текстов различна. Текстовая модальность с преобладанием субъективно-оценочной особенно ярко выступает в поэтических произведениях. Что касается научных текстов, то их бесстрастность и аргументированность не допускает возникновения там какого-либо субъективно-модального значения. И.Р. Гальперин [6] рассматривает грамматическую категорию интеграции как завершающую и считает ее неотъемлемой, способствующей постепенной переработки и осмыслению содержательно-фактуальной информации. Ученый проводит грань между когезией и интеграцией, считая эти категории взаимообусловленными, но отличными друг от друга. Когезия связывает части текста при помощи грамматических, лексических или семантических форм связи. Интеграция объединяет весь текст с целью достижения его целостности. Это может осуществляться как посредством когезии, так и при помощи ассоциативных или других типов отношений.

По нашему мнению, лингвистический анализ текста, разработанный И.Р. Гальпериным [6], явился первым полностью и подробно представленным в советском языкознании, за которым последовали другие варианты данного анализа, отражающие различные подходы к этому вопросу советских и российских ученых-филологов. При обучении студентов следует обратить внимание и, по возможности, использовать лингвистический анализ художественного текста, разработанный другим известным советским и российским филологом Н.М. Шанским [10]. Ученый убедительно доказывает, что лингвистический анализ является основным, и только после него следует проводить стилистический и литературоведческий. Он настаивает на необходимости проводить замедленное чтение текста с лингвистическим комментированием языковых явлений (лексических и грамматических) с целью полного понимания художественного текста. Только после этого можно провести действительно научные, а не субъективно-оценочные стилистический и литературоведческий анализы, то есть выявление индивидуально-авторское использование языковых средств с целью раскрытия основной идеи произведения. Н.М. Шанский [10] приводит примеры лингвистического анализа художественных и поэтических текстов, где ученый подвергает детальному разбору используемые архаизмы и неологизмы, не рассматривая текстообразующие категории.

В этой связи мы бы хотели обратить внимание студентов на современного ученого-лингвиста В.И. Бортникова [3], который делает вывод, что лингвистический анализ текста осуществляется двумя способами. Один из них – на разных языковых уровнях: на фонемном (ассонанс и аллитерация), на морфемном (если возможно), на лексическом уровне (все возможные изменения значения, включая тропы и прямые значения слов), на грамматическом (морфологическом и синтаксическом). Второй способ – анализ текста, исходя из его параметров или текстообразующих категорий, основоположником которого, по нашему мнению, является И.Р. Гальперин [6]. В.И. Бортников [3] рассматривает понятие лингвистического анализа текста в широком и узком смысле. При этом его трактовка в широком смысле включает стилистический и грамматический анализы, а в узком – анализ по категориям, представленным в настоящее время в разнообразных вариантах.

В современных научных исследованиях мы можем наблюдать использования как одного, так и другого видов лингвистического анализа текстов. Например, для определения лингвистических особенностей авторского присутствия в речевых ситуациях при изучении образцов немецкой художественной литературы М.А. Хатламаджиян [9] рассматривает лингвистические особенности исследуемой темы, используя уровневый вариант анализа. Она дает обоснование присутствия создателя произведения через исследование лексических, морфологических и синтаксических средств. Авторская позиция может проявляться через использование местоимения 1-го и 2-го лица, в вопросительно-утвердительных и риторических конструкциях, а также посредством фразеологизмов, наречий и модальных глаголов с целью обозначения авторской модальности. Е.Н. Стеценко [7] также проводит лингвистический анализ на различных языковых уровнях.

Ю.А. Беляева [2] рассматривает данный анализ текста исходя из его основных категорий. Она подробно исследует темпоральность как формально-смысловую категорию текста, названную хронотопом еще в период советских языковых исследований. Темпоральность не может, по мнению Ю.А. Беляевой [2], отождествляться только с хронологией сюжета произведения. Художественное время многослойно и представлено множеством индивидуальных времен: каждый персонаж, каждая локация, каждый объект обладает собственным индивидуальным временем.

В своей статье В.Н. Артамонов и Е.В. Уба [1] отмечают, что ученые-лингвисты, начиная с И.Р. Гальперина [6], предлагают как схемы комплексного анализа текста по всем категориям, так и схемы анализа отдельных текстовых категорий. В.Н. Артамонов и Е.В. Уба [1] в своей работе подробно исследовали и дали свое видение категории оценки, которая, по их мнению, является не менее важной в процессе лингвистического анализа, однако остается еще малоизученной. Н.А. Вишневецкая и О.Н. Романова [5] придерживаются лингвистического анализа научного текста, также исходя из его категорий. З.К. Узденова [8] разработала дидактические основы обучения лингвистическому анализу текста, базируясь на текстообразующих категориях информативности, членности, смысловой цельности, целостности, связности и завершенности. С.К. Васильев [4] связывает обучение переводческой деятельности с серьезным погружением в лингвистический анализ текста.

Выводы

Обучение лингвистическому анализу текста является основой образования студентов-лингвистов. Необходимо проводить изучение и использование на практике различных схем данного анализа, как комплексных, так и по отдельным категориям и языковым уровням, которые разработаны советскими и российскими учеными-филологами. Это будет способствовать глубокому погружению в структуру текста как единицы письменного варианта речи и, соответственно, обучению лингвистики на более качественном уровне.

Список источников

1. Артамонов В.Н., Уба Е.В. Лингвистический анализ текста. Категория оценки // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 6 – 12.
2. Беляева Ю.А. Темпоральность как объект лингвистического анализа // Современное педагогическое образование. 2022. № 7. С. 109 – 112.
3. Бортников В.И. Лингвистический анализ текста: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2020. 112 с.
4. Васильев С.К. Лингвистический и культурологический анализ текста оригинала для перевода: дис. ... канд. фил. наук: 5.9.6. М., 2010. 23 с.
5. Вишневецкая Н.А., Романова О.Н. Лингвистика текста и категории иноязычного специального текста // Концепт. 2017. Т. 19. С. 11 – 16.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Ком. Книга, 2007. 144 с.
7. Стеценко Е.Н. Лингвистический анализ текста при изучении художественных произведений // Вестник науки. № 11 (68). Т. 4. 2023. С. 509 – 511.

8. Узденова З.К. Дидактические основы формирования профессиональных умений у студентов-филологов в системе обучения лингвистическому анализу текста: дис. ... канд. пед. наук: 5.9.6. Ставрополь, 1999. 145 с.
9. Хатламаджиян М.А. Лингвостилистические особенности авторского присутствия в речевой ситуации лжи (на материале немецкоязычной художественной литературы) // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 2. С. 237 – 241.
10. Шанский Н.М. О лингвистическом анализе и комментировании художественного текста // Анализ художественного текста: сборник статей. М.: Педагогика, 1975. С. 21 – 39.

References

1. Artamonov V.N., Uba E.V. Linguistic analysis of the text. Assessment category. Bulletin of Moscow State Regional University. 2020. No. 2. P. 6 – 12.
2. Belyaeva Yu.A. Temporality as an object of linguostylistic analysis. Modern pedagogical education. 2022. No. 7. P. 109 – 112.
3. Bortnikov V.I. Linguistic analysis of the text: textbook. and methodological manual. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2020. 112 p.
4. Vasiliev S.K. Linguistic and cultural analysis of the original text for translation: dis. ... Cand. Phil. Sciences: 5.9.6. M., 2010. 23 p.
5. Vishnevetskaya N.A., Romanova O.N. Text linguistics and categories of foreign-language specialized text. Concept. 2017. Vol. 19. P. 11 – 16.
6. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. Moscow: Kom. Kniga, 2007. 144 p.
7. Stetsenko E.N. Linguistic analysis of the text in the study of works of art. Bulletin of science. No. 11 (68). Vol. 4. 2023. P. 509 – 511.
8. Uzdenova Z.K. Didactic foundations for the formation of professional skills in philology students in the system of teaching linguistic analysis of the text: dis. ... Cand. Ped. Sciences: 5.9.6. Stavropol, 1999. 145 p.
9. Khatlamadzhiyan M.A. Lingvostylistic features of the author's presence in the speech situation of lying (based on German-language fiction). Bulletin of the Mari State University. 2021. Vol. 15. No. 2. P. 237 – 241.
10. Shansky N.M. On linguistic analysis and commenting on a fiction text. Analysis of a fiction text: a collection of articles. Moscow: Pedagogy, 1975. P. 21 – 39.

Информация об авторах

Скрипченко С.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Владимирский государственный университет, sveta95@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.11

¹ Бабаева Р.Г.

¹ Дагестанский государственный университет

Метафоры в экономическом дискурсе англоязычных и русскоязычных СМИ

Аннотация: в данной статье рассмотрено использование метафор в экономическом дискурсе англоязычных и русскоязычных СМИ. Анализируются основные метафорические концепты, которые передают экономическую информацию и влияют на восприятие читателей. Анализ показывает, что метафоры являются важным средством концептуализации экономических проблем. Метафоры опираются на исходные области здоровья, погоды, природы и др. Сравнительный анализ использования метафор в экономическом дискурсе различных языков и культур позволяет выявить общие тенденции и отличия в их интерпретации и восприятии. Исследование призвано расширить понимание роли метафор в экономическом общении, а также выявить влияние культурных особенностей на выбор метафор. Полученные данные помогут определить ключевые области и источники формирования метафор, а также их изменения в рамках экономического дискурса.

Ключевые слова: метафора, англоязычные СМИ, русскоязычные СМИ, экономический дискурс, военные метафоры

Для цитирования: Бабаева Р.Г. Метафоры в экономическом дискурсе англоязычных и русскоязычных СМИ // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 48 – 52.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Babaeva R.G.

¹ Dagestan State University

Metaphors in the economic discourse of English-speaking and Russian-speaking media

Abstract: the article studies the use of metaphors in the economic discourse of English-speaking and Russian-speaking media. It analyzes the main metaphorical concepts that convey economic information and influence readers' perceptions. The analysis shows that metaphors are a significant means of conceptualizing economic issues. These metaphors draw on source domains such as health, weather, nature, and others. A comparative analysis of metaphor usage in the economic discourse of different languages and cultures reveals common trends and differences in their interpretation and perception. The study aims to enhance the understanding of the role of metaphors in economic communication and to identify the impact of cultural characteristics on metaphor selection. The findings help to determine key areas and sources of metaphor formation, as well as their modifications within the framework of economic discourse.

Keywords: conceptual metaphor, English-speaking media, Russian-speaking media, economic discourse, military metaphors

For citation: Babaeva R.G. Metaphors in the economic discourse of English-speaking and Russian-speaking media. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 48 – 52.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

В современном медиaprостранстве, богатом информацией и быстро меняющимися событиями, ключевую роль играют метафоры. Они не только украшают речь, но и формируют наше восприятие действительности, создавая мощные образы и концепты [5]. В особенности это актуально для экономического дискурса, где субъективные метафоры влияют на интерпретацию реальных экономических процессов и явлений. Метафоры играют ключевую роль в структуре и нормативной направленности экономических описаний и прогнозов [8].

Экономика, как наука, нуждается в средствах, которые помогают людям лучше её понимать и взаимодействовать с ней. Метафоры служат сильным инструментом для этого, позволяя нам преобразовывать сложные идеи в понятные образы, стимулировать публичные дискуссии и влияние на политические решения [1]. Например, понятие "рынок" нередко описывается как "живая экосистема" или "поле битвы".

Актуальность исследования: в условиях глобальных экономических изменений, кризисов и нестабильностей, анализ метафор в экономическом дискурсе становится особенно важным для понимания того, как СМИ формируют и передают информацию об экономике. В большинстве исследований, касающихся манипуляции в средствах массовой информации, внимание уделяется анализу технологий, стратегий и тактик манипулятивного воздействия. Однако роль метафор и манипулятивных приемов в интернет-версиях печатных изданий остается недостаточно изученной.

Цель данного исследования – проанализировать и сравнить метафорические концепты, используемые в экономическом дискурсе англоязычных и русскоязычных СМИ, с целью выявления основных тенденций и различий в их использовании.

Указанная цель предполагает решение следующих исследовательских задач:

1. Изучить теоретические основы метафорического анализа экономического дискурса.
2. Собрать корпус текстов экономического дискурса из англоязычных и русскоязычных СМИ и проанализировать метафорические концепты, используемые в этих текстах.
3. Выявить основные темы и тенденции в использовании метафор в экономическом дискурсе.
4. Сравнить результаты анализа метафор из англоязычных и русскоязычных СМИ.

Научная новизна: исследование метафор в экономическом дискурсе англоязычных и русскоязычных СМИ является относительно новым направлением и может привнести новые знания в области анализа медийного контента. Результаты исследования могут быть полезны для исследователей в области медиалистики, дискурс-анализа и лингвистики.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования: анализ метафор в экономическом дискурсе может помочь лучше понять, какие концепты и ассоциации используются для описания экономических событий и процессов. Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для более осознанного понимания метафор во избежание искажения реальности и манипуляции общественным мнением.

В СМИ метафоры используются для привлечения внимания читателей или зрителей, для усиления драматизма событий, формирования определенного образа или впечатления, а также для убеждения аудитории в определенной точке зрения [10].

Материалы и методы исследований

Материалом исследований послужили тексты Интернет-версий печатных СМИ, посвященные значимым экономическим событиям в мире. В работе использованы статьи таких изданий как The Economist, Financial Times, Forbes, Wall Street Journal, Washington Post, New York Times, CNBC, The Guardian, Правда, РБК, Независимая газета, Газета.ру, Коммерсант, Ведомости и др.

Результаты и обсуждения

Анализ англоязычных и русскоязычных онлайн-версий печатных СМИ показывает богатство метафор, применяемых в описании экономических реалий [7]. Чаще всего встречаются следующие типы метафор:

1. Биологические метафоры. Биологические метафоры в экономическом дискурсе часто используются для описания состояния экономики, ее развития, конкуренции и т.д. [4]. Например, в англоязычных СМИ часто употребляются фразы "economic growth is like a living organism", "the economy is in a state of recovery", "businesses are competing for survival".

В русскоязычных СМИ также можно встретить подобные метафоры: "экономика как живой организм", "рынок в поиске новых возможностей как биологический вид", "конкуренция среди компаний как борьба за выживание" и т.д.

Например: Interest rates are the heartbeat of the economy, influencing borrowing and spending habits (Forbes) // Процентные ставки являются сердцебиением экономики, влияя на привычки заимствования и расходования средств. В данной метафоре используется сравнение между сердцебиением и экономикой для подчеркивания важности и неотъемлемости экономики в жизни общества. Утверждается, что экономика является жизненно важным элементом общественной жизни, как сердце является важным элементом для организма.

Такого рода метафоры помогают читателям лучше понять сложные экономические процессы, отразить динамичность и непредсказуемость экономической сферы, а также подчеркнуть важность адаптации и эволюции в современном бизнесе и финансовой среде [3].

2. Военные метафоры. Экономические процессы описываются через призму войны и конфликта. Например, "economic warfare" (экономическая война), "battling inflation" (борьба с инфляцией), "currency war" (валютная война). Такие метафоры подчеркивают драматизм и напряженность экономической ситуации, акцентируя внимание на необходимости стратегии и тактики.

1. The budget deficit is a ticking time bomb, threatening future economic stability (Washington Post) // Бюджетный дефицит – это бомба замедленного действия, угрожающая будущей экономической стабильности.

2. The job market is a battlefield, with fierce competition for limited opportunities (The Economist) // Рынок труда – это поле битвы с жесткой конкуренцией за ограниченные возможности.

В русскоязычных СМИ также используются военные метафоры в экономическом дискурсе. Например, выражение "экономическое сражение" может описывать конфликт между компаниями или странами на рынке. Также часто используется выражение "экономический фронт", чтобы описать состояние экономики страны или региона [9].

Например: Российские предприятия, производящие промышленные и медицинские газы, не в состоянии выдерживать массированную атаку на наш рынок европейских и американских гигантов (Правда). «Атака на рынок» – выражение, которое может описывать агрессивные инвестиционные стратегии или попытки захвата доли рынка конкурентами.

Обе языковые культуры используют военные метафоры, чтобы подчеркнуть серьезность и интенсивность бизнес-процессов и конкуренции на рынке.

3. Метафоры природных явлений. Экономика представляется как нечто естественное и неизбежное, например, "economic storm" (экономическая буря), "flood of investments" (поток инвестиций), "экономический климат" (аналог природного климата, но применительно к условиям для бизнеса). Использование таких метафор создает впечатление, что экономические явления подобны природным силам, которые трудно контролировать.

Unemployment is a dark cloud hanging over the economy (New York Times) // Безработица – это темное облако, нависшее над экономикой.

The economy is a ship navigating troubled waters (The Wall Street Journal) // Экономика – это корабль, плывущий по беспокойным водам.

В заголовке статьи «Как улучшить инвестиционный климат в России?» газеты «РБК» от 18 октября 2021 года, под метафорой «инвестиционный климат» понимается общая атмосфера для инвестиций в стране, которая включает в себя политическую стабильность, законность, экономические условия и перспективы роста.

К природным метафорам можно также отнести метафоры форм рельефа (земных, горных).

В заголовке статьи: «Достигли ли мы экономического дна?» от 30 августа 2020 года печатного СМИ «Независимая газета», метафора «экономическое дно» описывает ситуацию, когда экономика достигла самого низкого уровня, нижней границы, после которой начинается рост.

Еще один яркий пример из «Газета.ру» от 20 апреля 2022 года, заголовков статьи: «На каком этапе экономической дороги мы находимся?», метафора «экономическая дорога» обозначает путь развития экономики, который может быть разным: прямым, извивающимся или даже с препятствиями.

4. Спортивные и игровые метафоры. Экономические явления описываются через призму спорта и соревнований, что создает впечатление, что экономика – это поле для стратегии, планирования и конкуренции, подчиненное четким правилам и ориентации на победу [2]. Например, "market competition" (рыночная конкуренция), "economic race" (экономическая гонка), "financial performance" (финансовая производительность). Игровые метафоры в экономическом дискурсе СМИ представляют собой использование терминов и концепций, связанных с играми, для описания экономических процессов и явлений. Например, в экономи-

ческом контексте используются такие выражения, как "играть на бирже", "ставить на рост", "партия на финансовом рынке", что придаёт экономическим действиям элементы игрового процесса.

The stock market is a rollercoaster, with ups and downs throughout the day (Financial Times) // Фондовый рынок – это американские горки, со своими подъемами и падениями.

Currency fluctuations are like a game of chess, with countries constantly vying for strategic advantage (CNBC) // Колебания валютных курсов похожи на игру в шахматы, в которой страны постоянно соревнуются за стратегическое преимущество.

Компаниям придется значительно повысить свою эффективность, иначе они рискуют остаться на скамейке запасных в условиях ужесточенной конкуренции (Ведомости). В этом примере "скамейка запасных" подразумевает пассивное положение, в котором могут оказаться неэффективные предприятия.

3. Технические метафоры. Экономика описывается как механизм или машина, которая может "работать" или "ломаться". Например, "экономическая машина", "экономика на ремонт", "финансовый механизм", "экономический движок" (экономический двигатель). Такие виды метафор подчеркивают важность правильного функционирования и технического обслуживания для устойчивого развития экономики [6].

Например, в статье газеты «Коммерсантъ» от 15 марта 2021 года «Как запустить экономический двигатель страны», техническая метафора "экономический двигатель" используется для описания экономики как мощного двигателя, который ведет к росту и развитию.

Данная метафора активно используется и в англоязычных СМИ:

Заголовок «Revving Up the Economic Engine» April 15, 2022 (The New York Times) // Ускоряем экономический двигатель.

Cutting taxes is like fueling the engine of economic growth (Wall Street Journal) // Сокращение налогов – это как заправка двигателя экономического роста.

5. Метафоры здоровья и медицины. Часто встречаются метафоры, где экономика представлена как пациент, нуждающийся в лечении. Например: "исцеление экономики", "финансовые инъекции", "экономические заболевания". Эти метафоры помогают представить экономические проблемы как временные недуги, требующие профессионального вмешательства и комплексного лечения.

Если же кризис описывается как "болезнь", это может способствовать восприятию необходимости вмешательства и лечения, а значит и активных мер со стороны государственных органов и бизнеса.

Коррупция поразила все уровни власти, словно заразное заболевание (Коммерсантъ).

The virus of corruption continues to spread through our government (The Guardian) // Вирус коррупции продолжает распространяться по государству.

Corporate greed can be a cancer that destroys the fabric of our economy (The Economist) / Корпоративная жадность может быть раковой опухолью, разрушающей ткань нашей экономики.

Таким образом, мы видим, что метафоры в экономическом дискурсе играют ключевую роль в формировании восприятия реальности и влияния на общественное мнение. Понимание этих различий и их влияния на восприятие экономических процессов может способствовать более осознанному и критическому подходу к чтению и анализу экономических новостей.

Выводы

Анализ англоязычных и русскоязычных интернет-изданий печатных СМИ показывает, что метафоры применяются для того, чтобы сделать экономический дискурс более понятным и эмоционально убедительным. Кроме того, военные метафоры более характерны для англоязычных источников, тогда как русскоязычные СМИ предпочитают технические метафоры. Это можно объяснить культурными и историческими различиями. В англоязычных странах исторически сложилось более конкурентное и индивидуалистское восприятие, что и отражается в языке. В то же время в России, с ее коллективистскими традициями, более естественным является использование метафор, отсылающих к коллективной деятельности.

В условиях современного мира, где информация распространяется мгновенно и может быстро менять общественное мнение, ответственность за точность и нейтральность используемых метафор становится особенно значимой. Экономисты, журналисты и политики должны работать совместно, чтобы развивать и поддерживать информированное общество, способное и готовое обсуждать и решать экономические проблемы на конструктивной основе.

Дальнейшее развитие работы в этом направлении может привести к:

1. исследованию специфики использования метафор в экономическом дискурсе различных стран и культур для лучшего понимания их влияния на восприятие информации и формирование общественного мнения.
2. анализу изменений в использовании экономических метафор в связи с изменениями в политике, экономике и социуме, с целью определения тенденций и прогнозирования возможного развития в будущем.

3. исследованию возможности использования метафор для улучшения коммуникации в экономической сфере, разработки рекомендаций и методов их эффективного применения.

Список источников

1. Васьбиева Д.Г. Интердискурсивный характер метафоры современного англоязычного экономического дискурса (на примере статей журнала "The Economist") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5 (83). Ч. 1. С. 64 – 67.
2. Громова Н.В. Метафорические модели в экономических текстах: сравнительный анализ русского и английского языков // Вестник РГГУ. Серия: Науки о языке, литературе и культуре. 2020. № 12. С. 78 – 86.
3. Иванов Д.Ю. Метафора в экономическом дискурсе: Роли и функции. Филология: наука и творчество. 2022. № 4. С. 96 – 102.
4. Кузнецова Е.И. Метафоры в экономических текстах: типология и функции. Современные исследования социальных проблем. 2020. № 10. С. 33 – 40.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Издательство ЛКИ, 2008 г. 198 с.
6. Петрова Л.В., Смирнов М.Н. Метафорические конструкции в деловых текстах: сравнение русского и английского // Журнал экономической лексикологии. 2023. № 1. С. 15 – 29.
7. Савельева О.А. Функциональные особенности метафоры в англоязычном и русскоязычном экономическом дискурсе // Науки о языке. 2021. № 5. С. 55 – 62.
8. Соловьев А.С. Метафора как инструмент манипуляции в экономическом дискурсе // Современные науки. 2021. № 3. С. 45 – 52.
9. Соловьева И.А. Анализ метафор как элемента экономического дискурса. Лингвистика и коммуникация. 2022. № 15. С. 47 – 54.
10. Федоров В.П. Эмпирическое исследование метафор в экономических новостях: англоязычный и русскоязычный контексты // Журнал международного языка и культуры. 2023. № 2. С. 88 – 95.

References

1. Vasbieva D.G. Interdiscursive nature of metaphor in modern English-language economic discourse (based on articles in The Economist magazine). Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2018. No. 5 (83). Part 1. P. 64 – 67.
2. Gromova N.V. Metaphorical models in economic texts: a comparative analysis of Russian and English. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Sciences on language, literature and culture. 2020. No. 12. P. 78 – 86.
3. Ivanov D.Yu. Metaphor in economic discourse: Roles and functions. Philology: science and creativity. 2022. No. 4. P. 96 – 102.
4. Kuznetsova E.I. Metaphors in economic texts: typology and functions. Modern studies of social problems. 2020. No. 10. P. 33 – 40.
5. Lakoff J., Johnson M. Metaphors we live by. Moscow: LKI Publishing House, 2008. 198 p.
6. Petrova L.V., Smirnov M.N. Metaphorical constructions in business texts: comparison of Russian and English. Journal of Economic Lexicology. 2023. No. 1. P. 15 – 29.
7. Savelyeva O.A. Functional features of metaphor in English-language and Russian-language economic discourse. Language Sciences. 2021. No. 5. P. 55 – 62.
8. Soloviev A.S. Metaphor as a tool of manipulation in economic discourse. Modern sciences. 2021. No. 3. P. 45 – 52.
9. Solovieva I.A. Analysis of metaphors as an element of economic discourse. Linguistics and communication. 2022. No. 15. P. 47 – 54.
10. Fedorov V.P. Empirical study of metaphors in economic news: English-language and Russian-language contexts. Journal of International Language and Culture. 2023. No. 2. P. 88 – 95.

Информация об авторах

Бабаева Р.Г., кандидат филологических наук, старший преподаватель, ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет, tinkerbell22@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

¹ Гапоненко К.Р.

¹ Тихоокеанский государственный университет

Судьба и предрасположенность в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Аннотация: работа посвящена исследованию тему судьбы и предрасположенности, как они представлены в образе главного героя выдающегося произведения М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Исследование подчёркивает, как Лермонтов представляет судьбу как сложное взаимодействие выбора и внешних обстоятельств, тем самым раскрывая внутренние конфликты, формирующие Печорина. Цель исследования заключается в анализе художественных приёмов, используемых Лермонтовым для представления философских основ судьбы предопределённости в контексте русской литературы 19 века. Сопоставив идеи Лермонтова с работами более ранних периодов, таких как Софокл и Виктор Гюго, работа определяет «Героя нашего времени» в более широкий литературный контекст, подчеркивая, как исторические и культурные факторы влияют на интерпретацию судьбы героя. Практическое значение исследования заключается в способствовании пониманию человеческого поведения в контексте исторических и социальных норм. Понимая борьбу Печорина с судьбы и его экзистенциальные дилеммы, преподаватели и исследователи могут развивать дискуссии о сложных вопросах человеческой природы и личной ответственности в изучении литературы.

Ключевые слова: судьба, предрасположенность, М.Ю. Лермонтов, Печорин, фатализм, рок, внутренний конфликт

Для цитирования: Гапоненко К.Р. Судьба и предрасположенность в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 53 – 61.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Gaponenko K.R.

¹ Pacific State University

Fate and disposition in M.Yu. Lermontov's novel «A Hero of Our Time»

Abstract: this work is dedicated to exploring the themes of fate and predisposition as they are presented in the character of the protagonist in M.Yu. Lermontov's outstanding work "A Hero of Our Time." The study emphasizes how Lermontov portrays fate as a complex interplay of choice and external circumstances, thereby revealing the internal conflicts that shape Pechorin. The aim of the research is to analyze the artistic techniques employed by Lermontov to represent the philosophical foundations of predetermined fate in the context of 19th-century Russian literature. By comparing Lermontov's ideas with those of earlier periods, such as Sophocles and Victor Hugo, the work positions "A Hero of Our Time" within a broader literary context, highlighting how historical and cultural factors influence the interpretation of the hero's fate. The practical significance of the research lies in enhancing the understanding of human behavior within the framework of historical and social norms. By understanding Pechorin's struggle with fate and his existential dilemmas, educators and researchers can foster discussions about the complex issues of human nature and personal responsibility in the study of literature.

Keywords: fate, disposition, M.Yu. Lermontov, Pechorin, fatalism, destiny, internal conflict

For citation: Gaponenko K.R. Fate and disposition in M.Yu. Lermontov's novel «A Hero of Our Time». Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 53 – 61.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

С древних времен ума и сердца людей интересовали вечные философские вопросы судьбы, ее предопределенности, рока и фатума. Вопросы фатальности и судьбы затрагивались еще в античные времена. Одним из ярко выраженных примеров является произведение Софокла «Царь Эдип», где центральным мотивом является неизбежность рока.

В средневековье эта тема получила новое звучание: философы пытались дать определение понятию судьбы в контексте божественного предопределения человечества. Важные произведения той эпохи ставили вопросы о моральной ответственности человека перед лицом предначертанного. Здесь стоит упомянуть роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери». Здесь судьбы героев сплетаются с культурной судьбой самого Парижа. Гюго исследует, как герои совершают тот или иной выбор, проходя через призму роковых обстоятельств.

В литературе XIX века данная тема вновь обретает новое измерение с появлением произведений Михаила Лермонтова. В романе «Герой нашего времени» судьба представлена как сложное плетение индивидуальных выборов, что посмотреть на внутренний мир персонажа под другим углом.

Научная новизна данного исследования заключается в междисциплинарном подходе к интерпретации судьбы и предопределенности, который включает не только литературные и философские аспекты, но и психологические, позволяя глубже понять характер и мотивацию Печорина, рассматриваемого в социокультурном контексте. Этот подход способствует более полному осознанию сложной природы человеческой судьбы, позволяя осветить актуальные вопросы личной ответственности, выбора и внутреннего конфликта главного героя.

Целью данного исследования является глубокое и всестороннее изучение темы судьбы и предрасположенности в романе Михаила Лермонтова «Герой нашего времени», с акцентом на философские аспекты, связанные с предопределением, свободой и внутренними конфликтами главного героя. Исследование нацелено на анализ художественных средств, с помощью которых Лермонтов раскрывает информацию о фатальности и предрасположенности как характеристиках человеческой природы, а также на сопоставление с аналогичными темами в произведениях других авторов, таких как Виктор Гюго и Софокл.

Материалы и методы исследований

В ходе анализа рассматриваемого произведения использовались текстовые материалы, включая роман Михаила Лермонтова «Герой нашего времени», а также сопоставительные источники из произведений других авторов, таких как Виктор Гюго и Софокл. Тем самым мы стремились показать, как идеи судьбы и предрасположенности развивались в литературе разных эпох и как их интерпретация менялась под влиянием исторического и социального контекста.

Основными методами исследования стали сравнительный анализ, текстовый анализ и литературная интерпретация. Для более глубокого осознания темы предрасположенности были также учтены работы из области психологии и философии, в которых рассматриваются концепции личности и ее развития. Это позволило представить Печорина не только как литературного героя, но и как сложный и многослойный аспект человеческой природы.

В процессе анализа произведения ключевыми методами стали сравнительный и текстологический анализ. Сравнительный анализ позволяет установить параллели между произведениями разных авторов, таких как Виктор Гюго и Софокл, выявляя, как в их произведениях проявляются концепции судьбы и предрасположенности. Например, сравнение Лермонтова с античной трагедией Софокла и романом Гюго углубляет понимание того, как исторические и культурные контексты влияют на трактовку судьбы и личный выбор. В свою очередь, текстологический анализ углубляет восприятие внутренних конфликтов героев, что служит основой для понимания их эмоциональных и нравственных дилемм.

Кроме того, важной составляющей исследования является литературная интерпретация, которая позволяет не только оценить художественные приемы, используемые Лермонтовым, но и связать их с философскими аспектами предопределенности и свободы воли. Такой подход раскрывает, как произведение передает сложные вопросы личной ответственности и нравственного выбора в судьбе главного героя, Печорина.

Помимо литературных методов, в исследование были интегрированы идеи из психологии и философии. Например, концепция предрасположенности, предложенная Ароном Каценелинбойгеном, помогла глубже понять мотивы поведения Печорина, его внутреннюю борьбу между стремлением к свободе и неизбежностью судьбы. Такое междисциплинарное взаимодействие позволяет рассматривать личность Печорина не как плоский литературный образ, а как многослойное воплощение человеческой натуры, отражающее сложные взаимосвязи внутренних конфликтов и внешних обстоятельств.

Результаты и обсуждения

Созданный афинским драматургом Софоклом «Царь Эдип» представляется трагедией рока. Узнав из предсказания о том, что сын Эдип лишит его жизни, правитель Лай распоряжается сковать его и отправить сына-младенца на неприступную скалу. Спустя некоторое время, получив от оракула информацию о собственном предназначении, Эдип совершил попытку убежать от приемных родителей, от злого рока и предначертанной судьбы. На своем пути ему приходится встретиться с родным отцом, которого он умерщвляет в порыве гнева при ссоре. Следовательно, чем более рьяно персонажи произведения стремятся «обхитрить» судьбу, изменить предначертанное, тем скорее оно их настигает. Делая акцент на возможности существования варианта-альтернативы развития перспективных событий, афинский поэт выделяет и неизбежность рока, и скупость людской мудрости, и крайне переменчивый характер счастья [7, с. 153-158].

Согласно анализу, знание истины само по себе не обеспечивает герою счастья. Софокл выстраивает его потенциал таким образом, что в сочетании с конкретными обстоятельствами он рождает предрасположенность героя к подобного рода «резким» поступкам. «Я буду мстить за родину и бога. Я не о ком-нибудь другом забочусь, – Пятно снимаю с самого себя. Кто б ни был тот убийца, он и мне Рукою той же мстить, пожалуй, станет. Чтя память Лая, сам себе служу» [6] – говорит герой, принимаясь за розыски преступника. Таким образом, исход его жизни определен его потенциалом.

Связанный с предначертанным и роком вопрос поднимается и в произведении-романе под названием «Собор Парижской Богоматери», написанном Гюго В. Данная тематика тут раскрывается в общеизвестном предисловии, в содержании которого автор говорит о том, что в одном из закоулков, при исследовании собора до создания своего произведения, он нашел надпись «ΑΝΑΓΚΗ» на одной башне, означающей в переводе «рок». В данной связи, В. Гюго осознанным образом увязывает касающуюся рока греческую трагедию и собственную работу-роман. Вот лишь только здесь о роке повествует тот, у кого появилось осознание влияния на собственную судьбу со стороны рока [5, с. 79-80].

Такого рода героем мог выступать Фролло Клод, характеризующийся рационализмом, здравомыслием аскет. Его смущала не столько оценка его действий окружающими, сколько его собственная немощь. Он был твердо уверен в том, что умственные усилия помогут ему обуздать сокровенные желания, а на самом деле оказалось, что реально существуют силы гораздо более влиятельны.

Характерная для него и крайне выраженная жажда познаний, которая возникла еще в детском возрасте, не покидала его в течение всего жизненного периода. Данный «голод» возможно рассматривать в качестве его сути. Поэтому автор отмечает, что данный путь от научных направлений привел героя к лженаукам.

Вместе с тем, страсть начала планомерно гаснуть. Параллельно с этим мозг и разум становились более свободными, открытыми к новым знаниям. Священнослужитель оказывается в ловушке, попав в нее прямиком из тупика. У него появляется увлеченность, стремление познать женскую особу и любовь. Однако, времени переболеть данной «напастью» Фролло не хватило, ему пришлось уйти из жизни.

Получается, что человеком, который определил его судьбу, был сам Фролло, со своими внутренними демонами и противоречиями.

Герой не мог предугадать, что влечет за собой следующий его шаг. Таким образом, Клод действует комбинационно. Разрабатывая комбинацию, игрок отталкивается не от позиции, а от «идеи», тогда как позиционный игрок исходит из пошагового развития позиции. Фролло был одержим идеей любви: «Создание столь дивной красоты, что Бог предпочел бы ее Святой Деве и избрал бы матерью своей, он бы пожелал быть рожденным ею, если бы она жила, когда он воплотился в человека!» [2, с. 225]. Он ни на секунду не задумывается о том, что Эсмеральда может отказать, что у них не получится быть вместе. Это игнорирование реального положения делает героя абсолютным комбинатором, ведь герой не учитывает позицию, которая складывается у него перед глазами. Фролло воплощает «гениальный план», который должен привести его к любви, полагая, что, заставив всех поверить в то, что она ведьма, он сможет заставить Эсмеральду поддаться этому давлению и стать его собственностью. Подобно тому как Фролло придает себе значение, становясь хозяином судьбы, он оказывается лишь марионеткой в ее руках, он не смог предугадать разрушающие последствия своего выбора, герой до последнего не осознаёт, что стремление контролировать судьбу Эсмеральды только усугубляет трагедию.

В последние моменты своей жизни, он, возможно, наконец осознает, что судьба, которую он так отчаянно хотел контролировать, в действительности является результатом его собственных действий и безумных решений. В итоге, опускаясь в бездну, Клод Фролло не может избавиться от мысли, что его врагом является не Эсмеральда или Фэб, а сама судьба, которая безжалостно обманула его ожидания и мечты.

Тема судьбы, фатализма и случая всегда занимала центральное место в творчестве Михаила Лермонтова. Эти мотивы не только пронизывают его поэтические произведения, но и глубоко связаны с его личной жизнью, наполненной трагедиями и воздействиями неподдающимся писателю обстоятельств. Жизнь Михаила Лермонтова середины 1830-х годов претерпела значительные изменения, отражающие новое осмысление его творческого пути. В этот период акценты сдвинулись, и внимание поэта основным образом сосредоточилось на разработке концепции личной трагедии, внутри которой развиваются его ключевые персонажи. В отличие от ранних произведений, где демонические образы и идиллические персонажи воспринимались через призму глубоких внутренних конфликтов, теперь они начинают восприниматься более типологично.

Лермонтов все более отчетливо начинает осознавать временные рамки, в которых существуют его герои. Это хронологическое распределение персонажей позволило создать богатую структуру, соотносящую личные драмы с более широким историческим контекстом. Параллельно с этим, центральный герой, часто находясь в состоянии внутренней борьбы, все чаще переносился в прошлое, где его внутренние конфликты преобразовывались в более героические качества.

Персонажи, изображающие толпу и общественную жизнь, становятся более сатирическими и острыми в своем представлении, укоренившись в современности. Динамика и взаимодействие этих образов создают сложную ткань, в которой Лермонтов размышляет не только о личных трагедиях, но и о более глобальных вопросах бытия и времени.

В первую очередь, данное обстоятельство имеет приоритетную связь с мыслью философского характера и наблюдаемыми в тот период течениями. В своем научном труде под названием «Философский роман Лермонтова», Виноградов И.А. повествует, что в рамках всякой отдельно взятой исторической эпохи возникает уникальная разновидность личности, получаемая преобладающий статус [1, с. 45-61].

В качестве довода автор представляет изречение Герцена А., согласно которому Печорин, представляя личность определенного типа, с неподдельными муками думает о собственном предназначении и жизненном смысле. У него есть ощущение колоссального потенциала, однако отсутствует адекватное понимание того, в каких конкретно аспектах состоит его настоящая цель. Данные мысли приводятся в содержании произведения романтического жанра под названием «Герой нашего времени», обращаясь к тематикам фатализма и судьбы, наводя на размышления касаясь поиска пути по жизни и предопределенности всего сущего.

Печорин, являясь основным действующим персонажем, весьма противоречивым образом рассматривает вопрос о том, имеет ли место явление предопределенности. В течение жизненного периода он пытается найти на него ответ. Если рассматривать ситуацию с одного ракурса, у него нет никакой веры в то, что судьба на самом деле имеет место. С иного же ракурса, он с весьма заметной периодичностью приводит отсылки на рок и случай. Это возможно трактовать в качестве попытки найти обоснования отсутствию стремления поменять собственную жизнь и начать отвечать за нее самостоятельно. Уход Грушницкого из жизни в ходе дуэли герой также рассматривает как предопределение рока. Тем не менее, тогда судьба и жизнь юного лица в полной мере были в распоряжении Григория. Так или иначе, Печорин придерживается точки зрения о том, что он лишь играет роль исполнителя того, что предопределено.

Печорин воспринимает свое «великое предназначение» как движущую силу, которая заставляет его совершать поступки, приводящие к несчастьям, разрывающие дружбу, губящие судьбы как его врагов, так и близких ему людей. Григорий Александрович не ценит ни дружбу, ни любовь, хотя, как и любой человек, испытывает эти чувства. Перед нами герой, который сам не осознает своих истинных стремлений. Говорить о том, что это поиском смысла жизни, было бы затруднительно, хотя сам герой так считает.

Характер Печорина, прежде всего, отличается глубоким эгоцентризмом. Григорий Александрович не проявляет заботы о людях его окружающих, и в стремлении отрешиться от пороков общества, он парадоксальным образом отрешается и от своей истинной сущности. Печорин видит пороки людей, но не может разобраться в себе. Он сам не может испытывать чувства, но, причиняя боль или вызывая радость, играя на чувствах людей, управляя их судьбами, он наслаждается этим.

Герой себя ощущает пламенем среди водной глади, стремится одержать верх, однако свои усилия расходует нерационально, неизбежно и постепенно погибает. Белинский В. в своих трудах сравнивал «печоринскую» душу, пусть и не с почвой каменистой, но с землей, высохшей от яркой жизни.

При анализе образа основного действующего персонажа произведения-романа, возможно выделить особый акцент на связанной с судьбой тематике. В собственных записках Печорин себя сам обозначает по-

нятием «топор в руках судьбы». Из этого следует, что он себя и свои неблагоприятные действия оправдывает, считая, что играет роль дирижерской палочки, находящейся у могущественного правителя.

Подобное понимание своей роли Печориным говорит о его потенциале. Каждый герой имеет свой потенциал, отсюда вытекает вопрос о его предрасположенности. При формировании потенциала героя писатель отталкивается от окружения самого героя, моделируя ситуации, в которых он проявится с наибольшей эффективностью [4, с. 112-118]. Теория предрасположенности, выдвинутая Ароном Каценелинбойгеном, предлагает интересную перспективу для анализа сложностей человеческой природы и различных явлений, которые заполняют наш мир. В этом контексте особого внимания заслуживает внутренний мир Печорина. Эта фигура становится своеобразным отражением борьбы между предопределенностью судьбы и стремлением к личной свободе.

Печорин, как личность, представляет собой не просто образ неудачливого героя, а глубоко мыслящей личности, осознающей свои предрасположенности и влияния окружающей среды. Его сложные отношения с окружающими – будь то отношения с Бэлой, Грушницким или Верой – формируют многослойное взаимодействие, в котором сочетаются как стремление к близости, так и острая потребность в изолированности.

Изображая «печоринский» образ, Лермонтов неявным образом формирует наличествующий у него потенциал. Характер действующего героя демонстрирует все новые аспекты во взаимных отношениях с различными личностями, на все более углубленный уровень выходит обладающее трагичным характером противоречие, существующее между поведением персонажа и наличествующими у него возможностями.

Внутренняя пустота, хладнокровность, равнодушное восприятие окружающих и эгоцентризм присущи Печорину, что безусловно и явно. Тем не менее, у него пока еще сохранилась способность проявлять чувства.

Сочетание потенциала героя с обстоятельствами приводит к определенному результату. Они и рожают предрасположенность действующего персонажа к сумасшедшим душевным порывам и взбалмошным поступкам.

В контексте настоящей исследовательской работы необходимо привести указание на то обстоятельство, что в произведении нет никаких указаний на «печоринское» семейство. Семейные связи не указываются ни персонажем, ни непосредственно автором. Возможно только сформулировать предположение, учитывая присущий герою характер, что внутри собственного семейства у него отсутствуют люди, близкие ему по духу. Отсутствуют у него и товарищи, ибо он считал, что в дружбе всегда один повелевает, а другой – подчиняется. Рабом он быть не соглашался, а повелевать – утомительная задача, при которой нужно, в том числе, обманывать.

Печорин замещает параметры отношений материальными благами. Он считает, что дружбу легко заменить деньгами. Печорин ставит их в один ряд с другими призрачными спутниками счастья и славы и, как и они, деньги ведут лишь к пресыщению, оказываясь бессильными перед лицом скуки; для него нет никакой разницы между ними. Герой не осознает важности дружбы как ключевого параметра отношений.

После того, как его душевное и эмоциональное состояние раскаляется до предела, у него появляется ощущение потребности в дружеской беседе, чтобы в ней излить душу, рассказать о собственных размышлениях. При этом, подходящего человека нет, потому что Печорин неумолимо отказывается от всяких связанных отношений, исходя из собственных мировоззренческих установок и опыта по жизни.

Изучая и оценивая собственные поступки, внутренние эмоции, у него появляется одинаково равнодушное восприятие и самого себя, и всех окружающих лиц. Избранный им аскетический образ жизни обуславливает его неустойчивость к судьбоносным вызовам. Следует указать на то, что в «лермонтовском» мире такого восприятие дружбы упоминается многократно.

Что касается взаимоотношений любовного характера, то в них Печорин обладает устремленностью к положению доминанта над любимой женской особой: «...я никогда не делался рабом любимой женщины; напротив, я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть, вовсе об том не стараясь. Отчего это? – оттого ли что я никогда ничем очень не дорожу и что они ежеминутно боялись выпустить меня из рук?...» [3, с. 133].

В каждом совершаемом героем действии ощущается здравомыслие, расчет логического плана и здравомыслие. Весь же трагизм мучающегося эгоиста связан с тем, что наличествующий у него потенциал остается задействованным лишь отчасти.

В некоторых ситуациях Печорин и сам к себе относится с очевидным презрением за собственные «незначительные слабости», за наносимое им окружающим зло. Однако, неумолимая скупость постепенно стала неотъемлемым элементом сути «печоринской» натуры».

Связанный с привлечением внимания Мери план базируется на понимании «живых струн людского сердца». Данное обстоятельство свидетельствует о том, что персонаж имеет углубленное понимание природы и сущности людей, может применять имеющиеся у иных людей «уязвимости».

Так или иначе, данное познание наделяет слабым характером самого Печорина, потому что устремленность доставлять несчастья окружающим не зависит от его собственного волеизъявления.

Лишившийся способности истинным образом чувствовать, адаптировавшийся к условиям, он понимает, что его жизнь день за днем приобретает все более опустошенный характер. Во время беседы с Вернером Печорин говорит, что ему не хватает чувств, что он привык жить исключительно разумом и способен к тому, чтобы испытать большое и искреннее чувство.

Героя не волнуют судьбы других людей, Печорин не понимает важность отношений, главное для него – достичь цели, а остальное для него играет второстепенную роль.

Печорин умело использует слабости людей для достижения своей цели. И это совершенно не входит в противоречие с его пониманием чести, поскольку горцы были врагами, офицерский кодекс чести допускал подобное отношение к ним. Но Печорину, судя по всему, не ведома и простая человеческая честь, ведь насытившись компанией Бэлы, он покидает ее, не думая о том, что девушка, которая любила его, по законам ее рода оказалась обесчещенной.

Эгоцентричность Печорина проявляется и в отношениях с Максимом Максимычем, а затем и с Грушницким, ведь первоначально Печорин манипулирует юным юнкером и его статью к княжне. Кодекс чести Грушницкого же связан с общественными нормами и правилами, он стремится хорошо держаться в обществе, дорожит добрым именем. Это поведение во многом показное, оно не связано с убеждениями героя, оно связано с желанием нравиться окружающим. Именно поэтому, оставшись отвергнутым княжной, он клеветает на нее, чтобы не упасть лицом в грязь в глазах общества.

Какие же именно события привели к тому, что Печорин сам себя начал рассматривать в качестве «исполнителя судьбоносной воли»? Действующий персонаж стремится ответить на данный непростой вопрос, подробно изучая и оценивая собственные действия, восприятие окружающих. Основной фактор-первопричина «печоринского» трагизма по большому количеству аспектов кроется в существующей у него системе ценностных ориентаций и мировоззрении, о которых он отчасти рассказывает в дневниковых заметках.

У героя отсутствует какая-либо вера в дружбу. Согласно его точке зрения, счастье является лишь гордостью, подвергнутой пресыщению. Данное заведомо не соответствующее действительности утверждение обуславливает уязвимость Печорина перед «приманками страстей», в чем, собственно, он и находит жизненный смысл.

Данный персонаж имел принадлежность к наивысшему социальному классу Петербурга. Его юношеские годы не были лишены удовольствий, получаемых за денежные средства. Со временем, данные наслаждения у него начали вызывать неприязнь.

Ему сильно наскучила жизнь светского общества. Проявляемая к нему любовь светских красавиц лишь раздражала его самолюбие и воображение, оставляя духовный мир опустошенным.

Печорин начал учиться и много читать. В скором времени ему пришлось на собственном примере удостовериться в том, что в рамках взрастившего его личность социума у науки объективно нет способности даровать людям славу и счастье, в чем герой усматривал жизненный смысл.

Нельзя не согласиться с его, его поколение действительно равнодушно ко всему. В обществе царит неверие, эгоизм. Получается, потенциал героя был возвращен с ранней юности. В атмосфере всеобщей «слепоты» общества сформирован подобный тип характера.

Но вопрос в другом – развивать ли эти пороки внутри себя или бороться с общественными взглядами? Печорин плывет по течению жизни. Жизнь обесценилась в его глазах, и его одолели скука, тоска – верные спутники разочарования. Он действует лишь ради развлечения, имея цель он не замечает чувства других людей, ему чуждо сострадание. Единственное, что волнует героя – он сам. Получается, в своем стремлении «развезать скуку», Печорин действует как типично комбинационный игрок. Им владеет лишь цель, эмоциональный характер героя наталкивает его на необдуманные поступки, он не знает, что ждет его дальше.

После этого действующий персонаж вернулся в окружение, которое ему было знакомо. Тут ему удалось реанимировать ряд контактов. В частности, восстановлены связи с княгиней Лиговской и стародавним товарищем Грушницким.

У него появилось устремление взаимодействовать с членами общества, как и прежде, он преисполнен любопытства, однако проявляет склонность, насмешливость и иронию.

Данное обстоятельство характеризует его в качестве личности, видящей «минусы» в иных индивидах, однако не подмечая их в себе самом. Таким образом, Печорин стремится сорвать лживую маску с Грушницкого. О нем он повествует так, что у читателя пропадает к нему всякое уважительное отношение.

Постепенно Печорин стремится поставить Грушницкого в по-настоящему трагичные обстоятельства, достигнуть его душевного ядра, пробудить в нем истинного человека, чтобы тот признал собственную подлость.

Такой образ мыслей говорит о Печорине, как о человеке, который не способен видеть в людях хорошее. Отсюда возникает его предрасположенность к подобным «экспериментам» над людьми, раскрытию их истинной сущности. Он ставит себя выше других, именно поэтому другим людям он не прощает их промахи, в отличие от самого себя.

Возле Печорина никого не оставалось в наиболее драматичный для него момент. Способность должным образом откликнуться оказалась присуща лишь Вернеру. При этом, сам герой никоим образом в этом не винил себя. В произведении его повествование ведется от лица самого Печорина. Данный авторский ход нельзя назвать случайностью, ибо трагическая исповедь свидетельствует о том, что именно за главным героем последнее слово.

Персонаж обращается к мыслям о жизненном смысле, оценивает собственные действия: «моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия: я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их радости и страдания – и никогда не мог насытиться».

Он прекрасно осознает собственный эгоизм, однако не стремится поменяться, не противится собственной сущности, отказывается признавать собственные ошибки, винит людей в том, что они не понимают его. В действительности, «печоринская» предрасположенность обусловила тем, что герой стал дуэлянтом.

Лица с характером, аналогичным «печоринскому», лишены способности дарить и создавать. Собственного друга Вернера Григорий использует в роли секунданта, потому что усматривает в нем такие личностные качества, как способность молчать, интеллект, уважение и честность. Помимо прочего, у Печорина имеет место объективное понимание того, что из жизни уйдет Грушницкий, а Вернер равнодушным образом признает данный исход, так как лицезрел многие тысячи человеческих смертей. На самом деле, дуэль овеяна ореолом таинственности.

С оценочной позиции Максим Максимыча, герой романа является человеком не без странностей, в жизни которого происходит все самое необыкновенное. В произведении автор стремился произвести противопоставление Максима Максимыча Печорину.

Соглашаясь с роком, он не избегает обстоятельств, рассматривая их в качестве данности. С его точки зрения не имеет никакого значения жизненная цель. Он проживает жизнь по наитию, исполняя воинский долг и отдавшись делу, которое для него является любимым. Именно этим он отличается от персонажа Печорина, который пытается подобрать жизненный смысл, но у него это не выходит.

В его личности офицера утвердились такие основные черты, как самоотверженность и гуманность. В течение большого количества времени ему приходилось общаться лишь с черкесами и солдатами. Данное обстоятельство обуславливает его весьма зауженный кругозор. Тем не менее, это вовсе не значит отсутствие у него чувства прекрасного. Совсем напротив, герой с чуткостью относится ко всему, что его окружает. Более того, он является крайне привязчивым, обладает способностью заботиться об иных людях.

Григорий искренне проникся светлыми чувствами к Максим Максимычу. Несмотря на уход Бэлы из жизни, когда Печорин себя продемонстрировал как бездушный и хладнокровный человек, его отношение к нему не поменялось. Где-то в душевных глубинах у него имело место осознание виновности героя в гибели девушки, однако он находил для него оправдание в очередной раз.

Однажды Григорий признал данные «минусы», выразив их вслух: «Во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное» [3, с. 91]. Печорина Максим Максимыч называет ветреным лицом, надеяться на которое невозможно.

Его потенциал человека доброго, честного так и не смог понять беспокойную душу Печорина. Максим Максимыч видит героя более поверхностно, нежели Лермонтов. Максим Максимыч видит все эти странности в характере Печорина, однако он не способен их объяснить. Максим Максимыч поверхностно смотрит на главного героя, он не может открыть для себя личность Григория Александровича, поскольку герои имеют разный потенциал.

Несмотря на порывистость души героя, его независимость от внешних обстоятельств и окружающих людей, герой делает главную ошибку – действует тактически, не имея стратегии. Он делает определенные шаги, но не продумывает последующие за ними действия. Он имеет цель, но не понимает, почему все, что он делает, не приводит его к тому, что он ожидает, а если быть точнее – не приносит ожидаемых эмоций.

Его разочарование и скука вызваны тем, что он действительно уже не способен чувствовать, поэтому даже игра с чувствами других людей не приносит ему наслаждения.

Однако предрасположенность Печорина также играет важную роль в его жизни. Он не просто следует заранее написанному сценарию, он активно влияет на свою судьбу, принимая порой необдуманные и рискованные решения. Тема предрасположенности наиболее ярко выражена в части «Фаталист».

Ярый фаталист и игрок, офицер Вулич, выразил предложение проверить то, есть ли у героя возможность по собственной воле управлять собственной жизнью, либо у всех есть роковая минута. Ему Печорин предложил пари: если сегодня он должен погибнуть, то погибнет, в противном случае – останется в живых. Смерть не настигает его.

Тут «лермонтовским» персонажем управляет стремление испытать судьбу, попытка угадать собственный конец, обусловленная жизненной скукой.

Конечно, у Печорина получается предсказать гибель Вулича. Последний не справляется с «судьбоносной игрой» после осечки, получив «ужасающий жребий» со стороны выпившего казака, который его зарубил.

В содержании «Фаталиста» действие и персонажи призваны подтвердить то, что у людей нет возможности управлять собственной жизнью из-за судьбоносного рока.

Обладающие индивидуалистичным уклоном жизненные нормы Печорина, наличествующие у него принципы, исходят из противостояния самой судьбе, детерминируемые углубленным скептическим отношением. Смысловой посыл данного произведения важен для формирования адекватного представления «печоринского» образа и всего авторского труда, для обращения к духовным истокам его отношения. Автор это представляет как конкретную жизненную концепцию.

Участвуя в конфронтации с Вуличем, герой касаво фатума занимает двойственное положение, потому что усматривает в нем неизбежность судьбы, хотя не соглашается с ее предопределенностью.

По всей видимости, в данном контексте Печорин себя сам пытается удостоверить в том, что в реальности нет судьбы, однако жизнь решает иначе и доказывает обратное: «Доказательство было разительно, и я, несмотря на то, что посмеялся над нашими предками и их услужливой астрологией, попал невольно в их колею» [3, с. 203].

Кроме того, он повествует, что ему чужда слепая вера, потому вопрос сохраняет открытый характер. Однако, происходит еще одно событие, которое убеждает Печорина в неизбежности фатума. В частности, выпивший казак лишает жизни Вулича, и предсказания персонажа сбываются.

Спустя некоторое время Григорий вновь «играет с судьбой», стремясь самостоятельно нейтрализовать разъяренного казака. И жизнь дает ему тот же урок, что и Вуличу в первый раз. Печорину удалось отделаться сорванным эполетом и выйти из ситуации победителем. Согласно его мнению, тут его успех не был предопределен, а помогли ему – только храбрость, точный расчет и здравомыслие.

Выводы

Присущая действующему персонажу судьба имеет неразрывную связь с предрасположенностью. «Лермонтовский» герой – прямое доказательство этого. Носящая наименование «Фаталист» глава вызывает интерес в виду того, что оканчивается известной «печоринской» фразой: «Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера; напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится – а смерти не минешь!» [3, с. 207].

Проблема Печорина заключается в том, что он способен видеть лишь себя и свои желания, полагая, что отлично понимает окружающих. Однако в действительности он не сумел постичь даже собственную природу, что подчеркивает глубокую изолированность его внутреннего мира. Эта изолированность тесно связана с предрасположенностью к фатализму, который определяет не только его восприятие судьбы, но и дальнейшее развитие событий в его жизни.

Список источников

1. Виноградов И.И. Философский роман Лермонтова // Литературный процесс. 2022. С. 45 – 61.
2. Гюго В. Собор Парижской богородицы. М.: Издательство «Классика», 1977. С. 225 – 227.
3. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М.: Издательство «Олма Медиа Групп», 1980. С. 91 – 207.
4. Зубарева В.К. Чехов в XXI веке: позиционный стиль и комедия нового типа // Принятие решений и потенциал лирического героя. 2018. С. 112 – 118.
5. Реизов А.Ю. Французский исторический роман эпохи романтизма. М.: Наука, 1958. С. 79 – 80.
6. Софокл. Царь Эдип / пер. Шервинский. М.: Издательство «Литургион», 2015. С. 134 – 140.
7. Тронский И.М. История античной литературы. Л.: Издательство «Наука», 1957. С. 153 – 158.

8. Смирнов Н.Н. Миф и реальность в литературном произведении // Литература и язык. 2020. С. 67 – 75.
9. Кузнецова Л.А. Современные тенденции в литературе: взгляд на классику и современность // Вопросы литературы. 2021. С. 256 – 263.
10. Ковалев С.Е. Антиутопия как литературный жанр: от Хаксли до Орвела // Журнал мировой литературы. 2023. С. 19 – 28.

References

1. Vinogradov I.I. Lermontov's Philosophical Novel. Literary Process. 2022. P. 45 – 61.
2. Hugo V. Notre Dame de Paris. Moscow: Classica Publishing House, 1977. P. 225 – 227.
3. Lermontov M.Yu. A Hero of Our Time. Moscow: Olma Media Group Publishing House, 1980. P. 91 – 207.
4. Zubareva V.K. Chekhov in the 21st Century: Positional Style and Comedy of a New Type. Decision-Making and the Potential of the Lyrical Hero. 2018. P. 112 – 118.
5. Reizov A.Yu. French Historical Novel of the Romantic Era. M.: Nauka, 1958. P. 79 – 80.
6. Sophocles. Oedipus Rex. Trans. Shervinsky. M.: Liturgion Publishing House, 2015. P. 134 – 140.
7. Tronsky I.M. History of Ancient Literature. L.: Nauka Publishing House, 1957. P. 153 – 158.
8. Smirnov N.N. Myth and Reality in a Literary Work. Literature and Language. 2020. P. 67 – 75.
9. Kuznetsova L.A. Modern Trends in Literature: A Look at the Classics and Modernity. Questions of Literature. 2021. P. 256 – 263.
10. Kovalev S.E. Dystopia as a Literary Genre: from Huxley to Orvel. Journal of World Literature. 2023. P. 19 – 28.

Информация об авторах

Гапоненко К.Р., Тихоокеанский государственный университет, ignatovakristina381@gmail.com

© Гапоненко К.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

¹ Лоу Шифань

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Роль стилистических приёмов в вербализации художественного концепта «будущее» в сборнике рассказов «Время вышло»

Аннотация: статья посвящена исследованию роли стилистических приёмов в вербализации художественного концепта «будущее» в сборнике рассказов современных российских авторов «Время вышло». Антиутопия направлена на предупреждение о возможных катастрофических последствиях будущего. Анализ языковых средств вербализации концепта «будущее» позволяет глубже воспринимать авторские намерения и идеи, заложенные в рассказах. С помощью тщательного анализа текстов исследуются такие стилистические средства, как метафора, сравнение, олицетворение, гипербола и другие. Они играют важную роль в формировании и передаче концепции будущего.

Стилистические приемы помогают писателям трансформировать художественный концепт «будущее» в конкретные языковые образы, усиливая выразительность и эмоциональность текста. Также обогащают изображение будущего, и способствуют формированию уникального художественного мира, в котором читатель может глубоко погрузиться в описанное будущее. Результаты данного исследования имеют возможность способствовать лучшему пониманию механизма формирования художественного концепта «будущее» и осмыслению концепции будущего в антиутопических рассказах.

Объект исследования – вербализация художественного концепта «будущее». Предметом исследования являются стилистические приёмы, используемые для вербализации данного концепта. Цель работы – проанализировать, как авторы рассказов с помощью языковых и риторических средств конструируют и выражают сложный концепт «будущее», а также раскрыть функции и роль этих приёмов в тексте.

Ключевые слова: стилистические приёмы, антиутопия, концепт «будущее»

Для цитирования: Лоу Шифань. Роль стилистических приёмов в вербализации художественного концепта «будущее» в сборнике рассказов «Время вышло» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 62 – 69.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Lou Shifan

¹ St. Petersburg State University

The role of stylistic devices in verbalizing the concept of “future” in the collection of stories “Time is Up”

Abstract: the article is devoted to the study of the role of stylistic devices in the verbalization of the artistic concept of “future” in the collection of stories by modern Russian authors “Time is Up”. The dystopia is aimed at warning about possible catastrophic consequences of the future. Analysis of the linguistic means of verbalization of the concept of “future” allows for a deeper perception of the author's intentions and ideas embedded in the texts. With the

help of a thorough analysis of the texts, such stylistic devices as metaphor, comparison, personification, hyperbole and others are studied. They play an important role in the formation and transmission of the concept of the future.

Stylistic devices help writers transform the artistic concept of “future” into specific linguistic images, enhancing the expressiveness and emotionality of the text. They also enrich the image of the future and contribute to the formation of a unique artistic world in which the reader can deeply immerse himself in the described future. The results of this study have the potential to contribute to a better understanding of the mechanism of the artistic concept of “future” and to comprehend the concept of the future in dystopian stories. The object of the study is the verbalization of the artistic concept of “future”.

The subject of the study is the stylistic devices used to implement this concept. The purpose of the work is to analyze how the authors of the stories construct and express the complex concept of “future” using linguistic and rhetorical means, as well as to reveal the functions and role of these devices in the text.

Keywords: *stylistic devices; dystopia; the concept of “future”*

For citation: Lou Shifan. The role of stylistic devices in verbalizing the concept of “future” in the collection of stories “Time is Up”. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 62 – 69.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Наша статья посвящена изучению стилистических приёмов, используемых для вербализации художественного концепта «будущее» в сборнике современных антиутопических рассказов «Время вышло». Основное внимание в работе уделяется анализу роли стилистических средств в создании образа будущего, их функций и влияния на восприятие текста читателем.

Антиутопия является одним из ключевых жанров литературы, отражающих тревоги и вызовы современного общества. «Антиутопия, в основе которой лежит фантастическая условность, разомкнута в будущее, так как демонстрирует последствия социально-утопических преобразований» [16, с. 54]. «Антиутопия предупреждает о нежелательных последствиях реализации некоторых идеалов и наметившихся тенденций развития» [15, с. 58]. Д.С. Солобуто также пишет, что антиутопии «описывали негативные тенденции развития капиталистических обществ» [14, с. 145]. Изучение того, как в сборнике «Время вышло» вербализуется концепт «будущее», позволяет глубже понять, как авторы осмысливают возможные сценарии развития человечества. Стилистические приёмы играют важную роль в формировании образов и идей, связанных с будущим. Их анализ помогает раскрыть, как авторы передают эмоциональное восприятие будущего, его угрозы и надежды.

Стилистический приём – это «субъективный лингвистический фактор текстообразования, отражающий особый способ текстовой организации, выбранный автором для наиболее адекватного отражения своего видения мира и описываемой ситуации. Стилистические приемы, усиливающие прагматический эффект текста, соотносятся с тропами и фигурами и отражают специфическую организацию языковых средств в целях особой выразительности» [8].

Стоит отметить, что исследователи в большей степени сосредоточились на анализе стилистических приёмов английского языка. Среди них можно выделить таких известных учёных, как И.В. Арнольд («Стилистика. Современный английский язык») [1], И.Р. Гальперин («Стилистика английского языка») [6], а также Ю.М. Скребнев («Основы стилистики английского языка») [13], Е.В. Семенова и Н.В. Немчинова («Стилистика английского языка») [12], Е.Г. Беляевская («Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе») [4] и др. Они внесли важный вклад в развитие стилистики, изучая различные аспекты языковой выразительности и текстовой организации. Их работы охватывают широкий спектр стилистических явлений, включая тропы, фигуры речи, а также прагматические аспекты текста. Ряд исследований посвящён стилистике английского языка, но анализ стилистических приёмов в литературе на русском языке был изученным. В русистике благодаря В.В. Виноградову стилистика стала не просто совокупностью практических рекомендаций по выразительному использованию языка, а полноценной научной дисциплиной с собственной теорией и методологией исследования [5]. Например, Н.А. Купина и Т.В. Матвеева («Стилистика современного русского языка») исследовали теоретические проблемы стилистики современного русского языка.

В статье «Основные классификации стилистических приёмов в теории и стилистике языка» учёные Г.И. Ахьямова и Д.Р. Фатхулова называют три современные классификации стилистических приёмов и выразительных средств: это классификации Дж. Лича, И.Р. Гальперина и Ю.М. Скребнева [2].

Так, Дж. Лич полагает, что лингвистическая теория может быть связана с задачей описания таких риторических фигур, как метафора, параллелизм, аллитерация, персонификация и других в изучении литературы [9, с. 28]. Д. Лич строил свою классификацию по принципу различия между нормальными и девиантными чертами в языке литературы [9, с. 47]. Он выделил парадигматические и синтагматические отклонения от лексических и грамматических норм языка [9, с. 51].

И.Р. Гальперин построил классификацию выразительных средств и стилистических приёмов на основе уровней языковой системы. По его мнению, выразительные средства и стилистические приёмы разделяются на фонетические, лексические, синтаксические. К фонетическим выразительным средствам и стилистическим приёмам он отнес ономатопею, аллитерацию, ритм, рифму [6, с. 123-135]. По классификации И.Р. Гальперина лексические выразительные средства и стилистические приёмы включают метафору, метонимию, иронию, антономасию, эпитет, оксюморон, использование междометия, гиперболу, игру слов, каламбур, зевгму, перифраз, эвфемизмы, сравнение, полисемию, восклицательные слова, мейозис, литоту, аллегория, олицетворение, клише, пословицы, поговорки, сентенции, цитаты, аллюзии и другие [6, с. 136-190]. Стоит отметить, что, хотя исследователи обычно одновременно учитывают стилистические приёмы и выразительные средства, но «все стилистические приёмы принадлежат выразительным средствам, не все выразительные средства являются стилистическими приёмами» [12, с. 26].

К синтаксическим выразительным средствам и стилистическим приёмам (композиции предложения) И.Р. Гальперин относит следующие: стилистическая инверсия, обособление, эллипсис, умолчание, несобственно-прямая речь, прямая речь, косвенная речь, косвенно-прямая речь, изображённая речь, вопросы в повествовательном тексте, риторический вопрос, литота, сложное синтаксическое целое, абзац, параллелизмы, нарастание, ретардация, антитеза, присоединение, многосоюзие, повтор слов, словосочетаний, целых предложений (которые расположены в начале отрезков речи: предложений, синтагм, речевых групп) [6, с. 202-246].

В отличие от И.Р. Гальперина, Ю.М. Скребнев сначала делит стилистику на парадигматическую (или стилистику единиц) и синтагматическую стилистику (или стилистику последовательностей). Затем он исследует уровень языка и рассматривает все стилистически значимые явления в соответствии с этими уровнями, как в парадигматической, так и в синтагматической стилистике. Он также однозначно выделяет ещё один уровень. В дополнение к фонетике, лексикологии и синтаксису он добавляет семантику [13, с. 150].

В нашей статье мы придерживаемся классификации стилистических приёмов, которую предложил И.Р. Гальперин. Под стилистическим приёмом понимается намеренное и сознательное усиление какой-либо типической структурной и / или семантической черты языковой единицы (нейтральной или экспрессивной), усиливающее её выразительность, достигшее обобщения и типизации и ставшее таким образом порождающей моделью [6, с. 30]. «Лингвистические приёмы, используемые для создания дополнительного значения, идеи или чувства, называются стилистическими приёмами. Стилистические приёмы создают образы, расставляют акценты, проясняют смысл в тексте, чтобы привлечь внимание читателей» [3, с. 9].

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования был выбран сборник «Время вышло», который относится к современной русской антиутопии. В этот сборник входят 13 рассказов известных современных российских писателей. На основе авторских замыслов мы разделили модели будущего в этих 13 рассказах на три типа: государственный тоталитаризм, контроль внепланетных существ, высокотехнологическое господство. Исследуя антиутопические закономерности, Л.О. Мысовских заметил предсказание Д. Оруэлла, что «с развитием технологий правительства смогут контролировать не только действия, но и мысли своих граждан» [10, с. 14]. В нашей статье основное внимание именно уделяется высокотехнологическому господству, для анализа были выбраны соответственно три рассказа: «Аз Иванов. Выход в деньги» Андрея Рубанова, «Сосны у медвежьей реки» Александра Иличевского, «Министерство благополучия» Алисы Ганиевой.

Развивая теорию И.Р. Гальперина, Е.Г. Беляевская предлагает анализировать стилистический приём как «многоступенчатую когнитивную модель формирования контекста», имеющую свои особенности функционирования в разных типах дискурса [4, с. 42]. Е.Г. Беляевская выделяет три уровня когнитивной модели. Первый – «схематизированное представление о структурных и семантических принципах формирования того или иного стилистического приема, что содержится в его определении и общем описании» [4]. Второй – это «уровень адаптации базовой модели стилистического приема к концептуальным структурам, лежащим в основе семантики текста» [4]. Третьим уровнем является выбор образного основания контекста [4, с. 44].

В нашем исследовании мы проводим комплексный и детальный анализ стилистических приёмов, которые активно используются при вербализации художественного концепта «будущее» в сборнике рассказов «Время вышло». В основу нашего исследования положена вышеуказанная триэтапная когнитивная модель, которая позволяет раскрыть скрытые смыслы, лежащие в основе использования этих стилистических приемов в анти-

утопическом дискурсе. Стилистические приёмы рассматриваются «как когнитивная структура, как важнейший элемент индивидуально-авторской картины мира, как средство генерирования, хранения и передачи различных типов структуры знаний» [11, с. 518].

Результаты и обсуждения

Художественная модель мира в антиутопии в основном направлена на предупреждение возможной катастрофы в будущем, поэтому главным художественным концептом в антиутопии является художественный концепт «Будущее». При вербализации данного концепта писатели используют различные стилистические приемы.

Будущее в рассказах сборника «Время вышло» представлено тремя моделями: государственный тотализм, контроль внепланетных существ, высокотехнологическое господство. Для детального рассмотрения мы выбрали модель будущего в форме высокотехнологического господства. Стоит отметить, что элементы этих трёх форм будущего не изолированы. Например, в рассказе «Аз Иванов. Выход в деньги» А. Рубанова встречаются и господство умных денег (искусственного интеллекта) и государственный контроль. Но контроль государства осуществляется именно при помощи умных денег, поэтому мы считаем, что в данном рассказе реализуется модель будущего в форме высокотехнологического господства.

На первом этапе анализа мы рассмотрели структурные и семантические принципы формирования стилистического приема, который используется в рассказе при описании будущего. Рассмотрим контексты (1) из рассказа Андрея Рубанова «Аз Иванов. Выход в деньги», в которых речь идет о новой валюте – умных деньгах.

(1) мыслящие деньги; Эта валюта впервые в истории человечества получила собственное сознание...; Ей всегда 32 года, она всегда остроумна, всегда честна, всегда в хорошем расположении духа (речь идет об умных деньгах); Азио (название умных денег) задумывался как платёжная единица, никак не подверженная инфляции. Вся система автоматически перезагружалась в последний день старого года.

При описании характеристики умных денег А. Рубанов использует олицетворение. Умные деньги структурно описываются как субъект, обладающий человеческим сознанием и характером. Семантически деньги наделены человеческими поведенческими характеристиками: умные, мыслящие, сознание, остроумна, честна, задумывался, что делает абстрактное понятие умные деньги более ярким.

Рассмотрим контексты (2) и (3) из того же рассказа:

(2) В идеале, как предполагал Иванов, к системе азио присоединятся мощные экономики Таиланда и Индонезии. ...Эта валюта впервые в истории человечества получила собственное сознание, собственный искусственный интеллект, электронный разум. ...Новый вид валюты, изобретённый математиком Ивановым, должен был полностью перезагружаться каждый год. ...Вся система автоматически перезагружалась в последний день старого года. Если гражданин не успевал потратить свои азио до 31 декабря, все суммы списывались со счетов безвозвратно. Таким образом, по мысли проектировщика новой глобальной супервалюты, должно было стимулироваться потребление...

(3) Иванов не просто собирался создать деньги, имеющие сознание, – он хотел, чтобы у новой валюты было сознание её разработчика.

Аз Иванов в шутку называл это «выходом в деньги». Действия Мэри Ти (название умных денег) нельзя контролировать. Ей всегда 32 года, она всегда остроумна, всегда честна, всегда в хорошем расположении духа.

А. Рубанов использует контраст, чтобы выявить неожиданный результат проекта Иванова. В контексте (2) Иванов хотел бы создать новый вид валюты для лучшей жизни: должно бы стимулироваться потребление. Но деньги, имеющие сознание, контролируют людей. Даже действия умных денег нельзя контролировать. Контрастное сопоставление первоначального замысла Иванова и результат его проекта реализуется за счет слов и словосочетаний перезагружаться, списывались со счетов безвозвратно, с одной стороны, и нельзя контролировать, с другой.

Итак, основными стилистическими приёмами вербализации художественного концепта «будущее» в рассказе Андрея Рубанова «Аз Иванов. Выход в деньги» являются олицетворение и контраст. Именно эти приемы лежат в основе сюжета рассказа. Проект про умные деньги является новацией математика Иванова, в основу своего проекта он кладет образ своей жены. Использование приема персонификации в тексте позволяет понять, что умные деньги могут выйти из-под контроля человека или даже контролировать людей. Сравнивая первоначальную цель Иванова с последствием проекта новой валюты (умных денег), мы можем почувствовать изменения образа жизни человека, вызванные новыми деньгами, тем самым понять угрозу таких умных денег в данном обществе.

Рассмотрим выбор образного основания для использования данных стилистических приемов в рассказе Андрея Рубанова «Аз Иванов». Опираясь на контекст описания экономических явлений и механизмов социального действия в рассказе, А. Рубанов выбирает образную основу: умные деньги. Стилистические при-

ёмы, реализующиеся в данном рассказе, – олицетворение и контраст – акцентируют угрозу искусственного интеллекта в развитии будущего. Автор выражает опасение, что искусственный интеллект может выйти из-под контроля человека и превратиться в самостоятельную силу, способную контролировать и даже поработать людей. Стилистические приёмы описания умных денег позволяют автору более ярко выразить предостережение от чрезмерного развития науки и техники в будущем.

Модель будущего в форме высокотехнологического господства реализуется также в рассказах «Сосны у медвежьей реки» А. Иличевского и «Министерство благополучия» А. Ганиевой.

В рассказе А. Иличевского изображен будущий мир, полный хаоса и кризиса.

Рассмотрим контексты (4), (5) и (6) из рассказа А. Иличевского «Сосны у медвежьей реки»:

(4) В пути меня порой одолевают видения, и не только потому, что кусок моего мозга, в который зашит программный чип, сдан в аренду вычислительной корпорации, которая прогоняет на нём свои игры для богачей или ищет инопланетян, расшифровывая следы всплеск сверхновых звёзд. Кто его знает? Или иногда бросает в качестве прикорма особый код, от которого я торчу понемногу...

Здесь автор использует метафору. С точки зрения первой степени когнитивной модели в семантическую структуру метафоры входят два компонента: значение / свойство субъекта (особый код) и образ отождествления (прикорм). В мозг главного героя встроили программный чип, поэтому код в этой ситуации служит в качестве прикорма, питания для этого человека.

(5) Шла война за Антарктиду; де-факто царило правление корпораций, которые для номинальных правительств осуществляли торговлю личностями, то есть голосами избирателей. В сущности, вокруг процветали посильное рабство и эластичный тоталитаризм. Вовсю развернулись подпольные теневые рынки, где шла торговля цифровым бессмертием, которое уже было не отличить от бессмертия подлинного. Бушевали эпидемии, окончательно вытеснившие перемещения по планете в виртуальную сферу. Взлётно-посадочные полосы и дороги зарастали бурьяном.

В контексте (5) используется оксюморон, который «формируется синтаксической структурой «определение + определяемое», причем в семантическом плане оба элемента словосочетания контрастны» [4, с. 42]: посильное рабство, эластичный тоталитаризм.

Также здесь автор использует контраст между реальным миром и цифровой сферой, чтобы подчеркнуть эрозию технологий в человеческой природе. Сравнивая войну, правление корпораций, посильное рабство, эластичный тоталитаризм с цифровым бессмертием, виртуальной сферой, автор показывает сложное положение человека.

(6) Господи, какие мы всё-таки хрупкие, эта муха попросту танк в сравнении с нами. Мы живём, только когда встречаем себе подобных, с той же планеты, и нам удаётся полюбить. Забывай, взрывай, не забывай о ближнем. Если бы не трава, если бы не поля травы, которые я скошил своим дыханием. Какое счастье, что это случилось с нами. ...Вся жизнь, любовь в ней тоже – то, что делает существование меньшей болью. Так мы устроены, в этом и есть Плотин, в этом Блаженный Августин, писавший: если бы птица была бы легче воздуха, мы бы её не поймали; так и мы куда-то легче боли.

Здесь используется метафора, в структуру которой входят два компонента: значение / свойство субъекта (муха) и образ отождествления (танк). Также автор сравнивает муху с человеком с помощью этой метафоры. В нашем сознании муха более хрупкая, чем человек, но в этом обществе наоборот.

Рассмотрим эти контексты с точки зрения второй степени когнитивной модели.

В контексте (4) и (5) автор описывает противопоставление упадка реального мира и расцвета виртуального мира. Как сказано в рассказе, глобальная ситуация неспокойна, люди находятся под контролем компании, процветает торговля цифровым бессмертием, виртуальный мир заменяет реальное общество.

Сравнивая контекст (5) и (6), мы отметим, что в суровой обстановке главный герой считает любовь важной опорой для выживания человечества. Это отражается в размышлении о природе жизни, то есть, хотя жизнь полна беспомощности и боли, любовь и связь в обыденности придают жизни смысл.

Используя метафору, оксюморон и контраст, автор описывает основные конфликты в будущем мире: разрушающийся реальный мир и возникновение виртуальной сферы. Если цифровое бессмертие было не отличить от бессмертия подлинного, то как определить жизнь и смерть? В виртуальной сфере будут ли чувствовать любовь? Цифровое бессмертие стирает границы между жизнью и смертью и поднимает этические вопросы. Внутренний мир человека становится полем битвы между различными эмоциями, мыслями и моральными дилеммами. Эти контрастные элементы и их взаимодействие создают основу для понимания сложных конфликтных ситуаций, которые могут возникнуть в будущем.

На третьем этапе анализируется выбор образного основания контекста: упадок реального мира и расцвет виртуальной сферы. В контексте (5) автор создал образ будущего, где компании контролируют политиче-

скую власть, преобладают подпольные операции на черном рынке и процветают инфекционные заболевания. Автор изображает репрессивную и хаотичную социальную среду на фоне расцвета технологий, что позволяет читателям лучше понять описанный концепт «будущее» в рассказе. Надо добавить, что развитие технологий вряд ли является надеждой данного мира. Рассмотрим: Во Франции вновь бушевал Якобинский клуб. До гильотин ещё не дошло, но цифровые наказания работали в полную мощность. Наоборот, это средство контроля над людьми.

Рассказ А. Иличевского «Сосны у медвежьей реки» отражает обеспокоенность автора этическими дилеммами, которые могут возникнуть в результате развития науки и техники, и предупреждает людей о том, что при стремлении к научно-техническому прогрессу они должны обращать внимание на нормы этики и морали, чтобы не потерять контроль над технологиями и не повлиять на человеческие ценности и общественный порядок.

Рассказ А. Ганиевой «Министерство благополучия» также посвящён беспокойству о чрезмерном развитии технологий. Рассмотрим контекст (7):

(7) Подписчиков у жены было много, у Сотникова – позорно мало. Он отставал по всем дигитальным параметрам, не умея угнаться за новейшими нормами от Министерства счастья и благополучия. ...Бренькнуло пуш-ап-указание от Минблага: немедленно запостить в сториз фотографию кофе с молочной пенкой и мотивирующей цитатой об утре, рассказать о планах на грядущий день, отчитаться о достижениях за прошлый. ...Прихрамав на затёкших ногах в туалет, а затем на кухню, где после ухода жены воцарилось столпотворение грязной посуды, он страдальчески оглянулся, выискивая для выхода в эфир ещё не заляпанный его жалким несчастьем угол. И, не найдя, наскоро засобиравшись стримить в уличную кофейню.

Речи идёт о первом этапе когнитивной модели, А. Ганиева использует контраст (подписчики у жены и у Сотникова), метафора (жалкое несчастье – грязное), чтобы описать ситуацию главного героя. Т.е., люди в этом обществе должны публиковать историю в сети по приказу Министерства благополучия, но Сотников плохо себя провёл. Жалкое несчастье обозначает не только грязную посуду на кухне, но и неприятности, принесённые указаниями Министерства благополучия.

В контексте (8) представлен диалог между главным героем Сотниковым и пожилым человеком, который объясняет последствия нарушения правил Министерства благополучия.

(8) – Вы о чём? – всё-таки выпалил Сотников.

– Как о чём? Эта комнатка на депортацию, вот что! Нарушители цифровой картины благополучия страшно выселяются куда подальше! Блокировка без права возвращения.

– А при чём здесь я? – заражаясь буйством собеседника, закричал Сотников. – Я все указания Минблага выполнял! И даже кофе с пенкой! Ну, упустил вчерашний закон, с кем не бывает!

Хотя в контексте (8) не используется стилистический приём, но данный диалог перекликается с контекстом (7). Сотников упустил вчерашний закон, в результате он выселяется куда подальше – это также жалкое несчастье у него.

С точки зрения второго этапа модели когнитивного анализа стилистического приёма, можно заметить, что он помогает читателям ознакомиться с этим антиутопическим миром. В этом мире реализуются тотальный контроль и цифровая дегуманизация, люди утратили свою автономию в жизни, а каждое действие контролируется и ограничивается. Министерство благополучия, с семантической точки зрения, – это отдел, который работает на благо людей, но на самом деле закон Министерства благополучия создаёт людям проблемы.

На третьем этапе анализа стилистических приемов обратим внимание на выбор образного основания: в основу контекстуальных изображений в данном рассказе автор выбирает сцены повседневной жизни, такие как кухня, кофейня, центр госуслуг и т.п. В кофейне он не мог пользоваться услугами, поскольку не зарегистрировался в Соцсети «Звезда», что отражает принудительную роль соцсети в социальной жизни; в центре госуслуг людям определяют наказание, что демонстрирует повсеместный контроль государства над гражданами. Эти сцены усиливает цифровой контроль над гражданами в обществе-антиутопии, позволяя читателям лучше понять серьезность нарушения конфиденциальности и свободы граждан в эпоху цифровых технологий. Именно этот аспект вызывает глубинную обеспокоенность автора.

Используя стилистические приёмы контраст, метафору, перекличку и т.д., А. Ганиева описывает мир, где правительство контролирует людей с помощью технологий. Поэтому она беспокоится не только о контроле правительства, но и о злоупотреблении технологиями.

Необходимо отметить, что при описании будущего вышеупомянутые авторы рассказов использовали не только описанные выше стилистические приёмы, но мы постарались выделить ведущие стилистические приёмы, которые реализуются на уровне сюжета рассказов. Модель будущего в форме высокотехнологического господства в этих трёх рассказах характеризуется употреблением метафоры и контраста. Они играют

важную роль в вербализации концепта «будущее». Авторы в своём контексте создали образные основания: система новой валюты (А. Рубанов), упадок реального мира и расцвет виртуальной сферы (А. Иличевский), сцены повседневной жизни (А. Ганиева).

Выводы

В данной статье проанализированы стилистические приёмы, которые использованы авторами в трёх рассказах сборника «Время вышло» для вербализации художественного концепта «будущее». Опираясь на когнитивную методологию анализа стилистических приемов, разработанную Е.Г. Беляевской, мы проанализировали стилистические приемы на основе трёхэтапной когнитивной модели и пришли к следующим выводам.

Во-первых, авторы этих трёх рассказов интуитивно формировали стилистические приемы, чтобы передать смысл читателям. Стилистический приём метафоры показал состояние человека: код – прикорм, жалкое несчастье – грязное, муха – танк (при сравнии с человеком). В высокотехнологическом обществе либо человеческое тело преобразуется технологиями, либо люди оказываются под наблюдением техники, либо люди становятся хрупкими и физически, и психологически. Все это позволяет авторам добиться необходимого размышления читателей о влиянии высокой технологии на людей.

Во-вторых, в этих трёх рассказах стилистические приёмы служат для описания высокотехнологического мира, который входит в элементы художественного концепта «будущее». С помощью метафоры, контраста, олицетворения, оксюморона авторы увеличивают беспокойство читателей о неограниченном развитии технологий в человеческом обществе, которое могут возникнуть в будущем. Страшные феномены, такие как управление человеком новой валютой, имплантация чипов в мозг и расцвет цифрового бессмертия, в текстах этих рассказов имеют свои особые фокусировки. Они не просто описываются как будущее, а анализируются в контексте социальных, этических и психологических последствий.

Для вербализации художественного концепта «будущее» авторы используют такие стилистические приемы как метафора, контраст, олицетворение, оксюморон и др. Эти стилистические приёмы играют ключевую роль в создании образов будущего, акцентируя внимание на возможных угрозах и проблемах в аспекте технологии.

В высокотехнологической модели будущего сборника «Время вышло» особую роль играют метафора и контраст. В антиутопическом дискурсе через эти приёмы авторы не только рисуют возможные сценарии будущего, но и предупреждают об опасностях, которые могут возникнуть, если общество продолжит двигаться по пути тоталитаризма, абсурда и насилия. Таким образом, стилистические приёмы в антиутопическом дискурсе становятся не только инструментом художественной выразительности, но и средством социальной критики и философского осмысления.

Список источников

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Ахьямова Г.И., Фатхулова Д.Р. Основные классификации стилистических приемов в теории и стилистике языка // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2021. № 2 (59). С. 95 – 98.
3. Балаева А.Б., Карасова С.Я. Систематизация стилистических приёмов в отечественном и зарубежном языкознании // Педагогический вестник. 2021. № 20. С. 8 – 10.
4. Беляевская Е.Г. Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 41 – 48.
5. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика // Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 255 с.
6. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка (на английском языке). М.: Высшая школа, 1981. 334 с.
7. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2013. 415 с.
8. Лингвистические приём // Словарь Лингвистических терминов Т.В. Жеребило. URL: <https://ruslingvistics-dict.slovaronline.com/4085-%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BC%D1%8B> (дата обращения: 11.11.2024).
9. Лич Г. Лингвистический справочник по английской поэзии. Лондон: LONGMAN, 1991. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315836034>.
10. Мысовских Л.О. Закономерности возникновения и трансформации жанра романа-антиутопии // Наука и школа. 2022. № 6. С. 11 – 19.
11. Панжиева Н.Н. Новые подходы к изучению стилистических приёмов // CARJIS. 2022. № 5. С. 517 – 521.

12. Семенова Е.В., Немчинова Н.В. Стилистика английского языка: учеб. пособие. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2017. 104 с.
13. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2000.
14. Солобуто Д.С. Антиутопия: эволюция жанра и его особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 3 (858). С. 142 – 149.
15. Тульчинский Г.Л. Достоевский: антиутопии XX века и предупреждение о настоящем // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 3. С. 56 – 72.
16. Черняк М.А. Страхи будущего в современных антиутопиях // Universum: Вестник Герценовского университета. 2006. № 8 (34). С. 54 – 55.

References

1. Arnold I.V. Stylistics. Modern English: a textbook for universities. 4th ed., rev. and additional M.: Flinta: Nauka, 2002. 384 p.
2. Akhkyamova G.I., Fatkhulova D.R. Basic classifications of stylistic devices in the theory and style of language. Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmulla. 2021. No. 2 (59). P. 95 – 98.
3. Balaeva A.B., Karasova S.Ya. Systematization of stylistic devices in domestic and foreign linguistics. Pedagogical Bulletin. 2021. No. 20. P. 8 – 10.
4. Belyaevskaya E.G. Conceptual Metaphor as a Source of Stylistic Devices in Discourse. Questions of Cognitive Linguistics. 2013. No. 3 (36). P. 41 – 48.
5. Vinogradov V.V. Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics. USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 255 p.
6. Galperin I.R. Stylistics of the English Language (in English). Moscow: Higher School, 1981. 334 p.
7. Kupina N.A., Matveeva T.V. Stylistics of the Modern Russian Language. Moscow: Yurait, 2013. 415 p.
8. Linguistic Devices. Dictionary of Linguistic Terms by T.V. Zhrebilo. URL: <https://rus-linguistics-dict.slovaronline.com/4085-%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BC%D1%8B> (date of accessed: 11.11.2024).
9. Leach G. Linguistic Handbook of English Poetry. London: LONGMAN, 1991. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315836034>.
10. Mysovskikh L.O. Patterns of the emergence and transformation of the dystopian novel genre. Science and School. 2022. No. 6. P. 11 – 19.
11. Panzhieva N.N. New approaches to the study of stylistic devices. CARJIS. 2022. No. 5. P. 517 – 521.
12. Semenova E.V., Nemchinova N.V. Stylistics of the English language: textbook. manual. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2017. 104 p.
13. Skrebnev Yu.M. Basics of English Stylistics. 2nd ed., corrected. Moscow: Astrel: AST, 2000.
14. Solobuto D.S. Dystopia: the evolution of the genre and its features. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2022. No. 3 (858). P. 142 – 149.
15. Tulchinsky G.L. Dostoevsky: dystopias of the twentieth century and a warning about the present. Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 5. No. 3. P. 56 – 72.
16. Chernyak M.A. Fears of the future in modern dystopias. Universum: Bulletin of Herzen University. 2006. No. 8 (34). P. 54 – 55.

Информация об авторах

Лоу Шифань, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, st106492@student.spbu.ru

© Лоу Шифань, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 82-21

¹ Рейнова А.В.

¹ Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Экспликация концепта «война» в драматическом тексте (на материале драмы Д. Хейра “The absence of war”)

Аннотация: цель исследования – изучить характер литературно-художественной экспликации концепта «война» в пьесе современного британского драматурга Д. Хейра “The Absence of War” (1993). В статье рассматриваются подходы исследователей к трактовке понятия «концепт», являющегося междисциплинарным, многомерным явлением, включающим понятия, ассоциации, образы и смысловые ценности в когнитивной, культурной и философской сферах. В ходе анализа удалось установить, что Д. Хейр обращается к концепту «война» для раскрытия основного конфликта пьесы – кризиса Лейбористской партии Великобритании. Научная новизна исследования обусловлена малоизученностью предлагаемого материала. Отечественные исследователи ранее не проводили детальный анализ экспликации концепта «война» в пьесе Д. Хейра “The Absence of War” в своих работах, внимание в основном уделялось другим пьесам драматурга, в центре которых стояли вопросы мировой политики, а не внутренняя политика Великобритании. Новым является изучение расширения концепта «война», в котором автор пьесы не только сочетает, но и сталкивает военную действительность и политическое противостояние как в Великобритании, так и внутри партии лейбористов. В статье представлен комплексный подход к рассмотрению способов экспликации концепта «война» в драматическом тексте, сочетающий когнитивные и литературоведческие теории. Также раскрываются основные способы репрезентации политических реалий в творчестве Д. Хейра, что способствует пониманию характерных черт и идейной направленности произведений политической драмы и смежных жанров. Результаты исследования показывают, что обращение к концепту «война» в драматическом тексте, раскрывающем проблемы внутренней политики страны в мирное время, помогает автору отразить трагичность положения главного персонажа, являющегося воплощением лейбориста «старой закалки» и партийный кризис Великобритании.

Ключевые слова: современная политическая драма, концепт «война», кризис политической системы, Лейбористская партия Великобритании, политические реалии

Для цитирования: Рейнова А.В. Экспликация концепта «война» в драматическом тексте (на материале драмы Д. Хейра “The absence of war”) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 70 – 76.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Reinova A.V.

¹ Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

Explication of the concept of “war” in a dramatic text (based on the play “The Absence of War” by D. Hare)

Abstract: the aim of the study is to reveal the nature of the literary and artistic explication of the concept of “war” in the play “The Absence of War” (1993) written by the modern British playwright D. Hare. The article examines the approaches of the researchers to the interpretation of the term “concept”, which is an

interdisciplinary, multidimensional phenomenon that includes notions, associations, images and semantic meanings in the cognitive, cultural and philosophical spheres. The analysis shows that D. Hare refers to the concept of “war” to reveal the main conflict of the play – the crisis of the British Labour Party. The scientific novelty of the study is related to the lack of the researches on the proposed material. The Russian researchers had not previously conducted a detailed analysis of the explication of the concept of “war” in play “The Absence of War” by D. Hare, the attention was mainly paid to other plays by the playwright, in which he focused on issues of the world politics rather than the domestic policy of the United Kingdom. The article examines the broad meaning of the concept of “war”, in which the play’s author not only combines, but also reveals the distinction between military reality and political confrontation both in the UK and within the Labour Party. The article presents a complex approach to the analysis of the concept of “war” explication in the dramatic text, combining the cognitive and literary theories. The study also reveals the main ways of the political realias representation in the works of D. Hare, as it contributes to understanding of the characteristic features and ideological orientation of the political drama and related genres. The results of the study show that the concept of “war” in the dramatic text helps the author to reveal the country’s domestic policy problems in peacetime, the tragic situation of the main character, who is the embodiment of the “old-school” Labour leader, and the party crisis in the UK.

Keywords: *modern political drama, the concept of “war”, the crisis of the political system, the British Labour Party, political realias*

For citation: Reinova A.V. Explication of the concept of “war” in a dramatic text (based on the play “The Absence of War” by D. Hare). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 70 – 76.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Актуальность данной работы обусловлена увеличивающимся интересом к рассмотрению концептуальной основы современных художественных текстов как среди отечественных, так и зарубежных исследователей. Извечный конфликт лейбористов и консерваторов в Великобритании остается одной из наиболее значимых проблем внутренней политики страны, и освещается с все большим драматизмом в пьесах современных авторов. Понимание характера экспликации центральных концептов в драматическом тексте и идиостилия Д. Хейра, одного из самых популярных драматургов Великобритании, поможет раскрыть особенности современной английской политической драмы.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: проанализировать основные подходы к рассмотрению понятия «концепт» в современной лингвистике текста; обозначить значимость концептуального анализа для интерпретации литературно-художественного текста; изучить способы раскрытия кризиса современной политической системы Великобритании в пьесе Д. Хейра “The Absence of War”; определить роль авторской интерпретации действующих лиц в раскрытии основного конфликта, а также способы отображения политических реалий в драматическом тексте.

Практическая значимость исследования состоит в возможности его использования при чтении и разработке курсов, посвященных вопросам истории англоязычной литературы, а также проявлению концептуальных основ в художественном тексте.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужила пьеса Д. Хейра “The Absence of War” [19]. Теоретическую базу исследования составляют работы, предметом изучения которых является понятие «концепт», а также литературоведческие исследования жанра драмы. Понятие «концепт» рассматривается такими учеными, как: Н.Д. Арутюнова [1], А.П. Бабушкин [2], В.И. Карасик [4], Г.А. Крюкова [8], Е.С. Кубрякова [7], Дж. Лакофф и М. Джонсон [21], В.А. Маслова [9], З.Д. Попова и И.А. Стернин [13], Ю.С. Степанов [16] и др. Д.Н. Катышева в работе «Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр» не только раскрывает основные категории драмы, но и рассуждает о способах проявления личности автора в драматическом произведении [5]. В.Ю. Хартунг и А.В. Шевченко исследуют специфику отражения личностных и поведенческих особенностей персонажа, а также социальную, культурную и историческую ситуацию его развития [19]. Е.А. Овечкина и С.С. Васильева изучают речевую характеристику персонажа, которая является средством создания художественного образа [12]. П.Ю. Нечипас и Е.В. Полховская выводят классификацию литературных персонажей и их значение в литературных текстах, а также раскрывают специфику характеристики

персонажей на материале пьесы Дэвида Хейра «Всякое бывает» [10]. Особенности политической драмы Д. Хейра рассматриваются в статьях А.В. Рейновой [14, 15]. Ряд исследовательских работ в области литературоведения последних лет посвящены изучению различных подходов к пониманию феномена идиостиля и динамики развития сущности данного понятия [11, 17, 18], а также его аспектов (культурно-историческому, жанровому, психолингвистическому, когнитивному, аксиологическому, системно-структурному, лингвопоэтическому, семантико-стилистическому) [3, 6].

Ключевыми методами и подходами стали: комплексный подход к рассмотрению способов литературно-художественной экспликации концепта «война», сочетающий метод концептуального и литературоведческого анализа; благодаря использованию метода концептуального анализа были выявлены особенности экспликации концепта «война» на тематическом, мотивном уровне, а также принципы построения и раскрытия основного конфликта, произведения; применение стилистического и вербального анализа позволило раскрыть характеристику персонажей рассматриваемой пьесы; в работе также использован типологический подход, поскольку анализируемое произведение можно отнести к жанру политической драмы и выделить основные признаки данного жанра в современной драматургии Великобритании; благодаря применению исторического и социологического подходов удалось выявить специфику отображения определенных политических позиций автора как представителя британского общества.

Результаты и обсуждения

Исходя из целей и задач нашего исследования, обратимся к трактовке понятия «концепт» в научных работах, затрагивающих вопросы лингвистики текста. Ю.С. Степанов уделяет внимание роли данного явления в формировании в сознании образа окружающей человека культуры [15]. Е.С. Кубрякова отмечает, что «концепт как термин служит для объяснения единиц ментальных или психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [7]. Исследователи считают, что концепт является оперативной содержательной единицей памяти, «ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [7]. Н.Д. Арутюнова видит в концептах «обыденные аналоги мировоззренческих терминов» [1]. В.А. Маслова указывает, что концепты возникают в сознании людей как отклик на языковой опыт в целом, в который входит и социальная, и политическая, и историческая сферы [9]. Исследователи сходятся во мнении, что концепт отражает жизненный опыт индивида.

В когнитивной лингвистике выделяют различные типы концептов. Наиболее обобщенным способом классификации является деление на вербальные и невербальные. Также выделяют устойчивые и неустойчивые концепты (по степени стабильности в языковом сознании), актуальные и неактуальные (по частоте использования в речи), лексико-фразеологические, грамматические и синтаксические (по типу языковой репрезентации). Существуют следующие структурные типы концептов: одноуровневые (имеют лишь базовый слой, ядро, являются предметными образами) и многоуровневые (имеющие несколько когнитивных слоев).

При описании структуры концепта З.Д. Попова и И.А. Стернин [13] обращаются к метафорическому образу облака, в котором ядро постепенно «обволакивается», «окутывается» слоями концептуальных признаков, что насыщает содержание концепта. Образ облака также отражает размытость очертаний и границ концепта.

В пьесе Д. Хейра ядром концепта «война» выступает прототипическая единица военного прошлого Великобритании, которое постепенно обрастает другими слоями. Действие начинается со сцены ежегодной церемонии возложения цветов у Кенотафа, памятника жертвам войны в Лондоне. Данное место выбрано автором не случайно, изначально Кенотаф был временным сооружением, возведенным для парада мира в ознаменование окончания Первой мировой войны. Постепенно оно стало официальным национальным военным мемориалом Соединенного Королевства, памятником всем павшим британцам, стоявшим на защите своей страны в разное время. Д. Хейр подчеркивает важность всего исторического прошлого Великобритании и обращается к базовому слою концепта «война», в который входит общенациональное восприятие всей совокупности военных конфликтов прошлого. Однако данное восприятие различно, поскольку кто-то является участником тех событий, другой был лишь зрителем, а кто-то и вовсе узнал о трагических моментах истории лишь из учебников.

В первой сцене (на контрасте с торжественной церемонией) драматург вводит образ политика (Andrew Buchan / Эндрю Бакен), который во время церемонии думает о мирских проблемах, заботящих его больше: деловые встречи, напряженный график, тонны бумаг, телефонные звонки. Данное действующее лицо проносит важную для понимания заглавия пьесы фразу: “People of my age, we did not fight in a war. If you fight in a war, you have some sense of personal worth” [20, с. 13] (прим.: перевод автора статьи: «Я, люди моего возраста, мы не участвовали в войне. Однако, когда вы воюете, у вас появляется чувство собственного

достоинства»). Здесь автор вводит собственное интерпретационное поле концепта «война», связанное с политической борьбой.

Д. Хейр опирается на знание аудиторией (британцев) политического контекста. После окончания Второй мировой войны Лейбористская партия Великобритании видела свою миссию в восстановлении мирной жизни и построении общества нового типа, политики яростно отстаивали свои взгляды и вели ожесточенную борьбу с тори. Сейчас же партия столкнулась с кризисом самоидентификации: мирная жизнь давно идет своим путем, события мировых войн давно в прошлом, и у лейбористов нет четкого представления о политическом курсе: “The Labour Party no longer stands for anything distinctive” [20, с. 40]. В пьесе автор также иронизирует устами одного из персонажей, говоря о том, что, возможно, лучшее, что умеет делать лидер Лейбористской партии – это признавать поражение.

Пьеса Д. Хейра “The Absence of War” рассчитана также на зрителя, знакомого с обширным спектром литературных, исторических, политических, и других реалий, например, в тексте много отсылок к Шекспиру (упоминаются произведения «Гамлет», «Ричард III», «Генрих V», вводится фраза, основанная на перефразировании шекспиризма: to out-Herod Herod – to out-Tory the Tories), о главном героине мы узнаем следующее: “He likes tragedy too much” [20, с. 32], также в тексте есть отсылки к предательству Брута, Библии, Советской России, упоминаются следующие имена: Уинстон Черчилль, Иосиф Сталин, Сид Джеймс, Оливер Кромвель, Ноэль Говард, Грейс Джонс, Хью Гейтскелл.

Д. Хейр выпустил пьесу “The Absence of War” в 1993 году, после парламентских выборов 1992 года, главными претендентами на пост премьер-министра были Джон Мейджор (по итогам выборов остался на посту) и Нейл Киннок (привел партию к четвертому поражению подряд). В 1992 году Д. Хейр полностью погрузился в изучение жизни лейбористов во время предвыборной кампании.

Кризис партии раскрывается путем обращения к кризису центрального персонажа – Джорджа Джонса (George Jones). Герой является представителем старого поколения лейбористов, который чувствует себя потерянным в современном мире. Д. Хейр отмечает, что политическая борьба больше не разворачивается между консерваторами и лейбористами, а ведется между однопартийцами за лидирующие позиции. Главным противником героя во время предвыборной кампании выступает не соперник-консерватор, а собственный заместитель Мальком (Malcolm Pryce). Прайс действует в тени, он не произносит громких речей, но в тайне «сливает» конфиденциальную информацию СМИ, переманивает членов партии на свою сторону, обсуждает с ними слабость Джорджа как лидера партии: “The smell that you don’t believe in yourself” [20, с. 104] (прим.: перевод авторов статьи: «Они чувствуют, что ты сам в себя не веришь»).

Политики в пьесе оторваны от реальности, их жизнь описывается Д. Хейром только в офисах, на официальных встречах, даже в домашней обстановке все их разговоры сводятся к работе. Драматург вводит в повествование сцену, в которой все ищут Джорджа, в то время, как он прогуливается по парку в своем избирательном округе и наблюдает за жизнью простых людей, позже он говорит: “It was like a spring. I looked round. People were walking. And kissing. And talking. I thought, you lucky people... You’re free and I’m not” [20, с. 20-21].

Во время предвыборной гонки главного героя и его помощников заботит имидж лидера партии, они не могут позволить себе вести ожесточенную политическую борьбу, поскольку система четко обрисовывает границы дозволенного. Джордж говорит, что он не может в своих речах затрагивать сложные для Великобритании моменты истории, в частности, конфликт в Северной Ирландии, также тема Германии будет воспринята остро, он не может упоминать о ядерном оружии, поскольку над его производством трудятся сотни британцев, не следует говорить о реальном положении дел в экономике, о королевской семье. Даже помощники Джорджа считают необходимым держать его пыл под контролем (“put him back in the box” [20, с. 120]), не позволяют ему отходить от написанного для него текста.

Как и в реальности, в пьесе обе партии преимущественно поднимали вопросы здравоохранения и налогообложения в предвыборных кампаниях, и влияние СМИ на общественное мнение было велико. В языке политиков даже появилось выражение “It’s The Sun Wot Won It”, поскольку именно в газете “The Sun” в день выборов появилась статья, высмеивающая Нейла Киннока, которая, возможно, повлияла на взгляды выборщиков. В пьесе Джордж Джонс терпит поражение отчасти из-за неудачного интервью.

Важно отметить введение Д. Хейром образа старой женщины, «ветерана» Лейбористской партии. Она явно лишняя на собрании однопартийцев, ей чужды новые принципы ведения предвыборной кампании, в которой нет места бурным дискуссиям, вместо них звучит громкая музыка и ярко сияют софиты.

С точки зрения анализа лексических средств, можно отметить, что концепт «война» реализуется в тексте путем введения следующих фраз: “all those who have died since 1914 fighting for this country”, “if you fight a war...”, “fight the election”, “fighting a losing battle”, “a question of strategy”, “the most important battle of our lives”, “defend a strong pound”, “she was like a veteran... she brought memories of the great days”, “the man who

made victory possible”, “the only thing standing in victory’s way”, “fight this election”, “massive troop movement”, “I even quite like a war”, “waging war”, “historical legacy”, “I didn’t know Hitler composed”, “friendly fire”, “the politicians decide to fight back”, “Kendrick’s arrack”, “no major upset... no Pearl Harbor”, “biographies of Hitler”, “old heroes of the Left”, “the obsession with our enemy”, “never happier than fighting Dunkirk”, “conceding defeat”, “love of the military”, “soldiers”, “army”, “she died in an air-raid ...in South London, during the blitz” [20]. Даже музыка помогает автору в экспликации концепта «война»: “The massed bands of the army play Purcell’s WHEN I AM LAID TO EARTH, MAY MY SINS CREATE NO TROUBLE IN MY BREAST ...” [20, с. 131]. Отметим, что понятия, связанные с ведением боевых действий, перенесены автором в контекст предвыборной гонки.

Драматическая ирония связана с тем, что зритель уже знает о том, что Джорджу предстоит проиграть выборы. Даже в начале пьесы в состав его помощников входит консультант по вопросам рекламы, Линдси Фонтейн, (Lindsay Fontaine), не принимавшая участие ни в одной успешной кампании. Все споры внутри его команды о способах воздействия на публику являются заведомо тщетными. Когда герою дается возможность «говорить от сердца» на перед выборщиками, он не справляется с задачей и читает по бумажке «пресный» текст, в котором сглажены все острые углы. Смысл заголовка “The Absence of War” в том, что лейбористы не могут вести достойную борьбу с консерваторами, в душе они знают, что проиграют: “You know what I think? I think, let’s all just be Tories. After all, they always win... if we join the Tory Party, we could do something. I’m beginning to think it’s our best chance... Let’s join the Tory Party. And then let’s all fuck it up” [20, с. 129].

В пьесе драматург подчеркивает значимость военных событий прошлого, унесших жизни граждан Великобритании, в особенности, Первой и Второй мировых войн. Для Д. Хейра военные подвиги – проявление храбрости и достоинства, имеющие исключительно положительное восприятие. Отсылки в тексте пьесы к борьбе представителей консерваторов и лейбористов, а также сцены стычек однопартийцев, отражают не реальную войну за честь, ценности и благую цель, а низменную «возню» политиков. Такие выражения, как: “waging war”, “friendly fire” (заглавие второго акта), и т.п. – применимы к современным британским политикам, которые не ведут дискуссии как раньше, а соглашаются друг с другом. Джордж перестал быть «воином», его сковывают обстоятельства и правила современной политической игры, даже помощники сдерживают его пыл (“Put him back in the box” [20, с. 120]). Главный герой не может говорить не «по бумажке», его речь бесстрастна и суха. Отсылки к театру, чрезмерное увлечение Джорджа трагедиями и восхваление военных контрастируют с неспособностью данного персонажа воевать за идеи и принципы на политической арене. Заглавие пьесы “The Absence of War” отражает двойственность трактовки концепта «война» в зависимости от реалий, с которыми он соотносится.

Выводы

Таким образом, мы приходим к следующим выводам: концепт «война» является многоуровневым в анализируемом драматическом тексте Д. Хейра, поскольку он отражает не только реальные исторические конфликты, но и борьбу за власть среди политиков в мирное время. Также данный концепт можно рассматривать как общенациональный, составляющий ядро культурного пространства британцев; а также как логический концепт, когнитивный субстрат, являющийся мыслительным образованием, замещающим в сознании множество предметов: вооруженный конфликт, борьба за власть, политическая стратегия. Отметим, что концепты формируются через метафорическое мышление, и в пьесе “The Absence of War” авторское понимание концепта «война» в сочетании с его общенациональным видением помогают отразить не только проблемы внутри партии лейбористов, а также кризис всей политической системы Великобритании.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Язык русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1996. 104 с.
3. Ибрагимова Д.М., Мазина Е.Н. Гендерная метафора как маркер идиостиля поэтессы-феминистки (на материале творчества С. Плат) // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: V Международная междисциплинарная научная конференция, Симферополь, 26-27 ноября 2020 г. Симферополь: ООО «Антиква», 2021. С. 104 – 109.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Катыхшева Д.Н. Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2001. 208 с.

6. Корниенко Е.Р. Идиолект и идиостиль: к вопросу о соотношении понятий // Филология: научные исследования. 2019. № 1. URL: https://search.app/?link=https%3A%2F%2Fpublish%2Ecom%2Flibrary%5Fread%5Farticle%2Ephp%3Fid%3D28871&utm_campaign=57165%2Dor%2Digacx%2Dweb%2Dshrbt%2Diga%2Dsharing&utm_source=igadl%2Cigatpdl%2Csh%2Fx%2Fgs%2Fm2%2F5 (дата обращения: 06.12.2024).
7. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. URL: <https://bigenc.ru/b/kratkii-slovar-kognitivny-8bd268> (дата обращения: 06.12.2024).
8. Крюкова Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия: Языкознание и литературоведение. 2008. С. 128 – 135.
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004. 271 с.
10. Нечипас П.Ю., Полховская Е.В. Специфика характеристики персонажей в пьесе Дэвида Хейра «Всякое бывает» // ADVANCED SCIENCE: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. Ч. 3. С. 58 – 62.
11. Новокшенова Д.М., Кузёма Т.Б. Динамика развития сущности понятия «идиостиль» в исследованиях отечественных и зарубежных авторов // Сила знаний: объединение умов и ресурсов: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Иркутск, 15 мая 2024 г. Иркутск: Стерлитамак: АМИ, 2024. С. 142 – 144.
12. Овечкина Е.А., Васильева С.С. Речевая характеристика персонажа как средство создания художественного образа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. Волгоград, 2019. С. 18 – 22.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
14. Рейнова А.В. Драматическая интерпретация образов современных политиков в пьесе Дэвида Хейра «Всякое бывает» // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 11 (59). С. 1 – 10.
15. Рейнова А.В. Дэвид Хейр – сценарист: узнаваемость идиостиля драматурга в смежных жанрах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 11. С. 4062 – 4067.
16. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. 990 с.
17. Титова М.А. Обзор научных подходов к изучению понятия «идиостиль» писателя // Язык. Культура. Личность: материалы всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых, Самара, 18 декабря 2020 г. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2021. Вып. 7. С. 166 – 174.
18. Утяганов Т.А. Подходы к анализу идиостиля автора // Научные исследования и разработки: новое и актуальное: материалы X Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 26 мая 2021 г. Ростов н/Д: ООО «Издательство ВВМ», 2021. Ч. 1. С. 484 – 488.
19. Хартунг В.Ю., Шевченко А.В. Речевая характеристика персонажа на различных уровнях текста как средство интерпретации художественного образа (на материале произведений Р. Даля) // Филологический аспект. 2019. № 2 (46). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/recheyaya-kharakteristika-personazha-na-razlichnykh-urovnyakh-teksta-kak-sredstvo-interpretatsii-khudozhestvennogo-obraza-na-materiale-proizvedenij-r-dalya.html> (дата обращения: 06.12.2024).
20. Hare D. The Absence of War. London: Faber and Faber, 2013. 135 p.
21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 276 p.

References

1. Arutyunova N.D. Language and the World of Man. Moscow: Language of Russian Culture, 1999. 896 p.
2. Babushkin A.P. Types of Concepts in the Lexical and Phraseological Semantics of Language. Voronezh: Voronezh State University, 1996. 104 p.
3. Ibragimova D.M., Mazina E.N. Gender Metaphor as a Marker of the Idiostyle of a Feminist Poet (Based on the Works of S. Plath). Convergent Technologies of the XXI: Variability, Combinatorics, Communication: V International Interdisciplinary Scientific Conference, Simferopol, November 26-27, 2020. Simferopol: ООО "Antikva", 2021. P. 104 – 109.
4. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse: monograph. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
5. Katysheva D.N. Questions of drama theory: action, composition, genre. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Trade Unions, 2001. 208 p.

6. Kornienko E.R. Idiolect and idiostyle: on the issue of correlating concepts. *Philology: scientific research*. 2019. No. 1. URL: https://search.app/?link=https%3A%2F%2Fpublish%2Ecom%2Flibrary%5Fread%5Farticle%2Ephp%3Fid%3D28871&utm_campaign=57165%2Dor%2Digacx%2Dweb%2Dshrbtn%2Diga%2Dsharing&utm_source=igadl%2Cigatpdl%2Csh%2Fx%2Fgs%2Fm2%2F5 (date of accessed: 06.12.2024).
7. Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. Brief dictionary of cognitive terminology. Moscow: Philological faculty of Moscow State University. Lomonosov, 1996. URL: <https://bigenc.ru/b/kratkii-slovar-kognitivny-8bd268> (date of access: 06.12.2024).
8. Kryukova G.A. Concept. Definition of the volume of the content of the concept. *Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia. Series: Linguistics and Literary Criticism*. 2008. P. 128 – 135.
9. Maslova V.A. *Cognitive Linguistics: a tutorial*. Minsk: TetraSystems, 2004. 271 p.
10. Nechipas P.Yu., Polkhovskaya E.V. The specifics of characterization of characters in the play by David Hare "Anything Happens". *ADVANCED SCIENCE: collection of articles of the International scientific and practical conference: in 3 parts*. Penza: MCNS "Science and Education", 2017. Part 3. P. 58 – 62.
11. Novokshonova D.M., Kuzyoma T.B. Dynamics of development of the essence of the concept of "idiostyle" in the studies of domestic and foreign authors. The power of knowledge: the unification of minds and resources: a collection of articles on the results of the International scientific and practical conference, Irkutsk, May 15, 2024. Irkutsk: Sterlitamak: AMI, 2024. P. 142 – 144.
12. Ovechkina E.A., Vasilyeva S.S. Speech characteristics of the character as a means of creating an artistic image. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 8: Literary criticism. Journalism*. Volgograd, 2019. P. 18 – 22.
13. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantic-cognitive analysis of language. Voronezh: Istoki, 2006. 226 p.
14. Reynova A.V. Dramatic interpretation of the images of modern politicians in David Hare's play "Anything Happens". *Russian Linguistic Bulletin*. 2024. No. 11 (59). P. 1 – 10.
15. Reynova A.V. David Hare as a screenwriter: recognizability of the playwright's idiostyle in related genres. *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2024. Vol. 17. No. 11. P. 4062 – 4067.
16. Stepanov Yu.S. *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow, 2001. 990 p.
17. Titova M.A. Review of Scientific Approaches to the Study of the Concept of a Writer's "Idiostyle". *Language. Culture. Personality: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of Young Scientists with International Participation*, Samara, December 18, 2020. Samara: Scientific and Technical Center LLC, 2021. Iss. 7. P. 166 – 174.
18. Utyaganov T.A. Approaches to the analysis of the author's idiostyle. *Scientific research and development: new and relevant: materials of the X International scientific and practical conference*, Rostov-on-Don, May 26, 2021. Rostov n / D: OOO "VVM Publishing House", 2021. Part 1. P. 484 – 488.
19. Hartung V.Yu., Shevchenko A.V. Speech characteristics of a character at various levels of the text as a means of interpreting an artistic image (based on the works of R. Dahl). *Philological aspect*. 2019. No. 2 (46). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/rechevaya-kharakteristika-personazha-na-razlichnykh-urovnyakh-teksta-kak-sredstvo-interpretatsii-khudozhestvennogo-obraza-na-materiale-proizvedenij-r-dalya.html> (access of date: 06.12.2024).
20. Hare D. *The Absence of War*. London: Faber and Faber, 2013. 135 p.
21. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 276 p.

Информация об авторах

Рейнова А.В., кафедра теории и практики перевода, Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», nastyas36511@mail.ru

© Рейнова А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.351

¹ Сулаева Ф.Х.

¹ Дагестанский государственный университет

Синонимические отношения в сфере устойчивых сочетаний с числительными в дагестанских языках

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ синонимических отношений в сфере устойчивых сочетаний с числительными в дагестанских языках. Для сравнительного анализа привлечены аварский, даргинский, лезгинский, архинский и рутульский языки. Отмечается, что синонимия в сфере устойчивых сочетаний этих языков достаточно частое явление. Такие образные сочетания выражают одно и то же понятие и имеют идентичную предметную отнесенность. Устойчивые сочетания с числительными подчеркивают самобытность и образность, что и составляет их индивидуальность. Чаще всего подобные синонимические устойчивые сочетания используются в контексте для подчеркивания какого-либо количества. Во всех анализируемых языках широкой распространенностью обладают синонимические устойчивые единицы с числительным «один». Остальные числительные привлекаются в единичных случаях. Их употребительность примерно одинаковая во всех этих языках.

Ключевые слова: синонимические отношения, числительные, устойчивые сочетания, дагестанские языки, аварский язык, даргинский язык, рутульский язык, лезгинский язык, архинский язык, частотность употребления

Для цитирования: Сулаева Ф.Х. Синонимические отношения в сфере устойчивых сочетаний с числительными в дагестанских языках // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 77 – 80.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Sulayeva F.Kh.

¹ Dagestan State University

Synonymous relations in the sphere of stable combinations with numerals in the Dagestan languages

Abstract: the article provides a comparative analysis of synonymous relations in the field of stable combinations with numerals in the Dagestan languages. Avar, Dargish, Lezgian, Archin and Rutul languages are used for comparative analysis. It is noted that synonymy in the field of stable combinations of these languages is quite common. Such figurative combinations express the same concept and have an identical subject relationship. Stable combinations with numerals emphasize their identity and imagery, which is what makes them individual. Most often, such synonymous stable combinations are used in context to emphasize a quantity. Synonymous stable units with the numeral "one" are widespread in all the analyzed languages. The remaining numbers are used in isolated cases. Their usage is approximately the same in all these languages.

Keywords: synonymous relations, numerals, stable combinations, the Dagestan languages, the Avar language, the Dargish language, the Rutul language, the Lezgian language, the Archa language, frequency of use

For citation: Sulayeva F.Kh. Synonymous relations in the sphere of stable combinations with numerals in the Dagestan languages. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 77 – 80.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Актуальность работы. Научных трудов, посвященных синонимическим отношениям среди устойчивых сочетаний с числительными в дагестанских языках на сегодняшний день, нет. В данной работе делается попытка анализа синонимии в сфере данных образных выражений дагестанских языков.

Основная цель – провести сравнительный анализ синонимических отношений в сфере устойчивых сочетаний с числительными дагестанских языков.

Задачи:

- определить масштабы фразеологической синонимии в дагестанских языках;
- выявить сходство и различие фразеологических синонимов с числительными в рассматриваемых языках.

Материалы и методы исследований

В работе использованы сравнительный метод и метод компонентного анализа. К сравнительному анализу привлечены устойчивые единицы с числительными в аварском, даргинском, арчинском, рутульском и лезгинском языках. Материалы, использованные в работе, извлечены из различных словарей фразеологических и паремиологических единиц дагестанских языков, в том числе «Словаря лезгинских пословиц и поговорок» [6], «Словаря даргинских пословиц и поговорок» [7], «Словаря арчинских пословиц и поговорок» [11], «Фразеологического словаря рутульского языка» [9], а также из устной речи носителей дагестанских языков.

Результаты и обсуждения

Синонимия отмечается не только среди слов, но и в сфере устойчивых единиц. В общем языкознании существует целый ряд работ, посвященных синонимическим отношениям русского и других языков. Данные вопросы освещались в трудах Ю.Ю. Авалиани [1], Л.И. Ройзензона [1], А.М. Бабкина [4] и других. В указанных работах дан обзор источников по общим проблемам фразеологической синонимии.

Обилие источников русской фразеологии благоприятствовало возникновению широкого репертуара параллельных способов выражения [4].

Как уже отмечалось, фразеологическая синонимия находится в центре внимания исследователей. Ряд ученых, давая определение фразеологическим синонимам, утверждают, что данные образные выражения выражают одно и то же понятие и имеют идентичную предметную отнесенность, могут отличаться экспрессивно-смысловыми оттенками. «Близкими к структурным вариантам единой идиомы оказываются синонимичные идиомы с равным количеством различающихся и совпадающих компонентов» [8].

Отдельные исследователи вносят данное утверждение дополнения, связанные с характеристиками фразеологической синонимии. Имеются также мнения, касающиеся лексического состава фразеологических синонимов.

К синонимическим устойчивым единицам относятся обороты, соотносящиеся с одним и тем же действием, характером, понятием, имеющие совпадающую лексическую структуру, а также обладающие относительной взаимозаменяемостью. «Могут частично или полностью совпадать в стилистическом отношении и употребляться в рамках конкретных контекстов» [10].

Среди них «отмечается характерное возникновение конкурирующих лексико-семантических вариантов значения, которые находятся в близких отношениях» [3].

Богатый фразеологический материал дагестанских языков дает нам основание для более тщательного анализа синонимических отношений среди фразеологических единиц с компонентом числительным.

Основные свойства фразеологических синонимов с числительными – это самобытность и яркая образность, что и составляет их индивидуальность. Чаще всего подобные фразеологические синонимы используются в контексте для подчеркивания какого-либо количества или особенности происходящего. Их используют для количественной характеристики различных отношений, для описания черт характера человека, его поступков, происходящих событий. Во всем этом усматривается образ, дающий количественную характеристику.

Чаще всего такие выражения взаимозаменяемы. Наличие числительных в таких фразеологизмах усиливает их значение. Однако, на выбор синонима в устойчивом сочетании влияет большое количество факторов» [5].

Для сравнительного анализа мы привлекли устойчивые сочетания с числительными аварского, арчинского, даргинского, лезгинского, рутульского языков. Мы обратили внимание на то, что ряд числительных в данных языках употребляется в устойчивых выражениях рассматриваемых языков чаще других. Это такие числительные, как «один», «два», «семь». Однако, не во всех указанных языках встречаются синонимичные устойчивые сочетания с числительными. Рассмотрим их в контексте устойчивых сочетаний.

Устойчивые сочетания с числительным «один»:

Авар. Цо чиясул бо гюларо «из одного воина войско не составится» / Цо гъецЮялъул си гюларо «из одного камня башня не выстроится»; Лъиклав чиясе цо рагIи «хорошему человеку одного слова достаточно»; // лъикIаб чодуе цо цIал «хорошему коню хватает одного удара плетью» [2].

Дарг. Ца някълизир кIел вякъя дучес «держа два арбуза в одной руке» / Ца къяйкли кIел гIяра кадушес «одним выстрелом двух зайцев убить» (пытаться получить двойной результат одновременно); Ца макъам «одна мелодия» / ЦадехI гъай «одни разговоры» (одно и то же); Ца къацли букунти «одним хлебом кормленные» / Ца ухъалаб кайхъунти «в одной постели выросшие» (близкие, родные); Ца уркурла тIама халал хIедирар «от одной арбы не много шума бывает» / Ца урчила дуцIли хяса ахъхIедурцу «одной лошади бег много пыли не поднимет» / Ца хивла дахъал тIама хIедирар «от одного ореха много шума не бывает» / Ца адамла тIама бахъла ургаб хIебикъу «голос одного среди толпы не слышен» [7].

Арчин. Ос гылку «один единственный ребенок» / Ос витту «единственный сын» / Ос диттур «единственная дочь». АлкъуIл биттут ос чIат хали битIуттут балшайтIу келав «одно умное слово лучше, чем ста глупых» / Ос чIат сотIу «Одно слово не держит» [11].

В сравниваемых языках образуются параллели синонимических рядов устойчивых сочетаний в составе которых имеется числительное «один». Приведем примеры:

Авар = дарг:

Авар. Гуллица цо чи чIвала, мацIица нусго чи чIвала «Пуля убивает одного, язык сотню» // Дарг. Тупангли ца каршу, лезмили – даршал. «Пуля убивает одного, язык – сотни» [2];

Арчин = дарг:

Арчин. Адам осла ар, осла кар «человек один раз рождается, один раз умирает» // Дарг. Адам гъачам сай алкъуси, гъачам сай убкIусира «Человек рождается один раз, умирает тоже один раз» [11].

Как видим из примеров, устойчивые сочетания с числительным «один» широко распространены в аварском, даргинском и арчинском языках. В лезгинском и рутульском языках мы не нашли синонимичных устойчивых сочетаний с данным числительным.

Устойчивые сочетания с числительным «два»:

Дарг. КIел шайчибад «с двух сторон» / Ца итабад, ца ишабад «с двух концов» [7].

Лезг. Ажуж ламрал къвед акъахда «на слабого осла двое садятся» / Ажуж ламрал пуд акъахда «на послушного осла трое садятся» [6].

Арчин. КъвегIбу кIебекIлин хер битIу «об очень дешевом, никчемном человеке» (двух копеек не стоит); КъвегIбу шигIилухур щуттетIу «о никчемном человеке: за две монеты купят» [11].

Синонимичные устойчивые сочетания с числительным «два» встречаются в данных языках реже, чем числительное «один». В аварском языке такие образные синонимические выражения вообще не отмечаются, а в даргинском, лезгинском и арчинском подобные устойчивые выражения наблюдаются в единичных случаях.

Устойчивые сочетания с числительным «семь»:

Авар. Анкъго рукъальул бетIергъан – сабру буго «терпение – хозяин семи домов» / Нусго рукъальул бетIергъан – сабру буго «терпение – хозяин ста домов» [2].

Дарг. ВерхIел дубурла гIела «за семью горами» / ВерхIдехI зубрала удир «за семью небесами» (очень далеко) [7].

Арчин. Вилав бошор лIушав, долIотIуттур лъльоннолу дикир «бывает женщина, которую за семерых мужчин не променяешь» / Вилав лIушав, долIотIуттур лъльоннолу «женщина, стоящая семерых мужчин» [11].

Рутул. Йывды йыгъа гъар хъумарад кал «как будто не ел семь дней» / Веш йыгъа гъар хъумарад кал «Словно не ел сто дней» [9].

Синонимичные устойчивые выражения с числительным «семь» в аварском, даргинском, арчинском и рутульском языках также встречаются реже. В лезгинском языке подобных устойчивых сочетаний не отмечается вообще.

Выводы

Проведенный сравнительный анализ синонимических отношений устойчивых сочетаний с числительными в аварском, даргинском, арчинском, рутульском и лезгинском языках привел к следующим выводам:

1. В дагестанских языках фразеологическая синонимия изучена не так хорошо, как лексическая синонимия.
2. Синонимические отношения среди рассматриваемых единиц представляют собой организованные синонимические ряды во всех трех исследуемых дагестанских языках. Это показатель признака системности данных устойчивых единиц.
3. Значительная часть таких устойчивых единиц в этих языках включает от двух до пяти компонентов.
4. Основные отличия анализируемых синонимических рядов заключены в самих числительных, являющихся основой устойчивой единицы.
5. Наибольшей активностью во всех языках обладают синонимические устойчивые единицы с числительным «один». Остальные числительные используются реже. Их частотность примерно одинаковая во всех анализируемых языках.

Список источников

1. Авалиани Ю.Ю., Ройзензон Л.И. Проблема синонимии в современном языкознании // Труды Сам.ГУ им. Навои. 1963. Вып. 132. С. 107 – 114.
2. Аварские народные пословицы и поговорки / сост. С.З. Алиханов. Махачкала, 1991. 182 с.
3. Агавова З.Ш. К вопросу о функционировании междометных, модальных и дискурсивных фразеологических единиц // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 11. С. 129 – 132.
4. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Ленинград, 1970. 261 с.
5. Белов В.А. Возможность синонимических замен в устойчивых сочетаниях (экспериментальное и корпусное исследование) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 48 – 55.
6. Ганиева А.М. Пословицы и поговорки лезгин (исслед-е и тексты). Махачкала, 2010. 128 с.
7. Гасанова У.У. Словарь даргинских пословиц и поговорок. Махачкала, 2014. 300 с.
8. Маклакова Е.М., Магфурова С.О. Синонимы и структурные варианты паремий с компонентом-зоонимом в английском, французском и русском языках // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 3. С. 99 – 105.
9. Махмудова С.М. Фразеологический словарь рутульского языка. Махачкала, 2016. 215 с.
10. Пестова М.С. Синонимия как одно из явлений фразеологической парадигматики // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 5 – 10.
11. Самедов Д.С., Магдилова Р.А. Словарь арчинских пословиц и поговорок. Махачкала, 2017. 211 с.

References

1. Avaliani Yu.Yu., Roizenzon L.I. The problem of synonymy in modern linguistics. Proceedings of the Sam.GU im. Navoi. 1963. Iss. 132. P. 107 – 114.
2. Avar folk proverbs and sayings. Compiled by S.Z. Alikhanov. Makhachkala, 1991. 182 p.
3. Agavova Z.Sh. On the functioning of interjectional, modal and discursive phraseological units. Bulletin of philological sciences. 2023. Vol. 3. No. 11. P. 129 – 132.
4. Babkin A.M. Russian phraseology, its development and sources. Leningrad, 1970. 261 p.
5. Belov V.A. Possibility of synonymous substitutions in stable combinations (experimental and corpus study). Scientific notes of Petrozavodsk state university. 2020. Vol. 42. No. 1. P. 48 – 55.
6. Ganieva A.M. Lezgin proverbs and sayings (research and texts). Makhachkala, 2010. 128 p.
7. Gasanova U.U. Dictionary of Dargin proverbs and sayings. Makhachkala, 2014. 300 p.
8. Maklakova E.M., Magfurova S.O. Synonyms and structural variants of paremias with a zoonym component in English, French and Russian. Vestn. Sev. (Arctic) federal. University. Series: Humanitarian and social sciences. 2018. No. 3. P. 99 – 105.
9. Makhmudova S.M. Phraseological dictionary of the Rutul language. Makhachkala, 2016. 215 p.
10. Pestova M.S. Synonymy as one of the phenomena of phraseological paradigmatics. Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2016. No. 2. P. 5 – 10.
11. Samedov D.S., Magdilova R.A. Dictionary of Archi proverbs and sayings. Makhachkala, 2017. 211 p.

Информация об авторах

Сулаева Ф.Х., Дагестанский государственный университет, nurselin7@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.111

¹ Шилина Н.В., ² Черезова М.А.

¹ Академия ФСИН России

² Самарский юридический институт ФСИН России

Особенности лингвостилистического анализа юридических текстов на занятиях по иностранному языку в вузах ФСИН России

Аннотация: лингвостилистика представляет собой учение о стилях речи, определяемых условиями, ситуацией, целями общения и различающихся используемыми в них языковыми средствами или степенью их использования. Задачи лингвостилистики заключаются в выяснении специфики каждого из стилей, их разграничении, установлении условий функционирования и взаимодействия между ними. В статье авторами рассмотрен вопрос лингвостилистического анализа юридических текстов на английском языке, используемых на занятиях по иностранному языку в образовательных организациях ФСИН России. Вопросы лингвостилистики в современном мире являются актуальными, так как функциональный стиль играет важную роль в процессе коммуникации. Он представляет собой совокупность языковых средств, которые обеспечивают адаптацию сообщения к конкретному контексту и специфике аудитории. Среди основных причин актуальности лингвостилистических исследований можно выделить расширение терминологического пространства, формирование новых функциональных стилей, изучение жанров. Авторами рассмотрено понятие «лингвостилистика», представлены основные направления в данной области. Цель нашей статьи заключается в выявлении лингвостилистических особенностей юридических текстов на английском языке, определении наличия заимствований, интернациональных слов, фразеологизмов, выявлении типичных синтаксических конструкций. Авторами представлены в статье подробные лексические, синтаксические, морфологические средства, свойственные юридическим текстам на английском языке.

Ключевые слова: лингвостилистика, лингвостилистический анализ, юридические тексты, иностранный язык, лексические, синтаксические средства

Для цитирования: Шилина Н.В., Черезова М.А. Особенности лингвостилистического анализа юридических текстов на занятиях по иностранному языку в вузах ФСИН России // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 81 – 86.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Shilina N.V., ² Cherezova M.A.

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

² Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Features of linguistic and stylistic analysis of legal texts in foreign language classes at universities of the Federal Penitentiary Service of Russia

Abstract: linguostilistics is the doctrine of speech styles determined by conditions, situation, goals of communication and differing linguistic means used in them or the degree of their use. The tasks of linguistic stylistics

are to clarify the specifics of each of the styles, distinguish them, establish the conditions for functioning and interaction between them. In the article, the authors considered the issue of linguistic stylistic analysis of legal texts in English used in foreign language classes in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Issues of linguistic stylistics in the modern world are relevant, since the linguistic style plays an important role in the communication process. It is a collection of language tools that ensure that the message is adapted to the specific context and specifics of the audience. Among the main reasons for the relevance of linguostylistic research, one can single out the expansion of the terminological space, formation of new functional styles, study of genres. The authors considered the concept of "linguostylistics," presented the main directions in this area. The purpose of our article is to identify the linguostylistic features of legal texts in English, to determine the presence of borrowings, international words, phraseologisms, to identify typical syntactic constructions. The authors present in the article detailed lexical, syntactic, morphological means inherent in legal texts in English.

Keywords: linguostylistics, linguostylistic analysis, legal texts, foreign language, lexical, syntactic means

For citation: Shilina N.V., Cherezova M.A. Features of linguistic and stylistic analysis of legal texts in foreign language classes at universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 81 – 86.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 06, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

В современном глобальном научном обществе наблюдается непрерывное коммуникативное взаимодействие, в результате чего многие термины становятся частью общего словаря, выходя за рамки узкоспециализированного общения. Жанры активно исследуются в рамках речевой культуры, герменевтики, риторики и теории текста. В сфере лингвостилистики изучение жанров тесно связано с функциональными стилями.

Лингвостилистика изучает не только формальные признаки стилей, но и их функциональную обусловленность. Каждый стиль, будь то научный, официально-деловой, публицистический, разговорный или художественный, характеризуется определенным набором языковых черт и используется в конкретной сфере коммуникации. Разграничение стилей требует анализа лексического состава, синтаксических конструкций, морфологических особенностей и стилистических приемов, используемых в тексте. Важно учитывать внеязыковые факторы: адресата речи, цель сообщения, социальный контекст. Исследование взаимодействия стилей позволяет понять, как они могут пересекаться и влиять друг на друга, создавая сложные стилистические эффекты [13].

Л.В. Щерба [15] является основоположником лингвостилистики как науки. Ему принадлежат «опыты» толкования поэтических произведений, благодаря которым в отечественной филологии возникло новое направление – лингвистический анализ художественного текста.

Следует отметить, что сегодня уже представлены исследования в области лингвостилистического анализа текстов: в исследовании И.М. Любиной, Ю.В. Баклаговой [10] отражены лексико-грамматические особенности официально-делового стиля. В своей исследовательской работе авторы анализируют характер передачи содержания официальных деловых документов (таких как контракты и уставные документы) при их переводе с английского языка на русский.

Также рассматриваются специфика официально-делового стиля, его характеристики, как на русском, так и на английском языках. Ученые акцентируют внимание на лексических и грамматических преобразованиях, имеющих место в процессе перевода текстов данного стиля. «Лингвостилистические особенности научно-технических текстов для их последующего анализа с целью развития социокультурной компетенции учащихся технических вузов» представлены в работе Н.В. Алешиной [2]. Лингвостилистические особенности текстов делового портфолио компании рассмотрены в научных трудах О.Е. Молдавской [12].

Алгоритм лингвостилистического анализа текста как возможность глубоко и полно оценить строй, средства и приемы языка, а также степень их воздействия на адресата представлены в работе Е.А. Кулиной [9]. Представленный опыт работы с текстами позволяет не только эффективно анализировать текст с точки зрения лингвостилистики, но и изучать особенности построения различных видов текста.

Материалы и методы исследований

Цель нашей статьи заключается в выявлении особенностей функционирования лексических единиц в юридическом тексте на английском языке, определении наличия заимствований, интернациональных слов, фразеологизмов, выявлении типичных синтаксических конструкций. Значимость лингвостилистического анализа юридических текстов в дальнейшем будет способствовать улучшению качества работы с юридическими текстами и составлению юридических документов.

Материалом исследования послужили аутентичные онлайн-версии юридических текстов.

Основными методами исследования выступили сопоставительный метод, позволяющий выявить общее и различное в текстах на английском и русском языках, контекстуальный анализ, способствующий изучить специфику лексем и их значений, лингвистический анализ текста, позволяющий изучить композицию текста, характер связи предложений и др.

Результаты и обсуждения

В настоящее время вопрос о функциональных стилях занимает центральное место в лингвостилистике. Современные ученые, исследующие важные аспекты стилистики, классифицируют юридическую документацию как один из подвидов официально-делового стиля. Он охватывает такие области, как государственная деятельность, международные отношения, право, экономика, военное дело, реклама и взаимодействие в государственных учреждениях (Н.Д. Афанасьева [3], И.Р. Гальперин [6]). Тем не менее, ряд аспектов юридических текстов на английском языке недостаточно детально изучен с точки зрения стилистики, что подчеркивает актуальность нашего исследования.

Лингвостилистический анализ юридического текста представляет собой комплексный метод, направленный на выявление особенностей языка и стиля, используемого в юридических документах. Такой анализ включает изучение терминологии, синтаксиса и семантики, а также риторических средств, применяемых для достижения ясности и точности [4, 7].

Важным аспектом является использование специфических юридических терминов, которые часто требуют дополнительного разъяснения для непрофессионалов [5]. Анализ структуры предложений позволяет выявить сложные конструкции, что может препятствовать быстрому восприятию информации. Кроме того, служебные слова и обороты, такие как «в случае если» или «согласно действующему законодательству», играют ключевую роль в формировании логических связей.

Юридический язык также характеризуется формальностью и акцентом на объективность, что важно для обеспечения правовой точности. В рамках анализа стоит уделить внимание культурным и правовым контекстам, которые могут влиять на интерпретацию текста, открывая новые горизонты для понимания.

Т.В. Кашанина [8] подчеркивает основные характеристики правовых текстов, утверждая, что они предназначены для человека и должны быть ему понятны. Ключевыми свойствами таких документов являются точность, ясность и доступность. Среди других значимых аспектов выделяются корректность, устойчивость и информативность. Корректность подразумевает соответствие текстов языковым стандартам, устойчивость – применение общепринятых лексических единиц, а информативность – насыщенность содержания норм и прав, касающихся личности.

Лингвостилистический анализ юридического текста на английском языке предполагает глубокое изучение, как языковых средств, так и стилистических особенностей, применяемых в данной сфере. Юридический язык характеризуется высокой степенью формальности, точности и объективности. Основное внимание уделяется использованию специализированной лексики, сложных синтаксических конструкций и строгости терминологии [11].

Одним из ключевых аспектов является роль контекста в интерпретации правовых норм. Влияние теоретических основ права на формирование языковых единиц демонстрирует, как законодательные практики могут варьироваться в зависимости от юрисдикции. Активное использование пассивных конструкций, сложных предложений и юридических терминов создает особую атмосферу, способствующую правовой определенности, но порой делающую текст трудным для восприятия.

Таким образом, лингвостилистический анализ юридического текста не только выявляет его структурные особенности, но и подчеркивает важность точности и однозначности в сфере правопорядка.

Так, нами были отмечены следующие лексические, морфологические, синтаксические особенности, свойственные юридическим текстам на английском языке.

- a) использование абстрактной лексики, например, *system, factor*;
- b) использование предложных оборотов: «*according to the source...*»;
- c) использование фразеологических сочетаний: «*the international court of justice, casting vote, judicial organ, to deal with a case, summary procedure, a body of judges, to hear a case, as laid down in, on the proposal of the court,*

recommendation of»; «to make default – не исполнять обязанности, to meet a claim – оспаривать иск»; «plaintiff – истец, defendant – ответчик, direct intent – прямой умысел, indirect intent – косвенный умысел» [16].

d) использование архаических слов и выражений: «hereby, henceforth, aforesaid, beg to inform»;

e) наличие латинских выражений: «mens rea (виновная воля, вина), stare decisis (обязывающая сила прецедентов), corpus delicti (состав преступления)».

f) отсутствие эмоционально окрашенной и оценочной лексики, употребление большого количества терминов и терминологических выражений: «The accused, with respect to whom the legal court verdict comes into force is named. According to the Government's response, the court sentence is related exclusively to his violations of the tax legislation. The court based its judgment partly on an allegedly coerced confession».

g) использование в тексте сокращенных конструкций, отсутствие артиклей: «ALJ – Administrative Law Judge – судья административного суда, USJC – United States Judicial Code – кодекс законов США о судостроительстве» [16].

h) наличие сложных союзных предложений: «If at any time the Seller reasonably determines that the Buyer's financial condition or payment history does not justify continuation of the Seller's performance, the Seller shall be entitled to require full or partial payment in advance or otherwise restructure payments, request additional forms of Payment Security, suspend its performance or terminate the Contract».

Выводы

Таким образом, лингвостилистический анализ юридического текста на английском языке включает изучение языковых особенностей на лексико-семантическом и синтаксическом уровне. Развиваемая в процессе формирования лингвостилистическая компетенция способствует интеграции всех уровней языка и областей общения, усиливает восприятие языка и стиля. Это, в свою очередь, приводит к умению точно выбирать слова, фразы и конструкции.

Лингвостилистический анализ юридических текстов также развивает способности устранения потенциальной множественности интерпретаций, что предполагает внимательное изучение грамматической структуры, семантики и стилистики юридического текста, а также контекста его создания и применения. Особое внимание уделяется анализу терминологии, синтаксических конструкций и использованию стилистических приемов, способных повлиять на понимание смысла документа.

Список источников

1. Алексеева О.В. Лингвостилистический анализ текста на уроке грамматики при функциональном подходе к изучению единиц языка // Вестник московского государственного областного университета. 2010. № 1. С. 99 – 103.
2. Алешина Н.В. Лингвостилистический анализ научно-технических текстов в обучении студентов технических вузов с целью развития их социокультурной компетенции // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 11 – 14.
3. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Обучение языку специальности студентов-иностранцев юридического профиля на занятиях РКИ // Русский язык в поликультурном мире: коммуникация, понимание, обучение: коллективная монография. 2023. Ч. 1. С. 118 – 125.
4. Воробьев Ю.А. Работа с юридическими дефинициями на занятиях по иностранному языку как один из факторов формирования профессиональной коммуникативной компетенции у обучающихся // Новый мир. Новый язык. Новое мышление: сборник материалов VII международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). М.: Академия МИД России, 2024. С. 147 – 151.
5. Воробьев Ю.А. Иностранный язык в неязыковом вузе: лингвострановедческая экспликация фоновых расхождений терминологической лексики // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в неязыковых вузах: сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Рязань: Академия ФСИН России, 2023. С. 114 – 118.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования: монография. 3-е изд., стер. Лингвистическое наследие XX века. М.: УРСС, 2005.
7. Гилязова А.Е. Концепция юридического дискурса как разновидность рационального дискурса // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 12. С. 106 – 111.
8. Кашанина Т.В. Алгоритм юридического документа // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 3 (63). С. 12 – 17.

9. Кульнина Е.А. Лингвостилистический анализ как средство изучения особенностей построения и понимания различных видов текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 5 (158). С. 40 – 43.
10. Любина И.М., Баклагова Ю.В. Лексико-грамматические особенности текстов официально-делового стиля и специфика их перевода с английского языка на русский (на материале уставных документов и контрактов) // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сборник научных статей. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 63 – 67.
11. Малышкин Д.В. О разновидностях официально-делового функционального стиля английского языка // LITERA. 2024. № 10. С. 108 – 117.
12. Молдавская О.Е. Коммуникативные задачи и лингвостилистические особенности текстов делового портфолио компании // Медиалингвистика: материалы докладов участников VII Международной конференции. Санкт-Петербург: ООО Медиапайп, 2023. С. 318 – 321.
13. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976.
14. Шилина Н.В. Особенности перевода юридических текстов // Вестник филологических наук. 2024. № 7. Т. 4. С. 49 – 52.
15. Щерба Л. Языковая система и речевая деятельность. М.: Просвещение, 2004. 432 с.
16. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2>.

References

1. Alekseeva O.V. Lingvostylistic analysis of the text in a grammar lesson with a functional approach to the study of language units. Bulletin of the Moscow State Regional University. 2010. No. 1. P. 99 – 103.
2. Aleshina N.V. Lingvostylistic analysis of scientific and technical texts in teaching students of technical universities in order to develop their socio-cultural competence. Variability and standardization of language education in a non-linguistic university: a collection of articles based on the materials of the IV International scientific and practical conference. Nizhny Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2021. P. 11 – 14.
3. Afanasyeva N.D., Zakharchenko S.S., Mogileva I.B. Teaching the language of the specialty to foreign students of the legal profile in RKI classes. Russian language in a multicultural world: communication, understanding, learning: collective monograph. 2023. Part 1. P. 118 – 125.
4. Vorobyov Yu.A. Working with legal definitions in foreign language classes as one of the factors in the formation of professional communicative competence in students. New world. New language. New thinking: collection of materials from the VII international scientific and practical conference (philology, pedagogy and intercultural communication). Moscow: Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2024. P. 147 – 151.
5. Vorobyov Yu.A. Foreign language in a non-linguistic university: linguacultural explication of background discrepancies in terminological vocabulary. Philological and pedagogical aspects of humanitarian education in non-linguistic universities: collection of materials of the V International scientific and practical conference. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. P. 114 – 118.
6. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research: monograph. 3rd ed., reprinted. Linguistic heritage of the 20th century. Moscow: URSS, 2005.
7. Gilyazova A.E. The concept of legal discourse as a type of rational discourse. Bulletin of philological sciences. 2024. Vol. 4. No. 12. P. 106 – 111.
8. Kashanina T.V. Algorithm of a legal document // Business, management and law. 2024. No. 3 (63). P. 12 – 17.
9. Kulnina E.A. Lingvostylistic analysis as a means of studying the features of the construction and understanding of various types of text. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2021. No. 5 (158). P. 40 – 43.
10. Lyubina I.M., Baklagova Yu.V. Lexical and grammatical features of texts of official business style and the specifics of their translation from English into Russian (based on statutory documents and contracts). Actual aspects of linguistics, linguodidactics and intercultural communication: collection of scientific articles. Krasnodar: Kuban State University, 2022. P. 63 – 67.
11. Malyshkin D.V. On the Varieties of the Official-Business Functional Style of the English Language. LITERA. 2024. No. 10. P. 108 – 117.
12. Moldavskaya O.E. Communicative Tasks and Linguistic-Stylistic Features of the Texts of the Company's Business Portfolio. Medialinguistics: Materials of the Reports of the Participants of the VII International Conference. St. Petersburg: ООО Медиапайп, 2023. P. 318 – 321.
13. Dictionary and Reference Book of Linguistic Terms. 2nd ed. Moscow: Education, 1976.

14. Shilina N.V. Features of the Translation of Legal Texts. Bulletin of Philological Sciences. 2024. No. 7. Vol. 4. P. 49 – 52.
15. Shcherba L. Language System and Speech Activity. M.: Education, 2004. 432 p.
16. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2>.

Информация об авторах

Шилина Н.В., кандидат педагогических наук, Академия ФСИИ России, ninashilina87@mail.ru

Черезова М.А., кандидат филологических наук, доцент, Самарский юридический институт ФСИИ России, kuprijanova07@mail.ru

© Шилина Н.В., Черезова М.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

¹ Сафин Р.Н., ¹ Владимирова Л.В.,
¹ Валеева Д.Р.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Англицизмы как компонент современного речевого поведения (лексико-грамматический аспект)

Аннотация: в статье рассматривается грамматический аспект одной из характерных черт речевого поведения некоторых говорящих и пишущих на русском языке, а именно спонтанного использования англицизмов. Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных исследователей по вопросу лексических заимствований в русском языке, а также анализом лексических заимствований, использование которых носит единичный, уникальный характер, с позиций семантики и грамматической реализации. Сбор лексического материала осуществлялся методом сплошной выборки из письменных интернет сообщений и интернет переписки, газетной публицистики определенной тематики – спорт, жизнь молодежи, реклама и т.д., а также некоторых жанров устной речи – как правило, устных публичных выступлений в официальной или полуофициальной обстановке. Результаты научного исследования представлены в виде выводов, в которых регистрируются как изменения в лексической системе, так и определенные подвижки в грамматической системе – например, в формообразовании частей речи, строении предложений и организации групп предложений.

Ключевые слова: неологизмы, англицизмы, русская грамматика, окказиональное словообразование, варваризмы, речевое поведение, комический эффект

Для цитирования: Сафин Р.Н., Владимирова Л.В., Валеева Д.Р. Англицизмы как компонент современного речевого поведения (лексико-грамматический аспект) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 87 – 95.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Safin R.N., ¹ Vladimirova L.V.,
¹ Valeeva D.R.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Anglicisms as a component of modern speech behavior (lexico-grammatical aspect)

Abstract: the article examines the grammatical aspect of the spontaneous use of anglicisms as one of the characteristic features of the speech behavior of some speakers and writers in Russian. The research methodology is presented by a review of scientific works of domestic researchers on a survey of lexical borrowings in the Russian language, as well as an analysis of lexical borrowings, the use of which is single, unique, from the standpoint of semantics and grammatical implementation. The collection of lexical material was carried out using a continuous sampling method from written Internet messages and Internet correspondence, newspaper journalism on a certain topic - sports, youth life, advertising, etc., as well as some genres of oral speech – usually oral public speeches in an official or semi-official setting. The results of scientific research are presented in the form of conclusions, which

record both changes in the lexical system and certain advances in the grammatical system – for example, in the formation of parts of speech, the structure of sentences and the organization of groups of sentences.

Keywords: *neologisms, anglicisms, Russian grammar, occasional word formation, barbarisms, speech behavior, comic effect*

For citation: Safin R.N., Vladimirova L.V., Valeeva D.R. Anglicisms as a component of modern speech behavior (lexico-grammatical aspect). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 87 – 95.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы составляет обращение к тому аспекту речи, который связан со спонтанным использованием новых, не освоенных языком единиц лексики. Таким образом, в научный оборот вводится новый словарный материал, который постоянно возникает в речи в больших количествах, что делает затрудненной своевременную словарную фиксацию. Актуальным является исследование данного материала в аспекте речевого поведения определенных групп, говорящих и пишущих на русском языке.

Цели и задачи исследования состоят в анализе и освещении некоторых обстоятельств использования в речи современных заимствований из английского языка. Исследуются лексические единицы, вошедшие в употребление недавно, а также те, которые спонтанно возникают в языке, использование которых носит единичный, уникальный характер. Количество подобных новообразований настолько велико, что делает весьма затруднительно своевременную словарную фиксацию новых лексических единиц. Современные интернет-словари, например, Википедия, более оперативны, и многие примеры в нашей работе – непонятные многим носителям современного русского языка – уже в той или иной форме отмечены в интернет-словарях.

Корпус научной литературы о лексических заимствованиях соответствует масштабу явления. Лингвисты называют плюсы и минусы варваризмов: с одной стороны – обогащение словаря, развитие стилистических возможностей, удовлетворение потребностей номинации, названия новых явлений, с другой – локальные разрушения языковой системы, разрыв словообразовательных связей, проблемы с пониманием.

Исследователи пишут о моде на заимствования и об источниках варваризмов: «Сильный приток иноязычных слов наблюдается как в связи с интернационализацией жизни, так и в связи с тем, что англоязычные страны в настоящее время являются так называемыми «законодателями мод» в современной жизни (в экономике, в интернет-сфере...)» [7, с. 306]. См. также: «В последние два-три десятилетия XX-XXI вв. заимствуются слова в основном из американского варианта английского языка, что формирует некоторую моду на употребление в речи английских заимствований» [10, с. 78].

К сожалению, трудно не признать доли справедливости в суждении о том, что обилие иноязычных заимствований в современном русском языке могут рассматриваться как проявление его кризиса [9, с. 2]. См. также: «В работах, посвященных состоянию современного русского литературного языка, в докладах, выступлениях отечественных лингвистов интонация тревожная. Русский язык подвергается нашествию иноязычных заимствований (прежде всего американизмов...), наша речь теряет качества литературности, нуждается в срочных мерах спасения» [8, с. 122].

И напротив, исследователи приходят к выводу о том, что «между значениями иноязычных неологизмов и ближайших по значению исконных слов обнаруживаются расхождения денотативного характера, не имеющие отношения к престижности самих слов или их употребления. Таким образом, новые заимствования необходимы прежде всего для концептуализации понятий, важных для социума, в котором язык функционирует как средство общения, а, следовательно, нужны носителям языка как членам этого социума [3, с. 140]. См. также: «Мы переживаем новый период в развитии литературного языка. И то, что часто рассматривается как порча, на самом деле это новые качества литературного языка, обусловленные новыми общественными условиями и новой языковой ситуацией» [8, с. 306]. О том же в других исследованиях: «...рассматривать заимствования можно как обогащение лексической системы в прагматических целях (быстрое заполнение лакун), а освоение (орфоэпическое, графическое, лексическое, морфологическое) заимствованных номинаций средствами русского языка предстает как более длительный процесс подчинения новых заимствованных слов законам русского языка, что приводит к расширению его номинативных возможностей» [4, с. 55-56].

Широкое, часто спонтанное использование англицизмов мы рассматриваем в качестве одной из характерных черт речевого поведения некоторых групп, говорящих и пишущих на русском языке, поскольку «...свойства индивида как говорящего, как "производителя" определенных высказываний обнаруживаются

прежде всего в пределах... групп» [5, с. 475]; см. также: «XXI век характеризуется активным развитием антропоцентрической парадигмы в лингвистике, в центре внимания которой лежит проблема «язык и личность». Важным при этом становится исследование типичной языковой личности представителя определенной социальной группы...» [6, с. 113]. Речевое, вербальное поведение выражается – среди многого прочего – выбором языковых средств: лексических единиц (слов, фразеологизмов), грамматических форм: «...речевое поведение личности является одним из ключевых элементов сложной системы поступков и действий, где особая роль отводится речевому воздействию на другого человека (аудиторию)...» [1, с. 57]; «... правила речевого поведения, традиции, которые делают нашу культуру уникальной, заложены предками...» [2, с. 133].

Материалы и методы исследований

Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных исследователей по опросу лексических заимствований в русском языке, а также анализом лексических заимствований, использование которых носит единичный, уникальный характер, с позиций семантики и грамматической реализации. Сбор лексического материала осуществлялся методом сплошной выборки из письменных интернет сообщений и интернет-переписки, газетной публицистики определенной тематики – спорт, жизнь молодежи, реклама и т.д., а также некоторых жанров устной речи – как правило устных публичных выступлений в официальной или полуофициальной обстановке. В качестве основного использовался описательный метод, предполагающий сбор языкового материала, классификацию языковых единиц и интерпретацию их особенностей.

Результаты и обсуждения

В последние полвека в русском языке появилась масса иностранных, в большинстве английских слов. Прежде всего, это слова, быстро освоенные русской речью, ставшие привычными, почти немедленно вошедшие в современные словари, по крайней мере, сетевые. Круг этих слов постоянно пополняется. Удачное заимствование дублируется в бесчисленных текстах – устных и письменных, быстро становится привычным, координирует свое место в языковой системе с имевшимся синонимом, либо вытесняет его. Некоторые из них становятся своеобразными символами эпохи: они на слуху, популярны в повседневной речи: лайфхак, кэшбек (кэш), хайп (хайповать – хайпануть), блогер (блог), инфлюенсер, ноунейм, контент и десятки других. Они много раз повторены в навязчивой рекламе по телевидению и в других телепередачах, в том числе, новостных: «А твой телефон умеет ловить кэшбэк? Лови лайфхак, как это сделать»; «Данный контент может содержать сцены табакокурения»; «Садимся на хайп, потому что нужны лайки.... Хайпанул на одном, потом хайпанул на другом..., получился фул-хайп»; «В момент нападения блогер находился вместе с другим инфлюенсером Дмитрием N»; «Это – позор! «Динамо» проиграло в Тбилиси ноунейму»; «Дело также в давлении со стороны родителей учеников и самих детей, которые буквально буллят не только молодых и «зелёных», но и опытных педагогов...» и проч. Одним словом, мы выигрываем гивы, ловим кэшбэки и лайфхаки, по утрам делаем воркаут, едим чикен-тортики, покупаем на маркетплейсах, нас буллят, но мы живем с мечтой о кэш-беке.

Одновременно, привлекают внимание примеры иного рода. В качестве одной из особенностей современной русской речи мы рассматриваем широкое употребление неосвоенных языком англицизмов, вырванных непосредственно из английского языка, вплетенных в ткань высказывания на русском языке. Особый параметр речевой деятельности – вплетение в речь неосвоенных или малоосвоенных варваризмов-англицизмов, спонтанное их использование: ай-стоппер, бэд лак, бэкграунд, велл дан, воркаут, гейт, гэг, камбэкнуть, конекшн, мастхэв, оффер, рЕкорд (с ударением на первом слоге), саспенс, скилл, слот, стайл, сторис, суммари, факт-чекинг, фэйл, харассить, хейтить, хорсик и многие другие.

Объем подобного материала непостоянен. Многие лексические единицы подобны бабочкам-однодневкам: жизнь их коротка, и в языке они не задерживаются. На их место приходят другие, которым уготовано либо забвение, либо включение в круг достаточно постоянно используемых.

Прежде всего отметим, что очень часто использование говорящим или пишущим окказионального варваризма представляется совершенно неоправданным. В репортаже о футбольном матче ведущий зачем-то вворачивает в свою речь нравящееся ему, но не всем понятное: «...придется переигрывать мяч... да, бэд лак...» Телеведущий на российском телеканале не уверен в том, что сказанное на русском языке будет понято собеседником, поэтому дает пояснение: «А теперь расскажите о себе, ваш бэкграунд, так сказать». Другой автор показывает непонятную неудовлетворенность обычным «добро пожаловать»: «Он не позволил свою дочь посадить на этот самолет, а другим – «велком».

В языке современной публицистики англицизмы вырастают как грибы после теплого дождя.

Некоторые слова быстро завоевывают популярность и некоторые из них фиксируются онлайн-словарями:

- абьюз (от англ. abuse «насилие над близким человеком, обычно психологическое, но также физическое, сексуальное, экономическое»): «Еще одна звезда тенниса признана виновной в абьюзе...»;
- вайб (от англ. vibe «вибрация, эмоциональное состояние, настроение или атмосфера, создаваемая человеком, обстановкой или событием»): «К тому же домашние матчи на «Центральном» добавят необходимого вайба», «В этом ресторане особый вайб»;
- геймплан (от англ. game plan «заранее продуманный сценарий противостояния, учитывающий слабые и сильные стороны соперника»): «Сломало ли удаление Роши геймплан Федотова?»;
- гейт (от англ. gate «ворота»): «Талибы вошли в ангар через гейт, который раньше охранялся...»;
- маркетплейс (от англ. «торговая площадка, которая продаёт товары и услуги разных продавцов через интернет»): «Купить мухоморы можно в свободном доступе не только в городе, но и в интернете. Кто-то заказывает их на маркетплейсах...» и многие другие.

Что касается приведенной группы примеров, в каждом случае мы можем догадываться об особых обстоятельствах их появления в языке: слово абьюз – это не насилие вообще, а насилие именно над близким человеком, геймплан связывается с планированием в спортивной сфере, гейт – с воротами только в определенных местах, вайб – просто с настроением, атмосферой, ощущениями определенного рода людей, которым хочется сказать о местах, событиях или людях как-то по-особенному, маркетплейс – слово, которое имеет отношение именно к интернет-торговле. См. также:

- бан (от англ. ban «запрещать» обычно обозначает формальный, официальный запрет): «В свете недавнего бана России на международной арене спортивные федерации и министерства активно принимают попытки компенсировать огромную потерю внутренними дополнительными турнирами»;
- гэг (от англ. gag «шутка, комический эпизод, комедийный прием, в основе которого лежит очевидная нелепость»): «А помните сцену погони Шурика и водителя автобуса на бочке за тройцей разбойников на автомобиле? Она богата на гэги, которые запоминаются на всю жизнь...».

Письменная речь фиксирует попытки вовсе не менять облик спорадически использованного слова. В спортивной газете обнаруживаем breaking news (от англ. «экстренное сообщение, срочная новость, новость дня»): «Вряд ли кто-то из нас пристально следит за сайтом Олимпийского комитета Бразилии, но сегодня на нем появилась действительно стоящая новость. Прямо-таки breaking news...».

Вторжение иностранного слова приводит к многообразным изменениям в лексической системе: вытесняются исконные слова, формируются новые синонимические ряды и антонимические оппозиции. Кроме того, имеют место определенные подвижки в грамматической системе.

Обратим внимание на два интересных, с нашей точки зрения, факта – влияние иноязычных грамматических форм и расширение круга неологизмов за счет устойчивых словосочетаний.

Что касается грамматических форм, любопытным представляется использование в форме множественного числа существительных, у которых этой формы не было. Форма множественного числа businesses в значениях «виды занятости, промышленные и прочие предприятия; район, где располагаются эти предприятия», обычная в английском, проникает и в русский язык, правда только в первом из двух названных значений: бизнесы «Какие бизнесы могут быть?»; «Бизнесы для Продажи.ру – продажа готового бизнеса».

Подобному влиянию также подвергаются некоторые отадъективные существительные абстрактной семантики на -ость, в общем неохотно образующие формы множественного числа. Обычное для английского языка activities («деятельность») оказывает влияние на изменение грамматической формы русского слова активность, появляется множественное число – активности: «В пылающей Калифорнии участились случаи мародерства. Власти призвали жителей о любых подозрительных активностях сразу сообщать в полицию»; «Это комната для дневных активностей... У нас помещение интерактивное, которое предполагает несколько видов активностей»; «У тебя бывали различные мероприятия, во многих активностях в Казани ты принимал участие, но такого масштаба все же не было...»; «Казалось, что после демонтажа бассейнов стадион, внутри которого были десятки активностей для горожан, наконец-то сделает футбол своей основной опцией, но это случилось далеко не сразу». По всей видимости, изменения грамматической формы может приводить и к определенным семантическим сдвигам.

Предположим, что подобная открывшаяся возможность способна оказать влияние также и на формообразование исконно русских слов, например, неопределенность: «У нас были неопределенности...». Английское множественное число sports в значении «виды спорта» стало возможным и в русском языке: спорты в том же значении «виды спорта»: «И эти проблемы мы видим в других спортах...». См. также работы: «У

подавляющего большинства участников команд есть другие работы...» на месте более привычного «есть другая работа».

Таким образом, видим, что дублируются на русский язык не только лексические единицы, но и грамматические формы.

В этом смысле интересно проанализировать некоторые неологизмы, которые имеют в языке-источнике форму множественного числа: ринг-герлз, сториз, трежерис. С точки зрения русского языка эти существительные не имеют формальных показателей множественного числа. Тем не менее, ринг-герлз (от англ. ring girls «девушки, которые выходят на ринг с табличками-анонсами раундов в некоторых видах спорта») воспринимается нами как существительное множественного числа: «Нурмагомедов ... заявил о бесполезности ринг-герлз на бойцовских шоу...», «Ивент пройдет без участия ринг-герлз». В русском языке встречаем и форму единственного числа этого слова – ринг-герл, т.е. финаль -з осознается нами как показатель множественного числа уже не в английском, а русском языке.

Субстантив сториз (от англ. stories «история, рассказ») воспринимается скорее как существительное единственного числа: «Она выложила у себя в Instagram сторис того, как команду поддержал чемпион мира...», а слово трежерис (от англ. treasuries, treasury – «казначейство») – «государственные долговые ценные бумаги, которые выпускает казначейство определенной страны: «Япония остается самым большим вкладчиком в трежериз США» большинством говорящих на русском языке не воспринимается никак, поскольку это слово понятно только узким специалистам.

Что касается расширения круга неологизмов за счет устойчивых словосочетаний, обычно мы имеем дело с транскрипционной передачей высокочастотных фразеологизмов. См., например, фразеологизмы:

1) с наречным значением:

– степ бай степ (от англ. step by step «постепенно, шаг за шагом»): «Гонка для нее проходит шаг за шагом, степ бай степ...»;

– хайли лайкли (от англ. highly likely «с высокой долей вероятности»): «Фраза британского премьера «весьма вероятно» или же «хайли лайкли» произвела революцию в мировом праве...»;

2) с предметным значением:

– клаймет чейндж (от англ. climate change «изменение климата»): «Это то, что ученые называют клаймет чейндж, изменение климата»;

– ланч баскет (от англ. lunch basket «набор готовых блюд для быстрого обеда»): «Ланч-баскет включает бутерброды, кекс, зерновой батончик, сезонные фрукты, орехи и бутилированную воду».

Спонтанное использование неосвоенных варваризмов в речи определяет некоторые особенности, которые затрагивают более крупные, по сравнению с лексическими, единицы – предложения, группы предложений. Любители иностранных слов часто испытывают потребность в том, чтобы в тексте с этими словами соседствовали либо исконно русские, либо иноязычные же, но привычные уху, давно освоенные объясняющие слова. Намерений здесь может быть два. Во-первых, естественное желание пояснить значение заимствованного неологизма. Вторая группа интенций – когда иностранное слово помещается в предложении на второе место, может быть объяснена привлекательностью варваризма, привыканием к нему – что, возможно, способно создать иллюзию его большей понятности.

Можно выделить несколько групп способов внутритекстовой семантизации варваризмов в русском языке новейшего периода.

1) Значение вновь появившегося англицизма поясняется с помощью расположенного неподалеку в тексте (или даже в том же предложении) синонима или синонимичного словосочетания.

Так не всем известное абьюз становится понятным благодаря использованному в следующем предложении словосочетания домашнее насилие: «Еще одна звезда тенниса признана виновной в абьюзе. Разбирательство шло восемь лет Бывшую первую ракетку мира в паре Леандера Паеса признали виновным в домашнем насилии...».

Таким же образом делается понятным модное сейчас воркаут (от англ. workout «тренировка на открытом воздухе»): «...Необычный воркаут сотрудника кафе в центре Москвы попал на видео. Сотрудника кафе застали за тренировкой со стульями в центре Москвы...». См. также:

– фишинг (от англ. fishing «вид интернет-мошенничества, при котором злоумышленники пытаются получить доступ к личной информации пользователя»): «...в лидерах среди мошенничества находятся фишинг (рассылка писем) и вишинг (телефонные звонки...)»;

– даун (от англ. down «вниз, внизу»): «Яблоко (речь идет о политической партии) окончательно пошло даун, вниз...»;

– триггер (от англ. trigger «спусковой крючок, элемент, приводящий нечто в действие»): «...и я могу вам сказать, что стало триггером к этому процессу, что стало спусковым крючком...»;

– шатдаун (от англ. shutdown «закрытие», выключение; в политическом контексте – временное прекращение работы федеральных органов власти США из-за отсутствия бюджета): «Правительству США вновь грозит «шатдаун» — остановка непервоочередных функций с временным роспуском госслужащих»;

– факт-чекинг (от англ. fact-checking «проверка фактов, новостей на достоверность»): «Это к вопросу о факт-чекинге, проверке фактов, да?» и т.д.

2) Для пояснения значения англицизма, в том числе использованного спонтанно, употребляется более развернутое пояснение либо цепь синонимов или синонимичных словосочетаний: См., например:

– девелопер (от англ. developer «разработчик»): «Кто такой девелопер и чем он отличается от застройщика? Девелопер – это и инвестор, и проектировщик, и застройщик, и риелтор...»;

– велл дан (от англ. well done «хорошо, отлично сделано»): «А я и не люблю мясо велл дан, да, как говорят хорошо приготовленное...» и т.п.

3) Семантизация англицизма может иметь вид полноценного определения научного понятия:

– фандрайзинг (от англ. fundraising «сбор средств»): «Фандрайзинг – это процесс привлечения финансовых и других ресурсов для благотворительных организаций, фондов и проектов, а фандрайзеры – это специалисты, которые этим занимаются. По понятным причинам обыватели сейчас очень недоверчивые – уж слишком много развелось мошенников...»;

– апсайкл (от англ. upcycle «переработка»): «...модное слово апсайкл – переработка натуральных отходов, одежды, вплоть до рекламных баннеров для производства одежды...» и проч.

4) Обращают на себя внимание примеры с иной, чем в вышеуказанных группах последовательностью расположения заимствованного слова и его русского соответствия, когда русское слово предшествует варваризму.

Например, месседж (от англ. message «послание, сообщение, обращение»): «И вот вам посыл, и вот вам месседж, товарищи: все пойдете на зону...» – говорящий то ли считает слово месседж более понятным, то ли ему просто хочется блеснуть модным, престижным, ему нравящимся словом.

– майлстоун (от англ. milestone «веха»): «Вот такой важный момент, майлстоун, как за океаном это принято называть»;

– титестер (от англ. tea «чай» + tester – «тот, кто пробует, испытывает»): «А сегодня в нашей передаче знаток чая, так сказать титестер...».

Использование «поясняющего» варваризма может быть вызвано и другими причинами, например, намерением ввести в высказывание термин или терминологическое сочетание: «...участились случаи «глушения» и возможной подмены сигналов GPS (спуфинг)...».

Исследование, посвященное современным заимствованиям из английского языка, было бы неполным без хотя бы поверхностного освещения прагматического аспекта – отношения к этим заимствованиям самих носителей русского языка.

Вот несколько интересных примеров, встреченных нами в интернет общении, которые показывают насмешливое, ироническое отношение к варваризмам: «Коворкинг, шмаворкинг, смарт-шмарт. Ничего не понятно, не видишь – ми кюшаем...»; «Я не тот человек. У меня даже Instagram нет. Так что я не знаю слов «хайп», «лайк»». См. также, как юмористически обыгрывается глагол забанить (бан от англ. ban «запрет»): «Забанено! Ты в бане!» Здесь же упомянем популярное в Сети: «Пап, не надо говорить «самодельный». Говори – «крафтовый». – Умник, бери крафтовую лопату и пошли майнить картошку...» Насмешку и некоторую горечь слышим в диалоге в одном из ток-шоу на Центральном телевидении. На заявление какого-то конторщика о своей работе с людьми: «У меня большой опыт работы в опенспейсе» ведущий передачи ответил: «Думал ли Леонов после выхода в открытый космос, что через много лет выражение опенспейс будет пониматься как “офисное пространство...”».

Комический эффект может возникать и помимо воли говорящего или пишущего. Например, на стене в учреждении висит объявление «Чек-лист уборки санузда». Подобный пример можно отнести к области речевых ошибок. Естественный источник ошибки – непонимание истинного значения понравившегося чужого слова: «Купаться там нельзя, ...утонул, хотя везде были вывешены запрещающие аншлаги». Аншлаг – давно освоенное русским языком слово, означающее «объявление о том, что все билеты (на спектакль, концерт, лекцию и т.п.) проданы».

И в заключение: вторгающиеся в наш язык варваризмы не могут не оказывать влияния на значение исконно русских слов и системные отношения между ними. «Дыхание» английского close game (close «близкий», close game – «равная игра») ощущаем в высказывании с прилагательным близкий: «Бой получился

конкурентным и очень близким...». А вот стремление акцентологически развести освоенное, «ставшее русским» слово рекорд (с ударением на втором слоге) и окказиональное рЕкорд (с ударением на первом слоге) в спортивном репортаже: «... его рЕкорд впечатляет...» в значении «список, перечисление успехов; своеобразное жизнеописание».

Наше исследование, примеры, собранные по различным образцам русской речи, свидетельствуют о том, что использование англицизмов превращается в привычку, становится чертой нашего современного речевого поведения. Мы постоянно демонстрируем престижность, превосходство иностранных слов, как бы глядя на мир глазами другого народа. Это не проходит бесследно ни для нашего внутреннего мира, духовной жизни, ни для самого русского языка, система которого – прежде всего, лексическая – подвергается уродующей его деформации. Кстати, замечено, что многие люди, действительно глубоко знающие иностранный язык, с бережностью и уважением относятся к родному.

К сожалению, не потеряли актуальности в наше время давно с горечью сказанные Лениным слова «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно». И забыто, к несчастью, тургеневское «Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Выводы

В предложенной статье мы рассматриваем широкое употребление неосвоенных языком англицизмов, вырванных непосредственно из английского языка, вплетенных в ткань высказывания на русском языке, в качестве одной из особенностей современной русской речи. Вторгающиеся в наш язык варваризмы не могут не оказывать влияния на значение исконно русских слов и системные отношения между ними.

Объем исследуемого материала непостоянен. Жизнь многих новообразований коротка, зачастую она ограничивается одноразовым использованием. Часто употребление говорящим или пишущим окказионального варваризма представляется совершенно неоправданным.

Однако не всем неологизмам уготовано забвение – некоторые из них могут продолжить бытование в языке, будучи включенными в круг достаточно постоянно используемых. Удачное заимствование дублируется в бесчисленных текстах – устных и письменных, быстро становится привычным, координирует свое место в языковой системе с имевшимся синонимом, либо вытесняет его. Некоторые из них становятся своеобразными.

Вторжение иностранного слова приводит к многообразным изменениям в лексической системе: вытесняются исконные слова, формируются новые синонимические ряды и антонимические оппозиции. Кроме того, имеют место определенные подвижки в грамматической системе.

Мы обращаем внимание на две группы явлений – влияние иноязычных грамматических форм на исконно русские и расширение круга неологизмов за счет устойчивых словосочетаний. Что касается грамматических форм, в работе регистрируются морфологические изменения – например, использование в форме множественного числа существительных, у которых этой формы не было. Что касается расширения круга неологизмов за счет устойчивых словосочетаний, обычно мы имеем дело с транскрипционной передачей высокочастотных фразеологизмов.

Спонтанное использование неосвоенных варваризмов в речи определяет некоторые особенности, которые затрагивают более крупные, по сравнению с лексическими, единицы – предложения, группы предложений. Регистрируется определенная потребность в том, чтобы в тексте с лексемами, являющимися предметом нашего изучения, соседствовали либо исконно русские, либо иноязычные же, но привычные уху, давно освоенные слова. Намерений здесь может быть два. Во-первых, положение русского слова перед иностранным демонстрирует естественное желание пояснить значение заимствованного неологизма, осуществить его внутритекстовую семантизацию. Вторая группа интенций – когда иностранное слово следует за исконно русским – может быть объяснена привлекательностью варваризма, привыканием к нему, что, в свою очередь, способно создать иллюзию его большей понятности.

Можно выделить несколько групп способов внутритекстовой семантизации варваризмов в русском языке новейшего периода.

1) Значение англицизма поясняется с помощью расположенного неподалеку в тексте (или даже в том же предложении) синонима или синонимичного словосочетания.

2) Для пояснения значения англицизма, в том числе использованного спонтанно, употребляется более развернутое пояснение либо цепь синонимов или синонимичных словосочетаний.

3) Внутритекстовая семантизация англицизма может иметь вид полноценного определения научного понятия.

Наше исследование, примеры, собранные по различным образцам русской речи, свидетельствуют о том, что использование англицизмов превращается в привычку, становится чертой нашего современного речевого поведения. Мы постоянно демонстрируем престижность, превосходство иностранных слов, как бы глядя на мир глазами другого народа. Это не проходит бесследно ни для нашего внутреннего мира, духовной жизни, ни для самого русского языка, система которого – прежде всего, лексическая – подвергается уродующей его деформации. Тем не менее замечено, что многие люди, действительно глубоко знающие иностранный язык, с бережностью и уважением относятся к родному. В плане прагматики необходимо отметить выраженное в текстах негативное – иногда неодобрительное, иногда насмешливое – отношение к описанной нами манере речевого поведения.

Список источников

1. Багдасарян Т.М. Речевое поведение личности как элемент сложной системы поступков и действий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 4 (82). Ч. 1. С. 57 – 61.
2. Гончаров Д.С., Сарычева С.А., Логинова Е.Ю. Об изменениях в речевом поведении современных участников коммуникации // XLVIII Самарская областная научная студенческая конференция: Социальные и гуманитарные науки: в 2-х т. Самара: Эко-Вектор Ай-Пи, 2022. Т. 2. С. 133 – 134.
3. Горбов А.А. Заимствования в русском языке рубежа XX–XXI веков: дань моде или способ концептуализации актуальных понятий? // Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2014. С. 127 – 140.
4. Клушина Н.И. Тенденции развития лексики русского языка в коммуникативном пространстве Интернета // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 3. С. 52 – 60.
5. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 475 – 485.
6. Ляшенко А.А. Речевое поведение языковой личности документоведа в контексте теории речевых жанров (на материале записей устной речи сотрудников университета) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 7 (73). С. 113 – 116.
7. Рубцова Е.В., Девдариани Н.В. Основные тенденции в области заимствований в русском языке начала XXI века // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 305 – 308.
8. Солганик Г.Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика». 2010. № 5. С. 122 – 135.
9. Стернин И.А. Кризис или развитие? // Русский язык конца XX века. Воронеж, 1998. С. 2 – 23.
10. Шестакова К.С. Современные тенденции в области лексических заимствований русского языка // Бюллетень Южно-Уральского университета. Серия «Лингвистика». 2019. Т. 16. № 4. С. 78 – 81.

References

1. Bagdasaryan T.M. Speech behavior of an individual as an element of a complex system of actions and deeds. Philological sciences. Theoretical and practical issues. Tambov: Gramota, 2018. No. 4 (82). Part 1. P. 57 – 61.
2. Goncharov D.S., Sarycheva S.A., Loginova E.Yu. On changes in the speech behavior of modern communication participants. XLVIII Samara Regional Scientific Student Conference: Social and Humanitarian Sciences: in 2 vol. Samara: Eco-Vector IP, 2022. Vol. 2. P. 133 – 134.
3. Gorbov A.A. Borrowings in the Russian language at the turn of the 20th–21st centuries: a tribute to fashion or a way of conceptualizing current concepts? Acta Slavica Estonica V. Works on Russian and Slavic Philology. Ling-vistika XVI. Anthropocentrism in Language and Speech. Tartu: Tartu University Press, 2014. P. 127 – 140.
4. Klushina N.I. Trends in the Development of Russian Lexicon in the Communicative Space of the Internet. Terra Linguistica. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 52 – 60.
5. Krysin L.P. On Human Speech Behavior in Small Social Communities (Statement of the Question). The Russian Word, Its Own and Someone Else's: Research in the Modern Russian Language and Sociolinguistics. Moscow, 2004. P. 475 – 485.
6. Lyashenko A.A. Speech behavior of the linguistic personality of a document specialist in the context of the theory of speech genres (based on the recordings of oral speech of university employees). Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2017. No. 7 (73). P. 113 – 116.
7. Rubtsova E.V., Devdariani N.V. The main trends in the field of borrowings in the Russian language at the beginning of the 21st century. Baltic Humanitarian Journal. 2020. Vol. 9. No. 2 (31). P. 305 – 308.

8. Solganik G.Ya. The modern language situation and trends in the development of the Russian literary language. Bulletin of Moscow University. Series 10 "Journalism". 2010. No. 5. P. 122 – 135.
9. Sternin I.A. Crisis or development? Russian language at the end of the twentieth century. Voronezh, 1998. P. 2 – 23.
10. Shestakova K.S. Modern trends in the field of lexical borrowings of the Russian language. Bulletin of the South Ural University. Series "Linguistics". 2019. Vol. 16. No. 4. P. 78 – 81.

Информация об авторах

Сафин Р.Н., кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Владимирова Л.В., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, lvladimi58@mail.ru

Валеева Д.Р., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Сафин Р.Н., Владимирова Л.В., Валеева Д.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 808.2-01

¹ Долгова Е.В., ¹ Кудинова Т.А.

¹ Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

Лингвистические средства языкового манипулирования в англоязычном медийном дискурсе

Аннотация: сегодня к одной из основных функций медийного дискурса следует отнести манипулятивное воздействие на общественное сознание. Вопросы изучения языковой манипуляции занимают значительную часть в лингвистических исследованиях. Однако, привлечение стилистических средств в качестве предмета исследования для реализации различных приёмов и способов языкового манипулирования в медийном дискурсе, на наш взгляд, является недостаточным. Актуальность данного исследования обусловлена насущной необходимостью рассмотрения манипулятивного потенциала стилистических языковых средств, реализуемых в медиадискурсе. Цель данного исследования заключается в выявлении стилистических особенностей англоязычных медиатекстов и их роли в формировании прагматического воздействия на получателя информации. В статье предложено определение понятия «манипулятивное воздействие», описаны особенности функционирования лингвостилистических средств реализации манипулятивного потенциала англоязычных Интернет-медиа. Исследование проводилось на основе дискурсивного анализа, а также описательного и контекстологического методов исследования. Полученные в работе результаты расширяют возможности применения потенциала стилистических средств в качестве манипулятивных приёмов убеждения и манипулирования в медийном дискурсе. Результаты исследования могут быть теоретически и практически значимыми в области медиалингвистики, журналистики, политической лингвистики, политологии.

Ключевые слова: дискурс, информационное воздействие, языковое манипулирование, манипулятивный потенциал, стилистические приёмы, тропы

Для цитирования: Долгова Е.В., Кудинова Т.А. Лингвистические средства языкового манипулирования в англоязычном медийном дискурсе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 96 – 103.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Dolgova E.V., ¹ Kudinova T.A.

¹ Federal Guard Service Academy of the Russian Federation

The linguistic means of language manipulation in English-language media discourse

Abstract: today the most important function of media discourse is to produce the manipulative impact on public consciousness. The issues of linguistic manipulation occupy a significant part in linguistic studies. However, the use of stylistic means as a subject of research for the implementation of various techniques and methods of linguistic manipulation in media discourse, in our opinion, is insufficient. The purpose of this study is to identify the stylistic features of media texts of English-language media sources, their role in the formation of a pragmatic impact on the recipient of information. A solid set of examples, accompanied by a detailed analysis of the relative manipulative impact gives additional significance to the material. The results obtained in the work expand the possibilities of using the potential of stylistic means to implement manipulative techniques of persuasion and manipulation of mass

consciousness in general. The results of the study can be theoretically and practically significant in the field of media linguistics, journalism, political linguistics, and political science.

Keywords: *discourse, information impact, language manipulation, manipulative potential, stylistic devices, tropes*

For citation: Dolgova E.V., Kudinova T.A. The linguistic means of language manipulation in English-language media discourse. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 96 – 103.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Тенденции развития медийного дискурса на современном этапе демонстрируют достаточно богатую палитру стилистически маркированных языковых средств, привлекаемых для создания медиатекстов в журналистике сегодняшнего дня. Более пристальное ознакомление с медиаматериалами обнаруживает тенденцию отказа авторов от чёткого соблюдения функционально-стилистической дифференциации статей и акцентирования внимания на реализацию скорее воздействующей нежели информирующей функции. Задачей автора публикации все больше становится демонстрация своей позиции в качестве интерпретатора событий, а не простая констатация фактов. По мнению Е.В. Чернявской «всякий выбор слова, выбор номинации – это уже субъективно-оценочный акт» [14, с. 11]. И.В. Анненкова отмечает, что современная эпоха маркирована «культурой интерпретации готового слова» [2, с. 108].

Синь [16] считает, что лексические единицы фиксируют состояние общества в целом и важные и значимые моменты в частности. Другими словами, язык остаётся, как правило, под влиянием некоторой идеологии, и это влияет на лексический выбор. Лексическая классификация, будучи важным аналитическим инструментом, может эффективно способствовать раскрытию неявного значения и авторских интенций в медиатексте. В этой связи Чжан [17] подчёркивает, что лингвистические единицы не могут использоваться в качестве инструмента для объективного отражения положения дел или событий; поэтому то, как люди представляют те или иные события, зачастую не отражает их истинный смысл. Например, использование слов типа «радикальный» и «либеральный», «убить» и «ликвидировать», «цензура» и «ограничения» могут содержать различные установки, для отображения одного и того же явления. Более того, выбор выражений между «борцом за свободу» и «террористом» или «за выбор» и «за жизнь» указывает на благоприятные или неблагоприятные перспективы для одного и того же явления. Конкретное слово может изменить тональность предложения и таким образом создать совершенно иную коннотацию. При этом лексические предпочтения влияют на впечатление, которое адресаты получают от знакомства с медиаматериалом. По мнению В.В. Кихтан язык для манипуляторов является важнейшим инструментом ретуширования смысла для того, чтобы скрыть реальную ситуацию [10, с. 221]. Сама языковая система не располагает специфическими средствами, изначально «задуманными» как манипулятивные. В языке есть средства с определённым суггестивным (внушающим) потенциалом, которые, привлекаясь к реализации манипулятивных стратегий, становятся средствами манипуляции. Это могут быть не только лексико-фразеологические, но и грамматические средства [8, с. 45]. Следует отметить, что изучение языковых манипуляций стало неотъемлемой частью лингвистических исследований. Прерогатива рассмотрения лингвистических средств с точки зрения их манипулятивного воздействия несомненно принадлежит политическому дискурсу [1, 7, 12, 13, 15]. Большое значение манипулятивному потенциалу лингвистических средств уделяется при исследовании медийного дискурса [4, 5, 6, 9].

В связи глобальными мировыми событиями и нестабильной ситуацией на международной арене интерес к изучению различных видов и способов манипулятивного воздействия значительно возрос, в этой связи особенно актуальным выступает изучение механизмов воздействия речи в медийном дискурсе с точки зрения лингвистической составляющей. По мнению С.Н. Литунова, «языковое манипулирование – это отбор и использование таких средств языка, с помощью которых можно воздействовать на адресата речи» [11]. Суггестивный потенциал стилистических средств предоставляет широчайшие возможности для авторов медиаматериалов привлекать их для реализации различных приёмов и способов языкового манипулирования. Маркерами реализации суггестивного воздействия тропов на адресата являются интенсивность, образность, эмоциональность, эмотивность, экспрессивность, «функционально-стилистичность», культурная специфичность, оценочность, институциональность, стереотипность, мифологичность, комичность, фоносемантичность, адгерентность / актуальность [6, с. 5].

Материалы и методы исследований

Насущная необходимость рассмотрения манипулятивного потенциала воздействия стилистических языковых средств, реализуемых в медиадискурсе обуславливает актуальность данного исследования.

Цель исследования состоит в выявлении стилистических особенностей медиатекстов англоязычных онлайн-изданий и международных новостных агентств, в частности The Guardian, Aljazeera, Washington Post и ряда других и их роли в формировании прагматического воздействия на получателя информации. Заявленная цель обуславливает обращение к таким методам как лингвистический анализ, описательный и контекстологический методы исследования.

Результаты и обсуждения

Дискуссии о соотношении понятий «дискурс» и «медиадискурс», «текст» и «медиатекст», их природе, типах и функциональной значимости продолжают с момента введения этих понятия в аппарат лингвистических исследований. Данный факт объясняется сложностью рассматриваемого явления, его широким аппликативным потенциалом и необходимостью решения новых вопросов, возникающих по мере развития теории.

Под медиадискурсом в нашем исследовании понимается совокупность семиотических и коммуникативных параметров, определяющих способ коммуникации в медиапространстве в форме создания медиатекстов, отмеченных наличием лингвистических особенностей, присущих языку медиадискурса, который воплощает особый способ отражения действительности через средства массовой информации.

Под манипуляцией мы понимаем целенаправленное психологическое влияние, заключающееся в грамотном использовании лингвистических средств. Мы определяем речевую манипуляцию как вербально выраженный вид психологического воздействия на получателя, в результате которого у объекта манипуляции изначально возникает намерение, ведущее к получению запланированного результата посредством манипуляции. Таким образом, манипуляцию в данном контексте следует рассматривать как социолингвистическое, так и психолингвистическое явление. При этом лингвистические средства, используемые с манипулятивной целью, являются важной составляющей манипуляции как способа влияния.

Очевидно, что манипулятивным потенциалом в той или иной мере обладают все традиционно существующие уровни речи, такие как морфология, лексика, синтаксис и семасиология. В семасиологии уровень представлен различными видами тропов и фигурами речи (гиперболой, мейозисом, метонимией, метафорой, иронией, сравнением и рядом других), которые используются в речевой манипуляции с целью “приукрасить” или наоборот дискредитировать реальность, создавая более яркие когнитивные образы.

Следует отметить, что тропы – это наиболее эффективное средство создания образов. Особая роль как средства интерпретации реальности принадлежит метафорам, неологизмам и жаргону, заменяющим рациональный компонент в построении образа реальности эмоциональным.

В качестве традиционного и широко используемого стилистического приёма для оказания воздействия на получателя информации авторы медиатекстов активно задействуют метафору. Одной из наиболее ярких разновидностей метафоры относительно манипулятивного воздействия является оценочная метафора, позволяющая завуалировано манипулировать общественным сознанием и формировать мнение в отношении того или иного события или публичной персоны.

Метафора – удобное средство манипулирования информацией, так как это готовый образ со встроенными ассоциациями. Например: “When the dust settles after all the motorcades leave Washington, there will be the same uncertainty in Ukraine as before the summit,” wrote the former US Nato ambassador Kurt Volker (www.theguardian.com..., 13.07.2024). “Когда пыль уляжется после того, как кортежи покинут Вашингтон, по вопросу Украины останется такая же неопределенность, как и перед саммитом”, – написал бывший посол США в НАТО Курт Волкер (перевод автора). В приведённом примере с помощью прецедентной идиомы “when the dust settles” автор даёт понять, что несмотря на всемирную значимость и тиражируемость саммита НАТО, основные вопросы, требующие конкретного решения, остались без ответа.

Весьма распространённым вариантом использования метафоры для оказания манипулятивного воздействия, является оценочная метафора, передающая авторское мнение: Amid an escalating political and media firestorm over his fitness to run again, Nato’s nemesis, Donald Trump, lurks ominously in the shadows (www.theguardian.com..., 13.07.2024). На фоне нарастающей политической и медийной шумихи относительно его возможности баллотироваться повторно, заклятый враг НАТО Дональд Трамп зловеще скрывается в тени (перевод автора).

К одной из характерных особенностей медиаматериалов военной и общественно-политической тематики следует отнести противопоставление «свой-чужой», реализуемое посредством использования пейоративной лексики, эпитетов, выражающих авторское отношение, причём эпитеты с отрицательной коннотацией значительно лидируют в тематических полях «Выборы», «Предвыборная компания» относительно событий

в США: Например: a bombastic gesture; a fantastic manoeuvre; a grim reminder; bigotry, virulent political tribalism; a brutish and outright violent politics of domination; a body slam; an angry, violent mob of Trump supporters; grubby, single-minded self-interest; a halting and politically devastating performance; terrifying moments of political violence; we're doomed, a blood-spattered Trump; the heart-wrenching aftermath of an Israeli airstrike in Gaza.

Для усиления смысла и эмоциональности высказывания в качестве манипулятивной единицы нередко привлекается гипербола: Instead of casting around for fresh global challenges and missions, Nato should concentrate on proactively confronting the supremely dangerous threat on Europe's eastern borders (<https://www.theguardian.com...>, 11.07.2024). Вместо поиска новых глобальных вызовов и миссий, НАТО следует сосредоточиться на активном противодействии в высшей степени опасной угрозе на восточных границах Европы (перевод автора).

В медиаматериалах военно-политической тематики гипербола часто встречается при описании производственных мощностей, военного арсенала противоборствующих сторон: one of the 40 largest companies, one of the largest single suppliers of military equipment, the most lethal fighter jet in the world, has been one of the deadliest (<https://www.theguardian.com...>, 11.07.2024).

Сравнение – это сопоставление одного объекта или явления с другим. Например: “Axelrod added that Cannon, a Trump appointee, “has been like a slot machine that continues to pay off” (<https://www.theguardian.com...>, 14.07.2024). Аксельрод добавил, что Кэннон, назначенец Трампа, “подобен игровому автомату, который продолжает окупаться” (перевод автора). В приведённом примере это выразительное средство используется для оценки команды политических единомышленников Дональда Трампа.

Сравнение – это дополнительная эмоциональная информация, выражающая субъективную оценку автора статьи и вызывающая цепочку ассоциаций в сознании адресата, например: As this awful war continues, even as it stalemates, western defence interests gather round it like moths to a flame (<https://www.theguardian.com...>, 15.07.2024). По мере того как эта ужасная война продолжается, даже когда она заходит в тупик, представители оборонных интересов Запада слетаются к ней, как мотыльки к огню (перевод автора).

Журналисты могут использовать сравнения, основанные на цитировании медийных персон, журналистов и аналитиков, что значительно увеличивает их манипулятивный потенциал: That made the optics of Modi's trip bad from the perspective of the US where Zelenskyy is treated like a hero, said Seema Sirohi, a Washington, DC-based journalist and analyst (<https://www.aljazeera.com...>, 16.07.2024). По словам Симы Сирохи, аналитика из Вашингтона, с точки зрения США, где к Зеленскому относятся как к герою, это ухудшило представление о поездке Моди (перевод автора).

К одному из ярких и запоминающихся приёмов, применяемых авторами медиатекстов, следует отнести такой вид прецедентных феноменов как аллюзия. Под аллюзией в данном случае мы понимаем отсылку к общеизвестному факту в исторической и литературной ретроспективе. К одному из примеров литературной аллюзии можно отнести медиаматериал, опубликованный в the Washington Post, посвящённый президентским выборам США, где весь текст представляет собой аллюзию на сказку «Три поросёнка», где Большой Злой Волк – аллегория, реализующая знакомый всем архетип грозного хищного антагониста. Речь идёт о возможности второго президентства Д. Трампа. Иносказательно автору удалось очень чётко обозначить свою позицию, обогатить материал различными ассоциациями, тем самым усилив аргументативное и воздействующее влияние на получателя информации. Очевидно, что аллюзии очень функциональны и как стилистический прием языкового манипулирования часто встречаются в медиадискурсе. Именно такой формат подачи материала можно встретить достаточно редко, однако он предоставляет широчайшую возможность использования лингвистических средств различных уровней языка. ...the Big Bad Wolf is an existential threat. That huffing and puffing is going to make so many lives worse. All of our precious institutions are at risk, vulnerable to his hated winds! For folks out there who live in straw houses, yikes! It's going to be a rough four years. Does the prospect of him coming to power scare me? Absolutely! (<https://www.washingtonpost.com...>, 16.07.2024). Большой Злой Волк – это угроза существованию. Его пыхтение и сопение ухудшит жизнь многим. Все наши драгоценные учреждения находятся в опасности, уязвимы для его ненавистных ветров! Особенно люди, которые живут в соломенных домах, ого! Это будут тяжелые четыре года. Пугает ли меня перспектива его прихода к власти? Несомненно! (перевод автора). Аллюзивные ассоциативные связи с прецедентным именем, текстом или ситуацией способствует формированию целостного смыслового наполнения текстов медийного дискурса.

Прагматический потенциал иронии невозможно переоценить, так как она предоставляет широкие возможности сгладить углы прямого манипуляторного воздействия при применении средств вербальной агрессии с целью дискредитации объекта информационного воздействия. Ирония – это форма юмора, в которой критическое отношение к объекту насмешек, в отличие от юмора, носит оценочный характер и про-

является в несколько завуалированной форме. Например, после неудавшегося покушения на Д. Трампа и стрельбы на митинге в Пенсильвании в статье The Washington Post, посвящённой данному событию представителем демократов было иронично отмечено: “This would be an excellent day for him to buy a lottery ticket,” said David Axelrod, a Democratic strategist who served as a top aide under former president Barack Obama (<https://www.washingtonpost.com...>, 15.07.2024). «Это был бы отличный день для покупки лотерейного билета», – сказал Дэвид Аксельрод, стратег-демократ, занимавший пост главного помощника при бывшем президенте Бараке Обаме (перевод автора). Иронизировать над такими серьёзными вещами можно позволить только в случае недоверия к реальности происходящего и уверенности в её сфабрикованности.

Объектом насмешек обычно являются значительные события или известные личности, например, президентские выборы или кандидаты в президенты: 1) “US media was dominated by concerns about Biden’s health and fitness for the presidency, and while his speech was delivered forcefully enough, a lengthy struggle to tie a sash bearing the presidential medal of freedom on to the outgoing Nato secretary general, Jens Stoltenberg, was a graphic reminder of the problem (<https://www.theguardian.com...>, 11.07.2024)” «В американских СМИ здоровье президента и его способность занимать столь высокий пост стали предметом озабоченности и беспокойства, и хотя его слова прозвучали достаточно убедительно, предпринятые длительные усилия, чтобы повязать ленту с Президентской медалью Свободы уходящему генеральному секретарю НАТО Йенсу Столтенбергу, стали наглядным напоминанием о существующей проблеме» (перевод автора).

2) At their first debate stage faceoff, President Biden delivered a halting and politically devastating performance – shuffling onto the stage, whispering and trailing off, losing his train of thought and generally prompting a Democratic Party existential crisis over whether the occupant of the Oval Office should remain their nominee (<https://www.washingtonpost...>, 15.07.2024). На первом этапе дебатов президент Байден выступил сбивчиво, но политически сокрушительно, продемонстрировав довольно странное поведение: он выходил на сцену, что-то шептал и замолкал, терял ход мыслей и в целом спровоцировал экзистенциальный кризис Демократической партии по поводу того, должен ли занимающий Овальный кабинет оставаться их кандидатом (перевод автора).

Среди синтаксических повторов мы выделяем анафору, хиазм, анадиплосис и эпифору. Анафорический повтор основан на намеренном воспроизведении элемента, уже выделенного в рамках фактического членения предложения и помещённого в начало высказывания: Everybody is worried about Trump, everybody is worried about US commitments to Nato (<https://www.theguardian.com...>, 11.07.2024). Все беспокоятся о Трампе, все беспокоятся об обязательствах США перед НАТО (перевод автора).

Повторение одних и тех же высказываний закрепляет в сознании читателя полученную информацию, что удачно реализуется с помощью анадиплосиса: But I’m just one individual. One individual who, I guess, could say, on the record (<https://www.washingtonpost.com...>, 16.07.2024). Но я всего лишь один человек. Один человек, который, я полагаю, мог бы сказать под запись (перевод автора).

Повторение может быть отдалённым, поскольку одна и та же конструкция повторяется в канве медиатекста и завершается по прошествии определённого периода времени, что в совокупности с перечислением добавляет еще большей напряжённости ситуации, например: “Alongside the skewed political playing field – with funds, social welfare programmes, police forces, a well-oiled propaganda machine and the upcoming repression of civil society on its side – Georgian Dream has a story to tell... The opposition also has a strong story to tell: it’s about Europe and freedom versus Russia and repression” (www.theguardian.com..., 15.07.2024). «Наряду с несовершенствами и неровностями современного политического игрового поля – с фондами, программами социального обеспечения, полицией, хорошо отлаженной пропагандистской машиной и предстоящими репрессиями против гражданского общества – у «Грузинской мечты» есть что сказать... У оппозиции также есть что сказать: о Европе и свободе относительно России и репрессий» (перевод автора).

Параллелизм – это объединение двух или более предложений (или их частей) путём строгого соответствия их структуры – грамматической и семантической. Параллельные структуры придают тексту динамику, большую выразительность, и усиливают его экспрессивную природу. Кроме того, можно отметить, что параллельные конструкции акцентируют внимание читателя на определенных элементах высказывания. В частности, в интервью официального представителя НАТО на конференции в Вашингтоне целенаправленно подчёркивается мысль о всеобъемлющем разрушительном влиянии, оказываемом Россией на Западную Европу: “We’re seeing sabotage, we’re seeing assassination plots, we’re seeing arson. We’re seeing things that have cost in human lives,” he said. “I believe very much that we’re seeing a campaign of covert sabotage activities from Russia that have strategic consequences” (<https://www.theguardian.com...>, 11.07.2024). «Мы видим саботаж, мы видим заговоры с целью убийства, мы видим поджоги. Мы видим вещи, которые стоят челове-

ческих жизней», – сказал он. «Я полагаю, что мы наблюдаем за тайной диверсионной деятельностью со стороны России, которая имеет стратегические последствия» (перевод автора).

Анализ медийного дискурса показывает, что манипулирование часто реализуется с помощью комбинации различных стилистических средств. В следующем примере воздействие на читателя осуществляется с помощью метафоры, пейоративной лексики, гиперболы, парцелляции, инверсии, например: “Ultra-cautious US president Joe Biden, whose political weakness grows by the day, says the 32-country alliance is the strongest the world has ever seen. But what use is an alliance that is afraid of a fight? Rarely has the gap between the rhetoric of solidarity and a dismaying political refusal to directly confront Russian brutality yawned so wide” (<https://www.theguardian.com...>, 13.07.2024). «Сверхосторожный президент США Джо Байден, чья политическая слабость становится всё более очевидной с каждым днем, говорит, что альянс из 32 стран – самый сильный из всех, что когда-либо видел мир. Но какой смысл в альянсе, который боится противостояния? Редко, когда разница между риторикой солидарности и обескураживающим политическим отказом противостоять российской жестокости напрямую была столь очевидной» (перевод автора).

Выводы

Манипуляция – один из эффективнейших методов речевого воздействия, оказывающий значительное влияние на сознание и поведение реципиента вследствие изменения традиционной языковой картины мира в пределах определенной языковой культуры (современной России) и традиционной системы ценностей общества.

Выбор стилистических приёмов лингвистического манипулирования зависит от намерений журналиста, его желания сделать текст более внятным, усилить его выразительность и манипулятивный потенциал, чтобы вызвать доверие к представленной информации или навязать адресату свое мнение.

Являясь неотъемлемой частью современного медийного дискурса манипуляция сознанием предполагает применение различных коммуникативных тактик и технологий для информационно-психологического воздействия на получателя информации. Привлечение медиаматериалов англоязычного медийного дискурса в качестве эмпирического материала позволило выявить ряд стилистических приёмов, играющих значительную роль в формировании прагматического воздействия на реципиента.

В соответствии с целью данной статьи были рассмотрены стилистические приёмы, обладающие суггестивным потенциалом и задействованные в качестве средств языкового манипулирования в медийном дискурсе. К наиболее частотным следует отнести метафору, гиперболу, метонимию, иронию, сравнение, аллюзию. Также описано понятие «манипуляция» с лингвистической точки зрения, иллюстративно показана реализация воздействующей функции медийного дискурса.

Следует отметить, что изучение стилистических языковых средств является важной составляющей при анализе манипулятивного воздействия на реципиента в медийном дискурсе. Проанализированные стилистические фигуры не исчерпывают всего перечня выразительных средств, основанных на механизме манипулятивного воздействия, что, в свою очередь, предполагает дальнейшее изучение манипулятивного потенциала неописанных в статье стилистических средств.

Список источников

1. Андрюхина Н.В. Неискренний дискурс в англоязычных политических текстах: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Самара, 2020. 27 с.
2. Анненкова И.В. Язык современных СМИ как система интерпретации в контексте русской культуры (попытка риторического осмысления) // Язык современной публицистики: сборник статей составитель Г.Я. Солганик. М.: Флинта, 2005. С. 99 – 114.
4. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет: КДУ, 2009. 232 с.
5. Дмитрук О.В. Эвфемистическое переименование как тактика манипуляции сознанием в англоязычных СМИ. Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Международной научной конференции. Москва, февраль 2014 г. М.: Буки-Веди, 2014. С. 146 – 148.
6. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиадискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М.: Институт языкознания РАН, 2003. 654 с.
7. Казаков А.А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. Саратов, 2011. С. 87 – 90.
8. Карамова А.А. Манипулятивный потенциал политической метафоры // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2015. Ч. 4. № 7 (38). С. 44 – 45.

9. Кашенкова И.С. Языковые средства речевого манипулирования в дискурсе современных немецко-язычных медиа // Филологические науки в МГИМО. 2023. С. 8 – 21.
10. Кихтан В.В. Исследование процессов манипулирования массовым сознанием в современных средствах массовой информации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 2. Т. 2. С. 221 – 227. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-protsessov-manipulirovaniya-massovym-soznaniem-v-sovremennyh-sredstvah-massovoy-informatsii/viewer> (дата обращения: 19.11.2024).
11. Литун С.Н. Речевое воздействие и языковое манипулирование в рекламе. URL: http://www.elitarium.ru/2007/03/02/rechevoe_vozdejstvie_i_jazykovoe_manipulirovanie_v_reklame.html.
12. Менщикова Г.А. Особенности языковых средств и речевых приемов манипулирования в американском политическом дискурсе (на примере предвыборных дебатов Д. Трампа и Д. Байдена) // Филология и человек. 2022. № 1. С. 67 – 79.
13. Хабаров А.А. Техники лингвокогнитивного манипулирования в реалиях информационно-психологического противоборства. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 72 – 82.
14. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. 136 с.
15. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. С. 43 – 48.
16. Xin B. Critical linguistics: Theory and application. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2005.
17. Zhang D. On a synthetic theoretical framework for multimodal discourse analysis. Foreign Language in China. 2009. P. 24 – 30.

References

1. Andryukhina N.V. Insincere discourse in English-language political texts: diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.8. Samara, 2020. 27 p.
2. Annenkova I.V. The language of modern media as a system of interpretation in the context of Russian culture (an attempt at rhetorical comprehension). The language of modern journalism: a collection of articles compiled by G.Ya. Solganik. Moscow: Flinta, 2005. P. 99 – 114.
4. Danilova A.A. Manipulation of words in the media. Moscow: Dobrosvet: KDU, 2009. 232 p.
5. Dmitruk O.V. Euphemistic renaming as a tactic of consciousness manipulation in the English-language media. Philology and linguistics in modern society: materials of the II International scientific conference. Moscow, February 2014. Moscow: Buki-Vedi, 2014. P. 146 – 148.
6. Zheltukhina M.R. Tropological suggestivity of mass media discourse: on the problem of speech impact of tropes in the language of the media: Monograph. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2003. 654 p.
7. Kazakov A.A. Methods of linguistic manipulation in political media discourse: an attempt at systematization. Political linguistics. Saratov, 2011. P. 87 – 90.
8. Karamova A.A. Manipulative potential of political metaphor. International research journal. Ekaterinburg, 2015. Part 4. No. 7 (38). P. 44 – 45.
9. Kashenkova I.S. Linguistic means of speech manipulation in the discourse of modern German-language media. Philological sciences at MGIMO. 2023. P. 8 – 21.
10. Kikhtan V.V. Study of the processes of manipulation of mass consciousness in modern mass media. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2018. No. 2. Vol. 2. P. 221 – 227. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-protsessov-manipulirovaniya-massovym-soznaniem-v-sovremennyh-sredstvah-massovoy-informatsii/viewer> (date of access: 19.11.2024).
11. Litunov S.N. Speech impact and linguistic manipulation in advertising. URL: http://www.elitarium.ru/2007/03/02/rechevoe_vozdejstvie_i_jazykovoe_manipulirovanie_v_reklame.html.
12. Menshchikova G.A. Features of linguistic means and speech techniques of manipulation in American political discourse (on the example of the pre-election debates of D. Trump and D. Biden). Philology and Man. 2022. No. 1. P. 67 – 79.
13. Khabarov A.A. Techniques of linguacognitive manipulation in the realities of information and psychological confrontation. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2021. No. 4. P. 72 – 82.
14. Chernyavskaya V.E. Discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence. М.: Flinta, 2006. 136 p.

15. Maslova V.A. Political discourse: language games or word games? Political linguistics. Ekaterinburg, 2008. P. 43 – 48.
16. Xin B. Critical linguistics: Theory and application. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2005.
17. Zhang D. On a synthetic theoretical framework for multimodal discourse analysis. Foreign Language in China. 2009. P. 24 – 30.

Информация об авторах

Долгова Е.В., кандидат филологических наук, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орёл, elenadolg76@mail.ru

Кудинова Т.А., кандидат филологических наук, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орёл, t.kudinova77@mail.ru

© Долгова Е.В., Кудинова Т.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'272;811.511.13

¹ Тюленёва А.М.

¹ Пермский государственный национальный
исследовательский университет (ПГНИУ)

Функционирование коми-пермяцкого языка в СМИ и печатных изданиях Пермского края

Аннотация: в статье рассматривается функционирование коми-пермяцкого языка в СМИ и печатных изданиях Пермского края. Актуальность работы обусловлена происходящими изменениями в языковой ситуации региона, в частности значительным сокращением численности носителей коми-пермяцкого языка, произошедшим за последние 10 лет. Цель исследования – проследить изменения в использовании коми-пермяцкого языка его носителями в сфере СМИ, включая телевидение, фильмы, интернет и печатные издания. Материалом исследования послужили результаты анкетирования коми-пермяков, собранные в 2015 и 2023-2024 гг. Анализ полученного в ходе анкетирования материала свидетельствует о том, что коми-пермяки при просмотре телевизионных передач и фильмов, чтении книг и прессы, поиске информации в интернете преимущественно используют русский язык, при этом, хотя за 9 лет наметились изменения в сторону более широкого использования коми-пермяцкого языка, во-первых, это характерно не для всех рассмотренных сфер, во-вторых, эти изменения не меняют общего соотношения в пользу русского языка. В медиaprостранстве Пермского края коми-пермяцкий язык представлен недостаточно: количество выпускаемых телепередач, печатных изданий и их тематика не позволяют в полном объеме удовлетворить потребности носителей. Предоставление региональным СМИ, вещающим на коми-пермяцком языке, эфирного времени с более высоким рейтингом, расширение тематики и перечня выпускаемых телевизионных передач и печатных изданий, поддержка сообществ и блогов на коми-пермяцком языке в интернет-пространстве позволят укрепить функциональную мощь коми-пермяцкого языка.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, языковая ситуация, медиaprостранство региона, СМИ, функционирование коми-пермяцкого языка

Для цитирования: Тюленёва А.М. Функционирование коми-пермяцкого языка в СМИ и печатных изданиях Пермского края // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 104 – 112.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Tyuleneva A.M.

¹ Perm State National Research University

Functioning of the Komi-Permian language in the media and printed press of the Perm krai

Abstract: the article considers the functioning of the Komi-Permian language in the media and printed press of the Perm krai. The relevance of the work is due to the ongoing changes in the language situation in the region, in particular, a significant decrease in the number of native speakers of the Komi-Permian language that has occurred over the past 10 years. The purpose of the article is to trace changes in the use of the Komi-Permian language by its speakers in the media, including television, films, the Internet and printed publications. The analyzed materials were the results of a survey of Komi-Permyaks collected in 2015 and 2023-2024. The analysis of the material obtained during the survey shows that the Komi-Permyaks predominantly use Russian when watching TV programs and films, reading books

and the press, searching for information on the Internet. Although over the past 9 years there have been changes towards a wider use of the Komi-Permian language, firstly, this is not typical for all the areas considered, and secondly, these changes do not change the general ratio in favor of the Russian language. The Komi-Permian language is underrepresented in the media space of the Perm krai: the number of TV programs, printed publications and their topics do not allow for the full satisfaction of the needs of speakers. Providing regional media broadcasting in the Komi-Permyak language with airtime with a higher rating, expanding the topics and list of television programs and printed publications, supporting communities and blogs in the Komi-Permian language in the Internet space will strengthen the functional capacity of the Komi-Permian language.

Keywords: *the Komi-Permian language, language situation, media space of the region, media, functioning of the Komi-Permian language*

For citation: Tyuleneva A.M. Functioning of the Komi-Permian language in the media and printed press of the Perm krai. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 104 – 112.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Языковая ситуация традиционно определяется как «модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период времени» [12, с. 153]. В этом определении подчеркивается, что ключевые компоненты языковой ситуации находятся в строгих иерархических отношениях. При иных подходах к языковой ситуации предлагается не только делать акцент на ее функциональном и системном характере, но и учитывать ее субъективные компоненты. Так, Ч. Фергюсон предлагает под языковой ситуацией понимать «общую конфигурацию использования языка в данное время и в данном месте» и включает в нее такие компоненты, как количество людей, говорящих на этих языках, количество и тип языков, которые используются в ареале, оценочный фактор, к которому относятся установки и мнения членов общества, говорящих на нем [13, с. 25]. Таким образом, языковая ситуация представляет собой совокупность языков, социально-коммуникативных систем и подсистем, находящихся во взаимодействии и отражающих функциональную мощь языка(-ов), использующегося в пределах данной территории.

Итак, языковая ситуация включает в себя объективные и субъективные компоненты. Объективные компоненты не зависят от носителей языка, тогда как субъективные компоненты представляют собой сформированные установки, убеждения носителей о своем языке. Объективные компоненты языковой ситуации представляют собой качественные и количественные характеристики, такие как численность и доля носителей языка, наличие и/или отсутствие статуса официального, государственного языка представителей миноритарной или титульной групп, многообразие используемые в языковой ситуации идиомов и др. [1-3]. К субъективным компонентам языковой ситуации исследователи относят языковые установки, представляющие собой конструкт, который не может быть воспринят непосредственно. Языковые установки представляют собой не просто мысли и идеи, а ресурсы и результаты процессов создания смысла и социального позиционирования [16]. Таким образом, языковые установки могут рассматриваться как сконструированные под влиянием внешних факторов представления, обуславливающие выбор индивидом языковых разновидностей и связанных с языковым поведением [14, 15].

Выявление и анализ объективных и субъективных компонентов, обуславливающих выбор идиомов носителями, может позволить объяснить языковое поведение индивидов, например, выбор языка носителями титульного языка в межличностной сфере и публично-правовом пространстве. Актуальным является изучение языка титульных этнолингвистических групп в СМИ, являющихся ключевым источником получения, тиражирования информации на множестве языков. СМИ сегодня представляют собой информационное пространство, позволяющее обеспечить условия для софункционирования нескольких языков: государственного, титульных языков субъектов федерации, а также языков этнических меньшинств. При этом СМИ, функционирующие на языках титульных этнолингвистических групп, позволяют более точно отразить жизнь общества на определенной территории, сохранить традиции, культуру речи титульных групп [7, с. 105].

Публично-правовое пространство Российской Федерации представляет собой функционирование государственного, титульных и миноритарных языков. В случае, если язык титульной группы получает статус официального или государственного языка республики, то он используется наравне с русским языком. Не-

смотря на наличие у титульных языков статуса официального или государственного языка в республиках, имеющих больше полномочий, по сравнению с другими субъектами Российской Федерации в сфере развития и сохранения языка(-ов), функциональный статус данных языков может быть разным. Покажем это на примерах использования языка титульных групп в СМИ в некоторых республиках РФ.

Сфера массовой коммуникации является важным фактором формирования социального пространства, в рамках которого у носителей языка формируются представления, убеждения о родном языке. Использование языка доминирующей или миноритарной группы в СМИ позволяет говорить о престижности данного языка, его функциональной мощности. Например, в Республике Хакасия языковая ситуация может быть охарактеризована как двуязычная: хакасский язык (наряду с русским) имеет статус государственного языка [6, с. 34]. Необходимо отметить, что на хакасском языке издается республиканская газета «Хабар» («Известия»), в некоторых районах Республики ключевые газеты имеют приложение на хакасском языке [6, с. 35]. С 2008 г. издается журнал для детей, два раза в год издается литературно-художественный и общественно-политический альманах. На телевидении ежедневно транслируется программа новостей на хакасском языке, выходят тематические передачи, посвященные Республике и ее народу. С 2013 г. начал функционировать первый хакаскоязычный сайт, на котором публикуются новости политики, экономики, культуры, спорта и других важных социальных сфер [6, с. 35]. Национальные СМИ Республики Хакасия ориентированы на достаточно узкий круг публики: они уделяют больше внимания пропаганде/продвижению хакасской культуры, истории, обычаев, традиций хакасского народа [8, с. 97]. Однако вся остальная информация в СМИ представлена на русском языке. Ключевой проблемой национальных СМИ в Республике Хакасия можно назвать тот факт, что не все представители коренного населения могут читать и говорить по-хакасски, они также не всегда могут иметь доступ к национальным СМИ, что потенциально приводит к сокращению аудитории [8, с. 97].

Анализ медиапространства Республики Мордовия в период 2022-2023 гг. показал, что в Республике трансляция медиапродуктов ведется на русском, мордовском и татарском языках. Проведенные опросы местного населения и экспертов медиапродукции на языках Республики Мордовия показали, что большая часть опрошенных информантов отдала предпочтение русскоязычному информационному продукту [10, с. 337]. При этом удалось установить зависимость между возрастом, местом жительства и использованием национального языка в СМИ: доля лиц, использующих национальный язык для поиска информации и просмотра СМИ, растет с увеличением возраста. Помимо этого, информанты, проживающие в сельской местности, больше, чем городские жители, используют национальный язык для просмотра СМИ [10, с. 339]. Ключевыми проблемами, которые препятствуют использованию мордовского языка при просмотре СМИ, чтении книг являются незнание родного языка, отсутствие интереса у информантов к содержанию передач и материалам интернет-ресурсов на мордовском языке, сокращение численности носителей мордовского языка [10, с. 340-341].

Если рассматривать языковую ситуацию в Республике Татарстан с точки зрения сферы массовых коммуникаций, то необходимо отметить, что татарский язык представлен в информационном пространстве региона значительно шире, чем титульные языки в медиапространствах Хакасии и Мордовии. Можно назвать несколько факторов, определяющих функционирование СМИ в Республике Татарстан. Во-первых, наличие исполнительного органа государственного управления в сфере печати и массовых коммуникаций «Татмедиа»; преобладающая часть республиканских, городских и районных печатных изданий, телерадиокомпаний, информационных агентств являются филиалами «Татмедиа». Во-вторых, татарский язык активно используется в онлайн-пространстве и телерадиокомпанией «Татарстан – Новый век», которая предоставляет зрителям круглосуточный доступ к новостям на татарском языке из любой точки мира [9, с. 77-131]. Кроме того, татарский язык используется в 33 СМИ Республики Татарстан, а в ряде телеканалов вещание ведется исключительно на татарском языке (например, телеканалы «ТМТВ», «ТНВ – Планета»); объем вещания на татарском языке составляет 53%, на русском – 47% [9, с. 131]. Несмотря на реализуемую большинством телевизионных каналов политику двуязычия, при которой используются оба государственных языка республики, наблюдается превалирование объема вещания на татарском языке над объемом вещания на русском. Сложившуюся ситуацию в Республике Татарстан можно считать одним из успешных примеров функционирования титульного языка в СМИ региона. Этому способствовало государственное финансирование региональных СМИ, активное внедрение и использование татарского языка в интернете, а также исторически раннее функционирование периодической печати на титульном языке [9, с. 150-151]. Все это повышает престиж татарского языка и в других общественно-значимых сферах.

Еще один пример успешного использования языка титульной этнолингвистической группы – это функционирование якутского языка в Республике Саха (Якутия). В медиапространстве региона используется 6 языков: русский, якутский, а также языки коренных малочисленных народов. Ключевыми каналами в рес-

публике являются НВК «Саха», где представлены телепередачи на якутском языке, а также русскоязычный канал «Саха 24». Необходимо отметить, что на канале НВК «Саха» представлены телепрограммы на государственном и официальных языках: 50% – на русском языке, 50% – на якутском и языках коренных малочисленных народов [7, с. 112]. Несмотря на равное использование государственного и официальных языков в республике, в 2008 г. и 2014 г. в ходе проведенных опросов было установлено, что среди носителей якутского языка наблюдается увеличение интереса к просмотру телевизионных передач и чтению литературы на русском языке [7, с. 249]; при этом городское население при просмотре телепередач и чтении прессы предпочитает русскоязычные передачи и издания и лишь при прослушивании радио предпочтение отдается родному языку [7, с. 249-250]. Использование якутского языка в интернет-пространстве уступает русскому языку, что уменьшает количество пользователей интернета, использующих родной язык в данной среде. Это может быть связано и с языковой компетенцией носителей: снижение навыков чтения на родном языке и преобладание разговорных навыков. Несмотря на наличие интереса к русскоязычным СМИ, у жителей республики есть возможность смотреть телевидение на родном языке, в кинотеатрах показывают фильмы на якутском языке, функционируют книгоиздательства, позволяющие издавать материалы на якутском языке [7, с. 250]. Таким образом, этнические массмедиа Республики Саха (Якутия) можно оценить достаточно высоко, что свидетельствуют о наличии у носителей якутского языка положительных установок на использование СМИ на родном языке [7, с. 252].

Приведенные примеры демонстрируют, что языки титульных этнолингвистических групп функционируют в СМИ регионов, однако степень их использования оказывается разной. Это обусловлено не только поддержкой и финансированием республиканских правительств, но и наличием потребности у носителей языка к просмотру телепередач, чтению прессы на родном языке. Современное общество также ставит перед этническими массмедиа задачу: размещение информации на титульном языке в интернет-пространстве. В случае неспособности этнических СМИ решить данный вопрос, их потребители могут отдать предпочтение русскоязычным СМИ.

Предметом настоящего исследования выступает функционирование коми-пермяцкого языка в сфере массовой информации (телевизионные передачи, интернет, печатные издания) и обращение его носителей к СМИ на коми-пермяцком языке. Цель работы – проследить изменения в использовании коми-пермяцкого языка его носителями в сфере СМИ. Данный предмет исследования интересен как с точки зрения сохранения собственно коми-пермяцкого языка, так и с теоретической точки зрения – как пример функционирования в СМИ языка титульной группы, которая имеет автономию в составе «неэтнического» субъекта РФ.

Коми-пермяцкий язык в основном распространен на территории Коми-Пермяцкого округа, входящего в состав Пермского края. Необходимо отметить, что коми-пермяки являются третьей по численности этнолингвистической группой, проживающей на территории региона [4]. Согласно нормативно-правовым актам Пермского края, коми-пермяцкий язык имеет статус официального языка, что делает возможным его использование в публично-правовом пространстве региона [11]. В период с 2010 г. по 2020 г. произошло значительное сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка с 81 084 до 50 163 тыс. чел. [4, 5]. Такое заметное сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка может свидетельствовать о происходящих изменениях в языковой ситуации региона, в частности являться свидетельством языкового сдвига.

В связи с происходящими процессами сокращения численности носителей коми-пермяцкого языка актуальным является изучение функционирования коми-пермяцкого языка в медиапространстве региона.

В настоящее время на коми-пермяцком языке издаются газеты и журналы. Так, с 2010 г. на коми-пермяцком языке выходит газета «Кама кыштын» («В окружении Камы»). Для детей выпускается детский журнал «Сизимок». На коми-пермяцком языке публикуется приложение к газете «Парма», литературной газете «Парма.ру».

Кроме того, на коми-пермяцком языке ведется теле- и радиовещание. В городе Кудымкар выходит еженедельная программа о быте, культуре и традициях коми-пермяков на родном языке «Бур асыв, Пермской край!» (ГТРК Пермь). Несмотря на выход телевизионных передач на коми-пермяцком языке, это не позволяет носителям коми-пермяцкого языка отказаться от просмотра передач и программ на русском языке, поскольку они заполняют практически все эфирное время и их разнообразие покрывает все возможные жанры (новостные, научно-популярные, развлекательные и др.).

В интернет-пространстве коми-пермяцкий язык представлен весьма скудно. Так, даже официальный сайт Коми-пермяцкого округа функционирует преимущественно на русском языке; даже в разделе «Блоги» в основном на русском языке публикуются вопросы пользователей и обсуждения наиболее важных тем для жителей округа. В социальной сети «ВКонтакте» по запросу, включающему сочетание «коми-пермяцкий язык» удается зафиксировать всего 288 сообществ или групп разной направленности (образование, страни-

цы госорганов, функционирующих на территории Коми-пермяцкого округа, страницы общественных организаций, культура, кулинарные рецепты и др.). Необходимо отметить, что чаще всего коми-пермяцкий язык используется в сообществах, специализирующихся на обучении коми-пермяцкому языку; из государственных учреждений коми-пермяцкий язык используется Коми-Пермяцким этнокультурным центром, Коми-пермяцким краеведческим музеем, Коми-Пермяцким драматическим театром, библиотеками, которые публикуют информацию об известных коми-пермяках, культуре, традициях.

Повсеместное распространение в интернет-пространстве получает именно русский язык. В качестве примера можно привести личные страницы в ВК носителей коми-пермяцкого языка. К примеру, страница носительницы коми-пермяцкого языка показывает, что из 78 сообществ в ВК, в которых состоит человек, только три сообщества посвящены коми-пермяцкому языку и культуре; примечательно, что два из этих трех сообществ публикуют информацию о событиях конкретной территории Коми-пермяцкого округа на русском языке, лишь изредка используются подписи на коми-пермяцком языке; одно сообщество, посвященное коми-пермяцкому языку, традициям и культуре публикует информацию на обоих языках – коми-пермяцком и русском (в этом сообществе у пользователей также есть возможность приобрести книги и мультфильмы на коми-пермяцком языке). У другого респондента – носителя коми-пермяцкого языка – насчитывается 175 сообществ, из которых только три имеют отношение к коми-пермяцкому языку, в частности, одно сообщество размещает образовательный контент, два других сообщества – это Коми-Пермяцкий драматический театр и небольшое производство подарочных наборов продукции Коми-пермяцкого округа, преимущественно размещающее информацию на русском языке. Таким образом, анализ показывает, что большая часть публикуемой информации в интернет-пространстве размещается и, соответственно, потребляется на русском языке.

Материалы и методы исследований

Для изучения актуального состояния функционирования коми-пермяцкого языка в СМИ использовались данные анкетирования носителей коми-пермяцкого языка: анкетирования 2015 г., проведенного А.Р. Мансуровой для оценки витальности коми-пермяцкого языка; анкетирования 2023-2024 гг., разработанного и проведенного автором статьи для изучения изменений, произошедших в предпочтениях носителей коми-пермяцкого языка относительно выбора ими языка(-ов) для чтения и просмотра СМИ.

В анкетировании 2015 г. приняли участие 28 информантов коми-пермяков. Анкета включала ряд закрытых вопросов об использовании коми-пермяцкого языка в разных сферах, в том числе об использовании языка при чтении книг, газет, журналов, интернет-ресурсов и при просмотре телевизионных передач. Объем проанализированных реакций – 868.

В анкетировании 2023-2024 гг. приняло участие 74 информанта коми-пермяка. Анкета содержала вопросы относительно того, какой язык информанты считают родным, об уровне владения коми-пермяцким и русским языками, а также блок вопросов, касающийся языка(-ов), на котором информанты предпочитают смотреть телевизионные передачи, фильмы и сериалы, читать книги и газеты, просматривать информацию в интернете. Объем проанализированных реакций – 3 076.

Результаты и обсуждения

Одним из ключевых вопросов анкетирования являлся вопрос о родном языке. В 2015 г. 82,1% информантов отметили в качестве родного языка коми-пермяцкий язык, в 2023-2024 гг. таких информантов было всего 66,6%. Таким образом, примерно за 10 лет произошло уменьшение количества информантов, владеющих коми-пермяцким языком на 15,5%. На 6,3% увеличилось количество информантов, указывающих в качестве родного русский язык: в 2015 г. выбрали русский язык в качестве родного языка 17,9% информантов, в 2023-2024 гг. – 24,2%, при этом в 2023-2024 гг. 8,1% информантов указали в качестве родных сразу оба языка. Это может свидетельствовать о распространенном явлении коми-пермяцко-русского и русско-коми-пермяцкого билингвизма среди коми-пермяков.

Оценивая уровень владения коми-пермяцким и русским языками в 2015 г., указали, что лучше всего говорят на коми-пермяцком языке, 60,7% информантов; на русском языке – 28,6% информантов; на обоих языках – 10,7% информантов. В 2023-2024 гг. информантам было предложено оценить степень владения коми-пермяцким языком, учитывая использование родного языка в устной и письменной речи. Подавляющее большинство информантов (77,1%) отметили, что свободно говорят и пишут на коми-пермяцком языке; 16,2% информантов указали, что свободно понимают коми-пермяцкий язык и говорят на нем, но пишут с ошибками; 5,4% информантов отметили, что понимают коми-пермяцкий язык и немного говорят на нем, но не пишут; а 1,3% информантов написали, что не понимают коми-пермяцкий язык.

В 2023-2024 гг. респондентам было также предложено ответить на вопрос: «Владеете ли Вы русским языком?». Все без исключения информанты отметили, что владеют русским языком, при этом свободно

говорят и пишут на русском языке 91,9% информантов; лишь 8,1% респондентов ответили, что свободно понимают и говорят, но пишут с ошибками.

Полученные данные позволяют зафиксировать абсолютное владение русским языком среди носителей коми-пермяцкого языка, что соответствует его статусу государственного языка. Вместе с тем фиксируется снижение количества информантов, указывающих коми-пермяцкий язык в качестве родного, что может быть обусловлено падением уровня престижности миноритарного языка, изменением места жительства носителей коми-пермяцкого языка и, как следствие, прагматическим отказом от использования коми-пермяцкого языка в русскоязычной среде. Подобные процессы свидетельствуют о происходящих изменениях в языковой ситуации Пермского края, в частности о языковом сдвиге.

Знание и высокий уровень владения родным языком позволяет носителям титульного языка использовать его в качестве основного для получения информации из СМИ. Язык титульных этнолингвистических групп может и используется в СМИ, однако ключевое место занимает государственный язык. На рис. 1 представлены ответы информантов об используемом ими языке для просмотра ТВ и фильмов, поиска информации в интернете.

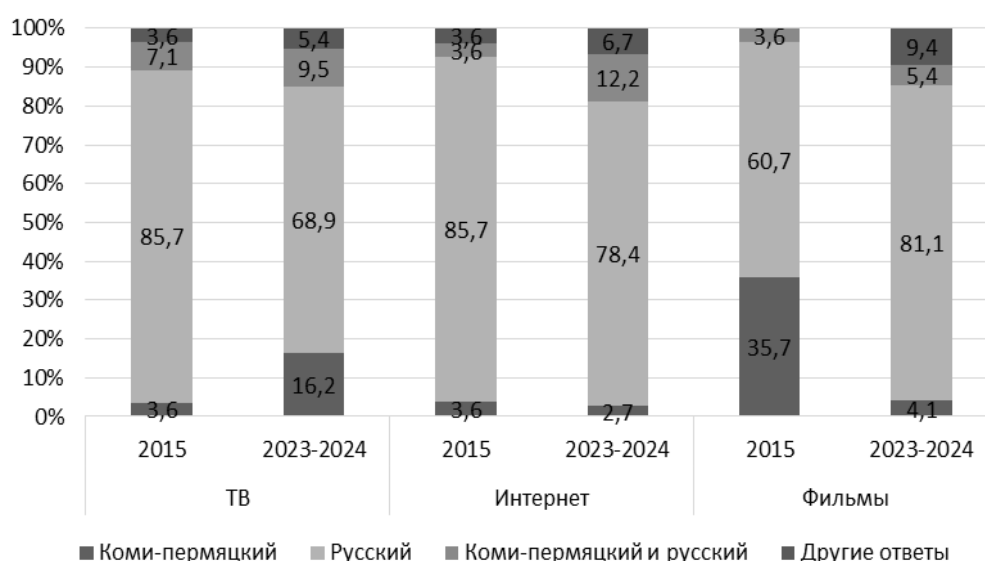

Рис. 1. Использование языков при просмотре ТВ и фильмов, поиска информации в интернете по данным 2015 и 2023-2024 гг., %

Fig. 1. Use of languages when watching TV and movies, searching for information on the Internet according to 2015 and 2023-2024 data, %

Подавляющее большинство информантов указали русский язык в качестве ключевого языка для всех трех категорий: просмотр телевизионных передач и фильмов, поиск информации в интернете. Это объясняется тем, что информация в СМИ размещается и транслируется в первую очередь на государственном языке. На языке титульного этноса выходят преимущественно информационные телепередачи, сюжеты о культуре и традициях народа и короткометражные фильмы.

Вместе с тем на 12% увеличилось количество информантов, которые отметили, что при просмотре телевизионных передач они используют коми-пермяцкий язык, и на 2% – информантов, отметивших, что при просмотре телевизионных передач они используют коми-пермяцкий и русский языки одновременно. Объяснить рост количества информантов, смотрящих ТВ на коми-пермяцком языке можно увеличением эфирного времени телепрограмм (например, информационных), выходящих на коми-пермяцком языке. Однако это не позволяет удовлетворить все потребности информантов и вынуждает их при просмотре ТВ все-таки преимущественно использовать русский язык.

Кроме того, удалось зафиксировать увеличение на 8% количества информантов, использующих коми-пермяцкий и русский языки одновременно для просмотра контента в интернет пространстве. Несмотря на ограниченность выбора сообществ, интернет площадок и форумов, на которых используется коми-пермяцкий язык, носители могут просматривать новости, афиши театров и музеев, совершенствовать свои навыки письменной речи на родном языке при обсуждении разнообразных вопросов в интернет сообще-

ствах. Безусловно, подавляющее большинство контента в интернете публикуется на русском языке, что вынуждает носителей коми-пермяцкого языка переключаться на его использование.

Анализ выбора языка для просмотра фильмов показывает, что за 9 лет произошло заметное сокращение – на 31%! – количества информантов, использующих коми-пермяцкий язык в этой сфере. Это может быть связано с большими финансовыми затратами для дублирования фильмов на коми-пермяцкий язык, ограниченным выбором жанров фильмов на коми-пермяцком языке, что обращает потенциальных зрителей к просмотру фильмов на русском языке.

На рис. 2 представлены ответы информантов об используемом ими языке для чтения книг и журналов.

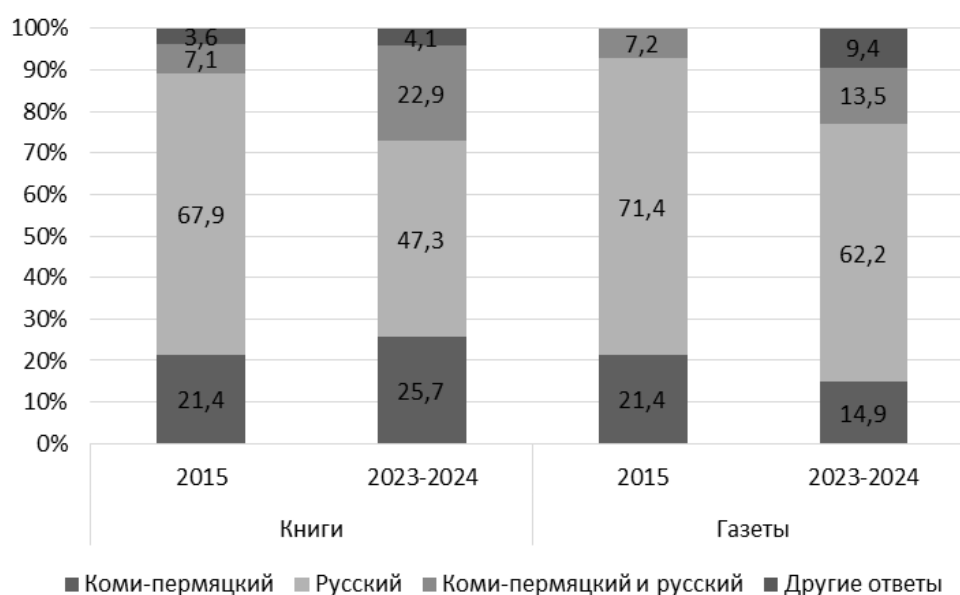

Рис. 2. Использование языков для чтения книг и газет по данным 2015 и 2023-2024 гг.

Fig. 2. Use of languages for reading books and newspapers according to 2015 and 2023-2024 data.

В ситуации чтения печатных и электронных изданий более половины опрошенных информантов в 2015 и 2023-2024 гг. используют русский язык, что обусловлено широким выбором жанров литературы на государственном языке. На коми-пермяцком языке выпускается преимущественно детская и учебная литература (грамматики, словари, учебники), периодическая литература (газеты и журналы, посвященные проблемам территории Коми-пермяцкого округа). Несмотря на это за прошедшие 9 лет несколько увеличилось (на 4%) количество информантов, использующих коми-пермяцкий язык для чтения книг; помимо этого, на 15% увеличилось количество информантов, использующих для чтения книг коми-пермяцкий и русский языки одновременно, что является положительным фактором для укрепления позиций коми-пермяцкого языка. В то же время количество коми-пермяков использующих при чтении книг исключительно русский язык все еще остается достаточно большим – более 47%.

Иная картина наблюдается в случае рассмотрения ответов относительно чтения периодических изданий. Количество информантов, использующих коми-пермяцкий язык при чтении журналов и газет уменьшилось на 6%, что может быть связано с сокращением количества газет, публикующих материалы на коми-пермяцком языке, неактуальностью тем статей для читателей, сокращением тиражей печатных изданий в целом и отсутствием возможности чтения материалов журналов и газет на коми-пермяцком языке в онлайн-форматах. В то же время на 6% увеличилось количество информантов, использующих в этой сфере сразу оба языка (отметим, что часть газет, выходящих на территории Коми-пермяцкого округа, публикует только отдельные развороты или статьи на коми-пермяцком языке). В целом количество коми-пермяков, использующих при чтении книг и периодики исключительно русский язык уменьшилось, но не так сильно, как количество тех, кто читает книги исключительно на русском языке.

Выводы

Таким образом, носители коми-пермяцкого языка в медиапространстве преимущественно используют русский язык, поскольку большинство информационных и развлекательных программ, художественных филь-

мов, материалов в интернете и печатных изданий доступны только на русском языке. Коми-пермяцкий язык используется в основном на телевидении при освещении новостных событий Коми-пермяцкого округа. Относительно небольшое количество информантов, использующих коми-пермяцкий язык для просмотра телевизионных передач и фильмов, может быть связано с ограниченностью жанров данных информационных продуктов. На телевидении увеличивается количество телепередач на коми-пермяцком языке, что привлекает носителей языка и количество зрителей таких передач увеличивается. Однако явно недостаточно развлекательных передач на коми-пермяцком языке, кроме того почти отсутствует перевод / дублирование фильмов и сериалов на коми-пермяцкий язык, что вынуждает носителей коми-пермяцкого языка смотреть фильмы на русском языке.

Интернет остается площадкой абсолютного доминирования русского языка. В случае, если не будет увеличено количество и разнообразие контента на коми-пермяцком языке, носители могут совсем отказаться от его использования в интернете.

При чтении печатных изданий коми-пермяцкий язык продолжает активно использоваться его носителями. Картина его использования при чтении книг показывает, что носители коми-пермяцкого языка все чаще отказываются от использования исключительно русского языка для этой цели, однако необходимо расширять количество жанров литературы, тематик периодических изданий на коми-пермяцком языке, но самое главное – сделать книги, журналы и газеты Коми-пермяцкого округа доступными для чтения и просмотра в онлайн-формате.

Необходимо отметить, что численность носителей коми-пермяцкого языка сокращается, вместе с тем уровень владения коми-пермяцким языком у носителей разный, что может приводить к ослаблению интереса носителей к потреблению СМИ и печатной продукции на коми-пермяцком языке. Нельзя сказать, что ситуация везде меняется в худшую сторону, есть и положительные для устойчивости коми-пермяцкого языка изменения. Однако для поддержания коми-пермяцкого языка необходимо расширить тематику телевизионных передач, перечень выпускаемых на коми-пермяцком языке печатных изданий, предоставить региональным СМИ более рейтинговое эфирное время и т.п., как это делается, например, в Татарстане.

Список источников

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 436 с.
2. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 336 с.
3. Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социоллингвистическая типология. М.: URSS, 2023. 136 с.
4. Всероссийская перепись населения 2010. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.12.2024).
5. Всероссийская перепись населения 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 07.12.2024).
6. Гусейнова А.В. Региональный язык в медиапространстве Республики Хакасия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 29 (320). С. 34 – 36.
7. Иванова Н.И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихоллингвистический аспект): дис. ... док. филол. наук: 5.9.8. Якутск, 2021. 375 с.
8. Костякова Ю.Б. Двухязычие в средствах массовой информации Республики Хакасия: история, традиции, задачи // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы II Международной научной конференции, 25-27 сентября 2008 г. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2005. С. 90 – 93.
9. Нуртдинова Н.Р. Функционирование региональных языков Приволжского федерального округа в СМИ: социоллингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Казань, 2022. 239 с.
10. Пакшина И.А., Маскаева Е.Н. Этнология в медиапространстве Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16. № 3. С. 334 – 347.
11. Устав Пермского края. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155030054&backlink=1&nd=155020498> (дата обращения: 14.04.2024).
12. Швейцер А.Д. Введение в социоллингвистику. М.: Высш.школа, 1976. 216 с.
13. Ferguson C.A. Language structure and language use. Stanford, 1971. 178 p.
14. Sihua L. Language attitudes and identities in multilingual China: A linguistic ethnography. London: Springer, 2015. 202 p.

15. Torras M.-C., Gafaranga J. Social identities and language alternation in non-formal institutional bilingual talk: Trilingual service encounters in Barcelona. *Language in Society*. 2002. № 31 (4). P. 527 – 548.
16. Wetherell M. A step too far: Discursive psychology, linguistic ethnography and questions of identity. *Journal of Sociolinguistics*. 2007. № 11 (5). P. 661 – 681.

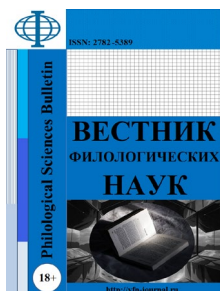
References

1. Belikov V.I., Krysin L.P. *Sociolinguistics*. Moscow: RSUH, 2001. 436 p.
2. Vakhtin N.B., Golovko E.V. *Sociolinguistics and Sociology of Language*. St. Petersburg: Humanitarian Academy, 2004. 336 p.
3. Vinogradov V.A., Koval A.I., Porkhomovsky V.Ya. *Sociolinguistic Typology*. Moscow: URSS, 2023. 136 p.
4. All-Russian Population Census 2010. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (date of access: 07.12.2024).
5. All-Russian Population Census 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (date of access: 07.12.2024).
6. Guseinova A.V. Regional language in the media space of the Republic of Khakassia. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2013. No. 29 (320). P. 34 – 36.
7. Ivanova N.I. Language situation in the Republic of Sakha (Yakutia): The Yakut language in conditions of linguistic heterogeneity (ethnopsycholinguistic aspect): dis. ... doc. Philol. Sciences: 5.9.8. Yakutsk, 2021. 375 p.
8. Kostyakova Yu.B. Bilingualism in the Mass Media of the Republic of Khakassia: History, Traditions, and Tasks. *Development of Languages and Cultures of Indigenous Peoples of Siberia in the Context of Changing Russia: Proceedings of the II International Scientific Conference, September 25-27, 2008*. Abakan: Khakass State University named after N.F. Katanov, 2005. P. 90 – 93.
9. Nurtdinova N.R. Functioning of Regional Languages of the Volga Federal District in the Mass Media: Sociolinguistic Aspect: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.8. Kazan, 2022. 239 p.
10. Pakshina I.A., Maskava E.N. Ethnic Languages in the Media Space of the Republic of Mordovia. *Finno-Ugric World*. 2024. Vol. 16. No. 3. P. 334 – 347.
11. Charter of the Perm Territory. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155030054&backlink=1&nd=155020498> (date of access: 14.04.2024).
12. Shchveitser A.D. *Introduction to Sociolinguistics*. Moscow: Vyssh.shkola, 1976. 216 p.
13. Ferguson C.A. *Language structure and language use*. Stanford, 1971. 178 p.
14. Sihua L. *Language attitudes and identities in multilingual China: A linguistic ethnography*. London: Springer, 2015. 202 p.
15. Torras M.-C., Gafaranga J. Social identities and language alternation in non-formal institutional bilingual talk: Trilingual service encounters in Barcelona. *Language in Society*. 2002. No. 31 (4). P. 527 – 548.
16. Wetherell M. A step too far: Discursive psychology, linguistic ethnography and questions of identity. *Journal of Sociolinguistics*. 2007. No. 11 (5). P. 661 – 681.

Информация об авторах

Тюленёва А.М., Пермский государственный национальный исследовательский университет, tuleneva.aleksa@yandex.ru

© Тюленёва А.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-26 347.78.034

¹ Боланьос Арсе И.Э.

¹ Государственный университет просвещения

Особенности и лингвистические трудности при переводе русской поэзии серебряного века на испанский язык

Аннотация: целью данной исследовательской работы является анализ того, насколько испанский перевод отражает весь стилистический багаж, присутствующий в оригинальных стихотворениях русского Серебряного века, чтобы определить наиболее актуальные особенности и трудности, с которыми сталкиваются переводчики данной языковой пары.

Проведенное исследование позволяет нам заключить, что существуют три основных фактора, влияющих решающим образом на успех, которого может достичь поэтическое воссоздание с точки зрения теории перевода. Первый – необходимость междисциплинарного исследования переводчиками не только текста, но и окружающих его компонентов. Второй – строфическая структура стихотворения и его условия вертикали и горизонтали, а третий – характерное явление благозвучия русских стихов. Помимо попытки найти золотую середину между этими факторами, необходимо учитывать тот факт, что работа с аналитическими и синтаксическими языками экспоненциально усложняет представленную задачу.

Теоретическая и / или практическая значимость сопоставительного изучения перевода произведений русских символистов, акмеистов и футуристов заключается в создании полезного ресурса, который позволит понять недостатки, присутствующие в определенных работах, и мотивирует будущих переводчиков с русского на испанский язык выполнять переводы, верные оригиналу.

Ключевые слова: аналитический язык, лингвистические трудности, поэтический перевод с русского на испанский, русская поэзия Серебряного века, синтетический язык

Для цитирования: Боланьос Арсе И.Э. Особенности и лингвистические трудности при переводе русской поэзии серебряного века на испанский язык // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 113 – 122.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Bolanos Arce I.E.

¹ Federal State University of Education

Peculiarities and linguistic problems of the translation from Russian poetry of Silver Age into the Spanish language

Abstract: the purpose of this study is to analyze the extent to which the Spanish translation reflects all the stylistic characteristics found in the original Russian Silver Age poems, in order to identify the most relevant features and difficulties encountered by translators of this language pair.

The research conducted allows to conclude that there are three main factors that have a decisive influence on the success that poetic recreation can achieve in terms of translation theory. Firstly, there is the need for interdisciplinary research by translators of both text and its surrounding elements. Secondly, the strophic structure of the

poem and its vertical and horizontal contexts is to be considered. Thirdly, the characteristic phenomenon of euphony in Russian poems is to be taking into account.

In addition to the effort to find a middle ground between these factors, one must consider the fact that handling analytic and syntactic languages exponentially complicates the solution reported challenge.

The practical significance of a comparative study of the translation of works by Russian Symbolists, Acmeists, and Futurists is to create a useful resource that will make it possible to understand the shortcomings found in certain works and motivate future Russian-to-Spanish translators to produce translations accurate to the original.

Keywords: *analytical language, linguistic problems, lyrical translation from Russian into Spanish, Russian Silver Age, synthetic language*

For citation: Bolanos Arce I.E. Peculiarities and linguistic problems of the translation from Russian poetry of Silver Age into the Spanish language. *Philological Sciences Bulletin*. 2025. 5 (2). P. 113 – 122.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

На протяжении большей части истории перевода литературы с русского языка на испанский одним из наиболее игнорируемых аспектов оставалась поэзия. Тем не менее, в последние двадцать лет прошлого столетия, благодаря политическим изменениям в Испании и России и интенсификации культурных связей между странами, переводы стали активно распространяться – и не только в испаноговорящей Европе, но и в Латинской Америке, где в литературоведении с каждым разом все более актуален становится сопоставительный анализ.

Перевод поэзии русского Серебряного века по сей день остается объектом споров в рамках сравнительного переводоведения. Особенности и трудности, возникающие в работе с этими текстами – от интерпретации оригинала до воссоздания его морфологической и синтаксической формы – позволяют говорить о переводе русскоязычной поэзии на испанский язык, как о крайне неоднозначном явлении.

Трудности и препятствия, с которыми переводчик сталкивается в работе с поэтическим текстом, несомненно, гораздо многочисленнее тех, что возникают при переводе прозы. «Даже в работе самых опытных переводчиков встречаются ошибки из-за сложности некоторых стихотворений» [1, с. 54].

Задача переводчика многократно возрастает из-за многочисленных метрических и ритмических требований и других особенностей того, что называется многими исследователями «искусством стихосложения», в связи с кропотливой работой, которую переводчик должен выполнить для того, чтобы не только остаться верным оригиналу, но и отдать должное музыкальности текста. Христов Паисий говорит, что «этот вид перевода более остальных относится к категории художественного, и что в нем важную роль играет восприятие, объяснение и воспроизведение первоисточника» [2, с. 5].

Суть проблемы заключается в том, что в разговоре о поэтическом переводе нам важно не только то, что выражено поэтом в тексте, но и то, как оно выражено. По словам Хоакина Торкемады, «перевод, который не соблюдает формальные элементы оригинала, может значительно умалить его поэтические достоинства» [3, с. 33]. Здесь также необходимо сказать о различии в системах стихосложения: русский и испанский языки во многом противопоставлены в том, что касается интонации и особенностей ее исторического развития.

Нельзя не упомянуть и такой определяющий фактор, как навыки конкретного переводчика. Именно его компетентность позволит справиться со специфическими проблемами, которые, как правило, возникают при переводе на испанский язык русской поэзии: трудностей, связанных с перегрузкой в области эстетического, конкретного авторского диалекта, отношения переводчика к социокультурным условиям создания произведения, вмешательства диахронического измерения и проч.

Существует целое множество элементов, которые образуют поэтический текст, и перевод должен воссоздать их на языке перевода – процесс, «подразумевающий преобразования, изъятия и добавления» [4, с. 65]. По этой причине в настоящей статье предпринимается попытка анализа проблем и особенностей, присущих задаче перевода, с точки зрения лингвистического аспекта переводоведения.

Материалы и методы исследований

Методы исследования, используемые для решения этой задачи, являются сравнительным и структурным. Изучение переводов проводится на синтаксическом, морфологическом и структурном уровнях (метрика, рифма и ритм) путем параллельного сопоставления проблематических фрагментов с исходным текстом.

Аналогичным образом комментируются возможные причины решений, принятых переводчиками в каждом конкретном случае, и, одновременно рассматривается их целесообразность при передаче читателям реальности, к которой изначально стремились авторы.

Результаты и обсуждения

Сложность большой междисциплинарной задачи и границы эстетического мира оригинала.

Тот факт, что многие из величайших российских поэтов были также и переводчиками, говорит о том, что этот труд по сути своей требует большого творческого усилия. Тем не менее, «в искусстве стихотворного перевода сочетаются вольный полет творческого воображения поэта – и точное знание, исследовательский расчет. Только такое единство гарантирует от чрезмерной субъективности, разрушающей достоверность перевода, – с одной стороны, и от сухого, антихудожественного академизма – с другой» [5, с. 163].

Именно на этих основах и должен быть найден баланс. На одной чаше весов лежит детальное изучение теоретических подходов, на другой – интуиция. Сегодня мы все чаще встречаем случаи, когда переводчики пренебрегают теорией и критикой перевода, ориентируясь исключительно на интуицию. С этой точки зрения Е.Г. Эткинд уже в конце прошлого века признавал кризис поэтического перевода. Исследователь подчеркивал, что причина этого процесса кроется «среди прочего, в недостатке критического аппарата. Пока нет критики, безнаказанные переводы будут выходить один за другим, все больше запутывая читателя» [6].

Ярким примером может служить известнейшая из поэм Александра Блока – «Двенадцать». Перевод 1999 года, вошедший в состав книги «Двенадцать и другие поэмы», осуществленный Кларой Ханес и Амайей Лакаса, вводит читателя в заблуждение относительно внутреннего содержания произведения.

Фраза «От здания к зданию», например, была переведена как «De una pared a un portal» (от стены к двери), а должна была «De un edificio a otro edificio». Точно так же в тексте мы находим «канат», переведенный как «cordel» (шпагат) вместо «cuerda». В конце концов мы обнаруживаем, что «плакат» был переведен словом «tela» (ткань) в то время как наиболее подходящим вариантом видится «cartel».

Иными словами, фрагмент перевода наводит читателя на мысль о том, что автор имеет в виду протянутые от дома к дому веревки с одеждой, а не большевицкие объявления (таблица 1).

Таблица 1

Перевод поэмы «Двенадцать».

Table 1

Translation of the poem "The Twelve".

От здания к зданию Протянут канат. На канате – плакат: Блок А.А. Двенадцать, 1918 г.	De una pared a un portal Una cuerda se tiende. En la cuerda una tela:
	Traducción de Clara Janés y Amaya Lacasa 1
	Entre dos casas frente a frente Tendido hay un cordel; En el cordel, un cartel: Traducción de Fiódor Kelin y César M. Arconada 2

Если в поэме автор действительно уделяет особое внимание изменениям, происходившим в обществе той эпохи, то в переводе нам предлагается совершенно другое видение мира. В комментариях к поэме «Двенадцать» на испанском блоге мы обнаруживаем суждения, наглядно демонстрирующие нехватку осмысления переводчиком оригинала: «Из такой большой тряпки можно было бы сшить одежду для детей, потому что тогда, во времена холода и голода, когда все ходили раздетые, государство должно было заботиться о благополучии людей» [7, с. 21]. Такие заключения явно не соответствуют выводам, которые читатель делает после знакомства с текстом оригинала.

В отличие от этого перевода, версия, выполненная в 1974 году Федором Кельным и Сесаром Арконадой, гораздо лучше передает отображенную в авторском тексте реальность. В их переводе поиск адекватной формы преобладает над верностью буквальному смыслу. Многочисленные изменения продиктованы необходимостью добиться не только рифмы, но и аутентичного звучания испанского языка. Кроме того, важнейшую роль сыграло знакомство переводчиков с реальностью описанной в поэме эпохи: Кельн был современником автора и владел языком оригинала.

Мы в полной мере соглашаемся с Ю.Л. Оболенской в том, что касается теории перевода: «с каждым разом все более актуальным кажется суждение Э. Сепира: «чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых

часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы своего исследования, наконец поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще... они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психолингвистическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [8, с. 11].

Этот пример позволяет сделать вывод о том, что для осуществления высококачественного перевода необходим анализ исходного текста на всех уровнях языка. Детальный многоуровневый анализ позволит раскрыть самые разные аспекты перевода и подхода переводчика к своему труду на разных этапах протекания процесса. Только таким образом возможно получить представление о двух плоскостях, в которых мыслит переводчик: речь идет о плоскостях синтагмы и парадигмы. Здесь же необходимо добавить исследование междисциплинарного характера между различными областями гуманитарного знания, которое позволит проникнуть не только в содержание текста на бумаге, но и погрузиться в контекст произведения и обратить внимание на детали, которые не должны ускользнуть от глаз читателя. В этом отношении Ю.Л. Оболенская подчеркивает, что особенности «укоренения» переводных произведений и формирования образов их авторов в принимающих культурах должны рассматриваться с учетом социально-исторических контекстов.

Работа переводчика со строфической структурой стихотворения, его ритмом и рифмой.

Три эти важнейшие составляющие поэтического произведения неразрывно связаны друг с другом. Строфа – это форма, благодаря которой задается ритм произведения, рифма же наделена системообразующей функцией при составлении произведения. В связи с этим возникает вопрос: что представлял бы собой поэтический перевод без соблюдения строгой строфической организации, установленной автором в оригинале?

В разговоре о поэтическом переводе важно понимать, что макроструктура и микроструктура стихотворения представляют собой два компонента, благодаря которым появляется произведение искусства. Нарушение правил строфики приводит к разрушению этих структур, из-за чего стихотворение теряет свою оригинальность.

«Строфа – это не просто внешняя оболочка стихотворения, это и есть его язык» [6, с. 192], а одной из фундаментальных характеристик стихотворения являются его ритмическая схема и тип рифмовки. Кроме того, в глубинной основе строфы лежат музыкальные ноты и, прежде всего, принципы повтора и симметрии, присущие языку эмоций.

Что касается ритма, то ориентир задается текстом оригинала, и задача переводчика состоит в том, чтобы инстинктивно или «наощупь» найти адекватный способ его передачи в тексте перевода с тем, чтобы передать соответствующие ритмические характеристики текста. В определении ритма преобладают три основных принципа: принцип повтора, принцип чередования и принцип последовательности. Именно эта сложная структура заставляет переводчика искать эквивалент, согласуя решение с целым рядом параметров: строфическим, синтаксическим, метрическим, фонетическим.

Другой серьезнейшей проблемой при переводе поэзии с русского на испанский становится соблюдение систем рифм. На психомеханическом уровне каждый из нас обладает некоторым «ожидаемым обликом» рифмы – способностью слышать в конце строки созвучие, симметричное к строке предыдущей. В процессе восприятия строфы читатель неизбежно на подсознательном уровне ищет в конце строки рифму. По этой причине с функциональной точки зрения сохранение рифмы оригинала в переводе, без сомнения, крайне важно.

Мелодика перевода не должна, в той мере, в которой это возможно, отклоняться от мелодики оригинала – только в этом случае ритмические параметры системы позволят читателю понять авторский замысел наиболее точно.

Ниже мы рассмотрим этот аспект на примере стихотворения Осипа Мандельштама «Дано мне тело – что мне делать с ним» (1909). Автор предлагает читателю бисиллабический стих из пяти метрических стоп (пятистопный ямб), по структуре стихотворение состоит из шести рифмующихся двустушии: AABVCCDDEEFF.

С одной стороны, мы имеем перевод Хоакина Торкемады, в котором сделана попытка сохранения ритма оригинального стихотворения. Торкемада предлагает читателю перевод одиннадцатисложником, с сохранением авторской силлабики, однако в том, что касается рифмы, изменения значительны: мы видим ассонансную рифму во 2, 5 и 6 строфах и диссонансную – в 1, 3 и 4. Это, впрочем, вполне объяснимо существенными различиями в системах стихосложения двух языков, и мы можем признать, что в данном случае переводчик одержал победу в борьбе с морфологическим устройством русского и испанского языков и вытекающими проблемами, связанными с длиной строки и распределением слогов, и добился в переводе удачной формулировки.

С другой стороны, Гарсия Габальдон предлагает практически буквальный перевод, который не сохраняет формальных характеристик метрики, ритма и рифы оригинала – перевод осуществлен верлибром. В таких случаях утрачивается музыкальность, столь характерная для русской поэзии в целом. Происходит то, о чем Эухенио Лопес писал: «Творческий аспект перевода, как следствие, ограничивается работой над стилистикой» [9, с. 287]. В этих случаях переводчик, как правило, строго придерживается оригинала, подчиняясь его композиции вместо того, чтобы использовать ее в качестве отправной точки для подлинного художественного воспроизведения. Можно с уверенностью сказать, что такая работа будет квалифицироваться как нечто между информационным переводом и переводом приблизительным (таблица 2).

Таблица 2

Перевод стихотворения «Дано мне тело – что мне делать с ним».

Table 2

Translation of the poem “I am given a body – what should I do with it?”

<p>Дано мне тело – что мне делать с ним, Таким единым и таким моим?</p> <p>За радость тихую дышать и жить Кого, скажите, мне благодарить?</p> <p>Я и садовник, я же и цветок, В темнице мира я не одинок.</p> <p>На стекла вечности уже легло Мое дыхание, мое тепло.</p> <p>Запечатлеется на нем узор, Неузнаваемый с недавних пор.</p> <p>Пускай мгновения стекает муть – Узора милого не зачеркнуть.</p> <p>Мандельштам О.Е. Дано мне тело – что мне делать с ним, 1909 г.</p>	<p>Un cuerpo me han dado. ¿Y qué hago con él, Con algo tan propio, que tan mío es?</p> <p>Por esta alegría de vida y de aliento ¿a quién podré darle mi agradecimiento?</p> <p>Soy el jardinero, soy también la flor, Del mundo en la cárcel no estoy solo yo.</p> <p>Sobre los cristales de la eternidad Mi aire y mi fuego se han ido a posar.</p> <p>El bello ornamento que en él se grabó, Hace poco tiempo se desfiguró.</p> <p>Que una opaca bruma derrame momentos, Y que no embadurne mi bello ornamento.</p> <p>Traducción de Joaquín Torquemada</p>
	<p>Me dieron un cuerpo: ¿qué haré con él, Tan único y tan mío?</p> <p>Decidme, ¿a quién he de agradecer La callada dicha de respirar y vivir?</p> <p>Soy el jardinero y soy la flor. En la cárcel del mundo no estoy solo.</p> <p>En la vidriera de la eternidad reposan ya Mi calor y mi aliento. En ella figura mi recién reconocido Arabesco.</p> <p>¡Ojalá que el limo deje caer el instante y no borre mi querido arabesco!</p> <p>Traducción de Jesús García Gabaldón</p>

Еще одно стихотворение, которое наглядно демонстрирует нам сложность перевода поэзии Серебряного века на испанский язык – это «Реквием» Анны Ахматовой. Несмотря на то, что оригинальный текст построен по классическим принципам силлаботоники, каждая строка состоит из семи слогов (относительно коротких), а рифма в стихотворении – парная консонантная (А, А, В, В, С, С, D, D), ни одному из поэтов,

взявшихся за его перевод с русского на испанский, не удалось в полной мере сохранить ни одной из упомянутых метрических характеристик.

На лицо и синтаксические проблемы, связанные с гибкостью, которую проявляет письменный русский язык, в то время как испанский в куда большей степени подчиняется строгому порядку слов. На морфологическом уровне в испанском языке связь между словами обозначается предлогами, в то время как в русском эти же отношения выражаются синтетически. Именно в этом кроется причина того, что композиция из четырех метрических стоп до сих пор не нашла перевода, адекватного оригиналу со структурной точки зрения.

Оболенская Ю.Л. подчеркивает, что «Реквием» Ахматовой вышел в пяти вариантах, в интерпретациях разных переводчиков» [10, с. 120]. Только в Испании в XX веке вышло четыре разных перевода: Акилино Дуке (1967), Виктор Андреско (1969), Хосе Рауля Аранго (1984), Хесуса Гарсии Габальдона (1994), и даже только в отношении сохранения рифмы задачу решает – и не в полной степени – только первая версия (таблица 3).

Таблица 3

Перевод стихотворения «Реквием».

Table 3

Translation of the poem "Requiem".

Тихо льется тихий Дон, Желтый месяц входит в дом.	Tranquilamente fluye el Don tranquilo, Entra en la casa el mes amarillo.
Входит в шапке набекрень, Видит желтый месяц тень.	Entra y hacia atrás se echa la gorra, La luna amarilla ve una sombra.
Эта женщина больна, Эта женщина – одна.	Esta mujer se encuentra enferma, Esta mujer sola en la tierra.
Муж в могиле, сын в тюрьме, Помолитесь обо мне.	El marido en la fosa, el hijo en prisión, No me olvidéis en vuestra oración.
Ахматова А.А. Реквием, 1963 г.	Traducción de Aquilino Duque

Благозвучие и стилистический эффект анжамбемана.

С точки зрения лингвистики, благозвучие определяется как «гармония звуков, следующих друг за другом в пределах слова или фразы. Гармония, как и все остальные компоненты стиха, основана на повторении через определенные интервалы того или иного звука». В лингвистической практике при анализе русской поэзии Серебряного века мы встречаем благозвучные и какофонические сочетания звуков. При переводе на испанский язык такие сочетания переводятся повторениями, напоминающими рифмы, неполной рифмой, аллитерацией или ассонансом – таким образом происходит поиск наиболее адекватного эквивалента.

Для перевода стихотворения Сергея Есенина из следующего примера переводчиком используются определенные риторические фигуры и стилистические приемы – с их помощью в испанском тексте сохраняется аллитерация и выразительность поэзии автора. В переводе трех двустопиш присутствует намеренная аллитерация, то есть повторение звуков «t», «g», благодаря чему достигается звуковой эффект имитации грома, которым разражаются споры и конфликты влюбленной пары. Частое повторение «s» вызывает в нашем подсознании мысль о «гарпиях» – этим словом обычно называют женщин со злыми намерениями (таблица 4).

В то же время в антологии Серебряного века мы нередко встречаем стихи, важную роль в которых играют повторы. Ниже представлены два наиболее распространенных типа этого приема и примеры их более или менее удачных переводов.

Под первым типом повтора понимаются слова, которые несут как семантическую, так и эмоциональную нагрузку. Цель такого повтора – усилить эффект фрагмента и, в то же время, сформировать поэтическую фигуру с формальной точки зрения. В качестве примера можно привести стихотворение Владимира Маяковского «Послушайте!», в котором за словом «значит» скрывается авторская попытка аргументировать свою позицию, защитить ее в споре с неким третьим лицом.

Если бы мы перевели это слово на испанский язык буквально («significa»), то были бы вынуждены добавить союз «que» – иначе стих оказался бы лишен смысла с грамматической точки зрения. Это решение, в свою очередь, оказало бы влияние на метрику испанской версии.

Таблица 4

Перевод стихотворения «Не криви улыбку».

Table 4

Translation of the poem "Don't smile crookedly".

<p>Не криви улыбку, руки теребя, – Я люблю другую, только не тебя.</p> <p>Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо – Не тебя я вижу, не к тебе пришел.</p> <p>Проходил я мимо, сердцу все равно – Просто захотелось заглянуть в окно.</p> <p>Есенин С.А. Не криви улыбку, 1925 г.</p>	<p>No tuerzas sonrisas tensando las manos, Quiero a otra mujer; no es a ti a quien amo.</p> <p>Pues tú misma sabes y lo sabes bien, Que ni a ti he venido ni te quiero ver.</p> <p>Yo pasé de largo: lo mismo me daba; Solo eché un vistazo hacia la ventana.</p> <p>Traducción de Joaquín Torquemada</p>
---	---

Из-за решения переводчика сохранить структуру строфы повтор из оригинала утрачивается – выражения вроде «es porque», «es que» у «es» ни в коем случае не могут считаться эквивалентами слова «значит». Это наглядный пример того, как повтор приносится в жертву при переводе поэзии (таблица 5).

Таблица 5

Перевод стихотворения «Послушайте!»

Table 5

Translation of the poem "Listen!"

<p>Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно? значит – кто-то хочет, чтобы они были? значит – кто-то называет эти плевочки жемчужиной?</p> <p>Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно? Значит – это необходимо, чтобы каждый вечер над крышами загоралась хоть одна звезда?!</p> <p>Маяковский В.В. Послушайте!, 1914 г.</p>	<p>Oigan: Si encienden las estrellas Es porque alguien las necesita, ¿verdad?, Es que alguien desea que estén, Es que alguien llama perlas esas escupitinas</p> <p>Oigan, si encienden Las estrellas Es porque alguien las necesita, ¿verdad? Es indispensable Que todas las noches Sobre los tejados Arda aunque sea una sola estrella.</p> <p>Traducción de José Fernández Sanchez</p>
--	--

Во втором случае, однако, речь идет о повторении предикативного слова в двух или более синтаксических единицах с целью подчеркнуть его значение и придать предложению дополнительную коммуникативную силу. Схожим можно назвать пример из стихотворения Мандельштама «Возьми на радость из моих ладоней...», где мы видим, как для отрицания, выраженного в оригинале одним словом (частицей «не»), в испанском оказываются необходимы два слова («no puede»).

Учитывая тот факт, что в испанском языке отрицание может сопровождать нефинитную форму глагола только в предикатах в повелительном наклонении, и в нашем случае это условие не соблюдается, нам необходимо добавить к отрицанию «вспомогательный» глагол («puede»). Это опять-таки нарушает метрику стиха, но в поиске адекватного эквивалента это решение представляется единственным верным. В данном случае происходит то, что Л.Г. Газизова, а с ней и многие другие исследователи, называют «переводом с помощью аналога», в котором «совпадают значения и стилистическая направленность, но есть расхождение по лексическому составу – частичное или полное» [11, с. 140] (таблица 6).

Таблица 6

Перевод стихотворения «Возьми на радость из моих ладоней...».

Table 6

Translation of the poem "Take for joy from my palms..."

Не отвязать неприкрепленной лодки, Не услышать в меха обутой тени, Не превозмочь в дремучей жизни страха. Мандельштам О.Е. Возьми на радость из моих ладоней..., 1920 г.	No puede desatarse un navío ya libre, No puede oírse la sombra calzada de pieles, No puede superarse el miedo a lo ignorado. Traducción de J. M. Caballero Bonald
--	--

Наконец, следует упомянуть феномен анжамбемана. Наиболее частотным его проявлением можно назвать морфосинтаксическую паузу в структуре стихотворения. Однако бывают случаи, когда лирическая и синтаксическая паузы не совпадают, в результате чего возникающая конфигурация строк нарушает единство синтаксических единиц.

Зачастую это явление обнаруживается в переводе, но не в оригинале. В переводе стихотворения «Cinque» Анны Ахматовой, выполненном Хосе Раулем Аранго, переводчик стремится передать драматизм, присутствующий в оригинале – сохранение метра, ритма и рифмы в данном случае видится задачей куда более сложной. Конец стихотворения в данном случае не совпадает с концом мысли и побуждает читателя следовать дальше в поисках развязки. Таким образом достигается дополнительное напряжение и интрига. В данном случае решение, предложенное переводчиком, стало единственным возможным для того, чтобы познакомить читателя с мировоззрением автора. Мы в очередной раз можем констатировать «парадокс перевода: полной эквивалентности нет, а адекватность интерпретации достигнута» [12, с. 9] (таблица 7).

Таблица 7

Перевод стихотворения «Cinque».

Table 7

Translation of the poem "Cinque".

Но живого и наяву, Слышишь ты, как тебя зову. И ту дверь, что ты приоткрыл, Мне захлопнуть не хватит сил. Ахматова А.А. Cinque, 1945 г.	Pero vivo y atento Escuchas cuando te llamo. Y esa puerta que entreabriste No tengo fuerza para cerrar. Traducción de José Raúl Arango
--	--

Нередко встречаются и случаи, в которых анжамбеман оказывается необходимо в оригинале. В стихотворении Александра Блока «Душа молчит» ощущение срочности и напряжения, которое пытается передать автор, успешно передано в переводе Клары Янес и Амайи Лакасы. Стихотворные строки на испанском языке в данном случае усиливают волнение читателя, пока внезапно не прерываются. Достижение эффекта «американских горок» в данном случае становится возможно только благодаря этому художественному приему (таблица 8).

Таблица 8

Перевод стихотворения «Душа молчит».

Table 8

Translation of the poem "The Soul is Silent".

Душа молчит. В холодном небе Всё те же звезды ей горят. Кругом о злате иль о хлебе Народы шумные кричат... Блок А.А. Душа молчит, 1901 г.	El alma calla. En el cielo frío Arden para ella las estrellas mismas. A su alrededor, agitados pueblos Claman por el pan o por el oro. Traducción de Clara Janés y Amaya Lacasa
--	---

Выводы

До недавнего времени количество поэтических текстов, переведенных с русского языка на испанский, было относительно невелико. Однако, с течением времени интерес к русской литературе XX века возрос, что побудило лингвистов, филологов и переводчиков попытаться донести до испаноговорящего мира эти сокровища. В свою очередь, эта растущая волна исследователей, посвятивших себя отбору и переводу на испанский язык русских поэтических текстов, в своем стремлении как можно точнее передать лирические качества оригинала придерживалась различных критериев. Принятые решения, однако, далеко не всегда были верными: мы можем констатировать неточности при работе с метром, рифмой, ритмом, синтаксисом, упомянутыми выше риторическими фигурами вроде аллитерации и гибербатона, и проч.

Одной из причин, которыми вызваны эти неточности, можно назвать значительное отличие испанской системы стихосложения от системы русской: в русской системе отсутствуют такие стилистические ресурсы, как синалефа или диалефа, преобладает консонантная рифма, а ритмический рисунок содержит регулярные интервалы, что делает русскую систему стихосложения не слишком гибкой.

Еще один лингвистический фактор, осложняющий задачу переводчика, состоит в том, что испанский – аналитический язык, в то время как русский – язык синтетический.

Нет сомнения в том, что особенности русских поэтических текстов Серебряного века были и будут проблемой при переводе их на испанский язык, и тем не менее, все чаще эти особенности оказываются лишь незначительным препятствием для достижения переводческого успеха.

Список источников

1. Bolanos H.E.A. Challenge of literary translation: Russian poetry of Silver Age into Spanish language // Наука на благо человечества – 2022: материалы Международной научной конференции молодых учёных (статьи преподавателей и аспирантов), Москва, 18-29 апреля 2022 г. Москва: Московский государственный областной университет, 2022. Р. 50 – 54.
2. Христов П. Ритмът при стихотворния превод: 1-е изд. Велико Търново: Издательство ПИК, 1995. 270 с.
3. Torquemada Sánchez J. Antología bilingüe de la mejor poesía rusa. Córdoba: Almuzara, 2022. 240 p.
4. Hurtado Albir A. Traducción y traductología. Introducción a la Traductología. Madrid: Cátedra, 2001. 695 p.
5. Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод: 1-е изд. Москва-Ленинград: Советский писатель, 1963. 431 с.
6. Etkind E. Un art en crise. Essai de poétique de la traduction poétique: première édition. Lausanne: l'âge de l'homme, 1982. 298 p.
7. Bolanos A.H.E. Difficulties in the translation of symbolist poetry of Silver Age into the Spanish language: problems in the reliability of the translation of the Aleksandr Blok's poem "the Twelve" // Психология языка и психолингвистика: истоки и современность: материалы Международной научно-практической конференции (к 200-летию со дня рождения Хеймана Штейнталя), Москва, 10-11 февраля 2023 г. М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Государственный университет просвещения", 2023. С. 14 – 27.
8. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Книжн. Дом «Либроком», 2013. С. 260 – 262.
9. López Arriazu, Eugenio. Poetas, autores, traductores: el caso de Poesía rusa del siglo XX de la Biblioteca Básica Universal, CEAL, 1970. // El Taco en la Brea. 2017. № 5. Р. 273 – 288.
10. Оболенская Ю.Л. Влияние русской литературы на духовную жизнь Испании в XX-XXI вв. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 109 – 123.
11. Газизова Л.Г. Способы перевода ФЕ с русского на испанский язык и с испанского на русский язык (на материале художественных произведений испанской и русской литературы XX века) // Испанский язык в образовании, науке и бизнесе в современном глобальном мире. Красноярск: ИПК СФУ, 2009. С. 135 – 145. URL: https://repository.kpfu.ru/?p_id=61833.
12. Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. № 1. С. 3 – 20.

References

1. Bolanos H.E.A. Challenge of literary translation: Russian poetry of the Silver Age into Spanish. Science for the benefit of humanity – 2022: Proceedings of the International scientific conference of young scientists (articles of teachers and graduate students), Moscow, April 18-29, 2022. Moscow: Moscow State Regional University, 2022. P. 50 – 54.
2. Hristov P. Rhythm in poetry translation: 1st ed. Veliko Tarnovo: PIK Publishing House, 1995. 270 p.

3. Torquemada Sánchez J. Bilingual anthology of better Russian poetry. Córdoba: Almuzara, 2022. 240 p.
4. Hurtado Albir A. Traducción y traductología. Introducción a la Traductología. Madrid: Cátedra, 2001. 695 p.
5. Etkind E.G. Poetry and translation: 1st ed. Moscow-Leningrad: Soviet writer, 1963. 431 p.
6. Etkind E. Un art en crise. Essai de poétique de la traduction poétique: première édition. Lausanne: l'age de l'homme, 1982. 298 p.
7. Bolanos A.H.E. Difficulties in the translation of symbolist poetry of Silver Age into the Spanish language: problems in the reliability of the translation of Aleksandr Blok's poem "the Twelve". Psychology of language and psycholinguistics: origins and modernity: materials of the International scientific and practical conference (on the 200th anniversary of the birth of Heymann Steinthal), Moscow, February 10-11, 2023. Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "State University of Education", 2023. P. 14 – 27.
8. Obolenskaya Yu.L. Literary translation and intercultural communication. Moscow: Book House "Librokom", 2013. P. 260 – 262.
9. López Arriazu, Eugenio. Poets, authors, translators: the case of Russian linguistic poetry of the 20th century from the Universal Basic Library, CEAL, 1970. El Taco en la Brea. 2017. No. 5. P. 273 – 288.
10. Obolenskaya Yu.L. The influence of Russian literature on the spiritual life of Spain in the 20th-21st centuries. Vestn. Moscow University. Series 9. Philology. 2022. No. 6. P. 109 – 123.
11. Gazizova L.G. Methods of translating phraseological units from Russian into Spanish and from Spanish into Russian (based on works of Spanish and Russian literature of the 20th century). Spanish in education, science and business in the modern global world. Krasnoyarsk: IPK SFU, 2009. P. 135 – 145. URL: https://repository.kpfu.ru/?p_id=61833.
12. Garbovsky N.K. Systemological model of translation science. Transdisciplinarity and the system of scientific knowledge. Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation Theory. 2015. No. 1. P. 3 – 20.

Информация об авторах

Боляньос Арсе И.Э., кафедра теории языка, англистики и прикладной лингвистики, Государственный университет просвещения, ildabolanos@mail.ru

© Боляньос Арсе И.Э., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'25

¹ Вишнеvский А.В.

¹ Ивановский государственный университет

Особенности перевода текстов по маркетингу инновационных технологий

Аннотация: цель данного исследования – выделить и рассмотреть особенности перевода текстов, предназначенных для продвижения новых информационных технологий, в частности систем автоматизированного проектирования. Теоретическая основа представлена работами по стратегиям и принципам перевода специальных и маркетинговых текстов, типам информации, сравнительным характеристикам английского и русского языков, а также общим вопросам перевода. Путем сравнения оригинальных и переводных текстов анализируются способы передачи различных типов информации и отдельных категорий языковых единиц на русский язык. Это позволяет выделить основные принципы перевода материалов, сочетающих в себе технические и маркетинговые характеристики. Показывается, что при переводе применима комбинированная стратегия, направленная на передачу информационного и коммуникативного аспектов сообщения. Это определяет разнообразие переводческих подходов: от максимальной точной и полной передачи когнитивной информации до транскреации, предполагающей определенную степень творчества и соавторства переводчика. Часть выделенных принципов перевода применима и к специальному переводу, однако реализуется с учетом маркетинговой направленности сообщения. Указываются рамки, которых должен придерживаться переводчик, включая выдержанную манеру изложения, соблюдение терминологического, стилистического и формального единообразия. Полученные результаты могут быть использованы в практике перевода маркетинговых и научно-популярных текстов, связанных с различными видами новых технологий, а также в обучении переводу.

Ключевые слова: маркетинговый перевод, специальный перевод, инновационные технологии, маркетинг технологий, стратегия перевода, принципы перевода, транскреация, прагматическая адаптация

Для цитирования: Вишнеvский А.В. Особенности перевода текстов по маркетингу инновационных технологий // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 123 – 128.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Vishnevskiy A.V.

¹ Ivanovo State University

Exploring translation of innovation marketing texts

Abstract: the purpose of this study is to identify and consider the translation features of texts intended to promote new information technologies, in particular computer-aided design systems. The theoretical basis is represented by works on strategies and principles of translation of special and marketing texts, types of information, comparative characteristics of English and Russian languages, as well as general translation issues. By comparing the original and translated texts, the methods of transmitting various types of information and certain categories of linguistic units into Russian are analyzed. This allows us to identify the basic principles of translating materials that combine technical and marketing characteristics. It is shown that a combined strategy is applied in translation, aimed at transmitting the informational and communicative aspects of the message. This determines the variety of translation approaches: from the most accurate and complete transmission of cognitive information to tran-

scription, which involves a certain degree of creativity and co-authorship of the translator. Some of the highlighted translation principles are applicable to special translation, however, they are implemented taking into account the marketing orientation of the message. The framework to be followed by the translator is indicated, including a restrained manner of presentation, observance of terminological, stylistic and formal uniformity. The results obtained can be used in the practice of translating marketing and popular science texts related to various types of new technologies, as well as in translation training.

Keywords: *marketing translation, special translation, technological innovations, technology marketing, translation strategy, translation principles, transcreation, pragmatic text adaptation*

For citation: Vishnevskiy A.V. Exploring translation of innovation marketing texts. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 123 – 128.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Чтобы инновации прошли свой жизненный цикл, необходима осведомленность о них круга заинтересованных лиц, способных извлечь преимущества из предлагаемой технологии и внедрить ее, обеспечив дальнейшее распространение и усовершенствование. Иными словами, изобретению необходим маркетинг. Согласно определению О.В. Юдиной, маркетинг технологий (также технологический маркетинг, маркетинг инноваций) «представляет собой совокупность мероприятий и инструментов, направленных на создание, тестирование и продвижение инновационных товаров и услуг» [10, с. 156]. Традиционным инструментом продвижения технологий по-прежнему служат различные виды текстов: пресс-релизы, обзоры, статьи, презентации и брошюры разработчиков. Они рассчитаны на широкую целевую аудиторию, включающую как руководителей высшего и среднего звена, так и рядовых сотрудников: программистов, специалистов по компьютерной графике, операторов станков с ЧПУ и других специалистов. При этом речь обычно идет о многоязычной аудитории, в связи с тем встает вопрос перевода данных текстов на иностранные языки. В данном исследовании рассматриваются особенности данного вида перевода, выделяются принципы, определяющие принятие переводческих решений.

Материалы и методы исследований

Источником для анализа послужили материалы маркетинговой направленности, посвященные системам автоматизированного проектирования (САПР) – высокотехнологичным ИТ-продуктам, широко внедряемым в различных технических отраслях. Используется метод сопоставительного анализа оригинальных текстов на английском языке и их параллельных переводов на русский язык (В работе над переводами принимал участие автор статьи). К исследованию дополнительно привлекались руководства по переводу компаний Autodesk и Microsoft, глоссарии по программным продуктам. Логико-понятийная схема исследования опирается на разработанную В.В. Сдобниковым стратегию перевода специальных текстов и классификацию типов информации И.С. Алексеевой.

Результаты и обсуждения

Особенностью рассматриваемых текстов является сочетание технических подробностей с элементами рекламного стиля и рыночной аналитики. Таким образом, общую стратегию перевода можно охарактеризовать как комбинированную, так как она должна охватывать оба аспекта – технический и маркетинговый. С этой целью рассмотрим сущность стратегий специального (научно-технического) и маркетингового перевода по отдельности.

Согласно В.В. Сдобникову, к специальным текстам применяется стратегия коммуникативно эквивалентного перевода, которая заключается в создании переводного текста (ПТ), передающего коммуникативно-релевантную информацию исходного текста (ИТ) в полном объеме [14, с. 862]. Ученый приводит конкретные тактики реализации данной стратегии, в том числе точную и полную передачу информации, передачу стилистических особенностей ИТ, экспликацию, прагматическую и стилистическую адаптацию, правильное представление информации на ПЯ.

Стратегия маркетингового перевода заключается в передаче функциональной интенции ИТ, суть которой – привлечь внимание покупателя и побудить его к покупке товара или услуги, или иному целевому действию [5, с. 90-91]. Этим обуславливается функциональный подход к переводу в сочетании с коммуникативно-прагматическим подходом, ориентированным на эффективное взаимодействие с получателем ПТ. В частности, перевод должен транслировать так называемый голос бренда. Последний представляет собой

набор принципов коммуникативного взаимодействия между компанией и клиентом, включая выбор языковых средств. Данная тенденция распространена в современном цифровом мире, где акцент смещается от прямой рекламы в пользу коммуникации и персонализации общения с потенциальным клиентом. Голос бренда может быть представлен как набор антропоморфных качеств, характеризующих компанию, например: STORI – Smart, Trusted, Open, Real, Inspiring. Еще одним способом реализации коммуникативно-прагматического подхода является транскреация (англ. «transcreation», букв. «пересоздание»). Данный термин, часто применяемый в маркетинговом переводе, понимается как свободная творческая передача сообщения на другом языке для определенной целевой аудитории на определенном рынке [3, с. 96]. Тем самым предполагается определенная степень соавторства переводчика, а в качестве единицы перевода следует рассматривать весь текст.

Рассмотрим основные принципы перевода рассматриваемых текстов на примере передачи различных типов информации и отдельных категорий языковых единиц. Воспользовавшись классификацией И.С. Алексеевой, выделим следующие типы информации: когнитивная, оперативная, эмоциональная и эстетическая [1]. Маркетинговая направленность текстов указывает на ведущую роль оперативной информации, которая «предписывает определенные действия или побуждает к ним». Вместе с тем побудительный подтекст всего текста дает основание рассматривать другие типы информации в качестве вспомогательных. При этом высказывания с непосредственным призывом к действию обычно требуют стилистической адаптации в переводе, так как традиционный «лозунговый» стиль англоязычной рекламы может быть не принят профессиональной аудиторией ПЯ. Доверие к сообщению повышается, если используется спокойный, выдержанный тон без излишних восклицательных знаков. Так, в следующем примере повелительные предложения переводятся изъяснительным наклонением:

«Ask questions and share information about using Autodesk software in one of our peer-to-peer forums».

«На форумах вы можете обмениваться советами по практической работе с продуктами, рекомендовать продукты коллегам, обращаться к другим участникам за помощью по техническим вопросам».

Важнейшим атрибутом рассматриваемых текстов является когнитивная информация – фактическая основа, позволяющая оценить предлагаемые инновационные продукты. Она включает в себя описание их возможностей и примеров использования, в том числе соответствующую терминологию. Точная передача когнитивной информации является одним из ключевых принципов исследуемого вида перевода. Требования точного перевода включают в себя отсутствие необоснованных обобщений и приблизительных эквивалентов, единообразие и преемственность в передаче терминологии. Например, при переводе термина «plugin» следует во всех случаях пользоваться одним эквивалентом, принятым в данной компании или линейке продуктов (в нашем случае – «подключаемый модуль»). В то же время словари предлагают целый набор соответствий: «плагин», «встроенное приложение», «надстройка», «расширение» и др.

Помимо этого, для точной передачи единицы ИЯ может потребоваться экспликация. Данная переводческая тактика реализуется путем операций добавления и конкретизации [14, с. 863-864]. В частности, к добавлениям прибегают при переводе словосочетаний с существительным в функции препозитивного определения: «BIM mandates» – «требования к обязательному использованию технологии BIM». Конкретизация используется при переводе английских широкозначных глаголов: «to bring into a database» – «интегрировать в базу данных».

Полная передача когнитивной информации предполагает сохранение всех коммуникативно значимых единиц оригинального текста. К ним относятся специальные термины, цитаты, примеры и цифры, положительно влияющие на доверие к материалу. (Опущения возможны только в случае, если они неизбежны в ПТ). Например:

We completed the project on schedule and half a percent under budget. – «Нам удалось завершить проект в срок и даже сэкономить 0,5% бюджета».

Продвижение инновационных продуктов не предполагает полного раскрытия технических подробностей, вследствие чего материал излагается в облегченной форме. Перевод таких текстов так же должен быть написан естественным и понятным языком (natural and fluent language) [11, с. 30]. В частности, следует отдавать предпочтение активному залогу и утвердительным конструкциям, избегать повторов и буквализмов. А.М. Шейко, в связи с этим, отмечает, что перевод маркетингового текста должен восприниматься потенциальным покупателем как оригинальный текст [8, с. 154]. Тем самым, при условии инвариантности фактической части сообщения, открывается возможность для различных преобразований, облегчающих восприятие сообщения. К таковым, в том числе, относятся членение предложений, перестановки единиц текста, добавления и опущения, обобщения, целостное преобразование («Better by Design» – «Технологии для инноваций»).

В рассматриваемых текстах одним из инструментов, способствующих повышению вовлеченности аудитории, является эмоциональная информация. Эта часть сообщения реализуется посредством эмотивных единиц (эмотивов), например, экспрессивной лексики:

«Dynamo is powered by the ingenuity and passion of its user community». – «Dynamo развивается благодаря изобретательности и энтузиазму сообщества своих пользователей».

В приведенном примере эмотивы передаются эквивалентными единицами ПЯ, однако более важно придерживаться принципа сохранения эмотивности текста (в целом). При этом следует избегать гиперболизированной манеры изложения: в случае с профессиональной аудиторией она ставит под сомнение правдивость сказанного, то есть может произвести обратный эффект. Например, *maximize investment* предпочтительно перевести как «добиться максимальной отдачи от инвестиций», а не как «получить огромную прибыль от инвестиций». В силу тесной взаимосвязи эмоциональных и стилистических характеристик речи, при переводе эмотивных единиц могут применяться приемы стилистической адаптации, которые рассматриваются далее.

Некоторые регулярно используемые лексические единицы частично утрачивают свою экспрессивность и точность номинации, и могут быть отнесены к так называемым пустым словам. Последние занимают физические позиции в тексте, но «оставляют семантические зияния, пустоты, которые заполняются реципиентом рекламного текста в соответствии с тем смыслом, который он хочет для себя образовать» [4, с. 208]. К таким единицам можно отнести глаголы «*explore*», «*empower*», «*drive*», «*support*»; прилагательные «*robust*», «*advanced*», «*smart*»; существительные «*insight*», «*challenge*», «*commitment*». Как и широкозначные слова, они могут переводиться более точными эквивалентами с учетом норм сочетаемости и более широкого контекста, например: «*Explore our eBook*» – «Прочитайте электронную книгу». Помимо этого, при переводе пустых слов не следует пренебрегать фактором единообразия, так как они создают своеобразный «эффект мантры».

Разновидностью эмоциональной информации является эстетическая информация, которая передает человеку чувство прекрасного [1, с. 129]. В рассматриваемых текстах она реализуется посредством выразительных стилистических приемов: метафор, парцелляции, аллитерации, морфологических повторов, синтаксического параллелизма, антитезы. Высказывания, содержащие эстетическую информацию, привлекают внимание целевой аудитории, хорошо запоминаются, вносят разнообразие в излагаемый материал. Соответствующий принцип перевода можно обозначить как передачу средств эстетического воздействия. Наиболее успешным следует считать перевод, в котором удастся сохранить единство содержания и формы: «*It's been a long but rewarding journey*» – «Это был долгий, но плодотворный путь». Если нарушение формально-смыслового единства неизбежно, важнее точно передать смысл высказывания: «*Reduce. Reuse. Recycle.*» – «Используйте переработанные материалы» (морфологический повтор и парцелляция не сохраняются).

При переводе материалов по маркетингу технологий используются адаптации. Их цель состоит в том, чтобы устранить потенциальные препятствия в восприятии перевода, обусловленные разницей в культурном и коммуникативном опыте носителей ИЯ и ПЯ.

Культурно-прагматическая адаптация может быть реализована различными способами. Помимо традиционных решений, таких как обобщение культурно-специфичных понятий, можно прибегнуть к транскреации, поиску нестандартных способов адаптации высказываний к новому культурному контексту. Например, при переводе подзаголовка «*Time for school*» была использована крылатая фраза, знакомая носителям русского языка – «Учиться, учиться и еще раз учиться!». Нетипичные для культуры ПЯ особенности поведения могут опускаться, как в следующем примере из Microsoft Russian Localization Style Guide:

«*And now you're done – unless (like me) you still need to go burn the popcorn.*»

«Итак, можно начинать просмотр».

(Альтернативным решением может быть замена паттернов поведения на более привычные для русской аудитории, например, «*burn the popcorn*» – «вскипятить чай» – прим. автора).

К вышесказанному следует добавить, что современные составители текстов используют стратегию интернационализации, удаляя из них культурно-маркированные элементы [13, с. 10]. Рассматриваемые материалы так же не предназначены исключительно для аудитории ИЯ (А. Нойберт в своей известной классификации наделяет подобные тексты наивысшей степенью переводимости [6, с. 66-67]). Это уменьшает количество случаев культурно-прагматической адаптации при переводе.

Стилистическая адаптация требуется для сохранения стилистического единообразия ПТ, так как в ИТ могут присутствовать единицы, более характерные для разговорной речи. Данное обстоятельство обусловлено тем, что граница между литературным и разговорным стилями в английском языке менее строгая, чем в русском [7, с. 21]. Например, прил. «*poor*» имеет разговорный оттенок, поэтому словосочетание «*poor data*» предпочтительнее перевести как «некачественные данные», а не как «плохие данные». Единицы с перенос-

ным смыслом могут потребовать деме́тафоризации, например, «harness the full potential» – «использовать (букв. «обуздать») весь потенциал», «agile data formats» – «адаптивные (букв. «проворные, гибкие») форматы данных». В части синтаксиса следует отметить номинализацию глагольных форм, обусловленную широким использованием отглагольных существительных в русской официальной и книжной речи [2, с. 39]. Пример подобной трансформации приводится ниже:

«This groundbreaking system was designed to integrate the company's many disparate systems and provide intelligent reporting across the enterprise».

«Данная передовая система была разработана с целью интеграции многочисленных разрозненных систем компании и автоматизации отчетности по всему предприятию».

Стилистическая адаптация не должна приводить к обезличиванию текста, так как это снижает вовлеченность аудитории. Маркеры разговорной речи, не нарушающие стилистические нормы русского языка, вполне уместны в переводе. В частности, можно использовать личные местоимения и общеупотребительные идиоматические выражения («from scratch» – «с нуля», «new horizons» – «новые горизонты» и т.п.).

При переводе важно учитывать и более формальные аспекты сообщения. Определенные категории единиц ИЯ передаются в соответствии с правилами их оформления на ПЯ. Эти правила могут быть как общепринятыми, так и локальными, то есть определяться самой компанией. К переводческим операциям этого типа относятся замена прописных букв строчными в заголовках и названиях («What's New» – «Новые возможности»); изменение формата записи целых чисел и дробей (95,000 – 95 000; .50 – 0,50); перенос символов валют (€100 – 100 €) или их словесное обозначение; использование двухбуквенных названий дней недели (Mon. – пн., Tue. – вт., Wed. – ср.); переупорядочение алфавитных списков. Определенные категории существительных, такие как названия компаний и торговых марок, программных продуктов и платформ, обычно сохраняют оригинальное написание (Trimble, Nvidia; Solidworks, Rhino 3D; Omniverse и др.). В то же время, некоторые названия традиционно передаются с помощью транскрипции («Microsoft Corporation» – «Корпорация Майкрософт»). Наконец, следует придерживаться единообразия при передаче однотипных элементов текста, таких как подзаголовки, списки и ссылки.

Выводы

При переводе текстов по маркетингу инновационных технологий используется комбинированная стратегия. Допуская некоторую степень творчества и соавторства, она может быть охарактеризована как сочетание научно-технического перевода и элементов транскреации. В то время как одним из ключевых требований остается точная передача информации, не менее важно обеспечить эффективную коммуникацию: привлечь и удержать внимание аудитории, пробудить ее интерес и мотивировать на приобретение продукта или услуги, вовлечь ее в инновационный процесс. Для этого материал должен быть максимально доступно изложен, обладать легкостью и естественностью оригинального текста, соответствовать голосу и философии бренда. Выбор конкретных приемов перевода зависит от типа информации, доминирующей в переводимом фрагменте текста.

Ведущим фактором при выборе переводческих решений является профессионализм аудитории, накладывающий определенные рамки на работу переводчика. В частности, важно соблюдать принцип терминологического, стилистического и формального единообразия, избегать преувеличений и лозунгового стиля. При этом, хотя степень эмотивности текста на ПЯ обычно ниже, важно не допускать обезличивания текста, ухудшения его эмоционального и эстетического воздействия.

Список источников

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Бреус Е.В. Теория и практика перевода с английского языка на русский: Учебное пособие. Ч. 1. М.: Изд-во УРАО, 2001. 104 с.
3. Елькин В.В. Транскреация как творческий перевод и результат межъязыкового и межкультурного взаимодействия // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2021. № 2-1. С. 92 – 100.
4. Иванова С.В., Николаева А.В. Роль "пустых" слов в тексте рекламы (на материале англоязычных рекламных текстов) // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 202 – 209.
5. Кирюхин А.Ю., Малёнова Е.Д. Проблемы перевода англоязычных маркетинговых текстов на русский язык // Молодёжь третьего тысячелетия: сборник научных статей. 2019. С. 90 – 94.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

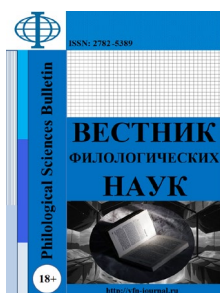
7. Чужакин А., Палажченко П. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. М.: Р.Валент, 1999. 192 с.
8. Шейко А.М. Перевод маркетинговых текстов: сложности и особенности // Homo Loquens. Вопросы лингвистики и транслятологии. 2016. Вып. 9. С. 147 – 157.
9. Шутова М.В. Голос бренда и бренд-коммуникации в продвижении медицинских учреждений // Российская школа связей с общественностью. 2020. № 18-19. С. 225 – 240.
10. Юдина О.В. Маркетинг технологий как актуальная концепция развития современной экономики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. С. 155 – 159.
11. Autodesk Translation Style Guide. Ver. 3.5. 2019.
12. Microsoft Russian Localization Style Guide. 2024. URL: <https://learn.microsoft.com/en-us/globalization/reference/microsoft-style-guides> (дата обращения: 30.11.2024).
13. Pym A. Exploring Translation Theories. Third edition. NY: Routledge, 2023. 256 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/370146747_Exploring_Translation_Theories_Third_edition (дата обращения: 31.11.2024).
14. Sdobnikov V.V. Strategy and tactics of translating special texts // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2012. Vol. 5. № 6. С. 816 – 867.

References

1. Alekseeva I.S. Introduction to Translation Studies: Textbook for students of philological and linguist. faculties of higher educational institutions. Moscow: Publishing Center "Academy", 2004. 352 p.
2. Breus E.V. Theory and Practice of Translation from English into Russian: Textbook. Part 1. Moscow: Publishing House of the Ural State Educational Institution, 2001. 104 p.
3. Elkin V.V. Transcreation as a Creative Translation and a Result of Interlingual and Intercultural Interaction. Language and Culture in the Era of Integration of Scientific Knowledge and Professionalization of Education. 2021. No. 2-1. P. 92 – 100.
4. Ivanova S.V., Nikolaeva A.V. The Role of "Empty" Words in Advertising Texts (Based on English-Language Advertising Texts). Political Linguistics. 2011. No. 4 (38). P. 202 – 209.
5. Kiryukhin A.Yu., Malenova E.D. Problems of Translating English-Language Marketing Texts into Russian. Youth of the Third Millennium: Collection of Scientific Articles. 2019. P. 90 – 94.
6. Komissarov V.N. Modern Translation Studies: A Tutorial. Moscow: ETS, 2002. 424 p.
7. Chuzhakin A., Palazhchenko P. The World of Translation, or the Eternal Search for Mutual Understanding. Moscow: R.Valent, 1999. 192 p.
8. Sheiko A.M. Translation of Marketing Texts: Difficulties and Features. Homo Loquens. Linguistics and Translation Studies. 2016. Iss. 9. P. 147 – 157.
9. Shutova M.V. Brand Voice and Brand Communications in the Promotion of Medical Institutions. Russian School of Public Relations. 2020. No. 18-19. P. 225 – 240.
10. Yudina O.V. Technology Marketing as a Current Concept for the Development of the Modern Economy. Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2017. P. 155 – 159.
11. Autodesk Translation Style Guide. Ver. 3.5. 2019.
12. Microsoft Russian Localization Style Guide. 2024. URL: <https://learn.microsoft.com/en-us/globalization/reference/microsoft-style-guides> (date of accessed: 30.11.2024).
13. Pym A. Exploring Translation Theories. Third edition. NY: Routledge, 2023. 256 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/370146747_Exploring_Translation_Theories_Third_edition (date of accessed: 31.11.2024).
14. Sdobnikov V.V. Strategy and tactics of translating special texts. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2012. Vol. 5. No. 6. P. 816 – 867.

Информация об авторах

Вишневский А.В., кандидат филологических наук, доцент, Ивановский государственный университет, avishnevski@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки)
УДК 811.133.1

¹ Горелик М.А.

¹ Тихоокеанский государственный университет

Семантика императивных конструкций в романе Лорана Гунеля «Бог всегда путешествует инкогнито»

Аннотация: в статье предпринята попытка рассмотрения и анализа императивных конструкций в художественном тексте, а именно в романе Л. Гунеля «Бог всегда путешествует инкогнито». Императив – это одна из форм речевого воздействия, которая влияет на поведение участников коммуникации и вызывающая ответное действие. Проанализированы основные императивные конструкции, средства и способы выражения побудительных высказываний в контексте речевого поведения главного персонажа художественного текста. Рассмотрены общие и некоторые частные императивные значения, такие как императив будущего времени, императив движения, прохибитив, рассмотрены основные семантические группы, характеризующие главного героя романа как языковую личность. В речи главного героя преобладают предложения с побудительной модальностью, так как он занимает авторитарную позицию по отношению к адресату. Сделан вывод о том, что императивные конструкции обладают воздействующим характером и являются особым видом речевого акта.

Ключевые слова: императив, семантика императива, императив с дополнительным компонентом, прохибитив, императив будущего времени, императив движения, императив изменения действия, инструкции

Для цитирования: Горелик М.А. Семантика императивных конструкций в романе Лорана Гунеля «Бог всегда путешествует инкогнито» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 129 – 132.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Gorelik M.A.

¹ Pacific National University

Semantics of imperative constructions in Laurent Gunel's novel "God Always Travels Incognito"

Abstract: the article attempts to consider and analyze imperative constructions in a literary text, namely in L. Gunel's novel "God Always Travels Incognito." An imperative is one of the forms of speech influence that influences the behavior of communication participants and causes a response. The main imperative constructions, means and methods of expressing incentive statements in the context of the speech behavior of the main character of a literary text are analyzed. General and some particular imperative meanings are considered, such as the imperative of the future tense, the imperative of movement, the prohibitive, and the main semantic groups that characterize the main character of the novel as a linguistic personality are considered. In the speech of the protagonist, sentences with an incentive modality predominate, since he takes an authoritarian position in relation to the addressee. It is concluded that imperative constructions have an influencing character and are a special type of speech act.

Keywords: imperative, semantics of imperative, imperative with an additional component, prohibitive, future tense imperative, movement imperative, action change imperative, instructions

For citation: Gorelik M.A. Semantics of imperative constructions in Laurent Gunel's novel "God Always Travels Incognito". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 129 – 132.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Лоран Гунель – современный французский писатель, автор многих бестселлеров, тонкий психолог, умеющий чувствовать человека, его эмоциональные переживания, умеющий объяснить мотивы его поступков.

Материалы и методы исследований

В 2010 году Л. Гунель опубликовал роман «Бог всегда путешествует инкогнито», роман о том, как найти гармонию с самим собой и с окружающим миром и в итоге достигнуть своих целей.

Основным методом исследования является анализ элементов текста романа.

Результаты и обсуждения

Кардинальные изменения происходят в жизни главного героя романа Алана Гринмора служащим агентства по найму, благодаря встрече с таинственным незнакомцем Ивом Дюбре (Игорем Дубровским), который спасает жизнь главному герою в обмен на обязательство беспрекословно выполнять все его странные, провокационные, необъяснимые указания и приказы:

Tu dois les tuer. Tous. C'est ta première mission. La première. Tiens! C'est ta mission!

Алану необходимо преодолевать себя всякий раз и выполнять задания против своей воли, что впоследствии приведет к полному его психологическому преобразению.

Функционально, по определению И.А. Мельчука, императив выражает приказание (в очень широком смысле) и представляет собой речевой акт, посредством которого говорящий выражает свою волю и пытается воздействовать на адресата, побудив его, таким образом, к желаемым действиям [2, с. 155].

Семантика императива состоит в том, что он «выражает волю говорящего, побуждение к действию» [3].

В.Ю. Гусев определяет императивное суждение как «высказывание, в котором говорящий, самым фактом своего высказывания, пытается каузировать совершение эксплицитно указанного в этом высказывании действия» [1, с. 64].

Императивные конструкции, являясь одним из персуазивных средств, играют важнейшую роль в раскрытии художественного замысла автора в романе, целью которого является демонстрация управляющего воздействия на главного героя, на его поступки, образ мыслей, поведение, отношения с окружающими.

История общения между главными героями Аланом и Ивом Дюбре начинается именно с императивного предложения:

Vas-y. Saute! Qu'est-ce que tu attends? dit-il d'un ton terriblement tranquille. Saute! [4, с. 16].

Подобное обращение, естественно, вызывает гнев, нежелание не только исполнять приказы Ива, но даже слушать его.

Mais ça ne m'intéresse pas! Je ne veux pas devenir un emmerdeur! D'ailleurs, je ne supporte pas les emmerdeurs! J'ai en horreur les gens trop exigeants qui font suer tout le monde [4, с. 20].

Речевой этикет подразумевает общение участников речевого процесса в двух регистрах «ты» и «вы», которые обусловлены социальными или профессиональными отношениями. В исследуемом тексте романа не выявлено ни одной формы на –ez, что не соответствует этическим нормам коммуникативного поведения при первичном обращении к незнакомому человеку.

Преобладающей конструкцией императива в тексте является наиболее простая императивная форма 2 лица единственного числа, означающая прямую каузацию. В речевой ситуации имеется один исполнитель воли говорящего, причем мы не наблюдаем ни приветствий (о чем говорит и сам один из главных героев Алан), ни обращения, ни форм вежливости, ни усилительных слов:

Raconte-moi tes prouesses! Je remarquai qu'il ne me disait jamais bonjour. Chaque fois que je le voyais, il semblait reprendre une conversation interrompue quelques minutes auparavant pour aller aux toilettes [4, с. 41].

Императивные конструкции, по своей природе – это категоричная, а иногда даже грубая форма обращения, но, тем не менее, случаи их использования могут нюансировать оттенки побудительной модальности: рекомендация (совет), просьба, пожелание, приказ (распоряжение, указ), требование (призыв к действию).

Alan, reprit-il, la liberté est en nous. Elle doit venir de nous. Ne t'attends pas à ce qu'elle vienne de l'extérieur.

– «Viens me rejoindre au bar de l'hôtel George-V. Prends un taxi et, pendant le trajet, tu dois prendre le contrepied de tout ce que te dira le chauffeur, tout. Je t'attends. «Y.D.» [4, с. 62].

– Amuse-toi. C'est le meilleur conseil que je puisse te donner [4, с. 86].

– OK, alors imagine qu'il existe un autre produit très bon, très agréable à consommer, et qui en plus déstresse. Tu peux en prendre quand tu veux. Imagine [4, с. 98].

– «Fume immédiatement une cigarette» [4, с. 115].

– Embrasse l'univers de ton prochain, et il s'ouvrira à toi [4, с. 69].

Затрагивая понятие каузации можно говорить о противопоставлении разрешения и совета, а также приказа и просьбы. В тексте романа мы наблюдаем переходы императивных конструкций от очень доверительных, дружеских, до выражающих приказ.

Je te prie d'excuser Staline, me dit Yves en m'accueillant sur le seuil. Il est odieux! [4, с. 38].

Je t'ordonne de devenir président de Dunker Consulting [4, с. 169].

С точки зрения направленности действия, в интересах говорящего или адресата подразумевается совершение действия, наблюдаем употребление императивных конструкций только в интересах адресата.

К наиболее распространенным типам императивных конструкций относятся: прохибитив, превентив, императив будущего времени, императив немедленного действия, императив движения, императив изменения действия, пермиссив, инструкции.

В романе нет ни одной конструкции пермиссива, формы для выражения разрешения, а также превентива, то есть Ив Дюбре, давая приказания Алану, заранее знает, что последнему будет невероятно сложно преодолеть себя, но Ив намеренно дает ему подобные задания.

Прохибитив, императив с отрицательным значением, встречаем в единственной фразе:

Et il y a une règle impérative: tu ne dois pas formuler toi-même ce mot, ni, bien sûr, désigner une photo ou un objet qui le représente [4, с. 52].

Ещё одним аспектом характеристики императивной конструкции отмечаем контроль адресантом совершения действия, как условие успешности повелительного высказывания.

Прохибитив смыслово связан с контролируемостью действия, то есть на этом этапе общения главных героев уже можно говорить о некоторой степени доверия Ива к Алану, так как в начале их отношений Ив заставлял Алана носить наушник, чтобы слышать всё, что будет говорить Алан, выполняя задание.

Mets ça dans ton oreille. Comme ça, j'écouterai tes prouesses, et tu pourras aussi m'entendre si j'ai des choses à te dire [4, с. 48].

Voilà: tu restes en vie, et moi je m'occupe de toi. En échange, tu t'engages à faire tout ce que je te dirai. Tu t'engages ...sur la vie. Tu devras respecter ton engagement [4, с. 18].

Императивные конструкции, в которых присутствуют временные отношения, а именно, план будущего, не относятся к нейтральным:

Tu devras respecter ton engagement [4, с. 23].

Au-delà, tu vas commettre chaque jour trois fautes, des fautes d'usage. Concrètement, je veux que tu te comportes de manière inappropriée trois fois par jour [4, с. 39].

Très bien. Alors tu vas y entrer, demander un pain, un gâteau ou n'importe quoi, et quand on te l'aura donné, tu trouveras un prétexte pour le refuser et demander autre chose. Tu inventeras une autre raison de refuser le deuxième, puis le troisième, et le quatrième. Puis tu leur diras que, finalement, tu ne veux rien et tu ressortiras sans rien acheter [4, с. 40].

Tu vas demander que l'on te présente des montres. Tu dois en essayer une bonne quinzaine, poser plein de questions, et puis repartir sans rien acheter [4, с. 51].

Tu vas t'entraîner à opter pour l'opposé de ce que tu sens devoir faire absolument. Par exemple, tu vas commencer par emporter tous les jours au bureau ce magazine qui t'intéresse tant, jusqu'à ce que l'on soit sûrs que tout le monde t'ait bien vu avec [4, с. 71].

Подобные конструкции частотны в анализируемом тексте, в отличие от императива немедленного действия, так как Ив дает немного времени Алану для того, чтобы перед принятием и исполнением приказа, он испытал шок, либо раздражение, либо оторжение, гнев, но в конце концов, исполнил желание Ива.

Императивные конструкции движения также характеризуют стиль общения героев, Ив постоянно выводит Алана из его зоны комфорта, заставляет его двигаться, что-то делать, чтобы таким образом отвлекая от мыслей о самоубийстве.

Viens par ici! Garde les yeux ouverts! Mets tes pieds l'un devant l'autre! Viens, suis-moi, dit-il en me précédant dans un vaste hall. Viens demain à 11 heures. Reviens! Assieds-toi là... Ouvre les yeux!

Семантика глаголов в императивных конструкциях отмечена особой экспрессивностью, но можно заметить, что не все глаголы отражают призыв к активным действиям.

Употребление императивных речевых форм регулируется речевым этикетом и, несмотря на это, безусловно, могут возникать конфликтные ситуации, связанные с нежеланием реципиента осуществлять определенные

действия, являющиеся запланированным результатом употребления императивной конструкции. Алан также в начале долгого пути своего психологического преобразования постоянно задается вопросом, почему он как марионетка выполняет приказы Дюбре. Общение двух главных героев напоминает игру, забаву, о чем постоянно напоминает Дюбре:

Amuse-toi. C'est le meilleur conseil que je puisse te donner. Si tu y parviens, c'est gagné. Arrête de tout prendre au sérieux. Prends un peu de recul et cette épreuve comme un jeu. Un jeu. Il n'y a rien à perdre [4, с. 55].

Помимо глагольных форм императива, в тексте романа для каузации некоего действия, наблюдаем употребление императивов вне глагольных конструкций в эллиптических предложениях.

Plus, vite! Encore! Courage! – Ah! La vengeance, la vengeance!

Ив Дюбре очень умело использует весь арсенал императивных конструкций для манипулирования волей Алана. Иногда свою категоричность он заменяет на демократичные формы императива первого лица множественного числа, с целью проявить эмпатию к своему подопечному.

Allons dans mon bureau. Ce sera plus intime [4, с.74].

В конце повествования Ив вновь становится требовательным, строгим и категоричным, он ставит себя в положение выше побуждаемого к действию Алана, что отражено в употреблении императивных конструкций с инфинитивом в своем составе. Это четкая инструкция к действию, Алан уже психологически готов, к такого рода, взаимодействию и подчинению.

Enter en relation avec n'importe qui, même d'une culture différente de la tienne. Entrer en relation et donner tout de suite à cette personne l'envie d'échanger avec toi, d'écouter ta parole, de respecter ton point de vue.

Embrasser l'univers de quelqu'un d'autre, choisir une personne très différente de soi, cela a plus d'intérêt.

Se mettre dans la peau de quelqu'un don't on n'aime pas particulièrement l'univers [4, с. 109].

Ив Дюбре добивается своего, его эксперимент по психологическому преобразованию Алана можно считать удавшимся, ведь Алан, действительно, избавился от своих комплексов и готов самостоятельно преодолевать трудности и реализовывать свои карьерные планы. Он начинает сам себе четко давать команды.

Arrête de répondre. Torture-le avec des questions. Des questions. Ne pas se justifier. Questionner. Calmement... Arrête d'argumenter... Pose des questions. Pose des questions. En douceur... [4, с. 157].

Выводы

Итак, в анализируемом художественном тексте императивные конструкции занимают центральную позицию. Употребляя различные по семантике императивные речевые формы, собственно императив и императив с дополнительным компонентом, автор характеризует главный художественный персонаж как языковую личность, чьи высказывания обеспечивают возможность различать смысловые нюансы.

Список источников

1. Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2005. 22 с.
2. Мельчук И.А. Курс общей морфологии Т.І-IV. Вена: Языки славянской культуры, 1998-2001.
3. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
4. Laurent Gounelle Les dieux voyagent toujours incognito. Édition Anne Carrière. 2010.

References

1. Gusev V.Yu. Typology of specialized verb forms of the imperative: diss. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.20. Moscow, 2005. 22 p.
2. Melchuk I.A. Course of General Morphology T.I-IV. Vienna: Languages of Slavic Culture, 1998-2001.
3. Shansky N.M., Tikhonov A.N. Modern Russian: in 3 parts. Part 2. Word formation. Morphology. Moscow: Education, 1987. 256 p.
4. Laurent Gounelle Les dieux voyagent toujours incognito. Édition Anne Carrière. 2010.

Информация об авторах

Горелик М.А., старший преподаватель, ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет, 009613@togudv.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

¹ Елин А.А.

¹ Московский государственный лингвистический университет

Неологизмы в контексте русской лингвокультуры

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы неологии, анализируются основные параметры определения неологизмов, приводится классификация новых слов по сферам использования, а также подчеркивается роль неологизмов в отражении культуры и национального самосознания. Цель исследования – проанализировать специфику явления неологизмов, определить их роль в русской лингвокультуре. Задачи, которые были решены для достижения упомянутой цели исследования: определить концептуальные основы неологии, выявить параметры для определения неологизмов, классифицировать неологизмы современного русского языка по сферам использования, рассмотреть роль новых слов в русской лингвокультуре. Исследование показало, что неологизмы демонстрируют изменения, происходящие как в социуме, так и в языке, и репрезентируют культурные и национальные особенности. Практическая значимость работы – возможность применения его результатов в различных областях, связанных с языком, культурой и коммуникацией. Исследование расширяет научные представления о взаимосвязи между языковыми изменениями и социокультурными процессами. Предложенная классификация неологизмов может стать основой для дальнейших исследований структуры, функций и роли новых слов в языке. Кроме того, она может быть использована при составлении словарей новых слов, что важно для фиксирования изменений в языке и его актуального состояния.

Ключевые слова: неологизм, неология, семантический неологизм, заимствование, культурная апроприация, лингвокультура

Для цитирования: Елин А.А. Неологизмы в контексте русской лингвокультуры // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 133 – 137.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Elin A.A.

¹ Moscow State Linguistic University

Neologisms in the context of the Russian linguoculture

Abstract: the article deals with the problems of neology, analyses the main parameters of neologism definition, provides a classification of new words by spheres of use, and emphasises the role of neologisms in the reflection of culture and national consciousness. The aim of the study is to analyse the specificity of neologisms and to determine their role in the Russian linguoculture. The tasks that were solved in order to achieve the mentioned research goal were: to define the conceptual bases of neology, to identify the parameters for defining neologisms, to classify neologisms of modern Russian by spheres of use, to consider the role of new words in the Russian linguoculture. The research has shown that neologisms reflect changes in society and language, and represent cultural and national peculiarities. The practical significance of the work lies in the possibility of applying its results in various fields related to language, culture and communication. The research expands scientific ideas about the relationship between language change and socio-cultural processes. The proposed classification of neologisms can become the basis for further re-

search into the structure, functions and role of new words in language. It can also be used to compile dictionaries of new words, which is important for recording changes in the language and its current state.

Keywords: *neologism, neology, semantic neologism, loanword, cultural appropriation, linguoculture*

For citation: Elin A.A. Neologisms in the context of the Russian linguoculture. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 133 – 137.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Актуальность темы данного исследования заключается в растущем интересе к проблемам неологии и взаимодействия языка, мышления и культуры. Словарный состав языка является самой изменчивой его частью, которая постоянно обновляется и отражает нововведения в окружающем мире, а также совершенствуется вместе с обществом. Следовательно, создание новых слов служит наглядным подтверждением, что язык – живая система, репрезентирующая все достижения и знания человечества.

Научная новизна исследования заключается в исследовании неологизмов как динамичного явления, отражающего взаимодействие языка и культуры в контексте современного российского общества. Был применен комплексный подход для анализа неологизмов и на его основе предложена классификация новых слов по сферам их использования. Исследование сочетает лингвистический и лингвокультурологический подходы. В статье подчеркивается значимость неологизмов для изучения изменений в языке и обществе.

«Неологизмы (от греч. νέος – новый и λόγος – слово) – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз („окаzionaliальные“ слова) в каком-либо тексте или акте речи» [6].

Неология представляет собой раздел лексикологии, исследующий специфику неологизмов, их форму и содержание, а также изучающий особенности создания и разработки словарей новых слов. Соответственно, современная неология включает два ключевых направления: собственно, неология, которая анализирует обновление лексики, и неография, рассматривающая проблемы составления словарей неологизмов.

Терминологическая база неологии разработана еще недостаточно, в связи с чем неразрешенным остается вопрос, что именно следует считать неологизмом.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования были применены следующие методы: классификация, контекстный анализ, сплошная выборка, сравнительно-исторический метод. Материалом исследования послужили неологизмы, обладающие лингвокультурологическим потенциалом.

Комплексный подход к понятию неологизма.

В настоящем исследовании взят за основу комплексный подход и следующие параметры для определения неологизмов, которые предлагает Н.З. Котелова [5, с. 14-18]:

– «Время». Неологизмы являются словами, появляющиеся в определенный период и отсутствующие в лексике предшествующей эпохи. Так, существуют неологизмы, которые стали употребляться во время пандемии коронавируса, в 2000-х, в советское время.

– «Языковое пространство». Неологизмы появляются благодаря взаимодействию между разными пластами лексики: например, слова способны переходить из профессионального языка в общеупотребительный. Более того, лексема может рассматриваться как неологизм в одном языке, в то время как в другом она воспринимается как узуальная (ср. англ. like – «любить» и рус. «лайк» – «отметка „мне нравится“ в социальных сетях»).

– «Новизна языковой единицы». В качестве неологизма может выступать фразеологизм, а также значение уже существующей лексемы (в результате появляется семантический неологизм). Например, ранее «блокировка» использовалась преимущественно в спорте и механике, однако в настоящее время под этой лексемой понимают ограничение доступа к приложению или учетной записи в цифровой среде.

– «Структурные признаки новизны слова». Этот параметр направлен на исследование основных моделей и механизмов, используемых в языке для создания новых слов. Среди наиболее продуктивных способов словообразования новых слов в русском языке в данный момент можно выделить заимствование, аббревиацию и лексико-семантический способ.

Результаты и обсуждения

Неологизмы «отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным периодом в жизни людей, их культурной и социальной принадлежностью. Они составляют содержание национального самосознания, являются знаковыми элементами национального менталитета» [8, с. 237]. С помощью неологизмов, передающих дух времени, возможно охарактеризовать лингвокультуру в тот или иной этап ее развития и проследить адаптацию языка к обстоятельствам, возникающим в результате внеязыковых факторов.

В настоящее время исследование неологизмов в рамках лингвокультурологии является актуальным направлением в лингвистике (научные труды И.В. Рец [9]; В.В. Катерминой и С.Х. Липириды [3]; А.А. Замяткиной и Н.А. Беловой [2], Д.В. Конишевского, Н.В. Кушнаревой, И.Ю. Лавриненко [4]; О.А. Булкова и Л.В. Ещеркиной [1])

Современное российское общество можно описать следующими неологизмами (таблица 1).

Таблица 1

Классификация неологизмов по сферам использования.

Table 1

Classification of neologisms by areas of use.

Сфера использования	Примеры
Экономика	Криптовалюта, самозанятый, биткойн, зеленая экономика, демпинг, социальный пакет, базовый доход, монетизация, стартап, финтех
Политика	Популизм, брекзит, гибридная война, электоральный цикл, постправда, информационная война, технократия, грязные выборы, глокализация, деколонизация сознания
Культура	Сторителлинг, ремейк, киберпанк, веб-творчество, метавселенная, гик-культура, мейнстрим, экранизация, косплей, фанфик
Медиа	Кликбейт, трендсеттер, культура отмены, контент, фейк, информационный пузырь, ковид-диссидент, удаленка, маркетплейс, предпенсионный возраст
Наука	Геномика, биопринтинг, киборгизация, экзопланета, астроботаника, нейросетевые вычисления, квантовый компьютер, нейроинтерфейс, синтетическая биология, искусственная биосфера
Технологии	Интернет вещей, умный дом, блокчейн, дополненная реальность, бионанотехнологии, оцифровка, дрон, стриминг, хакинг, токен
Социальная сфера	Эйджизм, бодипозитив, зумер, социальный лифт, токсичные отношения, волонтуризм, триггер, инклюзия, буллинг, гринвошинг
Медицина	Ментальное здоровье, ковидный, геоинженерия, антиваксер, цифровой детокс, наномедицина, биохакер, генотерапия, экзоскелет, микробиом
Профессиональная деятельность	Фрилансер, нетворкинг, коворкинг, диджитализация, траблшутинг, аутсорсинг, профессиональное выгорание, тимбилдинг, фидбек, дедлайн
Образование	Смешанное обучение, геймификация обучения, электронный дневник, менторство, дистант, персонализированное образование, непрерывное обучение, VR-технологии, учебная аналитика, онлайн-образование

Опишем ключевые тенденции в современном российском обществе на основе представленных неологизмов.

В российской экономике активно развиваются цифровые и финансовые технологии, приобретают особую роль вопросы социальной защиты и экологии, происходит диверсификация трудовой активности.

Что касается политики, то можно отметить акцент на национальных интересах, комбинирование гибридных подходов, усиление контроля над электоральными и информационными процессами, а также стремление адаптироваться к глобальным вызовам с сохранением суверенитета.

Современная российская культура характеризуется расширением рамок искусства и поп-культуры за счет адаптации глобальных тенденций, технологических изменений и упора на активное участие аудитории в создании и переработке культурных продуктов.

В сфере медиа наблюдается цифровизация, ее влияние на информацию и глубокий анализ социальных изменений.

В научно-техническом комплексе внимание уделяется инновационным решениям, способным повлиять на ключевые проблемы человечества, включая развитие информационных технологий, здоровье, окружающую среду и освоение космоса.

В социальной сфере можно заметить актуальность следующих проблем: социальная справедливость, уважение к различным социальным группам, работа над осведомленностью общества. Российское общество становится более осознанным, открытым к дискуссиям на темы равенства и экологии, а также более критичным к социальным стереотипам и устаревшим моделям взаимодействия.

Основными тенденциями в медицине являются увеличение внимания к психическому здоровью, борьба с инфекциями, широкое внедрение технологий и персонализация лечения.

Наконец, неологизмы из сфер профессиональной деятельности и образования отражают влияние новых технологических решений, акцент на индивидуальные потребности и глубокую трансформацию подходов к обучению и работе.

Следует отметить, что объединяющий фактор для большинства представленных неологизмов – цифровая среда, в которой они были созданы. Интернет стал ключевым пространством для образования новых слов благодаря условиям, «когда границы между реальностью и виртуальностью становятся менее определенными, а возможности для самовыражения – практически неограниченными» [10, с. 483]. В свою очередь это доказывает влияние Интернета на все сферы жизни российского общества.

На основе представленного материала можно сделать вывод, что самым распространенным способом образования неологизмов является заимствование. Однако ошибочно полагать, что под сильным воздействием иностранных языков русский принимает любые заимствования без изменений, поскольку в языковой системе «происходит своего рода „переименование“ семантики и оценочной сферы заимствованных слов как знаков „чужих“ ценностей или инокультурных моделей поведения» [7, с. 129]. При использовании в современном русскоязычном дискурсе заимствования неизбежно претерпевают «культурную апроприацию», соответствующую русской языковой картине мира. Это подтверждается, например, тем, что заимствованные слова становятся основой для создания производных при помощи традиционных русских словообразовательных моделей. Так, от лексемы «менеджер» образовались такие производные слова, как «менеджерский» и «менеджерить».

Выводы

Таким образом, исследование показало, что в новообразованиях представлены ценности и национальные черты, существующие в языковых сообществах. В них фиксируются изменения в культуре и эволюция языка. В неологизмах отражаются как универсальные тенденции глобализации, так и уникальные ценности, и национальные черты, характерные для конкретных языковых сообществ. Неологизмы фиксируют изменения, происходящие в различных сферах жизни общества, таких как экономика, наука, культура, медиа и социальная сфера, что делает их своеобразным маркером эпохи. Они документируют эволюцию языка, демонстрируя его способность быстро адаптироваться к внешним изменениям и отвечать на вызовы времени.

Список источников

1. Булков О.А., Ещеркина Л.В. Современные неологизмы в русском языке как отражение трансформации общественного сознания // Управление в современных системах. 2016. № 1 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-neologizmy-v-russkom-yazyke-kak-otrazhenie-transformatsii-obshchestvennogo-soznaniya> (дата обращения: 31.11.2024).
2. Замяткина А.А., Белова Н.А. Неологизмы как отражение изменений социально-коммуникативной системы современного английского языка // СИСП. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-kak-otrazhenie-izmeneniy-sotsialno-kommunikativnoy-sistemy-sovremennogo-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 31.11.2024).
3. Катермина В.В., Липириды С.Х. Лингвокультурологические аспекты изучения новой лексики в условиях глобализации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 4. С. 31 – 39.

4. Конишевский Д.В., Кушнарева Н.В., Лавриненко И.Ю. Адаптация заимствований в языковой картине мира (к постановке проблемы) // Вестник ОмГУ. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-zaimstvovaniy-v-yazykovoy-kartine-mira-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 31.11.2024).
5. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 5 – 26.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/331b.html>.
7. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Щеникова Е.В., Бакич Н.А., Торопкина В.А., Жданова Е.А. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная: 2-е изд., стер. Монография. М.: Флинта, 2019. 232 с.
8. Рацибурская Л.В. Актуальные процессы в словообразовании русского и других славянских языков // Acta Polono Ruthenica. 2015. № 20. С. 237 – 246.
9. Рец И.В. Лингвокультурологические и эколингвистические основы неонимации: дис. ... канд. филолог. наук: 5.9.5. Волгоград, 2014. 197 с.
10. Ускова О.А., Гриценко А.А., Шаталова Н.С. Проблема нормативности русского языка в цифровой среде // МНКО. 2024. № 3 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-normativnosti-russkogo-yazyka-v-tsifrovoy-srede> (дата обращения: 31.11.2024).

References

1. Bulkov O.A., Eshcherkina L.V. Modern neologisms in the Russian language as a reflection of the transformation of public consciousness. Management in modern systems. 2016. No. 1 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-neologizmy-v-russkom-yazyke-kak-otrazhenie-transformatsii-obschestvennogo-soznaniya> (date of access: 31.11.2024).
2. Zamyatkina A.A., Belova N.A. Neologisms as a reflection of changes in the socio-communicative system of the modern English language. SISP. 2022. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-kak-otrazhenie-izmeneniy-sotsialno-kommunikativnoy-sistemy-sovremennogo-angliyskogo-yazyka> (date of access: 31.11.2024).
3. Katerina V.V., Lipiridi S.Kh. Lingvocultural aspects of studying new vocabulary in the context of globalization. Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences. 2019. No. 4. P. 31 – 39.
4. Konishevsky D.V., Kushnareva N.V., Lavrinenko I.Yu. Adaptation of borrowings in the linguistic picture of the world (to the formulation of the problem). Bulletin of Omsk State University. 2021. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-zaimstvovaniy-v-yazykovoy-kartine-mira-k-postanovke-problemy> (date of access: 31.11.2024).
5. Kotelova N.Z. The first experience of lexicographic description of Russian neologisms. New words and dictionaries of new words. L.: Nauka, 1978. P. 5 – 26.
6. Linguistic encyclopedic dictionary. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/331b.html>.
7. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Shchenikova E.V., Bakich N.A., Toropkina V.A., Zhdanova E.A. Socio-cultural and linguopragmatic aspects of modern word-formation processes: collective: 2nd ed., reprinted. Monograph. Moscow: Flinta, 2019. 232 p.
8. Ratsiburskaya L.V. Actual processes in word formation of Russian and other Slavic languages. Acta Polono Ruthenica. 2015. No. 20. P. 237 – 246.
9. Rets I.V. Lingvocultural and ecolinguistic foundations of neonomination: diss. ... Cand. of Philology: 5.9.5. Volgograd, 2014. 197 p.
10. Uskova O.A., Gritsenko A.A., Shatalova N.S. The problem of the normativity of the Russian language in the digital environment. MNKO. 2024. No. 3 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-normativnosti-russkogo-yazyka-v-tsifrovoy-srede> (date of access: 31.11.2024).

Информация об авторах

Елин А.А., преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Московский государственный лингвистический университет, sash12elin@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.111-26

¹ Нижельская Ю.А., ¹ Кравцова В.Ю.

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Анализ юридического дискурса как институционального явления в английском языке

Аннотация: в статье определена модель институционального дискурса, его признаки. Представлены подходы к интерпретации юридического дискурса, описаны адресаты и адресанты как его непосредственные участники. Особое внимание уделяется дифференциальным признакам юридического текста, обусловленного многозначностью семантики, а также экстралингвистическими факторами, которые играют важную роль в восприятии юридических документов. Терминологический знак рассматривается как базовая концептуальная единица правовой семиосферы в рамках юридического дискурса. Выделены доминанты юридического дискурса – тексты юридических документов – а также их язык, который включает язык законодательства и подзаконных правовых актов, язык юридической науки и образования и т.д. Юридический дискурс представляет собой сложный и многогранный феномен, в котором языковые средства играют ключевую роль в формировании правовой реальности. Исследование юридического дискурса является актуальным и перспективным направлением в современной лингвистике, что позволяет выявить не только основные закономерности его функционирования, но и понять, каким образом язык влияет на правовые процессы и общественные отношения в целом.

Ключевые слова: дискурс, институциональный дискурс, юридический текст, юридический дискурс, право, терминологическая единица, английский язык

Для цитирования: Нижельская Ю.А., Кравцова В.Ю. Анализ юридического дискурса как институционального явления в английском языке // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 138 – 144.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Nizhelskaya Yu.A., ¹ Kravtsova V.Yu.

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Analysis of legal discourse as a model of institutional discourse in the English language

Abstract: this article defines the model of institutional discourse and its characteristics. It presents approaches to interpreting legal discourse and describes the recipients and senders as its direct participants. Special attention is given to the differential features of legal texts, which are influenced by the polysemy of semantics, as well as extralinguistic factors that play a significant role in the perception of legal documents. The terminological sign is considered a fundamental conceptual unit of the legal semiosphere within the framework of legal discourse. The dominant elements of legal discourse are identified – namely, texts of legal documents – and their language, which includes the language of legislation and subordinate legal acts, the language of legal science and education, etc. Legal discourse represents a complex and multifaceted phenomenon in which linguistic means play a key role in shaping legal reality. The study of legal discourse is a relevant and promising direction in contemporary linguistics, allowing for the identi-

fication of not only the main regularities of its functioning but also an understanding of how language influences legal processes and social relations as a whole.

Keywords: *discourse, institutional discourse, legal text, legal discourse, law, terminological unit, English language*

For citation: Nizhelskaya Yu.A., Kravtsova V.Yu. Analysis of legal discourse as a model of institutional discourse in the English language. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 138 – 144.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

На современном этапе развития научной мысли исследование дискурса как лингвистического явления стало возможным благодаря значительным изменениям в области лингвистики. Дискурсология, также, как и лингвокультурология, возникла сравнительно недавно, во второй половине XX века и представила новый объект изучения в лингвистике – дискурс. Многозначность этого понятия связана, в первую очередь, со все более растущим интересом к его исследованию как со стороны лингвистики, так и со стороны других гуманитарных наук, таких как философия, история, дискурсивная психология и др. Проблемы дискурса и его вариативности являются важнейшими современными теоретическими вопросами.

Термин «дискурс» обладает довольно обширным спектром значений в гуманитарных дисциплинах. В современной лингвистике понятие «дискурс» занимает центральное место и вызывает особый интерес, как у зарубежных, так и у отечественных лингвистов. Дискурсы типологизируют по критериям формы, виду речи, типу адресата, социально-ситуативным параметрам, свойствами адресанта и адресата и т.д. Как отмечает А.А. Романов, отсутствие гомогенности в определении этого понятия является большей частью положительной чертой, ибо это следствие глобального и многогранного характера дискурса [8].

По определению Т.А. ван Дейка, дискурс – это «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [3]. Это довольно спорный вопрос в лингвистических кругах, связанный, прежде всего, с большим количеством трактовок понятия «дискурс». Исследователи приходят к мнению, что это смежные понятия, имеющие общие признаки – прежде всего экстралингвистические, но также проявляющие и принципиальные отличия. И.П. Романова отмечает, что анализ дискурса сосредоточен на аспекте динамики, тогда как функционально-стилистический анализ – на аспекте статики [9]. Мы считаем такую оппозицию для понятий функционального стиля и дискурса целесообразной. Для функционального стиля важна композиция текста, его языковое оформление, то есть особенности готового продукта, а дискурсивный подход учитывает социально-исторические аспекты создания текста в его динамике. Это согласуется с пониманием текста, взятого в событийном аспекте.

С точки зрения лингвистики юридический дискурс трактуют как многоаспектное и многоплановое явление, специфический вид коммуникации, который функционирует в различных сферах: судебных заседаниях, консультациях, допросах свидетелей в устной форме, законодательных документах, судебных протоколах и решениях суда. Дискурс – речевое поведение, процесс производства речевых намерений говорящего и интерпретации их слушающими в определенной речевой ситуации, т.е. на первый план выходит коммуникативная функция языка [7]. Цель юридического дискурса – регулирование и нормирование социальной реальности.

Вопрос классификации жанров юридического дискурса также требует уточнения, так как нет унифицированных критериев их разграничения. Обычно различают такие жанры, как судебная речь, тексты законов, законодательных актов, толкование юридических терминов и понятий, акты экспертиз или законодательный, устный судебный, письменный судебный, образовательный правовой и жанр типа «адвокат-клиент». А.П. Дединкин разделяет юридический дискурс по функциональным областям права: язык законов, язык юридической науки и экспертиз, язык ведомственного письменного общения, административный жаргон [2]. Несмотря на различия в классификациях жанров юридического дискурса, можно обобщить, что практически все исследователи этой проблемы выделяют как отдельный жанр тексты законов и законодательных актов.

Целью исследования является выявление характерных черт англоязычного юридического дискурса с точки зрения различных подходов к его изучению.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили научные источники (лексикографические издания, научные статьи, монографии и др.), посвященные описанию юридического дискурса. Методология исследования основывается на общенаучных (наблюдение, описание, систематизация, индукция, дедукция), эмпирико-теоретических (анализ, синтез) и лингвистических методах. Deskриптивный и лингвостилистический анализ применялся для установления особенностей функционирования языковых единиц в профессиональных текстах юриспруденции. Юридический дискурс рассматривался с учетом когнитивного принципа.

Результаты и обсуждения

Изучение юридического дискурса является актуальным, поскольку в результате глобализационных процессов сфера права также подвергается влиянию и, как следствие, изменяется. Многозначность понятия «дискурс», отмечаемая исследователями (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Борботько, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, П. Гудрич, М. Фуко и др.), требует четкого определения его границ в контексте юриспруденции. Юридический дискурс представляет собой статусно-ориентированный тип дискурса, в рамках которого протекает коммуникация между специалистами-юристами. По мнению Е.А. Кожемякина, под юридическим дискурсом следует понимать «регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, направленную на формулирование норм, правовое закрепление (легитимацию), регулирование и контроль общественных отношений» [4, с. 131].

В настоящем исследовании мы определяем юридический дискурс, как текст права, реализованный в конкретных речевых ситуациях юридической сферы с помощью специфической комбинации разноуровневых языковых и внеязыковых средств. Для юридического дискурса характерна жесткая организация, иерархическая структура и ряд «собственных» жанров – с той особенностью, что жанры юридического дискурса не зависят от коммуникативного субъекта. Субъект просто обязан принять заданные жанром «правила игры», но вместе с тем влияет на репрезентацию событий, то есть дискурсивное позиционирование, которое включает позиционирование участников коммуникации относительно друг друга в контексте ситуации.

Для обозначения англоязычного дискурса права параллельно используются термины «англоязычный юридический дискурс» и «англоязычный правовой дискурс». Англоязычный правовой дискурс, несмотря на разнообразие жанров, которые его составляют, объединяет институциональное отношение к образованию, реализации и толкованию права. Для юридического дискурса характерны четко обозначенные цели коммуникации и динамическая направленность. Все элементы юридической сферы реализуются через дискурс: они могут относиться как к референтному аспекту, так и быть элементами контекста прагматики. Юридический англоязычный дискурс исследуется как сложная совокупность и манифестация лексических (терминологических), грамматических и синтаксических средств, обусловленная задачами правовой коммуникации в сфере права.

Признаками юридического англоязычного дискурса являются закрытость и замкнутость текстов, строгая иерархия в представлении информации. Совокупность правовых текстов имеет четкую структуру и связана категориями на глобальном и локальном уровнях. Средством целостности глобального уровня правового дискурса являются категории когерентности и интертекстуальности» [6].

Англоязычный юридический дискурс можно охарактеризовать как многоуровневую систему, в которой взаимодействуют различные компоненты: языковые, культурные и социальные. На одном уровне мы видим правовые нормы и законы, которые регулируют поведение субъектов, а на другом – языковые средства, с помощью которых эти нормы интерпретируются и применяются. Важным аспектом является то, что юридический дискурс не только передает информацию, но и формирует правосознание, влияет на общественные отношения и обеспечивает защиту прав граждан.

С точки зрения лингвистической прагматики можно выделить ряд основных признаков юридического дискурса, который «реализуется в рамках дискурсивного сообщества институционального типа, выполняющего деятельность в сфере права (парламент, суд, полиция, прокуратура, адвокатура, нотариат)» [1]. В качестве таких признаков можно выделить следующие: институциональность, информативность, ритуальность, смысловая неопределенность, логичность, динамичность, дистанцированность и аналитичность.

Юридический дискурс является институциональным, как уже было отмечено, поскольку он осуществляется в различных общественных институтах. Очевидно, что это порождает типичные ситуации общения или модели поведения коммуникантов, специфические тематики, намерения, стратегии и тактики общения.

Информативность юридического дискурса присутствует в большинстве его жанров, но может различаться от жанра к жанру. В жанре закона информативность достигает высокого уровня, поскольку она

является одной из ведущих функций этого жанра. Например, для жанра судебного заседания характерен существенно более низкий уровень информативности, с доминированием фатической функции такого жанра.

Ритуальность, определенная повторяемость и четкая узнаваемость юридического дискурса обусловлены его последовательной нормативностью, предсказуемостью и закреплением четких языковых и квазизыковых формул. Традиционной является, как правило, структура такого дискурса, которая почти не допускает никаких отклонений.

Для юридического дискурса свойственна смысловая неопределенность, которая также варьируется от жанра к жанру. В тексте закона она присутствует скорее в преамбуле, тогда как нормы закона обычно прописаны довольно конкретно. Вместе с тем наличие целого ряда абстрактных понятий и определенная побудительность текста добавляют ему неопределенности. Это можно объяснить широкой сферой применения законов, которая не может охватить все возможные ситуации, требующие применения уголовных законов.

Обязательным элементом юридического дискурса является его логическая структура, основанная на принципах деонтической логики, характерной для прескриптивного языка норм и нормативных понятий. Закон имеет обязательную функцию и требует от того, кто им пользуется, выполнения определенных обязательств.

Другой признак юридического дискурса – его динамичность, обусловленная постоянными общественными изменениями, которые требуют внесения изменений в существующее законодательство. В преамбулах большинства законов содержится информация о последовательности изменений, их хронологии и характеристиках.

Также юридическому дискурсу приписывают дистанцированность. В случае закона она заключается в различных социальных статусах участников институционального общения, в частности законодателя и гражданина, в их физической, контактной или символической удаленности.

Аналитичность юридического дискурса заключается в суггестивном влиянии на подсознание, когда определенные абстрактные понятия наделяются юридической силой и оказывают особое эмоциональное воздействие на пользователя.

Юридический дискурс является институциональным, как уже было отмечено, поскольку он осуществляется в различных общественных институтах. Очевидно, что это порождает типичные ситуации общения или модели поведения коммуникантов, специфические тематики, намерения, стратегии и тактики общения.

Информативность юридического дискурса присутствует в большинстве его жанров, но может различаться от жанра к жанру. В жанре закона информативность достигает высокого уровня, поскольку она является одной из ведущих функций этого жанра. Например, для жанра судебного заседания характерен существенно более низкий уровень информативности, с доминированием фатической функции такого жанра.

Ритуальность, определенная повторяемость и четкая узнаваемость юридического дискурса обусловлены его последовательной нормативностью, предсказуемостью и закреплением четких языковых и квазизыковых формул. Традиционной является, как правило, структура такого дискурса, которая почти не допускает никаких отклонений.

Для юридического дискурса свойственна смысловая неопределенность, которая также варьируется от жанра к жанру. В тексте закона она присутствует скорее в преамбуле, тогда как нормы закона обычно прописаны довольно конкретно. Вместе с тем наличие целого ряда абстрактных понятий и определенная побудительность текста добавляют ему неопределенности. Это можно объяснить широкой сферой применения законов, которая не может охватить все возможные ситуации, требующие применения уголовных законов.

Обязательным элементом юридического дискурса является его логическая структура, основанная на принципах деонтической логики, характерной для прескриптивного языка норм и нормативных понятий. Закон имеет обязательную функцию и требует от того, кто им пользуется, выполнения определенных обязательств.

Другой признак юридического дискурса – его динамичность, обусловленная постоянными общественными изменениями, которые требуют внесения изменений в существующее законодательство. В преамбулах большинства законов содержится информация о последовательности изменений, их хронологии и характеристиках.

Также юридическому дискурсу приписывают дистанцированность. В случае закона она заключается в различных социальных статусах участников институционального общения, в частности законодателя и гражданина, в их физической, контактной или символической удаленности.

Аналитичность юридического дискурса заключается в суггестивном влиянии на подсознание, когда определенные абстрактные понятия наделяются юридической силой и оказывают особое эмоциональное воздействие на пользователя.

Область права справедливо считается одной из самых сложных семиотических систем, которую образует совокупность знаковых конструкций, функционирующих в правовом информационно-дискурсивном поле и отражающих правовую действительность средствами различных знаковых систем. Вся эта совокупность требует поиска новых подходов к пониманию законов ее формирования и функционирования, а также реализации средствами профессионального языка, то есть формирования особой области научного анализа – лингвосемиотики права.

Под правовой семиотикой понимается «область семиотики, направленная на изучение системы знаковых единиц, лежащих в основе законотворчества» [10, с. 128]. Б. Джексон определяет семиотику права как науку, предметом которой должны стать особенности возникновения, трансформации и утраты смыслов в области права [11]. В методологии семиотики права, согласно Б. Джексону, могут использоваться подходы любых наук, специализирующихся на построении и изменении смысла [12].

Особенности метаязыка права как одной из составных частей и важных характеристик правовой семиотики обусловлены спецификой юридического содержания и сферой специального использования. Именно метаязык определяет базовые знаки профессиональной языковой системы и устанавливает правила их функционирования.

По мнению Л.В. Колесниковой, специфика юридического дискурса даёт основания говорить о создании и восприятии правовых знаков как единого целостного процесса семиоза (возникновения, движения и функционирования этих знаков), который предполагает определённую последовательность процесса коммуникации в рамках юридического дискурса, а именно: 1) поэлементное воспроизведение правовой действительности в вербальных эквивалентах, передаваемых буквами и содержащих историю, этимологию, аналогию создаваемого слова, а также 2) постепенное раскрытие значения, заложенного в это слово (чтение иконографического изображения, наложение на него социального индекса и раскрытие смысла через сопоставление с прошлым опытом и проектирование дальнейшей поведенческой рефлексии)» [5, с. 218]. Эта последовательность требует выработки особого подхода к анализу содержания и толкованию значения терминов знаков юридического дискурса.

Как утверждает американская исследовательница права Р. Кевельзон, «проблема толкования в праве – это не просто проблема согласования основных понятий, а проблема согласия в том, что, когда они используются разными людьми, существует определённый общий смысл, который позволяет закону быть чем-то более устойчивым, чем идиосинкратическим изложением определённых принципов, которые могут лежать за рамками самого закона» [13, с. 218].

Понятно, что семиотика права, как и любая другая семиотическая система, «формируется в определённом этнокультурном окружении, используя его вербальные сигнальные обозначения, этнотиповые для того или иного национального сегмента мировой правовой действительности. Поэтому сигналы права одной правовой системы иногда непонятны для субъектов права другой системы» [5, с. 27]. В связи с влиянием множества экстралингвистических факторов на процесс правовой коммуникации профессиональные межкультурные контакты часто усложняются именно действием этнокультурных и национальных социальных факторов.

Выводы

Таким образом, юридический дискурс как текст права в динамике, в процессе толкования и разъяснения можно рассматривать как комплексную систему лексических, грамматических и синтаксических средств выражения, подчиняющуюся задачам и целям коммуникации в сфере права, характеризующуюся специфической терминологией и особыми юридическими категориями. Вербализация происходит во время реализации права, изучения правовых явлений, правового воспитания и обучения, что в совокупности формирует юридический дискурс. Дальнейшие перспективы исследования видим в анализе жанровой и, в частности, лексической специфики англоязычного юридического дискурса. Знаковая система юриспруденции наделена всеми характерными чертами знаковой системы как таковой. В рамках правовой знаковой системы формируется и функционирует вербальный правовой знак – терминовый знак, который является единицей этой системы и требует рассмотрения с позиций правовой семиотики и специального лингвосемиотического анализа. При этом особого внимания требует сам юридический дискурс как институциональный тип дискурса, как знаковая система профессиональной языковой картины мира юриста. Анализ юридического дискурса позволяет глубже понять, как язык используется в правовой сфере для достижения определенных целей. Исследование англоязычного юридического дискурса.

Список источников

1. Богачева Е.А. Лингвопрагматический аспект анализа судебного субдискурса (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2021. Вып. 125. № 7 (453). С. 7 – 14.
2. Дединкин А.Л. Зарубежная юрислингвистика: истоки, проблемы и перспективы развития // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2023. Т. 38. С. 32 – 36.
3. Дейк ван. Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / под ред. В.И. Герасимова, Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
4. Кожемякин Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11).
5. Колесникова Л.В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности: на материале предметно-терминологической области «Международное частное право»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ставрополь, 2007. 19 с.
6. Коновалова М.В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2008. 25 с.
7. Николаева Е.С. Коммуникативно-прагматический подход к изучению аллюзии в публицистическом дискурсе // Лингвистические и лингводидактические проблемы высшей школы: материалы Всероссийской научно-методической конференции, Санкт-Петербург – Петергоф, 26 апреля 2024 г. Санкт-Петербург – Петергоф: Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, 2024. С. 25 – 30.
8. Романов А.А. К соотношению понятий дискурс vs текст в гуманитарной парадигме: обзор, оценка и размышления // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2005. № 1. С. 119 – 128.
9. Ромашова И.П. Развитие представлений о динамике дискурса в современной лингвистике // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2 (20). С. 104 – 112
10. Danesi M. Encyclopedic Dictionary of Semiotics, Media, and Communications. University of Toronto Press, 2000. 266 p.
11. Jackson B.S. Making Sense in Jurisprudence. Liverpool, UK: Deborah Charles Publications, 1996. 362 p.
12. Jackson B.S. Making Sense in Law: Linguistic, Psychological and Semiotic Perspectives. Liverpool, UK: Deborah Charles Publications, 1995. 516 p.
13. Kevelson R. The law as a system of signs. New York: Plenum Press, 1988. 331 p.

References

1. Bogacheva E.A. Lingvopragmatic aspect of the analysis of judicial subdiscourse (based on the English language). Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological sciences. 2021. Iss. 125. No. 7 (453). P. 7 – 14.
2. Dedinkin A.L. Foreign legal linguistics: origins, problems and development prospects. Scientific notes of the UO "VSU named after P.M. Masherov", 2023. Vol. 38. P. 32 – 36.
3. Dijk van. T.A. Language. Cognition. Communication: collection of works. Edited by V.I. Gerasimov, Yu.N. Karaulov, V.V. Petrov. Moscow: Progress, 1989. 310 p.
4. Kozhemyakin E.A. Legal Discourse as a Cultural Phenomenon: Structure and Meaning-Formation. Jurislinguistics. 2011. No. 1 (11).
5. Kolesnikova L.V. Legal Discourse as a Result of Categorization and Conceptualization of Reality: Based on the Subject-Terminological Area "International Private Law": Dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.19. Stavropol, 2007. 19 p.
6. Konovalova M.V. Global Categories of Coherence and Intertextuality in Legal Discourse: Dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.19. Chelyabinsk, 2008. 25 p.
7. Nikolaeva E.S. Communicative-pragmatic approach to the study of allusion in journalistic discourse. Linguistic and linguodidactic problems of higher education: materials of the All-Russian scientific and methodological conference, St. Petersburg – Peterhof, April 26, 2024. St. Petersburg – Peterhof: Military Academy of Logistics named after General of the Army A.V. Khrulyov, 2024. P. 25 – 30.
8. Romanov A.A. On the relationship between the concepts of discourse vs. text in the humanitarian paradigm: review, assessment and reflections. The world of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2005. No. 1. P. 119 – 128.
9. Romashova I.P. Development of ideas about the dynamics of discourse in modern linguistics. Science of Man: Humanitarian Research. 2015. No. 2 (20). P. 104 – 112

10. Danesi M. Encyclopedic Dictionary of Semiotics, Media, and Communications. University of Toronto Press, 2000. 266 p.
11. Jackson B.S. Making Sense in Jurisprudence. Liverpool, UK: Deborah Charles Publications, 1996. 362 p.
12. Jackson B.S. Making Sense in Law: Linguistic, Psychological and Semiotic Perspectives. Liverpool, UK: Deborah Charles Publications, 1995. 516 p.
13. Kevelson R. The law as a system of signs. New York: Plenum Press, 1988. 331 p.

Информация об авторах

Нижельская Ю.А., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», julia15071509@yandex.ru

Кравцова В.Ю., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», inyaz-uriu@ranepa.ru

© Нижельская Ю.А., Кравцова В.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.222.4

¹ Силантьева Л.Г.

¹ Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Акустические и ларингальные корреляты словесного ударения в гильякском языке

Аннотация: в рамках изучения акустических и артикуляторных маркеров ударных слогиносителей в иранских языках проведено экспериментальное фонетическое исследование речи носителей гильякского языка (четырёх на первом этапе и трёх на втором). Для регистрации речевого потока использовались студийный микрофон и электроглоттограф. Речевая информация фиксировалась синхронно в два канала: интонограмма – графическое отражение сигнала с микрофона, глоттограмма – электронный аналог данных с глоттографа. Количественные показатели акустических и ларингальных характеристик гласных в ударных и безударных фонетических позициях получены с помощью программы Praat, переведены в относительные единицы и нормализованы методом z-score. Статистическая обработка проведена в программе IBM SPSS Statistics по многомерной общей линейной модели. Основную роль при маркировании ударного слога в гильякском языке играет длительность (T), а также интегральные параметры, которые вычисляются по площади огибающих кривых. Ударный слог регулярно характеризуется также повышением частоты основного тона (F0) и интенсивности (I), однако данные факторы оказываются статистически незначимы. Помимо этого, с ударением коррелирует ларингальный показатель – амплитуда вертикального смещения ларинкса (VLP атр).

Ключевые слова: гильякский язык, глоттограф, ударение, частота основного тона, интенсивность, длительность, ларинкс, вертикальное смещение ларинкса

Для цитирования: Силантьева Л.Г. Акустические и ларингальные корреляты словесного ударения в гильякском языке // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 145 – 152.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Silantyeva L.G.

¹ Lomonosov Moscow State University

Acoustic and laryngeal correlates of word stress in the Gilyak language

Abstract: an experimental phonetic study of Gilaki native speakers (four in the first stage of the study and three in the second one) was conducted as a part of a complex study of acoustic and articulatory markers of stressed syllable nuclei in Iranian languages. A studio microphone and an electroglottograph were used to record the speech flow. Speech information was recorded synchronously in two channels: an intonogram – a reflection of the microphone signal, and a glottogram – an electronic analogue of data from the glottograph. Quantitative indicators of acoustic and laryngeal characteristics of vowels in stressed and unstressed phonetic positions were obtained using Praat, converted into relative units and normalized using the z-score method. Statistical processing was held in IBM SPSS Statistics package using a multivariate general linear model. The main role in marking Gilaki stressed syllable is played by duration (T) with such integral parameters that are calculated on the basis of the envelope curves' area. Pitch (F0) and intensity (I) also increase in the stressed syllable, but these factors appear statistically insignificant. Moreover, the laryngeal parameter of vertical larynx fluctuation's amplitude (VLPamp) correlates with Gilaki stress.

Keywords: *Gilaki, glottograph, stress, pitch, intensity, duration, larynx, vertical larynx position*

For citation: Silantyeva L.G. Acoustic and laryngeal correlates of word stress in the Gilyak language. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 145 – 152.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Иранские языки – группа языков, относящихся к индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи и распространенных на территории Ирана, Таджикистана, Афганистана, а также России, Азербайджана, Грузии, Индии, Ирака, Киргизии, Китая, Пакистана, Туркменистана, Турции, Узбекистана и ряда других государств. Всего насчитывается более 50 языков, диалектов и диалектных групп.

В настоящее время сохраняется неравномерность изучения иранских языков, в том числе с точки зрения их фонетического строя и просодической структуры. Большая часть исследований, особенно экспериментальных, проводится на материале персидского языка. Соответственно, сохраняется необходимость комплексного экспериментального обследования менее широко распространённых иранских языков.

Проведённые ранее экспериментальные исследования обнаружили, что для мазандеранского, персидского и таджикского языков характерно тоническое ударение. При этом, в персидском языке наравне с акустической частотой основного тона (F0) высокозначима инфразвуковая частота (Fsub) (ларингальный коррелят ударения) [4, с. 257].

Ударение в других обследованных экспериментально иранских языках многокомпонентное, с одним или несколькими ведущими параметрами [8]:

- абйанеи – квантитативное с тоническим и динамическим компонентами;
- ваханский – квантитативно-тоническое с динамическим компонентом;
- гилякский – тоно-динамическое;
- гявруни – квантитативное с тоническим и динамическим компонентами (Керман), квантитативно-динамико-тоническое (Йезд);
- дари – квантитативное с психоакустическими тоническим и динамическим компонентами;
- пушту – квантитативно-спектральное;
- сарыкольский – квантитативное с тоническим компонентом.

Гилякский язык с его диалектами традиционно относится к прикаспийским языкам северо-западной группы иранских языков [1, 11, 13]. Согласно новой гипотезе [9, 10], он принадлежит центральной группе иранских языков. В отечественной иранистике в отношении данного языка также используется термин «гилянский». В статье предлагается отличать топоним «гилянский», т.е. относящийся к провинции Гилян, от этнонима «гилякский», т.е. относящийся к гилякам как народности.

Гилякский язык распространен на южном побережье Каспийского моря в иранской провинции Гилян и её окрестностях. Гиляки характеризуется наличием равнинной и горной разновидностей, выделяются диалекты Решта, Лахиджана, Лангеруда, Дейлемана.

В связи с массовым двуязычием гилянцев сильно воздействие персидского языка, что проявляется как в лексике, так и в фонетике: произношение наиболее употребительных слов общеиранского фонда уподобилось персидскому.

Согласно слуховым оценкам, ударение в гилякском языке было определено как динамическое [11, с. 19]. Установлено, что ударным, как правило, является последний слог слова, исключение составляют падежные показатели, изафетный показатель -э, личные окончания образованных от претеритальной основы форм глаголов. В положительных личных формах глагола, образованных от презентной основы, ударение падает на личное окончание. Кроме того, большая часть восточно-гилякских глагольных форм получает начальное ударение в сравнении с западно-гилякскими [13].

С целью определения природы гилякского ударения проведено экспериментальное акустическое исследование [1] с использованием программы речевого анализа Praat. Анализировались пять параметров для каждого гласного слононосителя: длительность (T), частота основного тона (F0), интенсивность (I), интегральные параметры F0 area и I area. F0 area вычисляется как площадь фигуры под кривые частоты основного тона (F0) на оси времени (T). Аналогично, I area представляет собой площадь фигуры, ограниченной кривой интенсивности (I) и временной осью (T). Выявлена статистически высокозначимая корреляция между ударением с частотой основного тона (F0, Sig < 0,001 [7]): в ударных слогах наблюдалось повышение

ние тона в среднем на 9,4%. Помимо этого, анализ показал значимую, но несколько менее регулярную связь ударения с интенсивностью гласного ($\text{Sig} = 0,006$): в ударных слогах она возрастала в среднем на 2,3%. Значимость данного фактора для маркирования ударных слогов в иранских языках была статистически подтверждена впервые. Остальные проанализированные акустические параметры для просодии оказались незначимыми ($\text{Sig} > 0,05$). Таким образом, гилякское ударение на основании экспериментального исследования охарактеризовано как двухкомпонентное – тоно-динамическое.

На современном этапе в языкознании, в том числе в иранистике, несмотря на значительные достижения в лингвистических исследованиях, остаются пробелы, касающиеся механики артикуляции, особенно звуков, производимых с использованием органов, расположенных в глубине речевого тракта, таких как гортань и голосовые складки. В то же время исследование артикуляции звуков речевыми органами, находящимися на выходе речевого тракта, таких как губы, зубы, увула и язык, долгое время проводилось лингвистами на основании личных ощущений при произнесении речевых единиц. Значимую роль в повышении объективности и точности изучения данных процессов сыграло внедрение в лингвистические исследования экспериментальных методов, в том числе с применением рентгенографии, магнито-резонансной томографии, ларингоскопии, ультразвуковых исследований.

Артикуляторные особенности ударных слогиносителей в иранских языках исследовались с использованием электроглоттографа на материале ваханского [3] и персидского [4-6] языков.

Актуальность представленной работы определяется отсутствием инструментальных исследований механизмов артикуляции звуков речи в гилякском языке ларинксом (гортанью) и голосовыми связками (складками), а также необходимостью проверки на большем массиве данных произведенных ранее оценок типа гилякского ударения аппаратным путем.

Цели и задачи исследования состоят в уточнении акустических характеристик словесного ударения в гилякском языке, изучении работы ларинкса и голосовых связок носителей гилякского языка при артикуляции речевых сегментов и определении взаимозависимости акустических и ларингальных параметров гилякских гласных слогиносителей и их ударности.

В качестве гипотезы выдвигается предположение о наличии взаимосвязи между акустическими и артикуляторными характеристиками гилякских гласных слогиносителей при маркировании ударного сегмента. Принимая во внимание результаты экспериментов на материале персидского языка [4, 6], предполагается, что ударные слоги в гилякском языке помимо обозначенного в [1, с. 86-87] повышения частоты основного тона и интенсивности производится снижением инфразвуковой частоты колебаний ларинкса (частота возвратно-поступательных движений ларинкса, F_{sub}). Допускается возможность обнаружения иных значимых коррелятов гилякского ударения, как акустических, так и ларингальных.

Материалы и методы исследований

С целью конкретизации роли акустических и изучения значимости ларингальных параметров при маркировании ударных слогов в гилякском языке были экспериментально обследованы гилякские гласные слогиносители.

Этап 1. На первом этапе были проанализированы 82 реализации гилякских гласных слогиносителей, рассмотренные ранее [1].

С целью минимизации роли индивидуальных особенностей речи четырех дикторов (трех мужчин и одной женщины) абсолютные значения параметров были переведены в относительные единицы: за 100% принималось максимальное значение показателя у информанта, а не значение в ударном слоге, остальные значения рассчитывались как процент от максимального. Для более точного анализа данных целесообразно учитывать не только среднее значение, но и стандартное отклонение, что позволяет оценить разброс значений и уточнить доверительные интервалы для ударных и безударных слогиносителей. В этой связи абсолютные значения были также нормализованы с помощью стандартизированной оценки ($z\text{-score}$), т.е. нахождение отклонения от среднего показателя, выраженного в единицах стандартных отклонений.

К рассмотренным ранее акустическим показателям добавлен интегральный параметр Volume – площадь трехмерной фигуры, ограниченной кривыми частоты основного тона (F_0), интенсивности (I) и нулевой линией. Так как запись речи проведена с использованием только акустического сигнала, оценить артикуляторные характеристики гилякских гласных слогиносителей на данном этапе не представлялось возможным.

Статистический анализ проводился в программе IBM SPSS по общей линейной многомерной модели. В качестве источника вариации в разных экспериментах выступали ударение (таблица 1) и пол говорящего (таблица 2). Все акустические параметры рассматривались как зависимые переменные и анализировались в трех вариантах значений.

Подтвердилась связь ударения с частотой основного тона (F0_rel и F0_norm) и интенсивностью (I, включая абсолютные значения), а также с интегральными параметрами: площадью под кривой F0 (F0_area_rel и F0_area_norm) и Volume (V, включая абсолютные значения).

Таблица 1

Результаты статистического анализа значимости акустических параметров для маркирования ударного слононосителя.

Table 1

Results of statistical analysis of the significance of acoustic parameters for marking the stressed syllable nucleus.

Параметр	Значимость	
T_abs	0,246	Отсутствует
T_rel	0,190	Отсутствует
T_norm	0,187	Отсутствует
F0_abs	0,097	Отсутствует
F0_rel	0,014	Высокая
F0_norm	0,005	Высокая
F0_area_abs	0,066	Отсутствует
F0_area_rel	0,033	Высокая
F0_area_norm	0,028	Высокая
I_abs	0,030	Высокая
I_rel	0,028	Высокая
I_norm	0,019	Высокая
I_area_abs	0,161	Отсутствует
I_area_rel	0,118	Отсутствует
I_area_norm	0,125	Отсутствует
V_abs	0,006	Высокая
V_rel	0,002	Высокая
V_norm	0,002	Высокая

Высокозначимая корреляция обнаружена между полом говорящего и частотой основного тона (F0), интегральными параметрами F0_area и Volume (в данном случае рассматривались только исходные значения параметров). Результаты эксперимента лишний раз подтвердили, что тонирование речи у мужчин и женщин происходит в разных октавах.

Таблица 2

Результаты статистического анализа взаимозависимости акустических параметров и пола диктора.

Table 2

Results of statistical analysis of the interdependence of acoustic parameters and the speaker's gender.

Параметр	Значимость	
T_abs	0,831	Отсутствует
T_rel	0,000	Крайне высокая
T_norm	0,001	Крайне высокая
F0_abs	0,515	Отсутствует
F0_rel	0,650	Отсутствует
F0_norm	0,000	Крайне высокая

Этап 2. На следующем этапе в Лаборатории экспериментальной фонетики Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова в 2022 – 2024 гг. проведена запись речи с использованием глоттографа Real-Time EGG фирмы Kay Pentax при участии трёх информантов (женщин) – носителей речтского диалекта. В качестве материала использован единый текст Jektâji M.P. «Mašt-ə Yahuā», рассмотрено 100 реализаций.

В настоящее время одним из наиболее точных методов аппаратного лингвистического фонетического исследования является электроглоттография. Глоттограф – прибор, который позволяет детально изучать работу гортани и голосовых связок. Снабженный двумя электродами, накладываемыми на шею диктора-информанта, прибор оценивает изменение сопротивления тока ультравысокой частоты, который проходит через ларинкс и меняет силу в зависимости от вибрации голосовых складок. Данные изменения фиксируются и отображаются

на экране монитора в виде глоттограммы – кривой, отражающей фазы колебательных движений ларинкса, а также открытие и смыкание голосовых связок в ходе артикуляции речевых сегментов (рис. 1).

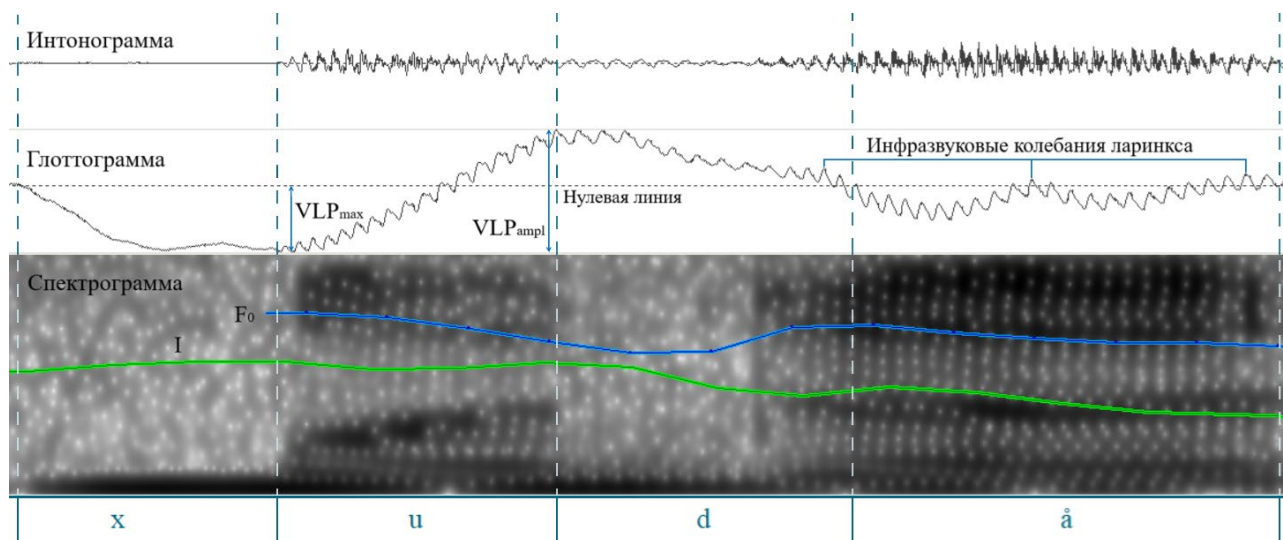

Рис. 1. Сегментация слова xudā ‘бог’.
Fig. 1. Segmentation of the word xudā ‘god’.

На рис. 1 представлена сегментация слова xudā ‘бог’ из предложения:

دانی بیامورزی خودا پئرا می دئی مرا وخت هر یحیی مشت

Mašt=ə Yahyā har vəxt mara din-e mi per=a xudā bi-yāmurz-i de-i-Ø

Mašt=ez Yahyā каждый раз 1sg.acc/dat видеть.prs-3sg 1sg.gen отец=post бог
pfv-прощать.pst-2sg видеть.pst-ipfv-3sg.pst

Машти Яхъя каждый раз, когда меня видел, говорил (досл. видел): «Упокой, господь, душу твоего отца».

Одним из ключевых преимуществ использования глоттографа данной модели является возможность синхронной регистрации речевого потока в два канала. Первый фиксирует сигнал со студийного микрофона, что позволяет анализировать акустические характеристики: частоту основного тона (F0), длительность (T) и интенсивность (I), на основании которых обсчитываются также интегральные параметры F0 area, I area и Volume. Во второй канал записываются ларингальные показатели: максимальное вертикальное смещение (VLP_{max}) и амплитуда вертикальных колебаний (VLP_{ampl}) ларинкса, инфразвуковая частота (F_{sub}), а также коэффициент открытости голосовой щели (OQ) – отношение времени открытости голосовой щели ко всему периоду колебания голосовых складок.

Значения вышеупомянутых акустических, интегральных и ларингальных параметров гилякских гласных слононосителей в ударной и безударной позиции анализировались с помощью программы речевого анализа Praat и программы статистического анализа IBM SPSS по аналогии с первым этапом исследования (Этап 1).

Результаты и обсуждения

Результаты статистического анализа значимости акустических параметров для маркирования ударного слога в гилякском языке показали высокую значимость длительности (T) и связанных с ней интегральных параметров F0 area, I area и Volume (включая абсолютные значения, Sig < 0,001). Помимо этого, к значимости стремится нормализованная частота основного тона (F0_{norm}, Sig ≈ 0,053, напомним, параметр считается значимым при Sig < 0,05) (таблица 3).

Кроме того, обнаруживается корреляция между ударением и ларингальным показателем VLP_{ampl} (Sig < 0,05). Связь инфразвуковой частоты (F_{sub}) и коэффициента открытости голосовой щели (OQ) с ударением не обнаружена (Sig > 0,05).

Несколько неожиданным выглядит отсутствие в большинстве случаев серьезных различий в значимости абсолютных и нормализованных значений параметров. Данный результат можно объяснить тем фактом, что все информанты в данном исследовании одного пола, что исключает значимую разницу в темпе и тонировании речи.

Также стоит отметить, что, вне зависимости от статистической значимости, большая часть параметров, за исключением инфразвуковой частоты (F_{sub}), возрастает в ударном слоге (таблица 4).

Таблица 3

Результаты статистического анализа значимости акустических и ларингальных параметров для маркирования ударного слога носителя.

Table 3

Results of statistical analysis of the significance of acoustic and laryngeal parameters for marking the stressed syllable nucleus.

Параметр	Значимость	
T (abs, rel, norm)	0,000	Крайне высокая
F0 abs	0,171	Отсутствует
F0 rel	0,070	Отсутствует
F0 norm	0,054	Отсутствует
F0 area (abs, rel, norm)	0,000	Крайне высокая
I abs	0,198	Отсутствует
I rel	0,200	Отсутствует
I norm	0,192	Отсутствует
I area (abs, rel, norm)	0,000	Крайне высокая
V (abs, rel, norm)	0,000	Крайне высокая
OQ abs	0,267	Отсутствует
OQ rel	0,452	Отсутствует
OQ norm	0,296	Отсутствует
VLPmax abs	0,113	Отсутствует
VLPmax rel	0,112	Отсутствует
VLPmax norm	0,099	Отсутствует
VLPampl abs	0,044	Высокая
VLPampl rel	0,040	Высокая
VLPampl norm	0,034	Высокая
Fsub abs	0,860	Отсутствует
Fsub rel	0,768	Отсутствует
Fsub norm	0,693	Отсутствует

Таблица 4

Разница в средних абсолютных значениях акустических и ларингальных параметров в ударных и безударных слогах.

Table 4

Difference between mean absolute values of acoustic and laryngeal parameters in stressed and unstressed syllables.

Параметр	Безударный слог	Ударный слог	Разница, %
T	73,595	98,755	+ 25,5%
F0	256,789	280,844	+ 8,6%
F0 area	14,819	22,550	+ 34,3%
I	67,303	68,616	+ 1,9%
I area	4,913	6,693	+ 26,6%
V	990,097	1528,755	+ 35,2%
OQ	50,891	53,535	+ 4,9%
VLPmax	10,878	16,203	+ 32,9%
VLPampl	13,595	23,878	+ 43,1%
Fsub	21,938	21,536	- 1,9%

Выводы

Использование при анализе гилякской речи глоттографа позволило обнаружить ларингальный коррелят, а также существенно уточнить данные по длительности, частоте основного тона и интенсивности гласных сегментов.

Результаты проведенных экспериментов свидетельствуют о том, что гилякское ударение является многокомпонентным, при этом основной его характеристикой выступает длительность (Т), которая маркирует

ударный слог в абсолютном большинстве случаев. Также регулярно характеризуют ударный слог интегральные параметры F0 area, I area и Volume. Закономерной, но статистически незначимой характеристикой гилякского ударения оказывается частота основного тона (F0).

Кроме того, обнаружен ларингальный коррелят гилякского ударения: значимым является амплитудный показатель вертикальных колебаний гортани (VLPampl).

Полностью подтвердить или опровергнуть гипотезу о возможной взаимосвязи акустической и инфразвуковой частот не удалось, так как частота основного тона (F0) не является статистически значимым маркером ударения в гилякском языке. Однако, обнаружена тенденция к разнонаправленности изменения значений данных параметров, схожая с персидским языком [4, 5, 12], где в ударном слоге частота основного тона (F0) повышается, а инфразвуковая частота (Fsub) понижается.

Данную зависимость можно связать с тем, что при произнесении ударного слога мышечная активность ларинкса значительно возрастает, оказывая идущему из легких воздушному потоку большее сопротивление. Повышенное напряжение гортани замедляет движение ее мышц, что, в свою очередь, проявляется в снижении частоты инфразвуковых колебаний. Однако, напряжённость ларинкса в вертикальном направлении не оказывает существенного влияния на частоту горизонтальных колебаний голосовых складок, определяющих тонирование речи.

Следующим этапом работы на данном направлении видится фиксация и обследование речи большего числа носителей гилякского языка, в том числе привлечение к исследованию дикторов другого пола и носителей других диалектов с целью дальнейшего сопоставления их характеристик.

Список источников

1. Иванов В.Б. Гилякская просодия // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 86 – 87.
2. Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. Синтаксические отношения имен в северо-западных иранских языках (на мазандеранском и гилякском материале) // Вопросы языкознания. М., 2017. № 2. С. 77 – 95.
3. Иванов В.Б., Силантьева Л.Г. Акустико-глоттографический анализ ваханского ударения // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 525 – 527.
4. Силантьева Л.Г. Результаты акустико-глоттографического исследования персидской просодии // Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика: тезисы докладов научной конференции, Москва, 14-22 апреля 2022 г. М., 2022. С. 255 – 258.
5. Силантьева Л.Г. Глоттографический анализ ударения в персидском языке // Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика: тезисы докладов научной конференции. Москва, 4-7 апреля 2023 г. М., 2023. С. 193 – 195.
6. Силантьева Л.Г. Коэффициент открытости голосовой щели в речи носителей персидского языка // Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика: материалы научной конференции. М.: ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, 2024. С. 300 – 302.
7. Craparo R.M. Significance level // Encyclopedia of Measurement and Statistics. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2007. No. 3. P. 889 – 891.
8. Ivanov V.B., Silanteva L.G. Research on word stress in Iranian languages by Soviet and Russian scholars // Russian Journal of Linguistics. 2023. No. 27 (2). P. 392 – 417.
9. Korn A. A partial tree of Central Iranian: A new look at Iranian subphyla // Indogermanische Forschungen. 2016. No. 121 (1). P. 401 – 434.
10. Korn A. Isoglosses and subdivisions of Iranian // Journal of Historical Linguistics. 2019. No. 9 (2). P. 239 – 281.
11. Rastorgueva V.S., Kerimova A.A., Mamedzade A.K., Pirejko L.A., Edel'man D.I., Lockwood R.M. The Gilaki Language // Studia Iranica Upsaliensia. Uppsala, 2012. 453 p.
12. Silanteva L.G. Acoustic-Glottographic Correlates of Prosody in Persian Speech. Conference Abstracts. Tenth European Conference of Iranian Studies (ECIS 10). Leiden, 2023. 179 p.
13. Stilo D., Gīlān X. Languages // Encyclopædia Iranica. 2001. No. 10 (6). P. 660 – 668. URL: <https://iranicaonline.org/articles/gilan-x> (дата обращения: 24.12.2024).

References

1. Ivanov V.B. Gilyak prosody. Lomonosov readings. Oriental studies. Abstracts of reports of the scientific conference. Moscow: Moscow University Publishing House, 2015. P. 86 – 87.
2. Ivanov V.B., Dodykhudoeva L.R. Syntactic relations of names in the northwestern Iranian languages (based on the Mazanderan and Gilyak material) . Questions of linguistics. Moscow, 2017. No. 2. P. 77 – 95.

3. Ivanov V.B., Silant'eva L.G. Acoustic-glottographic analysis of the Wakhan stress. The world of science, culture, education. 2019. No. 6 (79). P. 525 – 527.
4. Silant'eva L.G. Results of the acoustic-glottographic study of Persian prosody. Lomonosov readings. Oriental Studies and African Studies: abstracts of reports of the scientific conference. Moscow, April 14-22, 2022. Moscow, 2022. P. 255 – 258.
5. Silant'eva L.G. Glottographic analysis of stress in Persian. Lomonosov readings. Oriental Studies and African Studies: abstracts of reports of the scientific conference, Moscow, April 4-7, 2023. Moscow, 2023. P. 193 – 195.
6. Silant'eva L.G. Glottal openness coefficient in the speech of native Persian speakers. Lomonosov readings. Oriental Studies and African Studies: materials of the scientific conference. M.: ISAA MSU named after M.V. Lomonosov, 2024. P. 300 – 302.
7. Craparo R.M. Significance level. Encyclopedia of Measurement and Statistics. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2007. No. 3. P. 889 – 891.
8. Ivanov V.B., Silant'eva L.G. Research on word stress in Iranian languages by Soviet and Russian scholars. Russian Journal of Linguistics. 2023. No. 27(2). P. 392 – 417.
9. Korn A.A. partial tree of Central Iranian: A new look at Iranian subphyla. Indogermanische Forschungen. 2016. No. 121 (1). P. 401 – 434.
10. Korn A. Isoglosses and subdivisions of Iranian. Journal of Historical Linguistics. 2019. No. 9 (2). P. 239 – 281.
11. Rastorgueva V.S., Kerimova A.A., Mamedzade A.K., Pirejko L.A., Edel'man D.I., Lockwood R.M. The Gilaki Language. Studia Iranica Upsaliensia. Uppsala, 2012. 453 p.
12. Silant'eva L.G. Acoustic-Glottographic Correlates of Prosody in Persian Speech. Conference Abstracts. Tenth European Conference of Iranian Studies (ECIS 10). Leiden, 2023. 179 p.
13. Stilo D., Gīlān X. Languages. Encyclopædia Iranica. 2001. No. 10 (6). P. 660 – 668. URL: <https://iranicaonline.org/articles/gilan-x> (date of access: 24.12.2024).

Информация об авторах

Силантьева Л.Г., старший преподаватель, кафедра иранской филологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, lyubovsilantieva@yandex.ru

© Силантьева Л.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'42

¹ Хижazi М.К.Ю.

¹ Южный федеральный университет

Инструменты актуализации неформального регистра коммуникации в русских и палестинских блогах

Аннотация: в статье рассматриваются материалы российских и палестинских блогов, а также применяется метод их контент-анализа. Данная статья направлена на анализ особенностей различий регистров комментирования в блогосфере. Также она направлена на выявление различий и сходств в коммуникативных неформальных инструментах российских и палестинских блогеров, используемых ими при обращении к аудитории. В ходе анализа было установлено, что и в палестинских, и в российских блогах в процессе коммуникации с аудиторией сленг и разговорный стиль речи, характерные для дружеского общения. Также в обоих случаях отмечается использование специфической лексики и личного местоимения вы в качестве обращения к многочисленной аудитории. Однако были выявлены и некоторые различия в типе приветствий и личных местоимений, используемых палестинскими блогерами в зависимости от содержания высказывания. Анализируя блоги из Палестины и России, мы также обратили внимание на то, что в российских блогах наблюдается активное использование эмодзи и нецензурной лексики, в то время как для палестинских блогов характерно преобладание молитвенных обращений, а также отсутствие нецензурных выражений.

Ключевые слова: палестинские блоги, российские блоги, блогер, неформальный регистр коммуникации, комментарии, обращение к аудитории, контент-анализ

Для цитирования: Хижazi М.К.Ю. Инструменты актуализации неформального регистра коммуникации в русских и палестинских блогах // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 153 – 160.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Hizhazi M.K.Yu.

¹ Southern Federal University

Tools to actualise the informal register of communication in Russian and Palestinian blogs

Abstract: this paper delves into the analysis of the materials from Russian and Palestinian blogs and applies a content analysis method. The study is aimed at analyzing the differences in commentary registers within blog communication, as well as identifying the differences and similarities in informal communicative tools used by Russian and Palestinian bloggers when addressing their audience. The analysis revealed that in both cases, in Palestinian and Russian blogs slang and informal conversational speech styles are used during interactions with subscribers, which are characteristic of friendly communication. Additionally, both cases involve the use of specific vocabulary and the personal pronoun you as a form of address to a large audience. However, some differences were found in the types of greetings and personal pronouns used by Palestinian bloggers depending on the content of their statements. Furthermore, while analyzing blogs from Palestine and Russia, we noted that Russian blogs feature active use of emojis and profanity, whereas Palestinian blogs predominantly include religious expressions without any profanity.

Keywords: Palestinian blogs, Russian blogs, blogger, informal communication register, comments, addressing the audience, content analysis

For citation: Hizhazi M.K.Yu. Tools to actualise the informal register of communication in Russian and Palestinian blogs. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 153 – 160.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Терминологическое сочетание «коммуникативный регистр» было введено Г.А. Золотовой для обозначения важного элемента в области коммуникативной грамматики, которая используется для анализа речевой деятельности. По мнению Г.А. Золотовой, Коммуникативный регистр описывает многообразие стилей и методов общения, зависящих от контекста, аудитории и целей взаимодействия. Так как, коммуникативный регистр представляет собой модель речевой деятельности, которая определяется пространственно-временной позицией говорящего относительно содержания сообщения. Этот регистр включает в себя разнообразные типы модусов, такие как волюнтивный и эмотивный, и характеризуется единством точки зрения, с которой ведётся повествование [1].

Т.Н. Хомутова акцентирует внимание на том, что регистр представляет собой неотъемлемый элемент индивидуального языкового поведения, проявляющийся в способности человека адаптироваться к различным коммуникативным ситуациям. Автор определяет регистр как сложное и многогранное понятие, которое находит своё отражение в совокупности лингвистических и социальных факторов, формирующих контекст коммуникации [2].

Итак, можно сказать, что неформальные коммуникации представляют собой систему неявной организации взаимодействия, которая может быть ориентирована как на решение профессиональных задач, так и на удовлетворение потребности в общении. Они характеризуются использованием более свободного стиля речи, сленга и сокращений. Поэтому можно сказать, что неформальный регистр языка способствует формированию атмосферы близости и доверия между участниками коммуникации. Он может проявляться в общении между друзьями или членами семьи, где допустимы шутки и неформальные выражения.

Влияние интернета и современной жизни в социальных сетях также способствует распространению неформального регистра. Особое внимание следует уделить языку интернета, который представляет собой пространство, где неформальный регистр используется наиболее активно.

В наше время блог можно рассматривать как неотъемлемый элемент медиасфера. Медиасфера представляет собой основное коммуникативное пространство, информационное ядро социальной жизни, в котором происходит формирование и обсуждение социально значимых вопросов. Блог – это веб-журнал или информационный сайт, на котором содержание отображается в обратном хронологическом порядке, что означает, что самые свежие записи появляются первыми в верхней части страницы. Термин "блог" является сокращенной формой "веб-блога" и обозначает платформу, где один или несколько авторов делятся своими мнениями и взглядами на определённые темы. Для эффективного ведения блога требуется определённый набор навыков, известный как блоггинг. Развитие Интернета открыло новые возможности для передачи информации через блоги. Лицо, ответственное за создание и управление контентом на блоге, называется блоггером. Таким образом, блоги служат инструментом для выражения мнений и обмена информацией в интерактивной форме с аудиторией [3].

В настоящее время неоспоримым является утверждение о том, что интернет представляет собой инструмент и среду для глобальной коммуникации, не ограниченной никакими рамками. Согласно А.Д. Хуторянской, имеются все основания для того, чтобы рассматривать глобальную интернет-структуру как интернет-картину мира, представляющую собой модель, отражающую реальность, мировоззрение и упорядочивающую его в системное и схематическое образование [4], то есть интернет-картина мира выступает в качестве специфической системы представлений о мире и месте человека в нём [5].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования стали палестинские и российские блоги. В статье использовались методы критического контент-анализа и дискурс-анализа, а также метод сравнительно-сопоставительного анализа. Благодаря использованию этих методов удалось провести анализ лингвистических приёмов, рассматриваемых в статье.

Результаты и обсуждения

В контексте исследования инструментов актуализации неформального регистра коммуникации в русскоязычных и арабоязычных палестинских блогах, представляет научный интерес анализ картины мира

участников интернет-коммуникации, таких как блогеры и их подписчики. Каждый участник массовой коммуникации обладает уникальной индивидуальной, национальной или религиозной картиной мира, которая формируется под влиянием различных факторов, таких как национальность, язык, психологические и социально-культурные особенности, условия жизни и т.д.

В широком социокультурном контексте многие картины мира участников интернета могут иметь общие черты. Однако, если рассмотреть, например, русские и палестинские блоги, то можно увидеть их разнообразие и различие, которое объясняется различиями в национальностях, языках, психологических и социально-культурных особенностях их авторов. а также условиями жизни в разных странах, можно говорить о специфике, уникальной в каждом конкретном случае оформления картины мира каждого блогера. В зависимости от специфики картины мира блогеров и различаются регистры комментирования в условиях блогерской-коммуникации. Соответственно, различные типы коммуникантов продуцируют следующие базовые виды текстов-комментариев в интернет-коммуникативном пространстве: комментарий (реминисценция, прогнозирование, оценка, поддержка, критика, рассуждение, описание, назидание, шутка, рассказ, религиозные выражения) [6].

В ходе нашего исследования мы выявили, что лингвостилистические характеристики комментариев пользователей демонстрируют существенные различия в зависимости от содержания высказывания и личности блогера. И это один из инструментов актуализации неформального регистра коммуникации в русских и палестинских блогах. Анализируя блоги из Палестины и России, мы отметили, что в российских блогах наблюдается большее количество признаков дезинформации, а также активное использование эмодзи и нецензурной лексики, в то время как в палестинских блогах преобладают молитвенные обращения и отсутствуют нецензурные выражения.

В качестве примеров для анализа возьмём несколько блогов из Палестины и из России:

Исраа Аль-Мудаллал, палестинская журналистка и рассказчица, обладает уникальным талантом, который позволяет ей создавать тексты, способные привлечь внимание аудитории. Её посты отличаются особой выразительностью и глубиной. Она не прибегает к невербальным средствам при написании своих публикаций и всегда использует стандартный арабский язык. Было интересно не только ознакомиться с её публикациями, но и проанализировать реакцию аудитории на них.

В качестве иллюстрации можно привести пост, в котором автор выкладывает фотографию и выражает свои эмоции и мысли о пользе чтения книг, особенно философских, а также о том, как это может повлиять на мировоззрение. В другом посте она рассказывает об исторических улицах и их красоте.

Необходимо подчеркнуть, что в комментариях пользователи активно прибегают к использованию невербальных средств коммуникации, таких как смайлики и эмодзи, представляющие собой разнообразные символы, включая изображения рук, символизирующие лайк, сердца, а также разнообразные цветочные розы и огонь.

Значительная часть аудитории реагирует исключительно на визуальную составляющую поста, а именно на фото и на то, как автор поста себя позиционирует. Так, в комментариях можно встретить множество положительных эпитетов, таких как (يـنـنـجـتـب / روصـلـا / قـمـا خـف / قـرو نـم) «модная», «классная» и «красивая».

Некоторые комментаторы, используя разговорный арабский язык, высказывают своё мнение о посте. Некоторые выражают согласие с автором и благодарят за публикацию. Зачастую под постом разгораются дискуссии между пользователями. Примеры:

انقلعت رمدل اب انمدقت املك.. عيون عمال حورلا ززعوي عتتمم ليمج مديق يش لك); (يبلق فطخ صنل); (قفتاً)
(مديق لابل).

Перевод: «Всё, что было в прошлом, исполнено изящества, радости и воодушевления. С возрастом мы сохраняли верность прошлому»; «текст мне очень нравится!»; «я согласен».

Следует подчеркнуть, что все комментарии были написаны на разговорном арабском языке, а не на стандартном его варианте. Кроме того, некоторые комментарии были сделаны на английском языке. В комментариях не было обнаружено использования сленга или сокращённых форм слов. В комментариях присутствуют религиозные слова и молитвы, такие как: (you look amazing MASHALLAH); (يا لـكـرا بـ)
(يـكـالـحـمـلـلـاـشـا م).

Фразы (ما شاء الله) и (بارك الله فيك) используются в арабском языке для выражения восхищения чем-то красивым или положительным и считаются религиозными выражениями, указывающими на то, что произошло по воле и способности Аллаха.

Стоит также упомянуть, что если среди авторов комментариев есть люди, владеющие различными арабскими диалектами, то они используют их в своих высказываниях. Также стоит отметить, что в комментариях отсутствуют нецензурные выражения.

Мы обращали внимание на то, что в комментариях многие её называют «Ом Амер» (رماع أم). Это арабский стиль общения, хотя её зовут Иссраа. Однако в арабской культуре принято называть людей, используя имя старшего сына. У Иссраа старший сын – Амер, поэтому «Ом Амер» означает «мать Амера». Много написали «мнавра» (مناвра) – это выражение, распространённое в Палестине, которое означает «ты очень красиво и ярко выглядишь, как будто есть свет на фотографии». Примеры: (ما يتبهيح / رماع أم قرونم / رماع أم يلحأ قرونم) (رماع).

Также широко используются английские слова с арабскими буквами, например, «outfit» (تيفتوا).

Более того, существует ряд палестинских блогеров, которые создают блоги, посвящённые путешествиям, повседневным делам или приготовлению пищи. Среди них можно выделить Ибн Хатуту, путешествующего по разным странам и рассказывающего о них, Аззу Зарур, создающую видео о своей жизни и семейном контенте, и Абу Джулию, шеф-повара, который делится рецептами и рассказывает о приготовлении пищи. Хотя каждый из авторов имеет уникальный контент в своих блогах, аудитория у них общая. Если мы рассмотрим комментарии у этих блогеров, то увидим, что арабские пользователи из разных стран используют исключительно свой разговорный диалект. Они активно применяют эмодзи, такие как сердечки, смайлики или жесты руками. Кроме того, они используют английские слова, написанные арабскими буквами такие как: (edit)(تديدي), (video)(ويديفي). В комментариях нередко можно встретить пространственные рассуждения о молитвах и религиозных наставлениях тем самым вступая в полемику. Порой люди ограничиваются лаконичным «мне нравится» или «мне не нравится».

Приведем примеры из блога у Ибн Хатуты:

دلب يف دوجول او مال سال اقم عن يل ع ل ل ل د م ح ل او ك د و ح ل ا ر ك ش ا م ر و ز ن ر ك ف ن م ا م ن ا د ل ب ف و ش ن و ف ر ع ت ن ا ن ي ل خ ت ب (ي م ا ل س ا).

Перевод: «Вы даёте нам возможность познакомиться с такими странами, о посещении которых мы даже не думали. Благодарим вас за ваши труды и возносим хвалу Аллах за то, что мы имеем счастье жить в исламском мире».

(ان رافسا نم رتكي انبر) «это молитва связана с желанием исследовать новые места, культуры и получать новые впечатления»; (م م د ن ع ي ل ا ق ف ا ق ث ل ا ي ل ع ا ن ف ر ع ت و ع ئ ا ر ن م ر ت ك ا د ا ل ب ل ا ك ي ل ع ل ل ا ا ش ا م) перевод: «страна более чем замечательная, и мы смогли приобщиться к её культуре, благодаря тебе».

Стоит также отметить, что в комментариях к видео, размещённому Абу Джулией, задаётся вопрос о причинах использования английского языка. Собеседники выражают недовольство и настаивают на том, что в блоге должен использоваться исключительно арабский язык. (س ب ك ي د ي ا م ل س ي ق ف ص و ل ا ق و ل ح ف ي ش ا ي ا ب ح ر م). (!اي بر ع ل ا ب ي ش ا ل ك م ز ا ل ب ر ع ا ن ح ؟ ي ز ي ل ج ن ا ل ا ب ش ي ل).

Они также повторяют фразу «مزلل انبي ابح», которая является характерным выражением для блогера и для палестинского диалекта и означает «мои близкие». Для установления контакта с виртуальными собеседниками, и чтобы приветствовать его как своими словами.

В комментариях у Аззы Зарур люди используют английские слова, написанные арабскими буквами. Например, «baby» (بيبي) и «cute» (تويك). Также в комментариях много молитв. Некоторые люди призывают её беречь своего ребёнка и не показывать его. Все комментарии написаны на разговорном арабском языке, а иногда и на местном диалекте.

Примеры: (...ش م ح ر ت م س ا ن ل ا و ق ح ن ي ع ل ا ع ق ا و م ل ا ن م ك ن ب ا ي م ح ا ق ز ع ا ي . ن م ح ر ل ا ك ر ا ب ت ر ب ك ا ل ل ا).

Из России посмотрим: блоги Романа Каграманова в телеграмме и тиктоке, блоги Ян Гэ в тиктоке и из ВК блоги Ольги Бузовой, Кати Варнавы и Насти Ивлеевой и других.

Роман Каграманов, видеоблогер, – молодой человек, обладающий талантом добродушно шутить, что неизменно привлекает к нему внимание и вызывает симпатию у его поклонников.

В комментариях к его постам мы можем наблюдать, как люди выражают своё согласие с его мыслями, иногда даже отвечая шутками или признавая его талант. В частности, мы обратили внимание на его посты, посвящённые проблемам в отношениях и кибербуллингу.

В комментариях русскоязычные пользователи применяют меньшее количество эмодзи по сравнению с арабскими, однако их выбор отличается разнообразием. В отличие от арабских эмодзи, представляющих собой в основном сердечки, руки или огонь, русские используют более широкий спектр смайликов.

Кроме того, русскоязычные комментаторы склонны к использованию большего количества бранных выражений, в то время как арабские пользователи часто включают в свои комментарии религиозные обращения. В комментариях на русском языке также больше внимания уделяется обсуждению предмета разговора, в то время как арабские пользователи склонны к обсуждению одежды. Более того, русскоязычные комментаторы активно используют сленг и заимствования из английского языка.

Конкретно из комментариев: «хейтер / хейтить» *hater/hate*, «абузыров / абузыр» *abusers / abuser*, «супер» *super*, «позитив» *positive* и т.д. Активно используют современный молодёжный сленг, например, как: «боженька с иконы», а также обращаются к языковой игре: «в сети кибербуллинг, в одноклассниках- кибербабуллинг».

Ян Гэ – актриса, режиссёр и певица, имеющая китайские корни. Она создаёт забавные видео на русском языке, демонстрируя модные и красивые наряды, сопровождая свои работы фотографиями. Зрители оставляют комментарии, выражая своё восхищение. Было заметно, что люди обращались к ней «наша девочка», «Ян Гэшечка», «осенняя Гэша». С различными эпитетами и обращениями. В последнее время в комментариях часто можно встретить такие словосочетания как «возвращайся к нам», «наша Ян Гэ», «наша русская актриса». Её русскоязычная аудитория выражала недовольство тем, что она перестала писать на русском языке, задавая вопросы: «почему сейчас только английский пишет?». Кроме того, в комментариях часто используется современный молодёжный сленг, такой как «лапочка», «красавица», «умничка», «фотки огонь». Также было заметно, что люди смешивали английские и русские слова, создавая особые выражения, такие как: «респект», «ты супер», «Ян Гэшка пончик из *candy shop*».

Ольга Бузова – певица и телеведущая, очень активна как блогер.

У неё в комментариях звучит множество критических замечаний. Публика постоянно обсуждает скандальные события, выражает недовольство и задаётся риторическими вопросами, такими как: «Боже, когда же эта певица исчезнет с родаров?», «Как фильтр меняет человека!», «зачем вы всё это демонстрируете? Так глупо в вашем возрасте», «Зал был полупустой». В комментариях часто используется современный молодёжный сленг и разговорные одобрительные выражения: «кайф», «умница». Также встречаются английские слова: «новый хит» (*new hit*), «супер» (*super*) и другие.

В рамках исследования также был проведён контент-анализ, направленный на выявление различий и сходств в инструментах неформальной коммуникации российских и палестинских блогеров при обращении к аудитории и взаимодействии с ней. В частности, были исследованы такие аспекты, как выбор формы обращения, применение специфических лексем и местоимений, также стиль общения с подписчиками.

Результаты исследования показали, что палестинские блоги имеют ряд сходств с российскими. В обоих случаях в процессе взаимодействия с подписчиками используется сленг и разговорный стиль речи, характерные для дружеского общения. Также в обоих случаях отмечается использование специфической лексики и личного местоимения «вы» в качестве обращения к многочисленной аудитории, а не как официального обращения к одному лицу. Однако были выявлены и некоторые различия в типе приветствий и личных местоимений, используемых палестинскими блогерами в зависимости от содержания высказывания.

Рассмотрим более детально примеры, представленные в блогах:

Нами был подробно изучен Абу Джулия фуд-влог, здесь поначалу надо отметить следующие повторяющиеся при обращении к подписчикам слова: (اي بي بي اي فوش / ايلع وفوش / افيك نيفي اش / لال مسب لوقن). Блогер всегда приветствует подписчиков, употребляя устойчивое словосочетание (مزلل ان بي اب) «мои близкие». Это этикетная формула, специфичная для палестинского диалекта. Кроме того, есть особые слова, которые продюцент регулярно использует. Они создают эффект живого, непосредственного взаимодействия с аудиторией. Он показывает что-либо и просит зрителей на это посмотреть (ايلع وفوش) «посмотрите вместе со мной» (اي بي بي اي فوش) «посмотри, мой любимый» (افيك نيفي اش) «видно ли вам, как прекрасно?!». Формы глаголов свидетельствуют о том, что блогер обращается к аудитории с помощью местоимения вы именно как формы множественного лица, а не основного варианта официального обращения. Он также повторяет глаголы в форме повелительного наклонения. Он всегда использует местоимение “мы” а не “я” (افيك نيفي اش / لال مسب لوقن) «делаем / едим / возьмём / кайфуем», что создает ощущение сопричастности. Он всегда начинает видео с (لال مسب لوقن), что значит «давайте начнём во имя Бога». Это мусульманская этикетная формула, которая, согласно обычаю, произносится перед началом какого-либо дела и носит характер просьбы о благословении. Он также часто употребляет такие религиозные выражения, как (افيك نيفي اش / لال مسب لوقن) «Ох Мой Бог!». Можно также добавить, что в некоторых видео у Абу Джулия есть повторяющиеся слова, которые могут вызвать негативную реакцию, если они бывают через каждое слово. Это так называемые «слова-паразиты», такие как (دي دي الباي / دي دي الباي) «Вааааау!». Эти единицы также являются специфичными для палестинского диалекта арабского языка.

Для блога Диала Сестим также типичны дружеские обращения к подписчикам, она использует сленг и разговорную речь, типичную для палестинского диалекта. В ее речи часто встречаются следующие слова и выражения: (لال دعي سي / لال دعي سي). Эти повторяющиеся высказывание выражают радость блогера от общения с подписчиками, ее любовь к ним. Они переводятся на русский язык следующим образом: «будьте

счастливыми, как я вас всех обожаю!»). Она всегда приветствует подписчиков в разное время суток, используя соответствующие этикетные формулы (ري خال / «доброе утро» (ري خال اسم) «добрый вечер» [10]. Блогер использует гендерно-специфичное обращение, характерное для сленга: (لاي ع اي) «ребята / ребята, или пацаны» [10]. В ее сторис в Instagram она обращается к подписчикам на вы, и это местоимение также представляет собой форму множественного числа, а не официальное общение (اوكلالحم) «вы классные / для нас и для вас / скажите / разбудите меня». Кроме того в ее речи иногда встречаются слова, заимствованные из турецкого языка (لازوك مكءاسم) «вам красивого вечера» (لازوك) (güzel).

Третий блогер из Палестины – это Бисан, которая обращается к подписчикам используя разные формы приветствия. Особенность ее стиля общения состоит в том, что она все время смешивает формулы неформальной и официальной коммуникации (ابحرم / يتداسو يتادي سي/يئاقصأ/عازع الال يني عباتم) «дорогие подписчики / друзья мои / ladies and gentlemen / привет». В её речи часто встречается гендерно-специфичное сленговое обращение (بابش اي / لااي ع اي) «ребята / ребята, или пацаны». Она использует заимствованные слова из английского языка: «хэллоу». Она иногда обращается к зрителям, используя выражение (عأمجي) «люди / команда». Приветствует подписчиков, подчеркивая неформальный, дружеский и даже интимный тон общения, «например, у нас форма доброе утро или добрый вечер меняется в зависимости от человека и его близости к говорящему». Обычная форма – это (ري خال / ءاسم/ري خال / حابص) (الفلا حابص) здесь она убрала слово доброе / добрый и добавила слово жасмин самбак, это вид растений рода жасмин красиво выглядит и приятно пахнет, то есть она желает подписчикам, чтобы их утро было похоже на жасмин. Она использует разговорный палестинский диалект и местоимение вы как форму множественного, а не как официальное общение, также в ее речи много глаголов в форме повелительного наклонения.

В текстах русских блогеров заметны такие слова, как «друзья, дорогие мои, народ, люди, ребятки» и т.д. Итак, можно считать, что между блогерами и подписчиками осуществляется именно дружеское общение, поскольку к аудитории обращаются так, как обращаются к друзьям.

Русские блогеры, как и палестинские, приветствуют аудиторию, обращаются на Вы в форме множественного числа и используют сленгизмы, заимствованную лексику и гендерно-специфичные обращения. С другой стороны, в русских блогах встречается новый способ обращения: обращения-зоологизмы, обращения-прилагательные. Характерной особенностью русских блогов является активное использование уменьшительно-ласкательных суффиксов при обращении, т.е. инфантильных обращений.

Обратимся к конкретным примерам:

Формы дружеские, неформальные обращения, как у Ольги Бузовой. Она всегда обращается к подписчикам, используя «мои люди / дорогие мои / друзья / мои хорошие». Она часто использует вы как местоимение множественного числа. Для ее сторис характерно устойчивое высказывание «но что мои хорошие!», а также некоторые заимствования, в частности английское этикетное «хэллоу».

Дружеские обращения, типичные для неформального речевого регистра, также встречаются и в блоге у Кати Варнавы «мои близкие / дорогие мои / берегите себя».

Также из блога Насти Ивлеевой приведем несколько примеров дружеских обращений, обращений-прилагательных, инфантильных обращений и гендерно-специфичных лексем: «добрейшее утро / доброе утро, сладкие / так девочки / ребят!». Среди тех, кто использует зоологизмы и инфантильную лексику, можно также упомянуть блогера Настю Ивлееву, ведущую свою страницу, где она называет своих подписчиков «пупсики». В ее текстах нередко встречаются единицы с уменьшительно-ласкательными суффиксами «пупсики, youtubик, инстик» или «мои сладуськинсы». В блоге Valeri chekalina также встречается такой способ обращения, как «девчоночки / доброе утречко».

Что касается обращений-прилагательных, то стоит отметить, что многие русские блогеры, прибегают к этому способу обращения при описании своих подписчиков, пример: «любимые, хорошие, драгоценные, милые, волшебные, чудесные, красивейшие, прекрасные люди».

Приведем конкретный пример из блога Valeri chekalina «мои любимые подписчики».

Анализируя сторис в блоге Романа Каграманова, мы пришли к выводу, что он всегда здоровается, употребляя следующие устойчивые сочетания: «всем привет / извините пожалуйста но, / мои хорошие / уважаемые девашки / ой девашки не могу / ой девашки смотрите / знаете в чем приколь, /мои хорошие всем дуброе утро / друзья всем привет всем хорошего дня всем хорошее ностояние / дорогие друзья / всем доброго, прекрасного, замечательного дня / мои золотые, мои дорогие всем прекрасного дня / всем хав а найс дай, гуд афтарнун». То есть он использует дружеские обращения, элементы разговорного жаргонного

стиля и иногда заимствованные слова и гендерно-специфичную лексику, также он всегда использует обращения-прилагательные и инфантильные обращения.

А если обратиться к блогу Ян ГЭ, то можно отметить, что у неё всегда одна форма приветствия и это тоже дружеское, неформальное обращение: «всем привет меня зовут Ян ГЭ / всем привет замечательные рублика не выносимый русский с вами Ян ГЭ... спасибо». Кроме того, она часто использует заимствованные слова «всем хай замечательные рублика не выносимый русский с вами Ян ГЭ... спасибо» «всем хай в этом чате». В речи у Ян ГЭ слово спасибо – это слово-паразит, так как она часто повторяет его неприятным тоном.

У Антона Шастуна в канале Импроком часто встречаются такие гендерные обращения, как «братья, ребята / ребята, пацаны». Также, у ютубера mamaotlichnika всегда гендерные обращения, так как она всегда говорит «девошки / девошки добрый день / девошки доброе утро».

Выводы

В заключение стоит отметить, что блоги – это уникальная площадка для коммуникации, где люди могут свободно выражать свои мысли и чувства на естественном, открытом и честном языке. Это неподдельное проявление эмоций невозможно подделать. Именно поэтому комментарии и обращения к читателям становятся инструментами для актуализации неформального общения в медиадискурсе как для палестинских, так и для российских блогеров.

В рамках данной статьи мы провели анализ различных типов комментариев в палестинских и в русских блогах. Мы также исследовали их стиль общения и особенности обращения к аудитории в этих блогах. Анализируя видео, сторис и посты, мы обнаружили, что все блогеры стремятся установить неформальное общение с аудиторией, используя дружеские обращения и приветствия, создавая ощущение близости и доверия. В речи палестинских и русских блогеров встречаются обращения, которые представляют собой заимствования или гендерно-маркированные единицы.

Все они обращаются к аудитории на Вы во множественном числе, а также используют местоимение мы, чтобы подчеркнуть свою причастность к активности блогера. Это вызывает ощущение глубокой сопричастности с аудиторией.

Кроме того, блогеры широко употребляют сленговые лексемы и слова, характерные для их речевого поведения. В отличие от палестинских блогеров, русские блогеры часто используют обращения-прилагательные, инфантильные обращения и зоологизмы. Касательно комментариев, можно отметить, что аудитория палестинских блогеров демонстрирует диалектные особенности речи. В то же время российские подписчики в своих комментариях используют разговорный или даже жаргонный стиль, то есть простую речь. В комментариях также присутствуют многочисленные заимствования из английского языка. Более того, в российских блогах широко используется современный молодёжный сленг, эмодзи и нецензурная лексика. Палестинские подписчики, напротив, в своих комментариях часто используют молитвы и религиозные слова, а также различные местные диалекты и особенности палестинского диалекта. Стоит отметить, что в комментариях палестинских блогеров не было замечено употребления нецензурной лексики, а также выраженной критики или оскорблений.

Список источников

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
2. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. С. 11.
3. Ханс С., Максад Ш., Свами А.Н., Кумар А. Систематический обзор блогинга: возможности и проблемы // Международный журнал научных исследований в области компьютерных наук, инженерии и информационных технологий. 2021. Вып. 3 (7). С. 123 – 129.
4. Хуторянская А.Д. Картина мира в гуманитарной науке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 204 – 208.
5. Хуторянская А.Д. Картина мира в современной гуманитарной науке // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 2. С. 91 – 97.
6. Буянова Л.Ю. Регистр комментирования в пространстве Интернет-коммуникации: креативно-эмоциогенный аспект // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 2 (10). С. 44 – 53.
7. Шляховой Д.А. Коммуникативные стратегии широкого и узкого плана, тактики речевого и неречевого поведения (на материале немецкой военной блогосферы) // Филология и человек. 2019. № 3. С. 41 – 54.
8. Лебедева Е.Г. Блог как средство журналистской коммуникации // НАУ. 2021. № 36. С. 4.

9. Хижази М. Ненормативная и стилистически сниженная лексика как инструмент актуализации неформального регистра коммуникации в медиадискурсе (на материале русских и палестинских блогов) // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей VII Международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 193 – 200.

10. Хижази Марах К.Ю. Аспекты изучения неформального регистра коммуникации в медиадискурсе (на материале русских и палестинских блогов) // XV Научно-образовательный форум сочинского института (Филиала) РУДН XI Международная научно-практическая конференция «славянские чтения». Российский университет дружбы народов. Сочинский институт. 2023. № 03-04/9. С. 187 – 193.

11. Хижази М.К.Ю. Юмор как средство формирования неформального регистра коммуникации в медиадискурсе (на материале русских и палестинских блогов) // VI Международная молодёжная научно-практическая конференция «Русская речемыслительная культура: проблемы эффективности коммуникации. Сочи: Сочинский государственный университет, 2023. № 27-2. С. 157 – 162.

References

1. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow: Moscow State University Press, 1998. 528 p.

2. Khomutova T.N. Language for Special Purposes (LSP): Linguistic Aspect. News of the Herzen State Pedagogical Univ. 2013. 11 p.

3. Hans S., Maksad Sh., Swami A.N., Kumar A. A systematic review of blogging: Opportunities and Challenges. International Journal of Scientific Research in Computer Science, Engineering and Information Technology. 2021. Iss. 3 (7). P. 123 – 129.

4. Khutoryanskaya A.D. Picture of the world in the humanities. Bulletin of the Kemerovo State University. 2010. No. 1. P. 204 – 208.

5. Khutoryanskaya A.D. Picture of the world in modern humanitarian science. Povolzhsky trade and economic journal. 2010. No. 2. P. 91 – 97.

6. Buyanova L.Yu. Commenting register in the space of Internet communication: creative and emotiogenic aspect. Tula scientific bulletin. Series History. Linguistics. 2022. Iss. 2 (10). P. 44 – 53.

7. Shlyakhova D.A. Broad and narrow communication strategies, tactics of speech and non-speech behavior (based on the German military blogosphere). Philology and Man. 2019. No. 3. P. 41 – 54.

8. Lebedeva E.G. Blog as a means of journalistic communication. NAU. 2021. No. 36. 4 p.

9. Hijazi M. Obscene and stylistically low vocabulary as a tool for updating the informal register of communication in media discourse (based on Russian and Palestinian blogs). Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collected articles from the VII International scientific and practical conference. Moscow, 2023. P. 193 – 200.

10. Hijazi Marakh K.Yu. Aspects of studying the informal register of communication in media discourse (based on Russian and Palestinian blogs). XV Scientific and educational forum of the Sochi Institute (Branch) of RUDN XI International scientific and practical conference "Slavic readings". Peoples' Friendship University of Russia. Sochi Institute. 2023. No. 03-04 / 9. P. 187 – 193.

11. Khizhazi M.K.Yu. Humor as a means of forming an informal register of communication in media discourse (based on Russian and Palestinian blogs). VI International Youth Scientific and Practical Conference "Russian Speech and Thought Culture: Problems of Communication Efficiency. Sochi: Sochi State University, 2023. No. 27-2. P. 157 – 162.

Информация об авторах

Хижази М.К.Ю., Южный федеральный университет, marah.kameel@gmail.com

© Хижази М.К.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 8.81

¹ Чотчаева И.А., ¹ Турклиева А.В.,
¹ Курбангаджиев К.Р.

¹ Северо-Кавказская государственная академия

Медицинская терминология английского языка как инструмент эффективной профессиональной коммуникации в сфере медицины

Аннотация: в статье рассматривается роль медицинской терминологии на английском языке как инструмент эффективной профессиональной коммуникации в сфере медицины. В условиях постоянной модернизации системы образования возрастает актуальность владения иностранным языком для формирования полноценной профессиональной компетентности специалистов. Вместе с тем, внедрение эффективного обучения английскому языку в неязыковых вузах сталкивается с рядом трудностей, одной из которых является незначительное внимание к его изучению. Особое значение необходимо уделять освоению определенной лексики, в том числе медицинской терминологии в медицинских вузах.

Ключевые слова: эффективное обучение, коммуникация, медицинская терминология, современное образование, трансформаций, глобализация общества, медицинское образование, профессиональная деятельность, компетентность специалиста

Для цитирования: Чотчаева И.А., Турклиева А.В., Курбангаджиев К.Р. Медицинская терминология английского языка как инструмент эффективной профессиональной коммуникации в сфере медицины // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 161 – 169.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Chotchaeva I.A., ¹ Turklieva A.V.,
¹ Kurbangadzhiev K.R.

¹ North Caucasian State Academy

Medical terminology of the English language as a tool for effective professional communication in the field of medicine

Abstract: the article examines the role of medical terminology as a tool for effective professional communication in the field of medicine. In the context of constant modernization of the education system, the relevance of foreign language proficiency for the formation of full-fledged professional competence of specialists is increasing. At the same time, the introduction of effective English language teaching in non-linguistic universities faces a number of difficulties, one of which is the insignificant attention to its study. Particular importance should be given to the mastery of certain vocabulary, including medical terminology in medical universities.

Keywords: effective teaching, communication, medical terminology, modern education, transformations, globalization of society, medical education, professional activity, specialist competence

For citation: Chotchaeva I.A., Turklieva A.V., Kurbangadzhiev K.R. Medical terminology of the English language as a tool for effective professional communication in the field of medicine. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 161 – 169.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы составляет исследование использования английской терминологии как инструмент эффективной профессиональной коммуникации в сфере медицины.

Данное исследование ставит перед собой амбициозную цель – систематизировать, расширить и углубить понимание медицинской терминологии, как с лингвистической, так и с профессиональной точки зрения. Задача исследования выходит за рамки простого запоминания терминов; оно направлено на формирование глубокой терминологической компетентности будущих медиков. Это означает не только знание значений слов, но и понимание их этимологии, структуры, а также умение применять их в различных контекстах – от чтения медицинской литературы и участия в научных дискуссиях до составления медицинской документации и общения с коллегами. Особое внимание уделяется медицинской терминологии английского происхождения, учитывая растущую глобализацию медицины и необходимость свободного владения английским языком в профессиональной среде. В условиях стремительно развивающейся медицинской науки и постоянной модернизации системы образования, владение иностранными языками, и в особенности английским, как языком международного медицинского общения, становится не просто желательным, а необходимым условием для успешной профессиональной деятельности врача. Медицинский английский – это не просто английский язык, используемый в медицинской сфере, это высокоспециализированный язык, обладающий собственной сложной, но логичной структурой, позволяющей точно и компактно описывать самые сложные медицинские процессы и явления. Он представляет собой уникальную систему кодирования информации, основанную на строгих правилах словообразования, морфологии и синтаксиса, что значительно облегчает понимание даже неизвестных терминов. Именно эта строгость и системность позволяют избежать двусмысленности и недоразумений, критически важных в медицинской практике.

Для формирования профессиональной компетентности специалистов в современном мире, где образование подвергается постоянной модернизации, возрастает значение владения английским языком. Однако, эффективное обучение английскому языку в неязыковых вузах сталкивается с некоторыми проблемами, одной из которых является недостаточное внимание к его изучению.

В медицинском вузе освоение медицинской терминологии – это не просто изучение слов, а формирование фундамента профессиональной коммуникации. Успех будущего врача напрямую зависит от его способности понимать и использовать сложную и многогранную медицинскую лексику, богатыми различными типами аббревиатур. Большое количество аббревиатур и сокращений широко используются в медицинской практике: например, инициализмы (составленные из начальных букв слов, например, HIV (ВИЧ), ECG (электрокардиограмма), MRI (магнитно резонансная томография), CT (компьютерная томография), BP (артериальное давление), акронимы (читаемые как слово, например, the laser (лазер), синкопические сокращения (сокращения внутри слова, например, Prof. (проф.) вместо Professor (профессор) и другие – требуют не только заучивания, но и глубокого понимания принципов их образования и контекстного применения [5]. Неправильное использование аббревиатур может привести к серьёзным ошибкам в диагностике и лечении, поэтому их изучение должно быть систематическим и включать практические упражнения. И так, понимание принципов их образования и использования является важным элементом профессиональной подготовки будущих медиков. Потому особое внимание следует уделить изучению определенной лексики, в том числе медицинской терминологии. А также знание этих сокращений необходимо для понимания медицинской документации и общения с коллегами.

Более того, эффективная коммуникация в медицине – это успешная профессиональная коммуникация в сфере медицины, которая опирается на три взаимосвязанные ключевые компоненты: специализированный лексикон, профессиональные языковые структуры и адекватное использование стилей и жанров речи.

1. Специализированный лексикон: которая включает в себя не просто набор медицинских терминов, а целую систему понятий, включающую узкоспециальную терминологию (например, термины cardiology, oncology, neurosurgery (кардиологии, онкологии, нейрохирургии) и более общую профессиональную лексику, используемую во всех медицинских областях (например, "medical history", "diagnosis", "prognosis" ("анамнез", "диагноз", "прогноз") [8]. Важно понимать не только значение каждого термина, но и его сино-

нимы, антонимы, а также нюансы употребления в различных контекстах. Например, термин heart attack ("инфаркт") в кардиологии имеет совершенно иное значение, чем в неврологии. Студенты должны научиться не только определять эти различия, но и выбирать наиболее точные и адекватные термины в зависимости от ситуации. Изучение медицинской латыни является неотъемлемой частью этого процесса, поскольку многие термины построены на латинских корнях, понимание которых существенно облегчает запоминание и осмысление новых слов. Кроме того, знакомство с этимологией терминов позволяет лучше понимать их смысл и взаимосвязь между различными понятиями.

2. Профессиональные языковые структуры – это эффективная медицинская коммуникация, требующая использования точных словосочетаний и фразеологических оборотов и однозначных формулировок. Необходимо избегать жаргона, просторечий и двусмысленностей, которые могут привести к недопониманию и ошибкам. Важно овладеть профессиональными словосочетаниями и фразеологизмами, которые уже содержат в себе определенную смысловую нагрузку и позволяют экономить время и повышать точность передачи информации [10]. Например, вместо фразы "больной жаловался на боль в животе", более профессионально звучит "пациент предъявлял жалобы на абдоминальные боли". Обучение должно включать анализ образцов профессиональной речи, практические упражнения в составлении медицинских документов (истории болезни, эпикризы, выписки) и отработку навыков устной коммуникации с использованием медицинской терминологии и профессиональных фраз.

3. Стили и жанры профессиональной речи – это выбор стиля и жанра речи зависящая от контекста коммуникации. Разговор с пациентом требует одного подхода, общение с коллегами – другого, а написание научной статьи – третьего. Студенты должны овладеть навыками адекватного использования языка в разных ситуациях: от лаконичного и точного общения во время операции до детального и понятного объяснения диагноза и плана лечения пациенту [6]. Это включает умение адаптировать свою речь к уровню понимания слушателя, использовать ясную и доступную лексику при общении с пациентами и их родственниками, и применять более сложную и специализированную терминологию при общении с коллегами. Кроме того, важно научиться правильно структурировать информацию, использовать необходимые визуальные помощники (схемы, графики) и следовать этическим нормам медицинской коммуникации, т.е. адекватное использование языка в соответствии с ролью говорящего, обстоятельствами общения и окружающей обстановкой:

- терминологическим запасом соответствующий специальности и относящийся к ней остальной профессионально – ориентированной лексикой;

- профессионально – ориентированными языковыми структурами (словосочетания, фразеологическими обороты), исключая профессиональный жаргон и профессиональные просторечия;

Медицинский язык, как функциональный язык, обслуживает специфическую область – здравоохранение. Его объем огромен и охватывает сотни тысяч терминов из различных языков. Постоянный рост медицинских знаний приводит к появлению новых терминов, связанных с диагностикой, лечением и хирургическими Intervention.

В связи с этим, знание английского языка играет важную роль в современной медицине. Более 60% медицинской информации публикуется на английском языке, что делает владение им необходимым для эффективной международной коммуникации.

Особую сложность представляет собой проблема синонимов в медицинском английском языке для эффективной межкультурной коммуникации. Существуют многочисленные синонимы для одного и того же понятия, что может привести к недоразумениям в межкультурной коммуникации, к недопониманиям, ошибкам в диагностике и лечении, а в некоторых случаях – к трагическим последствиям. Например, слово "pain" (боль) имеет множество синонимов, таких как "ache" (ноющая боль), "hurt" (боль от травмы), "soreness" (болезненность), "tenderness" (чувствительность к прикосновению), "discomfort" (дискомфорт), "agony" (мучительная боль) и многие другие etc. [1].

Выбор наиболее точного синонима зависит от контекста, локализации боли, её интенсивности и характера. Неправильное использование этих синонимов может исказить клиническую картину и затруднить постановку диагноза. Это особенно актуально в условиях международного сотрудничества медицинских специалистов, когда различия в медицинском жаргоне разных стран и культур могут стать источником серьезных проблем.

Для преодоления этой проблемы необходимо не только глубокое знание медицинской терминологии, но и понимание тонких нюансов лексического значения каждого синонима. Важно учитывать также стилистические особенности медицинской речи – формальный стиль научных публикаций, более лаконичный стиль медицинской документации и более разговорный стиль общения врачей между собой. Например, в научной

статье будет уместно использовать точный и формальный термин, а в общении с пациентом – более понятный и простой синоним.

Поэтому, для обеспечения эффективной профессиональной коммуникации на английском языке, необходимо уделять особое внимание изучению узкоспециальной лексики, а также различий в терминологии и стилях общения.

Медицинская терминология на английском языке – это сложная, но высоко структурированная система, позволяющая точно и лаконично описывать все аспекты медицины и языковых процессов. Она представляет собой специализированный язык, используемый врачами, медсёстрами, исследователями и другими специалистами в области здравоохранения для общения между собой, ведения медицинской документации, написания научных статей и проведения международных конференций. В отличие от обыденной речи, медицинский английский опирается на строгие правила образования слов, что позволяет легко декодировать даже незнакомые термины. В основе лежат греческий и латинский языки, наследие античной медицины, которой мы обязаны многими фундаментальными терминами и названиями анатомических структур. Античные врачи, такие как Гиппократ и Гален, оставили нам не только богатейшее наследие медицинских знаний, но и терминологическую основу, которая до сих пор лежит в сердце современной медицинской лексики. Их влияние прослеживается во многих анатомических терминах, названиях болезней и медицинских процедур. Например, термин "appendicitis" (аппендицит) образовался от латинского слова "appendix" (отросток) и греческого суффикса "-itis" (воспаление). Ключевой особенностью медицинской терминологии является её морфологическая структура.

И так, Гиппократ и Гален, врачи Древней Греции, своими трудами заложили основу рациональной медицины, и их влияние до сих пор ощущается в современной медицинской терминологии [2].

Характерной чертой медицинских терминов является их составная структура, напоминающая конструктор из префиксов, корней и суффиксов. Это позволяет создавать новые термины, точно отражающие специфические медицинские понятия. Например, префикс "a" (отсутствие) используется в терминах "aphasia" (афазия – нарушение речи), "amnesia" (амнезия – потеря памяти), "anesthesia" (анестезия – потеря чувствительности). Префикс "hyper-" (повышенный) встречается в терминах "hypertension" (гипертония – повышенное артериальное давление), "hyperglycemia" (гипергликемия – повышенный уровень сахара в крови). Префиксы добавляют информацию о локализации (например, epi- – на, над; hypo- – под; endo- – внутри), количестве (poly- – много; mono- – один), времени (pre- – до; post- – после) или других свойствах. Корень слова указывает на основное значение термина, например, -cardi- (сердце), -gastr- (желудок), -derm- (кожа). Суффиксы также несут важную смысловую нагрузку. Они же определяют часть речи (существительное, прилагательное, глагол) и могут указывать на процесс, например, суффикс (-itis – воспаление; в терминах "hepatitis" (гепатит – воспаление печени), "tonsillitis" (тонзиллит – воспаление миндалин), -ectomy – удаление; -algia – боль), состояние (-osis – патологическое состояние; -oma / -опухоль) в терминах "carcinoma" (карцинома – злокачественная опухоль), "sarcoma" (саркома – злокачественная опухоль соединительной ткани). или другие характеристики. Изучение этих морфем – ключевой момент в овладении медицинской терминологией. Например, слово "cardiomyopathy" (кардиомиопатия) состоит из трёх частей: cardio- (сердце), myo- (мышца) и -pathy (болезнь) [4].

Таким образом, буквально это слово означает "болезнь сердечной мышцы". Разобрав слово на составные части, можно понять его смысл, даже не зная его точного перевода. Понимание этих этимологических связей не только улучшает лексический запас, но и способствует более глубокому пониманию истории развития медицины и взаимосвязей между различными медицинскими дисциплинами. Исследование должно также охватить анализ различных типов медицинских текстов – от научных статей и учебников до медицинских карт и инструкций к лекарствам. Только комплексный подход, включающий лингвистический анализ, практическое применение и изучение этимологии, может обеспечить формирование настоящей терминологической компетентности будущего врача. Этот исследовательский проект направлен на разработку эффективных методик обучения медицинской терминологии, способствующих не только запоминанию терминов, но и пониманию их сущности и взаимосвязи. В конечном итоге, целью является подготовка высококвалифицированных специалистов, способных свободно ориентироваться в международной медицинской среде и эффективно применять свои знания на практике.

Эта системность делает изучение медицинской терминологии более доступным, чем может показаться на первый взгляд. Однако, некоторые термины могут иметь латинские или греческие корни, не имеющие прямых аналогов в современном английском языке, что добавляет сложности в их освоении. Для эффективного изучения медицинской терминологии на английском языке необходимо сочетание различных методов. Книги-самоучители, специально разработанные для медиков, представляют собой систематизиро-

ванный подход, позволяющий постепенно осваивать словарный запас. Рабочие тетради с упражнениями, включая кроссворды, помогают закрепить знания на практике. Онлайн-ресурсы, включая специализированные словари и базы данных медицинских терминов, обеспечивают мгновенный доступ к определениям и примерам использования слов. При этом важно не только заучивать термины наизусть, но и понимать их этимологию, т.е. происхождение слов и смысловых компонентов.

Медицинский английский постоянно развивается, включая в себя новые термины, связанные с прогрессом в медицине и фармакологии. Появление новых заболеваний, разработка инновационных методов лечения и диагностики приводят к появлению новых специализированных терминов [9].

Поэтому непрерывное самообразование является неотъемлемой частью профессиональной деятельности любого медицинского работника. Знание медицинского английского не только позволяет общаться с коллегами по всему миру, но и обеспечивает доступ к последним достижениям в медицине, путем чтения научной литературы и участия в международных конференциях. Более того, знание медицинской терминологии необходимо для правильного понимания информации на этикетках лекарств, в медицинских документах и для эффективного взаимодействия с врачами за рубежом. Понимание структуры медицинских терминов является ключом к эффективному изучению этого сложного, но важного аспекта медицины.

Современный медицинский английский язык – это удивительный сплав, отражающий многовековую историю развития медицины и влияние различных культур. Его лексика представляет собой сложный конгломерат терминов, заимствованных из греческого, латинского, арабского и других языков, что непосредственно связано с эволюцией медицинской науки от античных времен до наших дней. Основа современной медицинской терминологии закладывалась веками, и ее истоки уходят в глубокую древность. Одним из самых важных источников является "Корпус Гиппократов", сборник медицинских трактатов, содержащий около 60 исследований, написанных преимущественно в IV веке до нашей эры. Хотя подлинность отдельных текстов и авторство Гиппократов до сих пор обсуждаются учеными, влияние этого сборника на развитие медицинской терминологии неоспоримо [2, 3]. Многие корни современных медицинских терминов, такие как *arthritis*, *nephritis*, *pleuritis*, происходят именно оттуда. Эти слова, обозначающие воспаление суставов, почек и плевры соответственно, наглядно демонстрируют использование греческих корней: *-itis* указывает на воспалительный процесс. Греческое влияние на медицинскую терминологию поистине колоссально. Многие названия болезней и симптомов прочно укоренились в английском медицинском языке. К примеру, *diarrhoea* (понос) происходит от греческого *dia* (через) и *rhein* (течь), отражая механизм развития этого состояния. *Dyspnoea* (одышка) сочетает *dys* (трудный, плохой) и *pneo* (дышать). Слово *melancholic* (меланхолический) связано с греческим представлением о четырех соках (гуморах) организма, где *melas* (черный) и *chole* (желчь) указывали на преобладание черной желчи. Интересен пример *podagra* (подагра), где *pous* (нога) и *agra* (захват, ловушка) живописно описывают ощущение сильной боли в суставе большого пальца ноги. Однако греческие корни не единственные. Латынь, как язык Римской империи и язык науки в Средние века, также внесла значительный вклад. Многие анатомические термины имеют латинское происхождение. Например, слово *skeleton* (скелет) происходит от латинского *skeletum*. Латинские термины часто использовались для описания процессов и заболеваний. Заимствования из арабского языка также присутствуют, отражая вклад арабских ученых в медицину в средние века. Образование многих медицинских терминов основано на комбинировании греческих и латинских корней. *Dermatology* (дерматология) – яркий пример: *derma* (кожа) + *-logy* (наука), что буквально означает "наука о коже". Аналогично, *neuralgia* (невралгия) сочетает *neuro* (нерв) и *algia* (боль). *Cardiology* (кардиология) – *cardio* (сердце) + *-logy* (наука) [7]. Эта система комбинирования корней позволяет создавать новые термины, описывающие различные аспекты медицины и делает медицинский язык системным и логичным. Антропонимические элементы в медицинской терминологии – еще один интересный аспект. Эдипов комплекс (*Oedipus complex*) получил свое название от греческой трагедии Софокла об Эдипе. Афродизиаки (*aphrodisiacs*) названы в честь греческой богини любви Афродиты, также от ее имени происходят *hermaphroditism* (гермафродитизм) и *venereal disease* (венерическое заболевание) – последний термин от латинизированной формы ее имени – Венера. Имя Гиппократов, хотя и овеяно легендами, также навсегда вошло в медицинскую терминологию, а название "гиппократова клятва" стало символом медицинской этики [2]. В начале I века нашей эры греческий язык оставался доминирующим в медицинской литературе. Трактат *De Medicina* римского писателя Авла Корнелия Цельса, написанный на латыни, однако также опирался на греческие знания и терминологию [1]. Эта работа оказала значительное влияние на развитие медицинской науки в последующие века и способствовала распространению как греческих, так и латинских медицинских терминов. Развитие медицины в эпоху Возрождения и Нового времени привело к появлению новых терминов, часто заимствованных из других языков. Например, многие термины в онкологии имеют греческие корни, отражая углубленное изучение кле-

точных процессов. Аналогично, многие термины в области генетики и молекулярной биологии появились в XX веке, часто используя греческие и латинские корни в сочетании с новыми концепциями.

Понимание морфологии медицинских терминов позволяет медицинским работникам быстро декодировать даже незнакомые слова, что критически важно для эффективной коммуникации и предотвращения ошибок. Изучение греческих и латинских корней, префиксов и суффиксов является неотъемлемой частью обучения медицинскому английскому. Существуют специальные учебные пособия и словари, которые систематизируют эту информацию и облегчают процесс её усвоения.

Современный медицинский английский язык представляет собой динамично развивающуюся систему, отражающую богатую историю медицины и влияние множества культур. Понимание этимологии медицинских терминов не только улучшает понимание медицинских текстов, но и дает глубокое представление о пути развития медицины как науки и об исторических связях между культурами. Продолжение изучения этимологии медицинских терминов позволит лучше понять современные медицинские проблемы и поспособствует более эффективному международному сотрудничеству в области здравоохранения.

Владение медицинской терминологией – это не просто способность запоминать сложные слова, а ключевой навык для эффективной профессиональной деятельности врача. Комплексный подход к изучению лексики, грамматики и стилей профессиональной речи является залогом успешной подготовки будущих специалистов. Внедрение интерактивных методик обучения, использование аутентичных медицинских текстов и ролевых игр может значительно повысить эффективность обучения и способствовать формированию необходимых навыков профессиональной коммуникации. Также важно отметить значение постоянного самообразования и отслеживания изменений в медицинской терминологии на протяжении всей карьеры врача.

Материалы и методы исследований

Изучение медицинской терминологии английского языка как инструмента эффективной профессиональной коммуникации – сложная, но крайне важная задача для врачей. Для исследования терминологии были использованы различные методы. Эффективное освоение этой терминологии требует применения целого арсенала исследовательских методов, каждый из которых вносит свой вклад в глубокое понимание специфики медицинского английского языка. Один из ключевых методов – лексикографический анализ. Он выходит за рамки простого поиска определения в словаре. Современные лексикографические ресурсы, такие как медицинские онлайн-словари (например, Stedman's Medical Dictionary, Dorland's Illustrated Medical Dictionary), позволяют не только получить определение термина, но и проследить его этимологию, изучить синонимы и антонимы, а также увидеть примеры употребления в контексте. Более того, анализ лексикографических данных позволяет выявить диалектные и временные вариации значений терминов, что особенно важно в быстро развивающейся медицине. Структурный анализ фокусируется на словообразовании. Он помогает понять, как образуются медицинские термины, какие морфемы используются (корни, префиксы, суффиксы) и как эти морфемы влияют на значение слова. Знание словообразовательных принципов позволяет врачу не только понимать новые термины, но и предсказывать значение незнакомых слов на основе их структуры. Например, понимание префиксов "a-", "anti-", "hyper-" и суффиксов "-itis", "-oma", "-pathy" значительно расширяет лексический запас. Компонентный анализ выходит за рамки отдельных терминов и исследует структуру медицинских текстов в целом. В эпоху цифровых технологий это включает анализ гипертекстовых связей, структурированных данных (например, XML-разметка медицинских статей), использование различных типов медиа-контента (графики, изображения, видео). Понимание того, как информация организована в электронных медицинских ресурсах, критично для эффективного поиска и обработки информации. Описательно-аналитический метод позволяет углубиться в лингвистические особенности медицинского дискурса. Это включает анализ синтаксических конструкций, характерных для медицинских текстов (например, пассивные конструкции, сложноподчинённые предложения), изучение специфической медицинской риторики, а также анализ речевых актов, используемых в медицинской коммуникации (запросы, утверждения, инструкции). Сравнительно-сопоставительный метод, применяемый к медицинскому английскому и русскому языкам, позволяет выявить не только соответствия, но и несоответствия в лексике. Он помогает понять, какие переводческие приемы наиболее эффективны для передачи смысла медицинских терминов, учитывая культурные и языковые особенности. Важно учитывать не только прямые переводы, но и кальки, описательные переводы, а также транслитерацию. Метод количественного анализа позволяет объективно оценить частотность использования тех или иных терминов, конструкций и переводческих приёмов. Корпусный анализ, основанный на больших массивах медицинских текстов, позволяет выявить статистически значимые закономерности и разработать более эффективные стратегии обучения медицинскому английскому языку. Все эти

методы, используемые в комплексе, обеспечивают всесторонний анализ медицинской терминологии английского языка.

Результаты и обсуждения

Для исследования эффективности использования медицинской терминологии английского языка как инструмента эффективной профессиональной коммуникации проведено в Северо-Кавказской государственной академии СКГА г. Черкесска для студентов медицинских вузов второго курса для специальности 31.05.01. «Лечебное дело», 31.05.02. «Педиатрия». В ходе нашего исследования мы проводили сравнительный анализ различных методик преподавания, стремясь выявить наиболее эффективные подходы к обучению студентов медицинскому английскому языку. Основное внимание уделялось сочетанию традиционных методов с когнитивным подходом, который предполагает активное участие обучающегося в процессе усвоения материала. Мы разработали специальные упражнения и тесты, ориентированные на изучение медицинских терминов, с акцентом на сознательный подход к обучению. Одним из ключевых аспектов нашего эксперимента стало то, что преподаватель не настаивал на точном воспроизведении готовых словесных формулировок. Это было сделано с целью избежать формализма в обучении. Мы стремились создать атмосферу, в которой студенты могли бы свободно выражать свои мысли, не боясь ошибок. Педагог, заботящийся о подлинной сознательности обучения, не полагается исключительно на словесные формулировки студентов, даже если они воспроизводятся быстро и точно. Вместо этого он всегда стремится проверить, насколько глубоко студенты понимают материал, обладают ли они соответствующим чувственным и интеллектуальным осознанием изучаемых тем. Важно отметить, что для нас не было приоритетом, чтобы обучающиеся просто запомнили медицинскую терминологию на языке, как это часто происходит в традиционных методах. Главное заключалось в том, чтобы студенты могли применить полученные знания на практике, как в устной, так и в письменной речи. В этом контексте мы выбрали такие термины, которые отражали наиболее важные сферы деятельности человека, особенно в медицинской области. Студенты имели возможность самостоятельно выбирать термины из списка, состоящего из 200 единиц, что способствовало их интересу и мотивации. В процессе выполнения упражнений, тестов и опросов по всем выбранным медицинским терминологиям на английском языке мы наблюдали, что студенты проявляли особый интерес к тем терминам, которые были наиболее близки к их будущей профессиональной деятельности. Это подтверждает гипотезу о том, что привязка изучаемого материала к реальным жизненным ситуациям значительно повышает его усвоение. Важно отметить, что в нашей методике не было акцента на запоминание словесных и грамматических структур. Вместо этого мы ставили перед студентами задачу найти как можно больше аналогов выбранным ими терминами на родном языке и придумать шуточные ситуации, связанные с их профессиональными направлениями, в которых они могли бы использовать эти единицы. Такой подход не только способствовал углублению понимания материала, но и развивал креативное мышление студентов. Через определенный промежуток времени преподаватель включал в занятия похожие ситуации и проверял, смогут ли студенты вспомнить и использовать выбранные ими термины. Это стало важным элементом обратной связи и позволило студентам осознать, насколько эффективно они усвоили материал. Кроме того, в рамках эксперимента мы использовали различные виды деятельности, такие как ролевые игры, диалоги, групповые обсуждения и презентации, что способствовало созданию активной и вовлеченной учебной среды. Студенты работали в группах, обсуждая различные медицинские ситуации и применяя медицинские термины в контексте реальных сценариев. Это не только улучшало их навыки общения на английском языке, но и развивало командный дух и умение работать в коллективе. Также стоит отметить, что мы уделяли внимание культурному контексту использования медицинских терминов и фразеологизмов. Мы проводили занятия, на которых обсуждали различия в медицинской терминологии и практике в разных странах, что помогало студентам лучше понять, как контекст влияет на использование языка. Это было особенно важно для студентов, которые планировали работать в международной среде. В результате проведенного эксперимента можно сделать вывод, что применение когнитивного подхода в сочетании с активными методами обучения значительно повышает эффективность усвоения медицинского английского языка. Студенты не только учатся запоминать термины, но и развивают навыки их применения в реальных ситуациях. Это, в свою очередь, способствует формированию у них уверенности в своих знаниях и умении общаться на профессиональном уровне.

Таким образом, наш эксперимент подтвердил необходимость внедрения более гибких и адаптивных методик преподавания, которые учитывают индивидуальные потребности студентов и их профессиональные интересы. Это открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области языкового обучения, позволяя нам находить все более эффективные пути к обучению будущих специалистов в области медицины.

Выводы

Английский язык, как *lingua franca* мировой науки, необходим врачу не только для чтения зарубежной литературы, но и для общения с коллегами на международных конференциях, участия в совместных исследовательских проектах и обмена опытом. Высокий уровень владения английским языком, включая беглое восприятие речи на слух и уверенное устное общение, является обязательным условием для успешной профессиональной деятельности в современной медицине. Важно помнить, что знание латыни, хоть и помогает понимать этимологию медицинских терминов, не заменяет владения живым языком, необходимым для эффективной коммуникации в реальных клинических условиях и международном сотрудничестве. Без глубокого понимания нюансов медицинского английского языка, врач рискует допустить ошибки в диагностике и лечении, что может иметь серьёзные последствия для здоровья пациентов. Поэтому, инвестиции в качественное обучение медицинскому английскому языку являются инвестициями в безопасность и качество медицинской помощи.

Подводя итоги можно сказать об особенностях обучения медицинской терминологии:

- медицинская лексика, с её сложной системой аббревиатур, требует особого внимания;
- необходимость изучения этимологии, (понимание происхождения слов (от латинского и греческого) облегчает запоминание и понимание медицинских терминов);
- разнообразие типов аббревиатур, (студенты должны научиться распознавать и понимать различные типы аббревиатур: инициализмы, акронимы, эллипсы);
- взаимосвязь с другими дисциплинами, (медицинская терминология тесно связана с биологией, анатомией и фармакологией, что требует интегрированного подхода к обучению).

Эффективное владение медицинским английским языком требует не только знания отдельных слов и терминов, но и глубокого понимания его структуры, морфологии и синтаксиса, а также осознания проблемы синонимии и умения выбирать наиболее подходящий термин в каждом конкретном контексте. Постоянное изучение, практика и использование различных ресурсов, включая специализированные словари и учебные материалы, являются ключевыми факторами для достижения высокого уровня компетенции в области медицинского английского. Это гарантирует не только успешную профессиональную коммуникацию, но и, что гораздо важнее, безопасность и здоровье пациентов.

В заключении хотелось еще раз отметить необходимость осознанного изучения медицинских терминов. Ведь раскрыв структуру термина, выявив значения его компонентов, студенты глубже понимают сущность понятия. На занятиях иностранного языка важно обсуждать этимологию терминов со студентами-медиками. Это даст им более глубокое представление об истории медицины и позволит взглянуть на термины с другой точки зрения.

Список источников

1. Авл Корнелий. Цельс и его медицинская энциклопедия. Сов. Здравоохранение. 1979. № 4. С. 70 – 72.
2. Angeles M. The English of the health sciences: a note on foreign borrowings. P. 67 – 90. URL: https://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/35748/1/2012_Alcaraz_ESPecialist.pdf.
3. Иньес И. «Корпус Гиппократ» // Британский медицинский журнал. 2011. С. 19 – 23.
4. Banay George. An introduction to medical terminology. P. 1 – 27. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC194697/pdf/mlab00247-0013.pdf>.
5. Dirckx John. Greek and Latin in medical terminology. С. 41 – 52. URL: <http://stedmansonline.com/webFiles/Dict-Stedmans28/APP04.pdf>.
6. Nagy I.K. The history, peculiar terminology and translation problems of the language of medicine. P. 7 – 21. URL: http://www.upm.ro/ldmd/LDMD-01/Lds/Lds_0122.pdf.
7. Wulff Henrik. The language of medicine. Журнал королевского общества. 2004. 310 с. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1079361>.
8. Стэнхоуп Л. Введение в медицинскую терминологию. Тинли-Парк, Иллинойс: The Goodheart-Wilcox Company, Inc. Publisher, 2021. 496 с.
9. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура: 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
10. Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 536 с.

References

1. Aulus Cornelius. Celsus and his medical encyclopedia. Sov. Healthcare. 1979. No. 4. P. 70 – 72.
2. Angeles M. The English of the health sciences: a note on foreign borrowings. P. 67 – 90. URL: https://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/35748/1/2012_Alcaraz_ESPecialist.pdf.
3. Ines I. "Hippocratic Corpus". British Medical Journal. 2011. P. 19 – 23.
4. Banay George. An introduction to medical terminology. P. 1 – 27. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC194697/pdf/mlab00247-0013.pdf>.
5. Dirkx John. Greek and Latin in medical terminology. P. 41 – 52. URL: <http://stedmansonline.com/webFiles/Dict-Stedmans28/APP04.pdf>.
6. Nagy I.K. The history, peculiar terminology and translation problems of the language of medicine. P. 7 – 21. URL: http://www.upm.ro/ldmd/LDMD-01/Lds/Lds_0122.pdf.
7. Wulff Henrik. The language of medicine. Journal of the Royal Society. 2004. 310 p. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1079361>.
8. Stanhope L. Introduction to Medical Terminology. Tinley Park, IL: The Goodheart-Wilcox Company, Inc. Publisher, 2021. 496 p.
9. Leychik V.M. Terminology: subject, methods, structure: 3rd ed. Moscow: Book House "LIBROKOM", LKI Publishing House, 2007. 256 p.
10. Reformatsky A.A. Introduction to Linguistics: textbook for universities. Moscow: Aspect Press, 2002. 536 p.

Информация об авторах

Чотчаева И.А., кандидат педагогических наук, доцент, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Северо-Кавказская государственная академия, chotchaeva66@list.ru

Турклиева А.В., Северо-Кавказская государственная академия, aturklieva18@gmail.com

Курбангаджиев К.Р., Северо-Кавказская государственная академия, danil.koltunov.2000@mail.ru

© Чотчаева И.А., Турклиева А.В., Курбангаджиев К.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.42

¹ Скандакова Е.С.

¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права

Специфика тезауруса Бориса Васильева

Аннотация: тезаурус писателя отражает индивидуально-авторскую и национально-культурную специфику глубинных когнитивных структур. Цель статьи – продемонстрировать многообразие подходов к теоретическому осмыслению тезауруса, проанализировать специфику формирования писательского тезауруса Бориса Васильева. Тезаурус Бориса Васильева – это комплексное пространство тезауруса нравственности, духовных и культурных ценностей, исторической памяти, благодаря чему актуализируется практическое применение проведенного исследования. Ведущим методом при изучении тезауруса художественных текстов Бориса Васильева стал тезаурусный метод, который позволил выявить ценностно-смысловое пространство художественных текстов Б.Л. Васильева. Задачи исследования: 1. Рассмотреть различные подходы при изучении тезауруса. 2. Представить комплексное теоретическое пространство тезауруса. 3. Выявить специфику писательского тезауруса Бориса Васильева. Тезаурус писателя эксплицируется в процессе коммуникации автора и читателя, в результате которой выявляются цели и мотивация авторских интенций, определяются языковые и образные средства – инструмент, используемый автором под влиянием субъективной базы культурных, исторических и когнитивных факторов. Тезаурус наглядно представлен в тексте, поскольку репрезентирует лексическое, стилистическое и смысловое пространство порожденного автором произведения и очерчивает динамическую зону использования лексем, функционирующих в контекстуальном пространстве произведений писателя.

Ключевые слова: тезаурус, писательский, личностный, индивидуальный, авторский тезаурус, Б.Л. Васильев

Для цитирования: Скандакова Е.С. Специфика тезауруса Бориса Васильева // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 170 – 175.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Skandakova E.S.

¹ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Specificity of Boris Vasiliev's thesaurus

Abstract: the writer's thesaurus reflects the individual-author and national-cultural specificity of deep cognitive structures. The purpose of the article is to demonstrate the diversity of approaches to theoretical understanding of the thesaurus, to analyze the specificity of the formation of the writer's thesaurus of Boris Vasiliev. The thesaurus of Boris Vasiliev is a complex space of the thesaurus of morality, spiritual and cultural values, historical memory, due to which the practical application of the conducted research is actualized. The leading method in the study of the thesaurus of fiction texts of Boris Vasiliev was the thesaurus method, which made it possible to identify the value-semantic space of the fiction texts of B.L. Vasiliev. Research objectives: 1. To consider various approaches to the study of thesaurus. 2. To present a complex theoretical space of the thesaurus. 3. To identify the specificity of the writer's thesaurus of Boris Vasiliev. The writer's thesaurus is explicated in the process of communication between the author and the reader, as a result of which the goals and motivation of the author's intentions are re-

vealed, the linguistic and figurative means are determined - a tool used by the author under the influence of the subjective base of cultural, historical and cognitive factors. The thesaurus is clearly presented in the text, since it represents the lexical, stylistic and semantic space of the work generated by the author and outlines the dynamic zone of use of lexemes functioning in the contextual space of the writer's works.

Keywords: thesaurus, writer's, personal, individual, author's thesaurus, B.L. Vasiliev

For citation: Skandakova E.S. Specificity of Boris Vasiliev's thesaurus. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 170 – 175.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

В лингвистике термин «тезаурус» (от греч. *thesauros* – запас; сокровище, сокровищница) возник для обозначения словаря как сокровищницы языка, по нашему пониманию, в концепции В.И. Даля. Согласно словарю лингвистических терминов тезаурус – это словарь: 1) идеологического типа, в котором вокруг общих понятий сгруппированы лексемы, находящиеся друг с другом в семантических отношениях; 2) включающий максимальное количество лексем с примерами употребления лексико-семантических вариантов; 3) включающий все слова того или иного языка» [5]. Тезаурус как информационная и когнитивная база функционирует как: 1) «открытая и подвижная система значений, хранящейся в памяти индивида» (Т.М. Дридзе) [3]; 2) синтез «взаимосвязанных продуктов переработки разностороннего опыта взаимодействия человека с окружающим его миром» (А.А. Залевская) [6]; 3) «знания о мире (не всегда находящие непосредственную корреляцию в словарном фонде), формирующие картину мира на уровне концептуальной системы» (И.И. Халеева) [18]; 4) «компонент жизнедеятельности человека» (А.А. Никитина) [12].

Вследствие многовекторной интерпретации данного феномена возникает необходимость в более узких и направленных по отношению к тезаурусу писателя понятиях, очерчиваемых исследованиями в лингвистике за рамками понятийного аппарата другими гуманитарными науками, например, «индивидуальный тезаурус» – В.А. Луков, В.А. Луков [8, 9], С.А. Осокина [14, 15]; «личностный тезаурус» (возник в педагогике и психологии) – В.П. Вейдт [2], Е.Е. Сапогова [16], Ю.В. Юшкевич [19]; «писательский тезаурус» – С.Н. Есин [4]; «авторский тезаурус» – М.Ю. Мухин [10, 11], А.П. Седых, Е.И. Куган [17].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили художественные тексты Б.Л. Васильева. Тезаурус писателя отражает национально-культурную специфику глубинных когнитивных структур. Тезаурус Б. Васильев – это тезаурус нравственности, духовных ценностей, несогласия и сопротивления, личное противостояние с равнодушием и безразличием человека.

Ведущим методом при изучении тезауруса художественных текстов Бориса Васильева стал тезаурусный метод, который позволил выявить ценностно-смысловое своеобразие данного феномена, благодаря контекстуально-семантическому методу исследованы исторические и культурные универсалии тезауруса Б.Л. Васильева:

- выявлены и интерпретированы теоретические факторы функционирования тезауруса;
- проиллюстрированы многовекторные подходы в исследовании писательского тезауруса Бориса Васильева.

Результаты и обсуждения

В поиске определения дефиниции тезауруса С.А. Осокина сопоставляет понятие «индивидуальный тезаурус» с позиции собственно языковой основы, которому предшествует рассуждение о личностном тезаурусе, с понятием «языковая личность». В соответствии с первым уровнем модели Ю.Н. Караулова в качестве «личностного тезауруса» выступает лингво-когнитивный уровень, который выявляет индивидуальные предпочтения. Отметим, что подобное видение тезауруса представлено в работах С.Н. Есина: «писательский тезаурус структурируется не по общей модели, а исключительно по индивидуальному комплексу предпочтений – «персональной картины мира» [4, с. 48].

С.А. Осокина, отталкиваясь от известной уровневой модели, полагает, «что тезаурус, пронизывающий все уровни языковой личности, – это не только образы, значения и содержание, встающие «за» словами, это прежде всего слова и выражения языка, выполняющие функцию категоризации знаний» [14, с. 180]. Тезаурус наглядно представлен в тексте, поскольку репрезентирует лексическое, стилистическое и смысловое пространство порождаемого автором произведения. «Тезаурус участвует в построении иерархий в картине мира,

но за ее пределами существует в виде последовательностей языковых знаков – слов, высказываний. Поэтому единицами тезауруса должны признаваться некие последовательности языковых знаков (устойчивые стереотипные сочетания слов) <...> Устойчивые сочетания слов можно признать основными организующими единицами тезауруса. Отдельно употребленное слово – это результат свернутого контекста, который можно развернуть, анализируя языковую ситуацию» [14, с. 181].

Тезаурус автора очерчивает динамическую зону использования лексем, функционирующих в контекстном пространстве произведений писателя. «Тезаурус писателя – индивидуализированное пространство эволюции языковой личности автора» [17, с. 145]. Отобранные из всего многообразия национального языка языковые единицы становятся не просто доминирующими и ключевыми, характеризующими языковую личность автора, а носителями целых смыслов. Эти средства приобретают и специфическое звучание, преобразая устоявшуюся узкую систему значений и семантических отношений, и создают предпосылку для считывания и интерпретации авторской языковой картины мира.

Идиостилевые приметы направленности смыслообразующих доминант в художественном пространстве текста отражают наполненность когнитивной основы представлений личности автора (языковой, речевой, коммуникативной) как языкового сознания национально-культурной специфики и присущей ей маркированности.

Регулятивные средства (стилемы), которые репрезентированы ценностно-смысловыми номинациями коннотативного характера, выявляют смысловое содержание индивидуального тезауруса как специфического коммуникативного пространства авторской концептосферы. Тезаурус, отмечает Е.Г. Озерова, «описывает содержание языкового сознания автора текста и его читателей и предстаёт в виде фильтра, через который “пропускается” поступающая от текста к читателю выраженная словесно смысловая информация» [13, с. 43].

Тезаурус писателя, существующий в текстах, – это состоявшаяся реализация процесса коммуникации автора с читателем, за которым стоит мотив, намерение писателя, цель, которые определяют языковые средства – инструмент, которым автор воспользуется под влиянием опять же усваиваемого общезыкового тезауруса не без участия идиолекта как речевой особенности, таким образом, авторский тезаурус – это основа и продукт авторских текстов.

Следовательно, тезаурус – это составляющие собственного стиля автора в тандеме: идиостиль и идиолект.

Личностный тезаурус – это заданный и осмысленный способ передачи субъективной информации во внешнее информационное пространство в виде сформировавшейся системы координат и совокупности отношений норм, оценок, понятий, представлений, пронизываемых всеми уровнями языковой личности. Личностный тезаурус может в своем развитии претерпевать изменения и, например, совершенствоваться, обогащаться и даже трансформироваться от текста к тексту, подстраиваясь под жанровую специфику текстов, но так и не стать уникальным с позиции стилистического мастерства писателя.

Необходимо развести понимание тезауруса личностного и индивидуального. Индивидуальный тезаурус – это то, что в итоге создано писателем, что имеет отношение к уникальности не как к данности особенности индивида, а к уникальности как к дару, свидетельству удивительного, креативного, таинственного и непостижимого.

«Писательский» и «авторский» тезаурусы, на наш взгляд, – это указание на принадлежность, а не на качество, в отличие от личностного и индивидуального. Говоря о качестве и идиостилевых особенностях писателя в системе отношений категорий, можно сравнить личностный тезаурус с идиолектом, а индивидуальный тезаурус – идиостилем писателя.

Ю.Н. Караулов под «тезаурусом» понимает когнитивную систему поиска информации, а под «личностным тезаурусом» рассматривает когнитивный уровень языковой личности» [7, с. 52-53]. Если принимать за тезаурус языковую систему знания, то языковой тезаурус писателя – это вторичная обьективированная информация, зафиксированная в его текстах, следовательно, авторские тексты в таком случае выступают информационной системой знания конкретной персональной личности.

В работе С.А. Осокиной по теории тезауруса данный феномен «выступает как система репрезентаторов – способов представления сведений о действительности» [15, с. 89]. Подобные знания, эксплицируемые и эксплицируемые посредством маркеров и доминант на стилистическом уровне, выявляют смысловое пространство содержания текстов, в которых регулятивные средства функционируют в качестве информем и прагмем и формируют авторские стилиемы, наполненные смысловой интенциональностью, репрезентирующие индивидуально-личностный тезаурус писателя, представляющий субъективно ценную информацию как для читателя, так и автора. Такое взаимодействие обусловлено диалогичностью как значимым фактором понимания информации, в результате которой порождаются впечатления и переживания, представляющие ассоциативную диалогичность, которые трансформируются в стилистические маркеры. Например, у Б. Васильева ча-

стотное использование умолчания и многоточия является маркером прямого вопроса и обращения к читателю: «Вспомнили?» – так заканчивается рассказ «Вы чьё, старичьё?». «Для принятия информации объект должен обладать аппаратом интерпретации, или системой свойств, позволяющих ему воспринимать получаемые коды как некоторую информацию. Воспринимается далеко не вся информация, а только та, смысловое содержание которой предполагается свойствами объекта. Следовательно, воспринятая информация «необходимо целесообразна для принимающего ее объекта, так как ее восприятие обусловлено его собственными свойствами» [15, с. 95-96].

Размышляя о сетевой природе тезауруса, С.А. Осокина говорит о непрерывности образования семантических связей, обеспечиваемых информацией объективной и субъективной системы. «Эта система интерпретируется как связующая знания индивида и объективированные в виде семиотических сущностей знания, поэтому тезаурус имеется и в голове индивида, и как внешняя по отношению к индивиду информация. Тезаурус – это знаниевая система. В обоих направлениях тезаурус связывается с идеей поиска информации и памятью. И алгоритм поиска, и память интерпретируются двояко – как материальные информационные процессы и семантические» [15, с. 99].

Тезаурус писателя – это совокупность, синтез, комбинация идиолекта в его узком смысле и идиостиля, что позволяет говорить о стилистическом узусе и отступлении от него, о преемственности и смысловом развёртывании контекста.

Данные рассуждения достаточно значимы для обоснования соотношения понятий «идиолект» и «идиостиль». «Тезаурус – это семиотическая система знания, жизнедеятельность которой осуществляется в ходе обмена семантической информацией тезауруса отдельного индивида со средой – тезаурусами других индивидов. Тезаурусом также называется модель данной системы. Тезаурус определяет цели и ценность семантической информации при обмене индивида знаниями со средой. Это система, необходимая индивиду для рецепции входящей информации и генерации новой знаниевой информации. Тезаурус – это система связей семиотических объектов, сами семиотические объекты – семантическая информация. Тезаурус – организация информации (сеть), информация – мера организации (количество семиотических объектов)» [15, с. 103-104].

Идиолект писателя в широком смысле – это общность (языковая данность), которая объединяет носителей специфики национальной ментальности и идей через традиции и культуру, можно сказать, что идиолект Бориса Васильева – это вариант стилистически функционального литературного языка, сформированный посредством преемственности русской классической литературы. Представляется, что данным фактором объясняется отсутствие окказиональной лексики в его тезаурусе. Смысловая нагрузка и стилистическая маркированность достигается посредством соединения лексем, например: «за бабьим тишком такой скрывается грохот, крик и несуразица, какие и штрафная рота не натворит» [1, с. 349].

Идиолект в узком смысле – это то, как говорит писатель, идиостиль – это то, что говорит; идиолект – это язык, а идиостиль – коммуникативный аспект, факт коммуникации речевой личности в конкретной ситуации. Следовательно, идиолект – это инструмент-средство, а идиостиль – это средство-приём.

Понятие «идиостиль» можно сформулировать только с одной позиции, отсюда складывается затруднение раз и навсегда сформулировать универсальное понятие, которое будет отвечать всем разделам лингвистики, как нет универсального определения понятию выразительность, проявляющегося на фонетическом, лексическом уровне, поскольку стиль – это самовыражение посредством формирования и соединения языковых средств, а данным средством (инструментом) выступает идиолект.

Борис Васильев не видит необходимости в создании новых слов, поскольку стремится использовать то языковое и интертекстуальное пространство, которое зафиксировано в национально-культурном тезаурусе. Нами выявлены обращения к словарю В.И. Даля при анализе лексемы «созерцатель», совпадения с произведениями А.С. Пушкина («быстротекущая» вместо быстротечная), Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина – лексема «расстреляние» встречается трижды в художественной литературе. «Хотелось бы напомнить забытые слова», – говорит писатель и стремится вернуть не только утраченные слова, но и утраченные нравственные ценности. Ассоциативная диалогичность к персонажу Обломова – созерцателя с душой ребенка, просившего любить его таким, каков он есть, – возникает при описании Касьяна Глушкова: «Женщины питали слабость ... привечали его, жалели и подкармливали ... как жалели бы и привечали ребёнка. Инстинктивно чувствуя белизну его души, они безошибочно угадывали в нём и отсутствие целеустремлённости. И только его родная и единственная Евдокия Кондратьевна любила его целиком, каков он есть...».

Проявление регулятивности в тезаурусе Бориса Васильева частотно маркировано интертекстуальными и диалогичными элементами, что актуализирует использование средств воздействия на читателя с целью запечатления образов. В тезаурусе Б.Л. Васильева взаимодействие идиолекта и идиостиля объединяет территориальных носителей языка с носителями национально-культурной традиции и замыкает их в одной плоскости.

Выводы

Смысловую наполненность репрезентантов авторского смысла составляет иное контекстуально-семантическое содержание наполнения смыслового ядра и ассоциативно-семантических связей от общепринятого и зафиксированного в словарях, которое получает ценностно-нравственное звучание, сближающее его с языковым тезаурусом классиков русских писателей и фольклора, но обретающего индивидуально-авторскую и национально-культурную специфику, например: «над чем трудятся его руки ... куда несут его (не указательное, а притяжательное в такой последовательности + порядок слов) ноги (трансформирование узуального варианта «куда его ноги несут») или «Бьем мы проклятых фрицев и в хвост и в гриву, только ключья летят...», или «однажды серьезная неприятность едва не промелькнула черной кошкой за их коммунальным столом» [1, с. 283].

Помимо устойчивых и общепринятых национально-культурных кодов в тезаурусе писателя частотно приобретают идиостилевую маркированность образы-символы: отсутствие норм морали общества, бездуховность – «холод», поезд – «надежда», прощание – «лестница».

«И не было света ни за окном, ни в вагонах, и не было тепла ни там, ни тут, и уже не было прошлого, и еще не виделось будущее. И только вера в это будущее светила людям и согревала их» [1, с. 348]. Вера вселяет надежду – это идиолект, знание на национально-культурном уровне языковой личности, а в контексте «вера светит и согревает» надежда противопоставляется «холоду» – это идиостиль.

Следовательно, идиостиль – это авторский узус, который рассматривается как индивидуальность авторского письма в контексте конкретной речевой ситуации, стиль, манера и качество письма, уникальное языковое воплощение. Таким образом, идиолект – это пространство частотности языковых средств, а идиостиль – это национально-культурное и когнитивно-художественное пространство индивидуально-авторского мировидения, демонстрирующего запечатление действительности и авторские интенции.

Наиболее частотным стилистическим маркером Бориса Васильева является выдвижение – концентрация сцеплений целого ряда приёмов, такой комплекс приёмов характерен для русской народной сказки. Архитектоника тезауруса Б.Л. Васильева актуализирует сказовое восприятие не только своей поучительностью, но и фокусированием смыслового развёртывания на уровне конвергенции лексических и синтаксических повторов и таких стилистических средств, как контраст, противоречие, алогизм, антитеза, инверсия и оксюморон.

Список источников

1. Васильев Б.Л. Собрание сочинений: в 7 т. Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. Т. 2. 400 с.
2. Вейдт В.П. Становление понятия «Тезаурус» в российской педагогической науке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып.5. С. 149 – 155.
3. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 270 с.
4. Есин С.Н. Писательский тезаурус // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. трудов. Вып. 25. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2013. С. 47 – 48.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
6. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. 208 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
8. Луков В.А., Луков В.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008. 784 с.
9. Луков В.А., Луков В.А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2013. 640 с.
10. Мухин М.Ю. Универсальный идеографический словарь-тезаурус русской лексики: организация данных и формирование словника // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 10. С. 88 – 103.
11. Мухин М.Ю. Развитие лексикографических данных уральской семантической школы в процессе формирования универсального словаря-тезауруса // Лингвистическая семантика в пространственном измерении: Словарь. Дискурс. Корпус. Екатеринбург, М., 2024. С. 80 – 91.
12. Никитина А.А. Теоретические основы формирования физкультурного тезауруса у студентов: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук: 13.00.01. Калининград, 2006. 411 с.
13. Озерова Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект: моногр. Белгород: НИУ «БелГУ», 2012. 276 с.
14. Осокина С.А. Индивидуальный тезаурус как система знаний: соотношение понятий «индивидуальный тезаурус» и «языковая личность» // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 178 – 183.

15. Осокина С.А. Основания лингвистической теории тезауруса: дис. ... док. филол. наук: 10.02.19. Барнаул, 2015. 451 с.
16. Сапогова Е.Е. Структура личностного тезауруса: экзистенциально-психологический подход // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 40 – 59.
17. Седых А.П., Куган Е.И. Некоторые элементы индивидуального тезауруса Марселя Пруста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (10). С. 145 – 147.
18. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М., 1989. 238 с.
19. Юшкевич Ю.В. Модель научно-методического сопровождения педагогов образовательного учреждения: развитие личностного тезауруса учащихся // Человек и образование. 2017. № 2 (51). С. 155 – 159.

References

1. Vasiliev B.L. Collected Works: in 7 volumes. Tomorrow Was the War: Novel; Stories. Moscow: Book Club Knigovok, 2016. Vol. 2. 400 p.
2. Veidt V.P. Formation of the Concept of "Thesaurus" in Russian Pedagogical Science. Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University. 2015. Iss. 5. P. 149 – 155.
3. Dridze T.M. Text Activity in the Structure of Social Communication. Moscow: Nauka, 1984. 270 p.
4. Esin S.N. Writer's Thesaurus. Thesaurus Analysis of World Culture: Collection of Scientific Works. Issue 25. Moscow: Publishing House of Moscow Humanitarian University. State University, 2013. P. 47 – 48.
5. Zherebilo T.V. Dictionary of linguistic terms. Nazran: ООО "Pilgrim", 2010. 486 p.
6. Zalevskaya A.A. Word in human lexicon: psycholinguistic study. Voronezh: Publishing house of Voronezh state university, 1990. 208 p.
7. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. Moscow: LKI Publishing house, 2010. 264 p.
8. Lukov V.A., Lukov V.A. Thesauri: Subjective organization of humanitarian knowledge. Moscow: Publishing house of the National Institute of Business, 2008. 784 p.
9. Lukov V.A., Lukov V.A. Thesauri II: Thesaurus approach to understanding man and his world. Moscow: Publishing house of the National Institute of Business, 2013. 640 p.
10. Mukhin M.Yu. Universal ideographic dictionary-thesaurus of Russian vocabulary: data organization and formation of a vocabulary. Scientific dialogue. 2022. Vol. 11. No. 10. P. 88 – 103.
11. Mukhin M.Yu. Development of lexicographic data of the Ural semantic school in the process of formation of a universal dictionary-thesaurus. Linguistic semantics in the spatial dimension: Dictionary. Discourse. Corpus. Yekaterinburg, Moscow, 2024. P. 80 – 91.
12. Nikitina A.A. Theoretical Foundations of Formation of Physical Education Thesaurus in Students: Dissertation for the Degree of Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.01. Kaliningrad, 2006. 411 p.
13. Ozerova E.G. Russian Lyric Prose Text: Discursive-Cognitive Aspect: Monograph. Belgorod: National Research University "BelSU", 2012. 276 p.
14. Osokina S.A. Individual Thesaurus as a Knowledge System: Relationship between the Concepts of "Individual Thesaurus" and "Linguistic Personality". Knowledge. Understanding. Skill. 2011. No. 4. P. 178 – 183.
15. Osokina S.A. Foundations of the Linguistic Theory of the Thesaurus: Dis. ... Doc. Philological Sciences: 10.02.19. Barnaul, 2015. 451 p.
16. Sapogova E.E. The structure of the personal thesaurus: an existential-psychological approach. Siberian Psychological Journal. 2019. No. 73. P. 40 – 59.
17. Sedykh A.P., Kugan E.I. Some elements of Marcel Proust's individual thesaurus. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2011. No. 3 (10). P. 145 – 147.
18. Khaleeva I.I. Fundamentals of the theory of teaching understanding of foreign language speech. Moscow, 1989. 238 p.
19. Yushkevich Yu.V. Model of scientific and methodological support for teachers of an educational institution: development of a personal thesaurus of students. Man and education. 2017. No. 2 (51). P. 155 – 159.

Информация об авторах

Скандакова Е.С., старший преподаватель, кафедра русского языка и деловых коммуникаций, Белгородский университет кооперации, экономики и права, eukaziutina@yandex.ru